

ХОСЕ КАРЛОС СОМОЗА

ДАМА
НОМЕР

≈ 13 ≈

Я твердо верю, что возможность создать новый текст —
это единственная настоящая магия, которой мы все еще обладаем:
можно строить миры и населять их, вершить судьбы, изменять жизнь.

Хосе Карлос Сомоза

Annotation

Слова, слова, слова... Невесомые обозначения предметов, чувств, явлений; слова обыденные, бедные, возвышенные, лукавые, сплетающиеся в строки и строфы, оценивающие и соблазняющие... Они обладают невероятной силой воздействия и могут оказаться опасными, даже убийственными.

Замечательный испанский писатель Хосе Карлос Сомоза, лауреат множества литературных премий, в увлекательном романе, мрачном и вдохновенном одновременно, предлагает погрузиться в стихию поэзии, которой управляют владычицы слов и снов – загадочные дамы. Роли двенадцати из них определены, но существует и таинственная тринадцатая...

Может быть, именно она виновна во множестве странных и страшных явлений, свидетелями и невольными участниками которых становятся преподаватель литературы Саломон Рульфо и Ракель, девушка по вызову?

Впервые на русском языке!

- [Хосе Карлос Сомоза](#)
 - [1](#)
 - [I. Сон](#)
 - [II. Дом](#)
 - [III. Вход](#)
 - [IV. Дамы](#)
 - [V. Фигурка](#)
 - [VI. Ракель](#)
 - [VII. Раушен](#)
 - [VIII. Свидание](#)
 - [IX. Усадьба](#)
 - [X. Допрос](#)
 - [XI. Мальчик](#)
 - [XII. Пробуждение](#)
 - [XIII. Дама номер 13](#)
 - [XIV. Окончательное отторжение](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)

- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)

- [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
 - [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)
-

Хосе Карлос Сомоза

Дама номер 13

*Посвящается Хосе Марии Монтесино и Кончите
Хименес.*

И конечно же, Асааре

*О вы, разумные, взгляните сами,
И всякий наставленья да поймет,
Сокрытое под странными стихами!*

Данте. Ад. Песнь IX^{[\[1\]](#)}

José Carlos Somoza
LA DAMA NÚMERO TRECE
Copyright © José Carlos Somoza, 2003
All rights reserved

Перевод с испанского Елены Горбовой
Оформление обложки Вадима Пожидаева
Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Е. Горбова, перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017 Издательство ИНОСТРАНКА®

I. Сон

Тень скользила между деревьев. В густых кустах и ночной тьме тень казалась бестелесной, но это был молодой человек – волосы длинные, одет просто. Выйдя из зарослей, он остановился. Постояв немного, как будто хотел убедиться в том, что путь свободен, он двинулся через сад по направлению к дому. Дом был большой, фасад его украшала белая колоннада в греческом стиле. Человек поднялся по ступеням на галерею, с невозмутимым спокойствием проник в дом, прошел, не включая света, по коридору первого этажа и остановился перед закрытой дверью первой спальни. Здесь он вынул из кармана один из тех предметов, что были у него с собой. Дверь бесшумно отворилась. Кровать, что-то на ней, в ворохе простыней, звук дыхания. Он вошел, подобный туману, проник легче, чем наплывающий кошмар, приблизился к постели и разглядел руку, щеку, закрытые глаза спящей девушки. Тихонько сместил ее руку и за миг до ее пробуждения приподнял ее изящный подбородок, открыв обнаженную шею, россыпь родинок, пульсирующую под кожей жизнь; коснулся острием предмета в руке некой точки на шее и надавил легким и точным движением. След, похожий на рассыпанные красные лепестки, потянулся за ним до второй спальни, где спала другая женщина. Когда он вышел оттуда, руки его стали совсем мокрыми, но он их не вытер. Пошел обратно по коридору, разыскивая лестницу на второй этаж.

Он знал, что наверху – его главная жертва.

Лестница привела его в другой коридор – довольно короткий, с ковром на полу и бюстами классиков по сторонам. Тень идущего человека поочередно наползала на бюсты Гомера, Вергилия, Данте, Петрарки, Шекспира – безмолвных и недвижных в мертвом камне, ничего не выражающих, как отрубленные головы. Он дошел до конца коридора, потом пересек холл, освещенный волшебным зеленым светом, который выпускал водруженный на деревянную подставку аквариум. Вещь заметная, но он не остановился. Распахнул двойные двери рядом с аквариумом, и свет фонарика высветил люстру под потолком, два кресла и кровать под балдахином. На постели – нечеткие контуры тела. От резкого движения, сорвавшего простыни, человек проснулся.

Это молодая девушка с коротко стриженными волосами и тонкой, даже хрупкой, фигурой. Она спала обнаженной и когда поднялась, соски на ее маленьких грудях устремились прямо к лучу фонаря. Свет слепил ее

голубые глаза.

Не было никакого обмена репликами, ни одного звука.

Просто он

нет!

навис над ней.

не хочу

Ночь снаружи шла своим путем: глазела на мир золотыми очами-монетами совы, на ветви ложились кошачьи тени. Звезды выстраивались в загадочный узор. Тишина несла в себе чье-то жуткое присутствие, будто самого бога возмездия.

В спальне все уже было кончено. Стены и постель окрасились алым, части тела девушки были разложены на постели. Голова щекой вниз – отдельно от тела. Из шеи торчало что-то, напоминавшее увядшие стебли растений над узким горлышком вазы.

Тишина. Поступь времени.

Потом что-то происходит.

Медленно, но ощутимо голова начинает двигаться,

я не хочу видеть этот сон

поворачивается лицом вверх, неловкими рывками поднимается и соединяется с перерезанной шеей. Глаза широко раскрываются,

я не хочу дальше смотреть этот сон

и она начинает говорить.

– Я больше не хочу видеть сны.

Доктор, крупный мужчина с густой шевелюрой и бородкой – то и другое белого цвета, – хмурится.

– Снотворное не избавит вас от снов, – сообщает он.

Авторучка висит над рецептурным бланком, не решаясь приземлиться. Глаза врача внимательно вглядываются в Рульфо.

– Так вы говорите, что это один и тот же кошмарный сон?.. Можете его рассказать?

– Когда рассказываешь, все теряется.

– А вы все же попробуйте.

Рульфо отвел взгляд и заерзал на стуле:

– Это очень сложный сон. У меня не получится.

В кабинете не слышалось ни малейшего звука. Медсестра подняла на доктора беспокойно мигающие черные глаза, но тот не отрывал взгляда от Рульфо.

– С каких пор вы видите этот повторяющийся сон?

– Примерно две недели – не каждую ночь, но очень часто, почти каждую.

– Причина этого вам известна?

– Нет.

– И никогда раньше подобные сны вам не снились?

– Никогда.

Легкий шелест бумаги.

– «Саломон Рульфо» – странное у вас имя...

– Родители постарались, – без улыбки ответил Рульфо.

– Да уж, могу себе представить... – улыбнулся доктор. Улыбка его оказалась открытой и доброй, как и его лицо. – «Тридцать пять лет». Вы еще очень молоды... «Холост...» Какую жизнь вы ведете, сеньор Рульфо? Я хотел сказать, кем вы работаете?

– С конца лета я безработный. А вообще, я преподаватель, литературу преподаю.

– Как вы полагаете, то, что вы без работы, на вас сказывается?

– Нет.

– А друзья у вас есть?

– Есть немного.

– А подруги? Девушка?

– Нет.

– Вы счастливы?

– Да.

Опять пауза. Доктор отложил авторучку в сторону и провел по лицу руками – большими и тяжелыми. После этого вернулся к бумагам и задумался. Человек этот отвечает как автомат, как будто ничто его не интересует. Возможно, что-то скрывает, возможно, сны его связаны с неким событием, о котором он не желает вспоминать, но верно и то, что речь идет всего лишь о кошмарах. Сам же доктор каждый день принимает людей с проблемами куда более серьезными, чем несколько не очень приятных сновидений. Он решает дать пациенту несколько советов и отпустить его –

и чем раньше, тем лучше.

– Видите ли, кошмарные сновидения не имеют серьезных клинических последствий, но в то же время они – признак некоего неблагополучия в нашем организме... или в нашей жизни. Снотворное в таких случаях – как мертвому припарки, уверяю вас, оно не поможет. Постарайтесь пореже прибегать к алкоголю, не ложитесь спать сразу после ужина, на полный желудок, и....

– Вы мне выпишете лекарство? – Рульфо остановил его мягко, однако его тон выдавал нетерпение.

– А вы не слишком-то разговорчивы, – произнес врач после небольшой паузы.

Рульфо выдержал его взгляд. Какое-то мгновение казалось, что один из них хочет что-то добавить, поделиться чем-то с собеседником. Но секунду спустя оба отвели глаза: один уставился в пол, другой перевел взгляд на лежавшие на столе бумаги. Ручка опустилась и забегала по рецептурному бланку.

Инструкция по применению рекомендовала прием одной таблетки перед сном. Рульфо проглотил две, запив их стаканом воды, налитой из-под крана в ванной. Из зеркала на него смотрел не очень высокий, но крепко сбитый парень с вьющимися черными волосами и бородкой, с приятными карими глазами. Саломон Рульфо нравился женщинам. Его привлекательности не портила даже некоторая неухоженность. По этой причине воображение пары-другой одиноких старух из обшарпанного дома, в котором жил Рульфо, огнем пылало, силясь воссоздать его темное прошлое. Откуда взялся этот молодой человек, который ни с кем не разговаривает и от которого постоянно разит алкоголем? Им было известно его имя («Саломон, Матерь Божия, вот бедняга!»), а еще то, что он устраивал вызывающие серьезное беспокойство попойки, что время от времени приводил проституток, что за свою маленькую квартиру на четвертом этаже, левая дверь, он расплатился наличными почти два года назад и что живет он один. Несмотря на все это, они предпочитали иметь в качестве соседа его, а не иммигрантов, заполонивших остальные квартиры в их многоэтажном доме на улице Ломонтано – узкой несуразной улочке вблизи Святой Марии Скорбящей, в самом центре Мадрида. Наиболее мрачно настроенные из них предсказывали тем не менее, что «бородач» рано или поздно нагонит на них страху. И добавляли, склоняясь к уху товарки: «Он похож на преступника». – «А вот я уверена, что он хороший человек», – выступала в защиту парня консьержка, ни в коей мере не

оспаривая общей оценки его внешнего вида.

Рульфо вышел из ванной и остановился в столовой, решив прикончить остатки браги, доисторического подарка на день рождения от сестры Луизы. И напомнил сам себе, что нужно не забыть купить завтра виски. Собственно, позволить себе такую покупку он не мог, но после стихов и сигарет виски входило в перечень вещей, в которых он более всего нуждался. Потом он отправился в спальню, разделся и улегся в кровать.

И этой ночью он тоже был один. Нельзя сказать, что одиночество его никогда не тяготило, но теперь, ко всему прочему, ему угрожали кошмары. Он понятия не имел, что они могли означать, к тому же механическое повторение сна вконец его доконало. Он был уверен, что это не более чем некая химера, фантазия, вынырнувшая из трясины его подсознания, но сон возвращался неотвратно, ночь за ночью, вот уже две недели подряд. Связан ли он с чем-нибудь? «Он ни с чем не связан, доктор. Или со всем сразу. Зависит от того, как на это посмотреть».

Жизнь, которую он вел, сама по себе предполагала дурные сны, но самое серьезное, решающее произошло около двух лет назад. Абсурдным было бы считать, что именно сейчас он начинает платить по счетам той далекой трагедии. Сегодня в клинике он вдруг почувствовал искушение (неизвестно отчего) в первый раз в жизни довериться кому-нибудь и излить душу этому доктору. Но конечно же, он этого не сделал. Даже не решился рассказать ему сон. Подумал, что таким образом избежит не только ненужных вопросов, но и, кто знает, очень может быть, что и бесплатного направления в дурдом. Он знал, что не сошел с ума. Единственное, что ему было нужно, так это перестать видеть сны. Он предпочитал верить в таблетки.

Рульфо включил ночник на тумбочке, встал и решил почитать что-нибудь возвышенное, пока дремота не накроет его, подобно ласковой теплой волне. Принялся изучать книжные полки в спальне. Полки были забиты и в столовой, и в спальне. Стопки книг громоздились и возле ноутбука, и даже в кухне. Читал он везде и всегда, но только поэзию. Старушки с улицы Ломонтано никогда и не заподозрили бы, что в этом человеке живет такая страсть, но, что верно, то верно, страсть эта была родом из самой ранней юности Рульфо, а с годами только усилилась. Он изучал филологию и в свои хорошие времена (и когда они только были?) читал в университете курс по истории поэзии. Теперь же, погружившись в одиночество, когда отец его умер, мать была обречена на вечное прозябание в доме престарелых, а три сестры оказались рассеяны по миру, поэзия продолжала служить единственным спасательным кругом. Он слепо

цеплялся за нее, не обращая внимания ни на имя автора, ни даже на язык. Ему не требовалось понимать ее: он всего лишь наслаждался ритмом стихов и звучанием слов, даже если они были чужими.

«Георгики». Вергилий. Двухязычное издание. Да, книга была здесь. Он извлек ее из стопки, громоздившейся возле ноутбука, вернулся в постель, наудачу открыл томик латинских слов. Сонливости он все еще не ощущал и подозревал, что нервозность не позволит ему с легкостью соскользнуть в сон, несмотря на помощь фармации. Но он очень хотел, чтобы врач ошибся, чтобы пилюли не дали повториться абсурдному кошмару.

И продолжал читать. Шум машин за окнами стих.

Глаза его уже закрывались, когда послышался звук.

Что-то негромкое. Звук доносился из ванной. В общем, ничего странного: в этой жалкой квартирке паузы между мелкими происшествиями, когда что-нибудь – например, консоль или полка – отрывается и падает, не затягивались надолго. Он вздохнул, оставил книгу на кровати, поднялся и отправился в ванную. Дверь была открыта, внутри темнота. Он зашел и включил свет. И не обнаружил ничего, что оказалось бы не на месте. Раковина, зеркало, мыльница с куском мыла, унитаз, картинка с танцующими под звон бубенцов арлекинами, металлическая полка – все было как всегда.

Кроме шторки на ванне.

Она была невзрачной, из самых дешевых, но яркой – с броским узором из красных цветов. Шторка все та же. Однако ему помнилось, что, когда он видел ее в последний раз, она была отодвинута. А теперь – задернута.

Это его встревожило. Он подумал, что, быть может, его подводит память. Ведь вполне возможно, что, выходя из ванной, он задернул ее, хотя и не представлял, зачем это ему могло бы понадобиться. В любом случае оставалась надежда, что шум был вызван чем-то, что упало в ванну уже после того, как он тронул шторку, например гель для душа. Он уже протянул руку, чтобы отодвинуть шторку и проверить свою версию. Но вдруг остановился.

Какой-то необъяснимый, почти несуществующий, почти виртуальный страх сковал его внутренности и низеньким частоколом поднял волоски на его коже. Он понял, что занервничал, причем безо всякого реального повода.

«Абсурд какой-то! Ведь сейчас я не во сне, я не сплю, это мой дом, и за этой шторкой нет абсолютно ничего, кроме ванны».

Он снова поднял руку, зная, что все будет как всегда, что он, может стать, и найдет там некий упавший предмет вроде геля для душа, а

потом, убедившись, что все в порядке, вернется в спальню. Тут уже начнет действовать снотворное, он проспит спокойно всю ночь до рассвета и отдохнет. И Рульфо хладнокровно отодвинул шторку.

Там ничего не было.

Флакон с гелем для душа спокойно стоял на своем месте на полочке рядом с шампунем. Обе бутылки находились там вот уже несколько месяцев: Рульфо, правду сказать, не злоупотреблял тем, что имело отношение к личной гигиене. Но ничего здесь не падало – это точно.

И он решил, что шум донесся из соседней квартиры. Пожав плечами, он погасил свет в ванной и пошел обратно в спальню. На его постели лежало расчлененное женское тело: отрезанная голова расположилась между грудей, глядя на него мутными глазами, волосы, жесткие и влажные, будто перья морской чайки, извилистая, как червяк, струйка крови сбегает из уголка неподвижного рта.

– Помоги мне. Аквариум... Аквариум...

Рульфо делает шаг назад, помертвев от ужаса, и ударяется локтем о стену.

крик

Он не спал – нельзя было бодрствовать в большей степени: комната – его собственная спальня, ушибленный локоть болит. Он попробовал закрыть глаза

крик. темнота

и снова открыл их, но труп женщины остался там же («Помоги мне»), взывая к нему своим расчлененным на куски, будто в мясной лавке, телом («Аквариум»), разложенным на простынях.

Крик. Темнота.

Рульфо проснулся весь в поту. Он лежал на полу, как и бо`льшая часть постельного белья. Упав с кровати, он ушиб локоть. Руки судорожно сжимали помятый томик Вергилия.

– Мне стало хуже.

– Что ж, на этот раз снотворного не будет, так что, если вы пожелаете уйти, задерживать не стану, – торжественно объявил доктор Эухенио Бальестерос. Но лицо его не выражало ни тени недовольства, скорее, нечто

благостное. – Однако же, если вы все-таки решитесь рассказать мне обо всем, быть может...

Бальестерос был высоким широкоплечим мужчиной с большой головой, увенчанной шапкой белоснежных волос, и с чуть более темной бородкой. Он не рассердился на Рульфо, хотя тот вновь появился в его кабинете на следующий же день, причем совершенно неожиданно, без записи и уже после окончания приема. В тот день прием Бальестероса был последним в расписании консультаций, предоставляемых врачами его специальности, и поликлиника закрывалась вскоре после окончания его работы. И он, вообще-то, уже отпустил медсестру. Но сам уходить не спешил. Он испытывал желание побеседовать с заинтриговавшим его персонажем.

Рульфо подробно рассказал свой сон: дом с белой колоннадой, двор, человек, который идет через сад и входит в дом, смерть женщин на первом этаже, возможно прислуги, жестокое убийство девушки наверху вкупе с леденящей кровью финальной сценой с участием говорящей и передвигающейся головы.

– Но вчера ночью она мне приснилась уже в моей квартире – мертвая, прямо у меня в постели. И она опять говорит все о том же – чтобы я ей помог. И все время упоминает аквариум. Я знаю, что она имеет в виду аквариум с зеленой подсветкой, который я видел в холле того дома, тот самый, что стоит на деревянной подставке... – Рульфо отгрыз заусенец на большом пальце. – Это все. Вам же хотелось узнать о моем кошмаре. Вот вы знаете. А теперь помогите мне. Мне нужно лекарство посильнее, чтобы оно усыпило меня на всю ночь.

Бальестерос пристально посмотрел на него:

– Вы когда-нибудь были в этом доме?.. Видели ли когда-нибудь раньше этого человека? Или женщину?

Рульфо отрицательно покачал головой.

– Можете ли вы связать сон с чем-нибудь, что произошло с кем-то из ваших знакомых?

– Нет.

– Саломон, – произнес Бальестерос, помолчав. Рульфо первый раз в жизни назвали по имени, и он в замешательстве уставился на врача. – Буду с вами откровенен. Я – не психиатр и не психолог, а семейный врач. Лично для меня решение вашей проблемы будет делом простым: направление к специалисту, затем всем хорошо известное ожидание первого приема или же еще более сильное снотворное – и я умываю руки. Проблема решена. Ко мне на прием приходит слишком много пациентов, и времени на кошмары

у меня нет. Но вот что я вам скажу: человеческий организм тоже времени не теряет. Каждый симптом чем-то вызван, что-то стало его причиной. Даже кошмары необходимы, для того чтобы машина продолжала работать. – Он улыбнулся и изменил тон. – Знаете, что сказал мне как-то мой коллега? Что кошмары – это кишечные газы мозга. Пердеж мозгов, проще сказать, извините за грубость. Отходы чего-то вроде несварения. Но сами по себе они не важны. Благодаря им мы выводим наружу лишнее, то, что нам не нужно... К примеру, вы говорите, что никогда не видели ни дома с белыми колоннами, ни эту женщину, и я вам верю, но ведь может случиться, что вы ошибаетесь. Возможно, вы их когда-то где-то видели, а ваш мозг теперь их вспоминает. И этот аквариум. У вас когда-нибудь был аквариум?

– Нет, никогда. – Рульфо опустил глаза и на секунду задумался.

Бальестерос воспользовался моментом и взглянул на часы. Ему уже было пора уходить, поликлиника вот-вот закроется. Но он решил немного задержаться. В конце концов, разве дома его кто-то ждет? Кроме того, этот пациент все еще был ему интересен. Тот факт, что он сидит в его кабинете и снизошел до разговора, он, такой всегда закрытый и немногословный, свидетельствует, по мнению доктора, о назревшей необходимости кому-то довериться. И Бальестерос подумал, что единственная помощь, которую он может оказать пациенту, – это дать ему выговориться.

– Вы мне сказали вчера, что живете один и друзей у вас не слишком много... А с девушкой какой-нибудь вы встречаетесь?

– Я, вообще-то, – внезапно произнес Рульфо, – пришел за более сильным снотворным. Не хочу заставлять вас терять время. Хорошего вам вечера.

Да, крепкий орешек, признал Бальестерос. Он смотрел, как Рульфо поднимается со стула, и вдруг ощутил что-то непонятное. Внезапно его охватила уверенность в том, что он не может, не имеет права дать ему уйти, что если этот пациент сейчас уйдет, то они оба – и пациент, и он сам – погибнут. Бальестеросу было пятьдесят четыре, и он уже знал, что бывают в жизни моменты, когда все зависит от одного лишь слова, сказанного вовремя. Он понятия не имел, что за резон скрывается за столь странным свойством этой жизни, потому что то самое спасительное слово вовсе не всегда было самым точным или самым разумным, но это было так. И он решил рискнуть. Рульфо уже протянул руку к книге, которую оставил на столике при входе в кабинет, но доктор опередил его, взяв томик, и заговорил:

– Поэтическая антология, Сernуда...^[2] Черт возьми! Вы любите

поэзию?

– Очень люблю.

– И вы – поэт?

– Писал кое-что, но, вообще-то, я преподаватель, я же вчера сказал.

– Ну если вы писали стихи, то вы тоже поэт, не так ли?

Рульфо ответил уклончивым жестом, и Бальестерос продолжил:

– Уф, а я, должен признаться, просто не способен читать такие вещи.

Правду сказать, встретить кого-то, чьим обычным чтением были бы стихи, – это редкость, вы так не думаете? Скажите честно, ну кто в наше время читает стихи? Впрочем, моей жене – да, нравилось. Не так чтобы совсем захватывало, но больше, чем мне...

Он говорил, листая книгу, словно обращался вовсе не к Рульфо. Но все же краешком глаза видел, что тот не двигается. Доктор не знал, слушает его Рульфо или нет, но это его ничуть не беспокоило: ему удалось приоткрыть потайную дверь, и парень имел теперь возможность заглянуть ему в душу, а уж если он отвергнет эту возможность, то дело его. И он продолжал говорить, будто бы сам с собой:

– Я вдовец. Жену мою звали Хулия Фреснеда. Она погибла четыре года назад, в автокатастрофе. За рулем был я, но не пострадал, зато мне довелось увидеть, как она умирает. Мы прожили вместе почти тридцать лет, были счастливы, трое детей, все уже взрослые, живут отдельно. Наши отношения были не всепоглощающей поэтической, если можно так выразиться, страстью, а тихой и спокойной радостью, вот как оттого, что точно знаешь, что завтра взойдет солнце. С тех пор как она умерла, у меня время от времени бывают кошмары. Но, заметьте, она мне никогда не снится. Иногда это птицы, которым почему-то хочется выклевать мне глаза, иногда – звезды, которые превращаются в глаза монстров... А Хулия – никогда. Она, бедняжка, никогда не внушала мне страх. Но именно ее смерть стала причиной этих кошмаров. Поверьте мне, это «пуканье» нашего разума. Никакой значимости в них нет, – прибавил он, хотя внешне выглядел взволнованным.

Повисло молчание. Рульфо вновь опустился на стул. Бальестерос оторвал глаза от книги и перевел взгляд на него:

– С вами тоже что-то случилось. Я это знаю, по вам видно... Вчера, когда я увидел вас впервые, я осознал, что вы, как и я... В общем, прошу прощения, если я ошибаюсь... Я понял, что на вас тоже давит груз тяжелых воспоминаний... Я вовсе не претендую на то, чтобы вы мне о них рассказывали, я всего лишь хочу сказать, что кошмары могут возникать по этим причинам. И уверяю вас, что вовсе не важно, сколько времени

прошло: трагедии всегда молоды.

Внезапно Рульфо почувствовал, что мир вокруг него куда-то поплыл: фигура Бальестероса, стол, лампа на нем, кушетка, аппарат для измерения давления,

дождь

плакат на стене с изображением тела человека. Все потемнело, контуры размывались. Он почувствовал, что у него горит лицо, а в горле першит. Понять, что с ним происходит, он не мог. И прежде чем смог осознать происходящее, оказалось, что он говорит:

– Ее звали Беатрис Даггер. Даггер, с двумя «г». Мы познакомились четыре года назад.

дождь все идет и идет

Она умерла два года назад...

Дождь не прекращался.

Тем не менее Рульфо удалось увидеть далекий блеск звезд за широким окном спальни, он различал его даже сквозь дождевые капли. Как-то раз Беатрис говорила ему что-то о сочетании дождя и звезд, но что именно – он подзабыл. К счастью это или к несчастью? Но вот что он помнил очень хорошо, так это поцелуй: как она прикоснулась губами к его лбу на прощанье – спокойный, почти материнский поцелуй, ничего общего с его страстью. И ее слова. «Раскисший ты мой», – сказала она – именно этими словами. Ему следовало беречь себя, пока она не вернется, а вернется она очень скоро. Ей только нужно съездить в Париж, полистать там несколько «толстых томов» по теме диссертации, что-то из области эмоциональных реакций на различные стимулы. Ничем не примечательная поездка, не более трех дней. Месяц назад ему уже пришлось съездить с ней в Лёвен, да и во Флоренцию. Они старались не расставаться. Но в тот ноябрьский день Рульфо болел, подхватив жуткую простуду, и Беатрис недовольно нахмурилась, когда он, несмотря на свое состояние, стал настаивать на том, что тоже поедет.

– Об этом не может быть и речи. Ты совсем раскис. И останешься дома. Я скоро вернусь и буду тебя лечить.

С тех пор как они познакомились, та ночь была, насколько он помнил – а ему казалось, что помнил он хорошо, – первой, которую они провели не

вместе. И вдруг, подумав об этом, он сообразил, какое было число, и сразу же пожалел, что не заглянул в календарь раньше: он почти поддался искушению позвонить ей в Париж, хотя было уже довольно поздно и ему совсем не хотелось разбудить ее.

В тот день исполнялось ровно два года с тех пор, как они увидели друг друга в первый раз.

Это произошло на вечеринке, которую он устроил по случаю покупки квартиры в районе Аргуэльес. Пришли почти все его друзья и многочисленные знакомые, а также сестра Эмма. Она, вообще-то, жила с одним молодым художником в Барселоне, но как раз в те дни проездом оказалась в Мадриде. Рульфо был рад всей этой толпе, заполонившей его новую квартиру, хотя отсутствие Сусаны Бласко, его подруги, было заметно и довольно для него болезненно. Однако Сусана жила теперь с Сесаром, и Рульфо уже несколько месяцев с ней не встречался.

Несмотря на это все, он находился в прекрасном расположении духа, готовый воспользоваться любым шансом, любой возможностью. Не имея ни малейшего понятия, о чем могла идти речь. Потом они вместе смеялись (о, этот ее хрустальный смех, который словно выплескивался изо рта), вспоминая, что виновником всего последующего оказался Купидон. В сверкающей новенькой гостинной Рульфо было несколько статуэток, и одна из них, стоявшая на стеллаже, изображала маленького Купидона с туго натянутым луком и стрелой, направленной в никуда, в воздух, – подарок Эммы, страстной почитательницы классического искусства. По непонятной причине Рульфо, до тех пор неизменно выступавший в роли всем довольного хозяина дома, на секунду остановился возле этой статуэтки и невольно проследил взглядом заданное стрелой направление. И обнаружил по тонкой и зыбкой прямой – пустому коридору между гостями, в самом его конце – чью-то спину. Купидон целился точнехонько в нее. Спина в бежевом пиджаке принадлежала высокой девушке с темно-каштановыми волосами, собранными в хвост, и со стаканом в руке. Она с отрешенным видом изучала его коллекцию поэтических сборников.

Первым, что привлекло его внимание, было то, что он не мог припомнить, кто она такая и знакомы ли они вообще. Заинтригованный, он двинулся к ней. И в это же время она обернулась. Они, улыбаясь, посмотрели друг на друга; он представился первым.

– Мы не знакомы, – сказала ему Беатрис тем самым голосом, который он будет слышать потом так часто и который вытеснит молчание вокруг него. – Я только что пришла. Я подруга подруги одного из твоих друзей... Мне рассказали об этой вечеринке, и мне захотелось пойти с ними. Ты не

против?

Против он ничего не имел. Ей было двадцать два года, отец ее был немец, а мать – испанка, других родных у нее не было. В Мадриде она изучала психологию и как раз тогда начинала писать диссертацию. Тут же они выяснили, что у них много общего, в том числе страсть к поэзии. Два месяца спустя Беатрис оставила тесную студенческую квартирку, которую снимала вдвоем с подругой, и переехала к нему. И прочла ему свое письмо, адресованное родителям, жившим тогда в Германии, в котором сообщала им, что встретила «лучшего в мире мужчину». С того самого момента в жизни обоих воцарилось счастье.

Он вспоминал Купидона, когда зазвонил телефон. Вскочил. Температура явно поднялась. Дождь за окном прекратился, и звезды исчезли.

Телефон все звонил.

Каким-то образом он догадался, что этот звонок вот-вот перевернет его жизнь.

Дрожащей рукой он снял трубку.

– Это был сотрудник испанского посольства в Париже. Ее родители дали ему мой номер и попросили меня известить. Он сказал, что все произошло очень быстро. – Подняв глаза, Рульфо взглянул на доктора. – Она поскользнулась в ванне в гостиничном номере, ударилась головой и потеряла сознание... В ванне была вода, и она захлебнулась. Романтичная смерть, не так ли?

– Все смерти вульгарны, – ответил Бальестерос без тени иронии. – Продолжение жизни – вот что романтично. Но вы обратили внимание на детали? Ванна, аквариум...

– Да. Я только что вспомнил, что прошлой ночью мне снилось, будто я слышал какой-то шум в ванной, как раз перед тем, как передо мной появилась мертвая женщина.

– Теперь вы понимаете, что я хотел сказать, говоря об «отходах» мышления? И ванна, и аквариум – это одно и то же: нечто, наполненное водой. Сейчас середина октября, в следующем месяце будет два года со дня ее смерти, и ваш мозг уже начал отмечать эту дату – за ваш счет. Только не позволяйте ему загнать себя в угол. Вы не виновны в том, что случилось, хотя я готов допустить, что вы не поверите мне. Вот это и есть тот первый демон, которого мы должны изгнать. Мы не виноваты. – Он развел в стороны большие руки, охватывая невидимое глазу пространство. – Они уже ушли, Саломон, и это все, что нам известно. Наш долг – сказать им

«прощай» и пойти дальше.

Через какое-то мгновение, наполненное тишиной, Рульфо в первый раз почувствовал на щеках скользившие капли. Он вытер слезы рукавом и поднялся:

– Хорошо. Больше я вас не побеспокою.

– Не забудьте свою книгу, – напомнил Бальестерос. – И приходите, когда возникнет желание. Никакого беспокойства.

Они пожали друг другу руки, и Рульфо вышел из кабинета, не сказав больше ни слова.

Не успев добраться до своей квартиры на улице Ломонтано, Рульфо обнаружил, что голова его яснее, чем когда бы то ни было. Быть может, все, что ему требовалось, – это поговорить по душам, как это вышло с Бальестеросом. Со времени смерти Беатрис его одиночество нарастало крещендо: он оставил преподавательскую работу, продал квартиру в Аргуэльесе и разорвал контакты с самыми старыми и верными друзьями. Только Сесар и Сусана звонили ему время от времени, но после всего, что между ними произошло, реанимировать эту дружбу казалось невыносимым.

«Они ушли. Наш долг – сказать им „прощай“ и пойти дальше».

Склонность к импульсивным решениям была частью его натуры. В ту минуту он пообещал себе найти постоянную работу. До тех пор некая непреодолимая апатия мешала ему взяться за решение проблемы трудоустройства с необходимой энергией. Однако он был уверен, что если возьмется за дело, то сможет найти достойное его способностей место. Полученная по наследству после смерти отца небольшая сумма стремительно таяла, да и от денег, вырученных за проданную квартиру, уже ничего не оставалось. С другой стороны, сама мысль о том, чтобы одолжить денег у сестер, казалась отвратительной. Пора было шевелиться, но до этого самого дня он не находил в себе сил. А теперь почувствовал внутри импульс к обновлению.

«Они ушли, и это все, что нам известно».

Остаток дня Рульфо провел за компьютером, обновляя свое резюме, потом распечатал несколько экземпляров. Хотел сделать еще пару телефонных звонков, но взглянул на часы и решил отложить до завтра. Он принял душ, разогрел оставшуюся с завтрака тортилью^[3], к которой едва притронулся утром, и с аппетитом поел. Потом улегся в постель и включил телевизор. На этот раз решил не принимать снотворное: уснет под телевизор, а если кошмар вернется, что ж, он выдержит.

Поскольку он уже хорошо понимал причины своего состояния, сны его

не слишком беспокоили.

Поиграл с пультом, пока не наткнулся на фильм. Вначале картина его заинтересовала, но потом он заскучал и выключил звук. Заснул как раз в то время, когда герой фильма пробирался сквозь заросли можжевельника, пронизываемые лунным светом. Сколько было на часах, когда Рульфо проснулся, он не знал, но еще не рассвело. Фильм давно кончился, однако телевизор продолжал показывать беззвучные картинки – что-то похожее на ток-шоу: собеседники сидели за круглым столом. Он сообразил, что сон не повторился, и счел это явным признаком возвращения к нормальной жизни. Стал поворачиваться, чтобы посмотреть на часы, и в это мгновение взгляд его остановился на экране телевизора.

Картинка поменялась. На экране были уже не сидящие за круглым столом собеседники, а ночной пейзаж с несколькими фигурами в полицейской форме, сновавшими туда-сюда, и женщиной-репортером, что-то говорившей в микрофон.

А на заднем плане – дом с белой прямоугольной колоннадой.

II. Дом

В поликлинике тем вечером было полно народу. Бальестерос не принял еще и половины записанных на прием пациентов. Он прощался с одним из них и готовился пригласить следующего, когда послышался многоголосый протестный гвалт, дверь открылась и в кабинет вошел «человек с кошмарами», как назвала его медсестра Ана, одетый с обычной для него небрежностью. Под его глазами залегли темные круги. Он остановился прямо перед Бальестеросом и с полным хладнокровием выдал следующую сентенцию:

– Ветры разума порой производят чистейшее дерьмо. Прошу прощения за эту метафору, но вы употребили ее первым.

Врач оглядел посетителя с головы до ног:

– Что вы хотите сказать?

– Дом, который я видел в своих кошмарах, существует. Как и преступление.

Из-за неплотно прикрытой двери доносились голоса пациентов, на повышенных тонах грозившие жалобами и заявлениями в адрес администрации поликлиники. Ана не отрывала глаз от доктора, но он, казалось, пребывал в каком-то ином, внутреннем мире, доступ в который был открыт только молодому бородачу и ему.

– И откуда это вам известно?

– Я видел. И могу показать вам.

Бальестерос опустился на стул и глубоко вздохнул:

– Послушайте, у меня еще целый час приема. Могли бы вы вернуться через, скажем, час и десять минут и мы бы тогда спокойно поговорили?

Молодой человек секунду смотрел на него, не двигаясь. Затем, не говоря ни слова, повернулся и вышел. Спустя час и десять минут раздался стук в дверь. Бальестерос, только что отпустивший медсестру, произнес:

– Входите.

– Простите, что я прервал сегодня ваш прием, – слегка смущенно пробормотал, входя в кабинет, давешний посетитель.

– Ничего. Вид у вас нездоровый. Опять снились кошмары?

– Нет, но я почти не спал. Провел ночь перед компьютером.

– Садитесь и рассказывайте.

Рульфо положил на стол небольшую папку. Бальестерос на одно мгновение – всего на одно – задался вопросом: не могут ли дела обстоять

так, что у этого типа, которому он все еще доверяет, не все дома? На своем веку практикующего врача он повидал несколько замечательных случаев такого рода.

- Дом здесь, в Мадриде, в одном из кондоминиумов на окраинах.
- Откуда вы знаете, что это тот самый дом?
- Это он.

факты

- Вы там уже побывали?
- Еще нет.
- Тогда где же вы его увидели?

таковы факты

Рульфо открыл папку и вынул несколько распечаток. И разложил их на столе перед Бальестеросом:

- Я собрал заметки. Предупреждаю вас, подробности неприятны.
- Да я привычен к неприятным подробностям. – Бальестерос надел очки для чтения.

Факты представляли собой следующее.

В ночь на двадцать девятое апреля, М. Р. Р., двадцати двух лет,

Фотографии.

проникнув в дом номер три по Каштановой аллее, принадлежавший

Фото жертвы.

Улыбка.

Дом с белыми колоннами.

Почти все репортажи были извлечены из Интернета, а качество печати было не на высоте. Но текст с лихвой возмещал то, чего не могли показать фотографии. Испытывая некоторую неловкость, Бальестерос взглянул на Рульфо поверх очков:

- Кажется, припоминаю. Ужасное преступление, но не единственное в моем роде. И при чем здесь оно?
- Именно это преступление снится мне вот уже две недели подряд.

– Вы могли узнать о нем из новостей. Здесь говорится, что оно случилось в ночь на двадцать девятое апреля этого года. Полугода не прошло. И о нем сообщали по телевизору.

– Но я не смотрю новости по телевизору. Клянусь вам, я ничего не знал об этом до тех пор, пока не начались мои кошмары.

Бальестерос в задумчивости принялся теревить бороду. Потом указал на один из снимков:

– Это она?

– Да. Это и есть та женщина, которая мне снится. Та, что просит у меня помощи. Ее зовут Лидия Гаретти. Она итальянка, ей было тридцать два, богатая, не замужем, с некоторых пор жила в Мадриде. Я не был с ней знаком. Никогда раньше ее не видел и никогда о ней не слышал.

Рульфо пристально смотрел на Бальестероса, словно подстрекая высказать сомнение. Первые признаки озноба, легкое дуновение ужаса побежало мурашками по спине и затылку доктора. Он снова задавался вопросами: в своем ли уме этот тип? не розыгрыш ли все это? или же, чем черт не шутит, не болезненная ли мания психически неуравновешенного человека? Но что-то побуждало доктора верить этому человеку – быть может, взгляд карих глаз, в котором читался куда более сильный страх, чем тот, что мог ощутить он сам.

– А парень, который ее убил? – Бальестерос показал на другой снимок.

– Его я тоже никогда не видел. Это молодой наркоман, зовут его Мигель Робледо Руис, он уже попадал в полицию – мелкие кражи.

– Интересно, с чего это ему вдруг пришло в голову устроить такую резню? – пробормотал Бальестерос. – С ума он сошел, что ли... Да, а что там с этим вашим аквариумом с зеленой подсветкой?

Рульфо отрицательно покачал головой:

– О нем не упоминается.

– Как же вам удалось раздобыть столько информации?

– Я случайно увидел на экране телика этот дом. Это было ночью, по чистой случайности. Шло какое-то ток-шоу, говорили о зле и, чтобы не быть голословными, показывали сюжеты из новостей о недавних преступлениях. Я позвонил в редакцию канала, который делал передачу, и мне назвали кое-какие имена. Потом я стал искать в Сети. Это убийство произвело впечатление, наделало довольно много шума, да и случилось не так уж давно, так что доступной информации оказалось много.

– В любом случае преступление было раскрыто, и виновный в данный момент так же мертв, как и его жертвы. Вот здесь пишут об этом. – И Бальестерос ткнул толстым указательным пальцем в бумаги. – Робледо

вскрыл себе вены, после того как сжег расчлененное тело этой бедной итальянки в саду... Полиция нашла его труп в доме, рядом с телами служанок и обугленными останками их хозяйки... Сообщников у него не было. Тут уж ничего не поделаешь, дело закрыто... Но за что, почему? – Он вдруг замолчал, осознав, что чуть было не сел в лужу, чуть не задал какой-нибудь странный вопрос вроде: «И почему эта женщина просит *помощи* именно у вас?» – Нет-нет, я уверен, что все это имеет свое объяснение, и очень простое... – Он снял очки и потер глаза.

Через окно напоздали сумерки. В следующий миг дверь кабинета распахнулась и охранник объявил, что поликлиника закрывается. Доктор кивнул. А когда они вновь остались вдвоем, спросил:

– Почему вы пришли с этим рассказом ко мне?

Рульфо пожал плечами:

– Не знаю. Возможно, по принципу *do ut des*^[4]: ты сделал то, я делаю это... Можно назвать это взаимностью. Вы помогли мне вчера – сказали, что причина моих кошмаров – тяжелые воспоминания. А я захотел помочь вам сегодня, показав, что тяжелые воспоминания объясняют далеко не всё. И точка. Я знаю, что вы мне не верите, но мне это до лампочки.

Бальестерос взглянул на него. А потом стукнул по столу колпачком авторучки, словно в знак того, что принял решение.

– Отсюда я должен уходить. Но этот вечер у меня свободен. Как вы думаете, не стоит ли нам взглянуть на этот дом вблизи? Здесь есть адрес...

Доктор почти развеселился, заметив, что удивленным из них двоих впервые оказался не он.

– Я и сам думал поехать, но...

– Ну так поедem вместе, на моей машине. – Выражение лица Рульфо заставило его улыбнуться. И он добавил: – Можете считать это взаимностью.

Всю дорогу они молчали. Рульфо раскрывал рот только затем, чтобы спросить разрешения закурить и время от времени, взглянув на план города, подсказать сидящему за рулем доктору, куда сворачивать в этом лабиринте безлюдных аллей. Бальестерос сделал вывод, что им не о чем говорить, кроме как на ту странную тему, что свела их вместе. С другой стороны, отсутствие диалога дало возможность предаться размышлениям. В отличие от Рульфо, себя он считал человеком осторожным. Его удивляли как стремительность, с которой он поверил этому незнакомцу, так и несвойственное ему, но им самим принятое внезапное решение посетить дом. По первому пункту он тем не менее мог положиться на свой

профессиональный опыт, который говорил за то, что Рульфо не сумасшедший и что он не лжет. Он сам мог быть обманут, но никого обманывать не пытался. Немногословность Рульфо была вполне понятной: этот человек выглядел таким же сбитым с толку, таким же с головой погруженным в необъяснимое, как и он сам. А что касается его собственной идеи поехать взглянуть на дом... Что ж, кажется, и в свои годы он еще может удивлять себя.

Это был один из загородных кондоминиумов. Названия его улиц вызывали в памяти волшебные сказки: аллея Араукарий, улица Вязов... Но окружающее, несмотря на зелень и тишину, тотчас же развеивало наваждение: высоченные стены, решетки, охранники, охранные системы и камеры наружного наблюдения окружали весь квартал, защищая от глаз любопытных жилые дома. Но скрыты они были не одинаково: относительно небольшие дома лишь слегка прикрыты, а самые солидные загорожены до состояния полной неразличимости, как будто степень приватности была значительно большей роскошью, чем система «умный дом» в максимальной комплектации.

Каштановая аллея оказалась узкой улочкой, и вправду обсаженной каштанами и устланной опавшими листьями. Сумеречный вечерний свет уже угасал, когда Бальестерос припарковал свой «вольво» напротив дома номер три. Участок был последним на улице и сам собой образовывал что-то вроде небольшой площади. Немалой высоты ограда и массивная железная дверь призваны были лишить зевак надежды удовлетворить свое любопытство. Порывы ветра осторожно шевелили палую листву, словно перебирали гитарные струны. Где-то залаяла большая собака, может быть дог.

– Приехали, – произнес Бальестерос, выражая очевидное. Он вышел из машины и вместе с Рульфо подошел к железной двери ограды. – И как туда смог пробраться этот Робледо?

– Все версии событий здесь совпадают: он перелез через эту дверь, проник на территорию, а потом разбил окно. В доме Лидии Гаретти не было охранной системы.

– Женщина со средствами, но не слишком осмотрительная.

Бальестерос удостоверился в том, что дверь крепко заперта, и огляделся: никого не было видно. Он нажал на кнопку домофона, и они принялись ждать ответа, которого не последовало. «Это и к лучшему», – подумал он, поскольку понятия не имел, что мог бы сказать, если бы им кто-то ответил. Посреди каменной таблички, расположенной рядом с дверью и затейливо украшенной синей мозаикой, фигурировала цифра три,

а чуть ниже расположилось несколько слов, выведенных черным по белому. Рульфо указал на них:

– LASCiate OGNE SPERANZA. Это значит: «Оставь надежду...» Один из стихов, помещенных Данте над входом в Ад. Полностью этот фрагмент звучит так: «Lasciate ogne speranza voi ch'intrate» – «Оставь надежду всяк сюда входящий».

– Да, не скажешь, что это самая подходящая фраза для входа в такой красивый дом.

– Для Лидии Гаретти она оказалась пророческой.

– Точно. – Бальестерос потер руки. – В общем, больше здесь никто не живет, я в этом уверен. У этой женщины не было семьи. По-видимому, когда прояснится ситуация с наследством, эта собственность перейдет в другие руки и трагедия в конце концов забудется... Вы куда?

– Подождите секундочку.

Удостоверившись в том, что улица по-прежнему безлюдна, Рульфо ловко забрался на один из металлических контейнеров, стоявших на тротуаре. Стоя на его крышке, он смог заглянуть за стену. Кое-что скрывали деревья, но сквозь их почти оголенные ветви ему удалось разглядеть сад, сероватое пятно чаши фонтана и в глубине – яркую белизну колоннады. В его снах все было бóльших размеров, но это оказалось единственным различием. Сомнений не было: это тот самый дом. Теперь он это знал (сначала по фото), но когда увидел своими глазами и в реальности – по коже побежали мурашки.

Доктор наблюдал за ним с нескрываемой тревогой. Широкое лицо его покраснело.

– Слушайте, слезайте оттуда!.. Если нас кто-нибудь увидит, он может... Слезайте, черт подери!

– Это он, дом из моего сна, – сказал Рульфо, спрыгивая на тротуар.

– Прекрасно. Вы в этом убедились. И что теперь?

– Теперь?

– Ну да, что вы думаете делать теперь?

Бальестерос нервничал, но не знал почему. Больше всего его смущал тот факт, что он сам принял решение приехать сюда с Рульфо. «Должно быть, я схожу с ума», – подумал он.

– Поведайте мне, – настаивал он, – что вы намерены теперь делать? Перелезете через эту стену и нарушите границы частной собственности?.. С вашей-то импульсивностью – а на мой взгляд, вы импульсивны – меня это несколько не удивит... Неужели вы вознамерились отыскать аквариум с зеленой подсветкой? Послушайте, я взял на себя труд привезти вас сюда,

потому что полагал, что, если нам удастся побеседовать с кем-нибудь из обитателей дома, это сможет выветрить из вашей головы эти фантазии... К тому же я вовсе не хочу сказать, что вы меня водили за нос, поймите. Я уверен, вы вели честную игру. У меня нет проблем с тем, чтобы признать, что вам все это сначала приснилось, а позже вы увидели сообщение о преступлении и теперь так же ошарашены, как мог бы быть на вашем месте я. Согласен, ваш случай – находка для эзотерических журналов. Ну и что? Это ничего не доказывает. Подсознание – это океан. Вы могли когда-то увидеть сообщение об этом преступлении, хотя и не помните этого. Потом вы связали его со своей личной трагедией. И нет никаких чудес. Это все! – Вдруг он схватил Рульфо за руку. – Пошли отсюда, поехали обратно. Мы знаем теперь, что дом и правда существует, очень хорошо, вы победили. А теперь пора оставить эту игру, а? Того и гляди стемнеет.

Рульфо, видимо, все это слегка раздражало. Но, к удивлению Бальестероса, не оказав ни малейшего сопротивления, он подчинился. Даже согласился вернуться к машине и молча сел в нее. Позади остался лай собаки, силуэт которой постепенно таял по мере их удаления, пока не превратился в некий призрак пса. Доктор вел машину с остервенением: стучал кулаком по рулю, терял терпение. Смотрел на дорогу и на другие машины так, будто бы это его не интересовало, будто мысли его витали далеко. Рульфо же был спокоен и молчалив. Вдруг Бальестерос заговорил. На его лице, часто ничего не выражавшем, сейчас рисовалась угрюмая решимость, вовсе не вязавшаяся со словами, произнесенными ровным, спокойным голосом.

– Мне пришлось видеть, как умирала Хулия в той аварии, я вам уже об этом говорил. За рулем был я, но моей вины не было. Какая-то машина впилилась нам в бок, и нас отбросило на грузовик. Сам я не пострадал, но вот крышу со стороны моей жены вмяло. Я явственно помню выражение ее лица... Она была еще жива – дышала и смотрела прямо на меня, не мигая, а вокруг – искореженное железо. И ни слова не говорила, только смотрела. Выше бровей ее уже, по сути, не было, но взгляд ее был все тот же – нежный, как всегда, и губы почти улыбались. Вначале я хотел оказать ей медицинскую помощь, и могу вас заверить, что я попытался. Теперь-то я понимаю, что это было глупо, потому что она не могла выжить. На самом деле она уже почти была мертва... Но в тот момент я не думал об этом и пытался ей помочь. К счастью, я довольно быстро понял, что единственное, что я мог для нее сделать, не имело ничего общего с моей профессией. Я просто ее обнял. И оставался там, в машине, обнимая ее и что-то нашептывая на ухо, пока она умирала на моем плече, как пташка...

Странно, не так ли?

Автомобиль летел по темным улицам. Двое мужчин напряженно смотрели прямо перед собой, словно оба вели машину, но говорил только Бальестерос:

– В жизни случаются странные вещи, Саломон. Почему какой-то пацан двадцати двух лет забрался ночью в дом, прирезал двух служанок, растерзал бедную итальянку, с которой он даже не был знаком, а потом покончил с собой?.. И почему вам все это приснилось, хотя вы раньше никого из них и в глаза не видели? Странные вещи. Не менее странные, чем смерть моей жены... Или чем поэзия, которую вы читаете... Когда с таким сталкиваешься, перед тобой альтернатива. Я, наверное, выбрал наиболее легкий путь: стараюсь жить счастливо до тех пор, пока Господь не призовет меня, и закрываю глаза на странности, не пускаю их в себя, оставляю снаружи. Или, точнее, я сам остаюсь снаружи. Потому что эти странности существуют и приглашают нас внутрь, но я решил

lasciate

не входить. И вам советую поступить так же. Я врач и знаю, что говорю. Мы не должны

lasciate ogne

входить.

В это самое мгновение, сам не зная как, Рульфо принял решение. Он попросил Бальестероса высадить его возле поликлиники, где он оставил свою машину. Выйдя из «вольво», он обернулся и встретился взглядом с доктором. Этот взгляд оказался гораздо более продолжительным, чем оба они ожидали. И тогда Рульфо ощутил желание что-то сказать. Он подумал, что это будет абсурдная, почти смешная фраза, но он позволил ей слететь с его губ тихо, словно вздох:

– А я поэт,

lasciate ogne speranza

и я хочу войти.

Бальестерос открыл было рот, собираясь что-то ответить, но вдруг остановился, словно передумал.

– Берегите себя, – прошептал он.

Рульфо смотрел, как медленно удаляется его машина. Он нашел свой старый белый «форд» там, где несколько часов назад его оставил, уселся и тронулся с места. Когда он добрался до кондоминиума, уже стояла ночь. Его окружили деревья и сумерки, высокая влажная трава, темные заросли боярышника и тени, плющом карабкающиеся по оградкам. Машину он оставил на углу Каштановой аллеи и, сунув руки в карманы, отправился пешком в конец улицы.

Lasciate ogne speranza.

Эти слова, помещенные на керамической табличке, были для него исполнены сарказма, ведь решение уже принято: он войдет туда, чего бы это ни стоило. Что будет делать потом, он придумает позже, но его не покидала уверенность, что, если ему не удастся в реальной жизни войти в этот дом хотя бы раз, он будет осужден делать это бесконечно в своих кошмарных снах, и это неизбежно. Бальестерос был прав: ужасная смерть Лидии Гаретти не имела никакого отношения ни к нему, ни к его жизни. Она была всего лишь незнакомкой, а ее трагедия – еще одним преступлением, еще одним зверством из тех, что ослепляют публике глаза мелькнувшим кометой ужасом, а потом гаснут в забвении. Тем не менее в определенном смысле эти сны были его неоплаченным долгом; и он знал, что расплатится по этому счету только в том случае, если войдет в дом и найдет аквариум с зеленой подсветкой.

Он остановился, чтобы обдумать свои действия. Решил, что самым разумным будет перелезть через дверь, воспользовавшись мусорным баком. Пока Рульфо прикидывал, как бы ему так передвинуть бак, чтобы не разбудить соседей, внезапно поднялся ветер и брызнул дождь. Полы пиджака Рульфо взлетели вверх, дождь оросил лицо ледяными поцелуями, а железная дверь на несколько сантиметров отошла от замка, не издав ни малейшего звука.

Она не была заперта.

III. Вход

Девушка проснулась внезапно, вскочила, как пружина, и обхватила тело руками. И вдруг поняла, что не знает, где она. Огляделась вокруг, увидела первые лучи солнца на гардинах и знакомые очертания комнаты, почти такой же голой, как и она сама: кровать с резным деревянным изголовьем, сбитые простыни, темные стены, пурпурные шторы, шкаф, зеркала. То, что ее окружало, было не чем иным, как ее спальней, и все в ней пребывало на своих местах.

Она уткнулась подбородком в колени и несколько секунд размеренно вдыхала и выдыхала воздух. Сохранять спокойствие – это одна из ее обязанностей. Затем она закрыла глаза, стараясь припомнить все самое важное: какой сегодня день, что ее ждет, что она должна делать. Временами воспоминания давались ей с трудом. Наконец она сделала вывод, что сегодня четверг, на календаре середина октября, на утро у нее назначена встреча с клиентом в одном из мадридских отелей, и ей нужно поторапливаться, если она хочет быть к этой встрече готовой.

Когда она поднялась, огромные зеркала на стене и потолке отразили тело, которое претендовало на большее, чем быть названным просто красивым. Его обладательница слышала уже в свой адрес много эпитетов и замечала множество устремленных на нее взоров, но ни то ни другое не доставляло ей никакого удовольствия, поскольку ни разу не адресовалось той личности, которая чувствовала и думала внутри, а всегда – лишь формам ее тела. Она жила, словно заключенная в тюрьме умопомрачительного тела. Тем не менее в сумрачном одиночестве своего разума девушка считала себя некрасивой и жалкой.

Она неторопливо направилась в ванную, ступая босыми ногами по холодным грязным плиткам, и в такт шагов кончики ее черных волос касалась беломраморных ягодиц. Пока она в ожидании горячей воды в душе подбирала волосы, мысли ее вновь вернулись к кошмарам.

Она не была склонна задаваться различными вопросами. У нее выработалась привычка подавлять свое любопытство, даже уничтожать его, и ничто из происходящего вокруг особенно ее не интересовало. Но этим сном удалось заставить ее усомниться. Вначале она подумала, что это всего лишь обычные, леденящие кровь фантазии, и не придала им особого значения, поскольку у нее было более чем достаточно резонов для подобных снов. Однако, когда детали стали повторяться практически

каждую ночь в неизменном виде, она уже не знала, что и подумать. Имеют ли они какое-то значение? А если нет, то почему ей снится одно и то же?

Вода никак не нагревалась, что не удивляло. Газ и электричество едва-едва теплились в ее малюсенькой квартирке. Недолго думая, она встала под ледяную воду. И даже не поморщилась – взяла с полочки обмылок и принялась тщательно намыливаться. «Не примешь крещение – попадешь не в рай, а в чистилище», – сказал ей как-то некий господин, направив на нее ледяную струю из шланга на одном из праздников, на которых ей случалось работать. Вспомнив о том эпизоде, усилием воли она подавила дрожь: в жизни ее было немало мгновений куда более худших, чем самый жуткий ее кошмар.

Утреннее свидание было ничем не примечательно. Это означало, что она не ожидала никаких осложнений, всего лишь еще один сеанс с одним или несколькими мужчинами или же с женщиной (имя, которое назвал ей Патрисио, было мужским, но она уже привыкла к разного рода сюрпризам). Речь шла об одном из отелей на бульваре Кастаньяна. Она пришла, как всегда, вовремя, направилась к стойке регистрации, назвала имя, и после небольшой паузы ей сказали, чтобы она, «если вы будете так любезны», подождала вон в той гостиной – рука поднялась в указующем жесте. Она поблагодарила и отправилась туда, не обращая ни малейшего внимания на провожавшие ее взгляды. Отель был большим и роскошным, но она вела себя в подобного рода заведениях совершенно естественно. Интерьер гостиной состоял из пары бильярдных столов полированного красного дерева, постера с изображением оссобуко^[5] и мраморного пола в середине комнаты, обставленной мягкими диванами. Она не присела, осталась стоять. Вокруг керамического кувшина с ветками жасмина лежало несколько старых журналов.

Это случилось как раз тогда

они взглянули друг на друга

когда она увидела фото на обложке одного журнала.

они взглянули друг на друга, рассеянно

Тревога, которую вселило в нее это случайное открытие, заставила ее допустить пару промашек с клиентом (он оказался, в конце концов, мужчиной). К счастью, этот тип был пьян и не обратил внимания.

Они рассеянно взглянули друг на друга.

Автобус высадил ее у входа на территорию кондоминиума, девушка бесшумно прошла по тротуару и остановилась за его спиной в тот самый момент, когда открывалась железная дверь. Он ощутил ее присутствие и обернулся. Они молча смотрели друг на друга, словно каждый ждал, что заговорит другой.

– Ты здесь... живешь? – осторожно спросил мужчина.

Она отрицательно покачала головой.

Плотные тяжелые тучи придавали объем небу, нависшему над головами. Дождь все еще сеялся. Из приоткрытых губ девушки вырвался парок. Казалось, она, не решаясь что-либо предпринять, ждет нового вопроса.

Вдруг лица превратились в знаки, почти в слова, а дрожащие губы раскрылись. Оба, сами не ведая как, одновременно поняли, что происходит.

Изумление захлестнуло, почти сбило с ног, и Рульфо счел за лучшее совладать с ним, спокойно побеседовав в салоне машины. Спустя полчаса оба уже хорошо знали как имена друг друга, так и детали своих кошмарных снов. Девушка назвалась Ракелью, но это имя могло быть и псевдонимом, поскольку говорила она с сильным акцентом – то ли центральноевропейским, то ли, с еще большей вероятностью, одной из стран Восточной Европы. На взгляд Рульфо, ей было лет двадцать. Ее волосы струились по спине подобно волнистому, цвета воронова крыла водопаду, а кожа была ослепительной, почти мраморной белизны. Густые брови, огромные глаза – черные-пречерные, чуть раскосые – и губы, подобные таинственному живому существу с красноватой плотью, делали ее лицо чарующим, но в то же время и странным, каким-то далеким. Она сидела на переднем пассажирском сиденье – прямая, не глядя на него. Кожаная курточка, обтягивающая бедра мини-юбка и кожаные сапоги, дополненные черными чулками, составляли все ее одеяние; под одеждой изгибами змеи проступали соблазнительные формы этого удивительного тела. Это была самая красивая женщина из тех, что когда-либо занимали переднее пассажирское сиденье в его машине. Самая красивая из тех, кого он когда-либо знал. Даже Беатрис не поразила с такой силой его воображение при первой встрече.

Было действительно трудно отвести от нее глаза, но на несколько секунд это удалось, и он перевел взгляд на темневшую за лобовым стеклом ночь. И стал размышлять о том, что их соединило (конечно, если она сказала ему правду... но с какой стати ей врать?) и привело к этой встрече, этому катарсису взаимного узнавания. Он вновь взглянул на нее и сказал:

– Ты знала Лидию Гаретти? Была как-то связана с тем, что здесь произошло?

– Нет.

– А почему ты решила прийти сюда этой ночью?

– Не знаю...

По-видимому, Ракель обладала навыком послушания, но не навыком вербального выражения идей. Она порывалась ответить немедленно, но сразу сбивалась и умолкала, раздумывая над продолжением реплики. Как будто ее слова, произнесенные серьезным, богатым оттенками голосом, являлись порождением ее гортани, а не мыслей.

– Я увидела фотографию дома и прочла репортаж сегодня утром и... Ну и пришла.

Два глаза цвета угля скользнули по его лицу, но почти тут же убежали в сторону. Рульфо покачал головой:

– Невероятно... Мы не знаем друг друга, нам обоим неделями снится одно и то же, мы оба получили информацию о том, что дом существует в реальности, и пришли сюда в одну и ту же ночь, в одно время... Черт возьми! – Он негромко рассмеялся.

Она молча кивнула. Внезапно смех Рульфо оборвался. Он вновь повернулся к этой невообразимо красивой девушке.

– Мне страшно.

– Мне тоже, – отозвалась Ракель.

– Слушай меня. – Приказ этот явно был лишним: хотя она на него и не смотрела, но слушать-то она слушала. Как ни парадоксально, именно в это мгновение она взглянула на него в первый раз. – Клянусь, я не верю в привидения, НЛО, сны, становящиеся явью, и тому подобную фигню, понимаешь?

Девушка утвердительно кивнула головой и одновременно пропела:

– Да.

– И я не думаю, что сошел с ума... Но я знаю, что есть что-то, что привело меня сюда, что привело сюда нас обоих, и оно хочет, чтобы мы вошли. – Он подождал ответной реакции, но ее не было. – Ты можешь поступать, как тебе захочется, но я пойду туда. Я хочу знать, что там такое.

Он открыл дверь машины.

Его удивил прозвучавший ответ:

– Я хочу уйти отсюда, но пойду с тобой.

– А почему ты хочешь уйти?

На этот раз ему пришлось ждать ответа дольше. Девушка смотрела прямо в лобовое стекло.

– Я предпочла бы продолжать видеть сны.

Дом был открыт.

Рульфо никак не мог объяснить себе каким образом, поскольку часом раньше они вместе с Бальестеросом имели возможность убедиться в обратном, но факт оставался фактом. Они с девушкой прошли через сад под сеющим с неба дождиком, потом мимо каменного фонтана, поднялись по ступеням окаймлявшей дворик колоннады и тихонько толкнули парадную дверь, расширив тем самым щель между половинками двойной двери.

– Здесь есть кто-нибудь? – окликнул Рульфо.

Никто не ответил. Внезапно в нос ударил запах дерева, кожи и растений.

– Есть тут кто-нибудь?

Темнота и молчание были на грани абсолюта. Рульфо пошарил по стене и нащупал несколько выключателей. Зажегся свет, его источником оказались бра, и этот отражавшийся от стен свет создавал еще более тревожную атмосферу, чем потемки.

Девушка вошла в дом, Рульфо последовал за ней. Закрыв за собой дверь, он ощутил нечто странное: как будто бы за его спиной развели мост. Как будто их лишили последней возможности принадлежать к внешнему миру.

И вот они уже *внутри*, что бы это ни означало.

Скульптура, амфоры, вазоны высотой с ребенка, застывшие в камне звери, ковры, изящная мебель... Как к этому относиться? Назвать это «роскошью» было бы неправильно. Слово «антиквариат» несколько лучше встраивалось в этот мир ценностей, пыли и тишины, однако Рульфо подозревал, что антиквары держат такие вещи не дома, а в своих магазинах. Все вещи были в полном порядке, как будто их владелица все еще здесь жила.

– Вот она, – произнесла Ракель.

Сеньорита Гаретти, стройная, элегантная, с короткими черными волосами, подстриженными по моде двадцатых годов, стоя во весь рост, смотрела на них с большого, в натуральную величину модели, полотна, висевшего на задней стене. На ней был узкий, облегающий черный парадный костюм с атласной отделкой, причем жакет без рукавов с отворотами цвета фуксии выставлял на всеобщее обозрение ее белоснежные плечи и обнаженные руки. «Добро пожаловать», – читалось на ее лице. Тем не менее алые губы не улыбались.

«Аристократка Лидия и ее дом-музей», – подумал Рульфо. Кто она?

Кем она была в реальной жизни? Что она делала здесь одна, живя в этом огромном мавзолее? «Мы даже не были с ней знакомы, она мертва, но привел нас сюда не кто иной, как она». Он подошел к портрету и сосредоточил внимание на одной детали – золотом медальоне на точеной женской шее. Он имел форму маленького паучка.

– Лестница, – сказала Ракель.

Лестница располагалась слева, как и в их снах, ее ступени вели наверх, в темноту. И оба знали куда. Они переглянулись.

– Будет, наверное, лучше, если мы сначала пройдем по нижнему этажу, – предложил Рульфо.

Двустворчатая дверь вела в глубину дома. Скоро Рульфо осознал, что они идут тем же путем, что и убийца в их снах: коридор, гостиная и, наконец, спальни служанок. На косяках дверей все еще виднелись прилепленные полицией наклейки. Они вошли в первую спальню. Комната оказалась совершенно пустой, без мебели. От постели остался лишь скелет пружинного матраса. На покрывающем пол ковре видны пятна. Не все смогли отчистить, не все исчезло.

Они покинули спальни и пошли сквозь анфиладу гостиных. Отворив последнюю дверь, Рульфо остановился.

– Библиотека, – прошептал он.

Книжные полки – семь стеллажей по семь полок в каждом – от пола до потолка покрывали стены. Рульфо позабыл о кошмарах, о гибельном ощущении, источник которого – как раз то, что он обследует дом, куда раньше не ступала его нога, но который в каком-то смысле уже ему знаком; он озираясь, зачарованный этим необъятным арсеналом книг. Попытался открыть одну из стеклянных дверок, но безуспешно. Принялся рассматривать корешки томов и отметил, что часть из них – с золотыми надписями. Рядком стояли книги одного автора, с номерами томов. Уильям Блейк...^[6] Роберт Браунинг...^[7] Роберт Бёрнс...^[8] лорд Байрон... Что-то в них привлекло его внимание. Он подошел к другому стеллажу. Джон Мильтон^[9]. Пабло Неруда^[10]. Наудачу перевел взгляд еще на одну полку. Федерико Гарсия Лорка^[11]. Пересек комнату и подошел к противоположной стене. Публий Вергилий.

Имена знаменитых писателей. Он читал их всех. Но что в них общего? Да они поэты! На какой-то миг он столбом застыл посреди комнаты, ошеломленный. Ему пришло в голову нечто удивительное: это и была та единственная нить, которая связывала его с Лидией Гаретти.

– Пойдем к лестнице, – сказал он.

Вернувшись в вестибюль, они стали подниматься по покрытым ковровой дорожкой ступеням. Но вдруг посредине пролета девушка остановилась.

– Что такое? – задал вопрос Рульфо.

– Не знаю.

Секунду они постояли, прислушиваясь к тишине. Затем продолжили подниматься и оказались в коридоре, где пол был застелен ковровой дорожкой. По обеим сторонам – мраморные бюсты. Имена на пьедесталах почти стерлись, но Рульфо подумал, что мог бы узнать всех с закрытыми глазами: Гомер, Вергилий, Данте, Петрарка, Шекспир...

Поэты.

Было очевидно, что сеньорита Гаретти обожала поэзию. Но в тот момент единственное, что имело значение для Рульфо, находилось в нескольких метрах впереди, в конце коридора.

Они дошли до маленького холла, и слегка дрожавшей рукой Рульфо включил свет. Стала видна двустворчатая дверь, ведущая в главную спальню, стены из искусственного мрамора, деревянная подставка...

На нем не было никакого аквариума.

– Он стоял здесь, с подсветкой.

– Да, я тоже его помню, – подтвердила Ракель.

Рульфо подошел и стал внимательно рассматривать поверхность подставки. На ней виднелись следы пребывания какого-то прямоугольного предмета. Кто мог его унести? Полиция? Для чего?

Что-то еще вызывало в нем сильнейшее беспокойство. Он огляделся в поисках источника этого ощущения, но не увидел ничего необычного. На изящных предметах гарнитура черешневого дерева, размещенных вдоль стен, были расставлены снимки Лидии Гаретти в рамочках. На стенах висели картины. Обведя их взглядом, он остановился. По крайней мере дюжина полотен различных размеров, каждое – женский портрет, однако, в отличие от фото, ни один из них не был похож на портрет Лидии. Рульфо стал рассматривать их более внимательно. Костюмы и живописная техника довольно серьезно различались: здесь были дамы в кринолинах, париках, корсетах – перья в прическах, фижмы, фалды. Встречались работы в стиле Тициана^[12], Ватто^[13], Мане...^[14] И вот тут на шее одной из дам он заметил знакомый предмет.

– У этой дамы такой же медальон, как у Лидии, видишь? Похожий на паука.

– И на той, – указала Ракель.

Заинтригованные, они обследовали остальные портреты. Каждый раз,

когда поза персонажа это позволяла, такой же медальон – а если не совсем идентичный, то лишь с незначительными различиями, объясняемыми тем, что их изображали разные живописцы, – представал перед их глазами. Золотой паук.

– У нас еще спальня, – вспомнил Рульфо.

Взялся за ручку двустворчатой двери. Открыл ее. Роскошная, покинутая, погруженная в тишину комната, казалось, приглашала их войти. Но место это изменилось. Причем кардинально. Свет шел от голых лампочек, кое-как подвешенных к продырявленному тут и там потолку. Почти вся мебель исчезла, как и гардины. На кровати не было покрывала, отсутствовал и балдахин с драпировкой. Повсюду были видны следы скрупулезной работы стражей закона: еле заметные следы мела, обрывки липкой ленты, бесчисленные отпечатки подошв...

И чем-то пахло, хотя Рульфо не мог бы определить, хорошо или плохо; но запах был другим, не таким, как в остальных помещениях.

Ракель обхватила себя руками. Он почувствовал ее тревогу.

– Здесь он пытал ее... час за часом...

Ни в одном из репортажей не было подробностей о том, что именно сотворил Робледо с Лидией, но предметы, обнаруженные полицейскими и перечисленные некоторыми новостными каналами, позволяли восстановить детали жесточайшего действия: коловорот, вкрученные в потолок крюки, щипцы, гвозди, веревки, цепи, несколько ножей... Каждый раз, когда Рульфо задумывался об этом, он все меньше и меньше понимал: как это может быть, что какой-то парень со скудным криминальным прошлым, которого если что-то и интересовало, так это наркотики, решился подвергнуть другого человека этой дикой пытке, сродни инквизиторской?

Ракель выглядела взволнованной, то и дело оглядывалась по сторонам, и кожаная куртка вздымалась на груди.

– Ему были нужны не только ее страдания, – объявила она в полной уверенности, что ей досконально известно значение этого слова. – Он был в ярости.

– Для нас самое главное, что сейчас он мертв, – успокаивающе прошептал Рульфо. – И еще то, что я нигде не вижу этого чертова аквариума, если он вообще существует.

Он обошел огромную кровать и кое-что за ней увидел. Еще одну дверь. Но ее легко можно было и не заметить, поскольку она ничем не отличалась от деревянных панелей, которыми были обшиты стены; только круглая золоченая ручка выдавала ее наличие. Рульфо повернул ручку, и дверь

беззвучно распахнулась в темноту. Не оглядываясь, он шагнул вперед как раз в тот момент, когда Ракель выходила из спальни, думая, что он не замедлит последовать за ней.

Она была все так же взвинчена, настороже. Не было ничего определенного, ничего, что могло бы быть воспринято как конкретная угроза или хотя бы как явный ее признак. Это было всего лишь ощущение. Какое-то предчувствие, которое предупреждало, криком кричало ей: «Ты в опасности!»

«Уходи отсюда».

Она понимала, что таким образом подействовал на нее вовсе не вид комнаты, в которой под пытками умерла Лидия: ведь она начала чувствовать нечто подобное раньше, еще когда поднималась по лестнице. На самом деле она ощутила это в тот самый момент, когда входила в дом. Это было не что-то мертвое, а что-то *живое* – чье-то присутствие, но не в прошлом, а в этот самый момент и в этом месте, оно здесь и сейчас, и оно по-прежнему где-то таится.

«Уходи отсюда сейчас же».

Но страх оказывал на нее странное воздействие: он заставлял ее двигаться вперед. Она прошла в самый конец холла, который вел в спальню. За выступом смогла различить узкий коридор. И двинулась по нему.

слабый свет

Помещение было тихим и темным. Ни света, ни звука – как в могиле. Рульфо пошарил по стене в поисках выключателя, но безуспешно. Тогда он сунул руку в карман, нащупал зажигалку, и маленькое пламя взвилось вверх.

В комнате не было ни окон, ни других дверей, она была вся задрапирована: стены были занавешены портьерами, а (довольно низкий) потолок и пол покрывали пушистые ковры. Все синего цвета, мебели никакой, да и других вещей тоже. Камера кошачьей природы. Мягкость юной плоти. Ощущение ее под ногами рождало желание разуться. Рульфо подумал, что только обнаженное тело могло пребывать в этом пространстве. «Для чего оно тебе было нужно, Лидия? Что ты здесь делала? Почему здесь нет света?»

слабый свет, полоска

В конце коридора она обнаружила лестницу, ведущую вверх. Обернулась взглянуть, идет ли за ней Рульфо, и убедилась, что она одна. Но звать его не захотела. Ни один мужчина не внушал ей доверия. Не то чтобы она их ненавидела, но и ни одного до сих пор не любила, хотя и разыгрывала любовь; единственное, что ей удавалось, – это мириться с их существованием.

Она пошла вверх. Ступени закрипели под ее сапожками. Она уже могла видеть площадку. Закрытая дверь, конечно же, ведет на чердак. И что-то еще.

слабый свет, полоска, пробивающаяся

Рульфо вышел из этой странной каморки и из спальни Лидии и только тут понял, что Ракель исчезла. Он уже собрался было ее окликнуть и вдруг неожиданно замер возле одного снимка в рамочке, из тех, что стояли в холле.

Слабый свет, полоска, пробивающаяся из-под двери.

«Я должна его позвать. Теперь да, теперь мне нужно ему сказать».

И вдруг, с еле слышным щелчком, дверь распахнулась.

Это был небольшого размера дагеротип, очень старый, в коричневых тонах, оправленный в серебряную рамку. На нем – некий мужчина рядом с некой женщиной на фоне пляжа. У женщины на груди все тот же медальон в форме паука. Рульфо не узнавал ни одного из этих двоих, но откуда-то знал, что этот снимок, именно и в точности *этот*, явился причиной той тревоги, которая охватывала его в холле.

Он перевернул снимок. На задней стороне рамки, в уголке, кто-то бледными синими чернилами вывел: «*Per amica silentia lunae*»^[15]. Слова эти были ему знакомы. «Энеида». Вергилий. Не раздумывая, повинувшись некоему внезапному порыву, он сунул снимок в карман пиджака.

В этот момент он услышал голос Ракели. Она сказала ему, куда идти. Он тут же нашел лестницу. По мере того как он поднимался, свет делался все ярче и ярче. С лестничной площадки открывался вход в помещение, очень напоминавшее чердак со сваленными там вещами. Станный свет обрисовывал контуры каждой выпуклости, каждой плитки, порождая тени и призраки. Рульфо заглянул туда и увидел девушку: она стояла и смотрела куда-то вниз. Зеленоватый свет, в этой точке почти ослепительной силы,

обводил ореолом ее совершенные черты.

Свет шел от аквариума у ее ног.

– И как ты его нашла?

Она рассказала: полоска зеленоватого света под дверью, и эта дверь сама собой открылась.

Аквариум был около метра в длину. Стенки его были не стеклянными, а из какого-то пластика. На черного цвета крышке крепились зеленые флуоресцентные трубки, а к нижней части была приделана металлическая пластина с именами тех созданий, которые, нужно полагать, извивали свои гибкие тела внутри аквариума: гурами обыкновенный, отоцинклюс, сиамский петушок, гурами жемчужный... Но теперь вода уже не служила средой обитания для живых рыбок, а представляла собой отвратительного вида месиво из разложившихся органов – некое творожистое кладбище, покрывавшее всю поверхность. Зеленый свет придавал этому гниению еще более унылый вид. На гравии, устилавшем дно, все еще стояли украшения – два замка Нептуна: один белый, другой черный.

– Взгляни на провод, – сказал Рульфо.

Он выходил из задней стенки аквариума и заканчивался вилкой, не всунутый в розетку. И как же тогда может гореть свет? «Наверное, здесь есть какой-нибудь аккумулятор», – подумал он, сам не веря в подобное объяснение. Рульфо взялся за бока этого предмета и попробовал его приподнять – весил он прилично. Кто притащил его на чердак и для чего? Видели ли его до того полицейские? И если да, то работала ли на тот момент подсветка?

Аквариум выглядел забытым и мертвым, но трубки ярко светились, не требуя электричества. И если верить Ракели, дверь на чердак отворилась ровно в тот самый момент, когда она оказалась на верхней площадке лестницы, впрочем, как и железная дверь, пропустившая их на участок.

«Странные вещи, доктор Бальестерос».

И он стал думать: «А что теперь, что они должны предпринять, почему таким важным было это украшение интерьера в его снах, по какой причине еще и еще раз упоминала его Лидия Гаретти (или кем бы там она ни была)?»

– Может, нужно вылить из него воду? – предложила девушка, словно читая его мысли.

– Может, и так.

Рульфо колебался. Тайны его не привлекали. И он всегда действовал, скорее повинуясь некоему импульсу, порыву, а не по зрелом размышлении.

Тем не менее здесь он решил не торопиться. Встал на колени, наклонился, почти коснувшись щекой пола, и принялся изучать гравий, подводные украшения, слой гниющей биомассы на поверхности воды. Ничто не привлекало особого внимания. Замки ничем не отличались друг от друга. Подъемные мосты были опущены, поэтому можно было заглянуть внутрь каждого из них через арку главного входа.

Вдруг он поднялся:

– Внутри черного замка что-то есть. Вполне может оказаться, что этодохлая рыба, но все-таки я проверю.

Рульфо снял пиджак и закатал рукав до локтя. Затем поднял крышку аквариума, каждую секунду ожидая, что теперь-то уж свет погаснет. Но он не погас. Почти тотчас же в нос емушибануло жуткой вонью. Отвернул лицо, на котором читалась гримаса отвращения, а Ракель закрыла свое руками. Дыша ртом, Рульфо положил крышку со светящимися трубками на пол и погрузил руку в эту склизкую массу, пальцами расчищая себе путь среди рыбьих трупов. Ощупал внутренность замка.

– Я до него дотронулся.

Это было что-то матерчатое, но оно выскользывало, норовя упасть на дно, где до этого предмета уже было бы не достать. Рульфо попробовал приложить силу и отодрать замок от дна аквариума, но тот не сдвигался – словно гвоздями был прибит к покрытому гравием днищу. К тому же выворачивающая нутро вонь не способствовала тому, чтобы Рульфо запасся необходимым терпением.

– Не так-то легко это вытаскивается.

– Давай я попробую.

Он вынул руку, с которой стекала грязная вода, и Ракель опустила туда свою, даже не сняв куртку. Ее рука погрузилась в глубину, словно прекрасная белая рыбка, и пальцы проникли в отверстие.

В этот момент Рульфо что-то почувствовал. Определить причину или значение этого ощущения он не мог, но сразу же понял, что оно не слишком отличалось от того чувства, которое охватило его при входе в дом: ощущение неотвратимости, окончательности предпринятого шага, безвозвратности. Но на этот раз, пока он смотрел на руку девушки, скрывающуюся в глубине черного замка, его предчувствие обрело такую силу, что он испугался. Рульфо ощутил вдруг острую потребность сказать ей об этом, попросить, чтобы она отступилась,

темнота

чтобы оставила всё, все эти вещи (странные вещи) как они есть, лишь бы только не стало хуже. Но пока он об этом думал, рука поднялась над поверхностью воды.

темнота. холод

– Вот она, эта штука, – объявила Ракель.

темнота. холод. круговерть

И вот тут светящиеся трубки, вмонтированные в крышку, погасли.

Темнота. Холод. Круговерть.

Задрапированное в тучи чудовище двигалось дорогами ночи. Разразилась грандиозная буря – из тех, что оставляют за собой половодье жертв, разрушенные жилища и некрологи. Дождь еще не хлынул и молнии не засверкали, но мощный порыв ветра из конца в конец пронесся по саду, сгибая ветви деревьев и предвещая близкую чудовищную грозу. Они мчались к железной двери, подгоняемые всхлипами мертвых листьев, остро пахнувших сырой землей. Оказавшись на улице, Рульфо достал ключи от машины, и беглецы забрались в нее.

Только тогда он разжал промокшую правую руку, и они смогли взглянуть на этот предмет.

Квартирка размещалась на первом этаже грязного обшарпанного дома. Они оставили машину на тротуаре и под дождем преодолели унылое пространство двора, стараясь не ступать в лужи. У девушки своей машины не было, и она приняла его предложение довести до дома, но с каким-то невысказанным смущением, и Рульфо думал, что теперь он знает, с чем это было связано. Девушка жила в районе, изобиловавшем обветшалыми тесными квартирками, которые, вне всякого сомнения, были предназначены служить пристанищем целым семьям иммигрантов. Только простая деревянная дверь и поворот ключа отделяли их от ее жилища. Выключатель ограничился тем, что щелкнул.

– Света нет, – объявила она. – Его не бывает довольно часто.

Сказав это, она не вложила в свои слова какой-либо особой интонации, словно жизнь в подобном месте казалась ей не чем иным, как обязанностью – неприятной, но неизбежной. Не стала она сопротивляться и когда он решил вслед за ней войти в квартиру.

Рульфо очутился в потемках в некоем помещении, где пахло пещерной затхлостью. Он услышал шаги своей спутницы, и спустя какое-то время свет, тусклый и мерцающий, словно колышущаяся жидкость, пробивавшийся из комнаты справа, подарил ему унылое зрелище облупленных стен, отваливающейся плитки, стульев на металлических ножках, обшарпанного дивана с парой кресел и маленького прямоугольного столика с пепельницей, полной апельсиновых корок. Источником света был походный фонарь с дышащими на ладан батарейками. Продолговатые пятна плесени покрывали стены. Через окно в противоположной стене, которое наполовину было задернуто цветной занавеской, доносился свист крыльев обезумевших скворцов. В квартире, казалось, было еще холоднее, чем на улице.

– А твоя куртка... Ты не думаешь ее снять?

– Нет, спасибо.

Девушка на секунду вышла. Рульфо потерял руки. Боже, как же здесь холодно! Что же тут будет зимой? Облачка выдыхаемого им пара сгущались над неверным светом фонарика. Запах сырости казался почти невыносимым. И слышались какие-то звуки (скрип, беготня), об источниках которых он предпочитал не думать. По сравнению с этой пещерой его собственная квартира на улице Ломонтано тянула на дворец.

За время пути сюда ему удалось получить на свои вопросы несколько коротких и точных ответов. Он знал теперь, что она сирота, что родилась где-то в Венгрии, но что ей довелось жить в стольких местах, что она и не помнит свою малую родину. В Испании уже пять лет, но документов у нее нет. Работает в частном клубе: «Клиент мне звонит, и я прихожу». Рульфо ее история не поразила, он почти ожидал услышать что-то подобное. Чего он не понимал, так это какая связь могла существовать между нелегальной венгерской иммигранткой, работавшей проституткой в частной клубе, зверски убитой итальянкой-миллионершей и таким парнем, как он. И решил, что, быть может, ответ на этот вопрос содержится в тех предметах, которые они нашли в доме Лидии Гаретти.

Девушка вернулась. Куртки на ней не было, ее сменил черный свитер, она вытирала полотенцем густые и черные как ночь волосы. Рульфо обратил внимание на серебряную цепочку на ее шее. На ней висела тонкая металлическая пластинка с выгравированным именем: Патрисио. Он поднял глаза и встретился с ее взглядом. Глаза ее были похожи на бесплодную пустошь. Дрожащие тени окаймляли совершенный овал лица.

– Давай посмотрим, что мы с тобой нашли, – предложил Рульфо.

Они уселись за стол, друг напротив друга, рядом с фонариком.

Неожиданный звук (дверь?) заставил обоих вздрогнуть, но она встревожилась больше. Рульфо проследил за ней взглядом: вот она вскочила, быстрая, как кошка, вот скрылась в темноте коридора.

– Иногда сюда приходят гости, которых я не жду, – пояснила она по возвращении, чуть более спокойная. – Сейчас – ничего.

«L'aura nera sí gastiga».

Слова оказались выведены синими чернилами на внутренней стороне непромокаемой жесткой ткани, стянутой шнурком, той, что она извлекла из воды. Мужчина прочел их ей и перевел: «Так терзает ветер черный».

– Данте, – сказал он, – я почти уверен – это один из Дантовых стихов, из его «Ада».

Это был мешочек с узлом на конце. Мужчина развязал шнурок, нетерпеливо его поддергав, и нашел слова. А еще он вытащил то, что было внутри. И держал эту маленькую вещицу на ладони. Она наклонилась, чтобы лучше ее разглядеть, и ее влажные волосы почти коснулись его головы.

– Что же это такое, черт побери! – воскликнул мужчина.

Это была фигурка, человечек размером не больше его мизинца, изготовленная из какого-то материала, похожего и на воск, и на пластмассу, без лица. Мужчина перевернул ее и прочел слово, выгравированное на спине малюсенькими греческими буквами: AKELOS. Имя, для нее ровно так же лишенное смысла, как и фраза на изнанке мешочка.

Девушке трудно было сосредоточиться. Тревога ее не уменьшилась с тех пор, как она покинула дом Лидии Гаретти, и причиной этого беспокойства было вовсе не то, что она догадывалась, о чем этот мужчина в конце концов попросит ее или чего потребует. Судя по тому, как он на нее смотрел, даже не на нее, а на ее грудь под свитером, она прекрасно знала, как закончится эта ночь и что ей придется делать. Но это ее не волновало. Она даже сама хотела возбудить его, довести до ожидаемого финала, и чем раньше, тем лучше, хотела отвлечь его, чтобы он не смотрел *вокруг*, чтобы не вздумал пройтись по квартире. Конечно, она не смогла воспрепятствовать тому, чтобы он довез ее до дома и вошел вместе с ней в квартиру. Она была вполне уверена, что этот мужчина – не присланный Патрисио клиент, но кое-какой опыт научил ее не отказывать никому. Она хотела только одного (*пожалуйста*), чтобы он не обнаружил *другое*. И чтобы не допустить этого, она была готова позволить ему что угодно.

– «Акелос» – что за странное слово... Никогда его не слышал. Тебе оно ни о чем не напоминает?

Она покачала головой.

Несмотря на все это, испытываемое ею беспокойство было вызвано другой, более таинственной причиной: оно возникло, когда она исследовала дом убитой женщины. Но почему? Она не могла припомнить, чтобы когда-либо встречалась с Лидией Гаретти или бывала в том доме. Они – и Лидия, и дом – ей снились, это верно, но сны не слишком ее волновали. И хотя память иногда шутила с ней злые шутки, она очень хорошо (и мучительно) помнила все и каждое из тех мест, в которых побывала. А себя воспринимала, в соответствии с родом своих занятий, ровно так же, как ее воспринимали пользовавшиеся ее услугами мужчины, и четко осознавала, что Лидия Гаретти не могла иметь с ней ничего общего. Но что же тогда, откуда этот смутный страх, это ощущение угрозы, которого она никогда раньше не испытывала с такой силой, как сейчас?

Гроза завывала, подобно стае диких зверей. Мужчина глядел на нее. Она заставила себя сделать вид, что внимательно его слушает.

– Думаю, что именно это мы и должны были сделать. Не знаю почему, но думаю, что мы должны были найти именно *это*...

– Да, – кивнула она без особой уверенности.

– Поглядим теперь на фото.

Она увидела, что мужчина отложил фигурку и мешочек в сторону и вытащил небольшую рамку. Он пояснил ей, что в некотором роде этот портрет привлек его внимание потому, что он понятия не имел, кем могли быть изображенные на снимке люди. Она тоже этого не знала, о чем и сообщила.

– Ты обратила внимание на эту фразу? – Мужчина указывал на слова, написанные на обратной стороне. – «Под защитой луны молчаливой», – перевел он. – Это стих Вергилия, латинского поэта... Задняя стенка легко открывается...

Он нажал на заднюю часть рамки и снял ее, вынув фотографию. Но на стол выпало что-то еще. Полуистлевший листок бумаги, согнутый пополам. Мужчина осторожно развернул его.

Похоже на список имен. Девушка ничего не понимала и полагала, что мужчина тоже. Она подумала, что, возможно, сделала ошибку и что не нужно было входить в тот дом. Ей уже почти хотелось, чтобы пришел Патрисио и силой положил этому конец – у него в обычае было пускать в ход кулаки. Она почти желала, чтобы Патрисио вышвырнул этого парня на улицу вместе с этими странными предметами.

Однако она продолжила притворяться. Ей вовсе не хотелось, чтобы мужчина рассердился.

Во время чтения абсурдного стихотворения (если, конечно, это было стихом) две вещи привели Рульфо в смятение – буря, сотрясавшая хлипкую раму оконца, и близость девушки: ее голова, что склонилась рядом с его головой, ее сверхъестественное лицо, которое чуть ли не касалось его собственного, листок бумаги, словно двойной месяц отражающийся в угольной черноте ее глаз.

Он постарался сосредоточиться на находке.

Его заинтриговал тот факт, что за снимком помещался листок. Бумага выглядела такой же древней, как и снимок, даже ветхой – когда он его разворачивал, листок чуть не распался на куски. Почерк был аккуратным, хотя выдавал дрожь руки при написании. Текст (выцветшие синие чернила) был на испанском, но что он значил? Пример языковой игры? Какое отношение имел он к изображению пары на пляже, восковой фигурке с надписью «Акелос», спрятанной в мешочке, погруженном в аквариум, несколькими строкам из Данте и Вергилия или убийству Лидии Гаретти? «Нам следовало найти именно это, Лидия? Почему?»

Он снова перечитал первую фразу:

– Дам тринадцать. – В полной уверенности, что где-то слышал эти слова.

«Число дамам – тринадцать».

Вдруг он вспомнил. И тут же понял, что, если не ошибся, все осложняется еще больше, все еще серьезнее, чем он думал. Он встретился взглядом с девушкой – черные глаза, словно и не глаза вовсе, а две агатовые бусины между век.

– Есть у меня один старый друг... Он был моим преподавателем на факультете. Думаю, что он кое-что знает об этом. Мы уже давно не видимся, но... может, он согласится мне помочь.

– Хорошо.

Грохот – неожиданный, яростный – заставил ее подпрыгнуть на месте. Что-то из мебели. Дверь.

– Это ерунда, ничего, – сказала она, вернувшись после мгновенного, как молния, отсутствия. – Ветер.

Глаза ее избегали смотреть на Рульфо.

Ночь разрасталась. Дождь уступил место мощи электрической бури, прогнавшей тишину прочь, а угасающий огонек фонарика не высвечивал, а лишь укрывал тенями каждую вещь в этой комнате.

Она предложила ему перекусить: банка мясных консервов и жаркое-

полуфабрикат. Еда выглядела тоскливо, но Рульфо проголодался. Глаза его тоже были голодны, хотя пищей им служило совсем другое: они пожирали ее лицо – сочетание черного агата и перламутра. Уже долгое время более или менее стабильные отношения он поддерживал только с проститутками, но то, что он почувствовал к этой девушке, было чем-то ошеломительным и гораздо более неопределенным, чем желание провести с ней ночь, и осознал он это как раз сейчас. Рульфо смотрел, как она ест, не глядя на него, ожидая своей очереди сунуть вилку в консервную банку, и внезапно его чувство сверкнуло молнией и загремело громом. Он подумал, что быть с ней – это как достичь некой цели, как удовлетворить давно подавляемое желание. Девушка эта не была похожа ни на одну другую, встреченную им в жизни, и это касалось не только ее красоты.

Он воткнул вилку в еще один кусочек мяса. Она механически сунула в банку свою. Тогда он прекратил жевать, выпустил вилку и протянул к ней руку.

Ее вилка

вспышка молнии

осталась в банке.

Случилось то, чего она ждала и к чему была готова. В полной тьме провела она его за собой в спальню – туда, где жаждущие света зеркала отразили их тела сгустками теней. Своими губами она обожгла губы мужчины, проникла своим языком в сумеречный жар его рта. Затем подвела его к постели, уложила на спину и, усевшись сверху,

молния в стекло,

начала раздеваться.

Несмотря на окружавшие его потемки, Рульфо сразу понял, что ему никогда не доводилось видеть такое тело. Он заметил, как поблескивает ее цепочка и подрагивают в промежности три колечка. Она выгибалась с кошачьей грацией, откидывая густые волосы. Потолочное зеркало возвращало ему, в проблесках света, отражение нежных контуров девичьей спины и двух куполов упругих, совершенной формы ягодиц. Он ощутил закипавшие на нем ловкие мускулы; длинные пальцы, превращающиеся в тонкие языки; язык как неожиданный, утративший косточки, палец. Почувствовал этот язык в таких местах, где ему еще никогда не приходилось ощущать прикосновения ни губ, ни даже

молния в стекло, всполох,

света.

Ничего неожиданного. Или только одно: мужчина ее не ударил. Впрочем, она была готова и к этому. Сидя на нем со сцепленными на затылке руками (так хотел Патрисио), двигаясь вверх и вниз в четком ритме, отвернув лицо, чтобы не видеть его (так хотел Патрисио), следя за тем, чтобы каждый кусочек ее тела был доступен рукам мужчины, она ожидала неприятного момента со своей обычной стойкостью. Но ударов не последовало. Однако благодарности она не почувствовала: те, что ее не били, были еще хуже.

Молния в стекло, белый всполох.

Разбудил ее резкий звук. Она прокрутила в памяти все, что было, и успокоилась: все вышло хорошо, и секрет ее, к счастью, раскрыт не был. Теперь же мужчина спал, а гроза продолжалась.

Но она чувствовала то же самое беспокойство, которое охватило ее в доме Лидии, – ту тревогу, тот острый, пронзающий ужас, который теперь ее не покидал.

Она поднялась. Не заметила ничего необычного в темноте спальни.

За стенами дома молнии раздирали ночь на куски.

Рульфо открыл глаза. Он лежал на спине в незнакомой постели. Взглянул на потолок.

Потолок был она. Ее обнаженное тело наклонилось над ним. Пряди волос цвета воронова крыла касались его щеки.

– Тебе пора уходить, – сказала она.

Она ласкала его грудь, и ее губы, прошептавшие те самые слова, были так близко, что ему даже не пришлось приподниматься, чтобы еще раз попробовать вкус этих губ.

– Тебе нужно уходить, – повторила она, когда их губы разъединились.

Она его не отвергала, ни к чему его не принуждала, только просила. Но в ее просьбе промелькнула тревога, которой он не мог пренебречь.

– Когда я смогу тебя увидеть?

– Когда захочешь.

– Мне нужно увидеть тебя, – продолжил Рульфо. – Нам нужно снова увидеться.

– Да.

Было еще темно, но буря утихла. Слегка ополоснув лицо, ощупью, в крошечной и ледяной ванной комнате, Рульфо вернулся в спальню, собрал свои вещи и оделся. Она проводила его по коридору к выходу. Пока они шли по квартире, от их дыхания поднимался пар, и он снова задался вопросом, как эта девушка могла бродить голой в этой морозильной камере. Судя по зеркалам, казалось очевидным, что она принимает клиентов и здесь, но вот он послал бы ко всем чертям того, кто рискнул бы предложить ему жить в подобного рода трущобах.

Кроме столовой, кухни, практически инкрустированной в стену, и этой спальни, в квартире была еще одна комната, но дверь в нее была закрыта. Немного не доходя до нее, девушка развернулась и вновь прильнула к нему губами. И они продолжили путь, целуясь.

Добравшись до входной двери, она отстранилась.

– Сейчас поеду напрямиком к тому другу, о котором тебе говорил, – сказал Рульфо. – А потом поговорим.

– Да.

С порога – руки на поясе, полушария грудей вздымаются в такт дыханию – девушка молча смотрела на него.

Рульфо попросил номер ее телефона. Состоялся быстрый обмен номерами на клочке бумаги; записывала она, и она же разделила листок пополам. Когда он уже не мог ее видеть, во дворе, ему показалось, будто в глазах потемнело. Заметил, что накрапывает дождик. С улицы доносился тяжелый запах.

Приехав на улицу Ломонтано и пошарив в карманах пиджака, он обнаружил, что у него с собой только портрет в рамке и листок: фигурка и матерчатый мешочек остались на столе в ее крошечной столовой.

Девушка видела, как он уехал. Одновременно закрыв и дверь, и глаза, она на секунду прислонилась к стене.

Он уехал. Наконец-то.

Она никогда не решилась бы его выгнать. Даже простая просьба уйти, с которой она к нему обратилась, стоила ей невероятных усилий, потому что она не имела привычки просить никого и ни о чем, за исключением того, что дано ей не будет никогда. Но он ушел. Все складывалось удачно.

Она вернулась в коридор, остановилась перед запертой дверью. И открыла ее.

Явился Рульфо без предупреждения. Его не очень волновало, дома ли Сésар, захочет ли или (что вполне возможно) не захочет его принять.

Договариваться о встречах по телефону он ненавидел. Поднялся наверх в шумном старинном лифте с решеткой, вышел на последнем этаже и позвонил в звонок у единственной на этой площадке двери, возле которой на табличке каллиграфическими, с завитушками, буквами были выведены имена Сесара Сауседы Герина и Сусаны Бласко Фернандес.

Пока ждал перед дверью, он успел взвесить шансы в пользу того, что откроет ему Сусана. Представил себе, через столько-то лет, возможные выражения ее лица и не отбросил ни один из ее вероятных взглядов – проникнутый ненавистью, печалью, ностальгией. А потом решил, что откроет ему, скорее всего, прислуга.

Но открыл ему он, дьявол собственной персоной, в своем красном халате, из-под которого выглядывал черный блейзер, и своих гротескных очочках синего стекла, сидящих на носу.

Сесар смотрел на него, не произнося ни слова.

Плохо готовый к последнему из всех теоретически возможных вариантов, Рульфо поддался внезапному душевному порыву:

– Привет, Сесар. Захотелось тебя увидеть.

Сесар Сауседа был не кем иным, как дьяволом.

Мелким, но достаточно злокозненным, чтобы его занятия по такому скучному предмету, как литература, никогда не проходили незамеченными. Рульфо познакомился с ним еще в те времена, когда тот был ловцом душ человеческих. Заключаемый с дьяволом договор назывался докторской диссертацией, и Сауседа добавлял к нему статьи, имевшие отношение в первую очередь к самым юным студенткам. По правде сказать, он был человеком, не мучимым угрызениями совести, но что в нем привлекало Рульфо, так это невероятный контраст между неистощимой фантазией и жестокой рациональностью. «Я – поэт, влюбленный в действие» – такими словами обычно характеризовал себя его бывший научный руководитель. А вот своего ученика он определял через инверсию: «А ты – человек действия, влюбленный в поэзию». В принципе, в таком сочетании не было ничего плохого: порыв молодого студента привел к тому, что они познакомились, а ровная холодность профессора способствовала тому, что их дружба протекала без превратностей. Парадоксально, но обе эти характеристики сыграли свою роль в том, чтобы яма, вырытая между ними Сусаной, стала еще глубже.

Мансарда, напоминавшая павильон Веласкеса, была поделена на две квартиры, бо́льшая из которых представляла собой огромную спальню с окнами, откуда открывался чудный вид на парк Ретиро^[16]. Сесар называл

его «своим» Ретиро. Выражение было как нельзя более точным, поскольку Сесар уже оставил преподавание и единственным смыслом его жизни было теперь уютное существование в окружении любимых вещей и Сусаны. Как и положено настоящему дьяволу (хотя и мелкому), недостатка в деньгах и женщинах у него никогда не было: он всегда умел раздобыть и то и другое, когда запасы истощались, и знал, как этими ресурсами воспользоваться, когда они были в его распоряжении. Несколько лет назад он собрал некоторое количество бывших учеников и организовал литературно-артистико-оргиастический кружок, заседания и вечеринки которого одно время были заметными событиями в Мадриде. И его «дорогой ученик Рульфо» был членом этого кружка.

Все это было до того, как между ними встала Сусана.

– Посредственность этого мира непостижима, Саломон. Жизнь становится для меня маловата. Я всегда говорил: мы, рокедальцы, народ беспокойный. Что бы мы еще могли предпринять, чтобы вновь получать от жизни удовольствие?.. Ты помнишь эту девушку?.. Как же ее звали?.. Пилар Руэда?.. Она вышла замуж, поверишь ли?.. И теперь разводит детей. Я встретил ее не так давно. Последнее, чего я мог от нее ожидать, так это материнской шарообразности фигуры, клянусь. Я сказал ей: «Похоже, ты позабыла о том, чем занималась в моем доме, Пилар». А она отвечает: «Этим невозможно жить...» Нет, если точно, она сказала: «Я не могу жить, занимаясь этим». Потому что самое главное – это жить, кто бы спорил.

Он пригубил вермут и стал вертеть рюмку, продолжая говорить:

– Возможно, решение в том, чтобы снять противоположности. Превратить плотское в наивысшее духовное удовольствие. Знаешь, кто был самым большим святотатцем из тех, кого я знал?.. Не помню, говорил ли я тебе о нем. Это был один французский предприниматель, считавший себя прямым потомком де Сада. Одна из его маний заключалась в том, что, устраивая у себя званый ужин, он ставил на стол освященные облатки. Он приказывал прислуге воровать их из церкви. Я серьезно, поверишь ли?

– Верю.

– Облатки должны были быть настоящими, подделки не годились. Он раскладывал их по подносам, и их подавали под видом канапе. С печеночным паштетом и анчоусами, мягким свежим сыром и белужьей икрой, ломтиками лосося и каперсами... Священники из соседних приходов заявляли о кражах, а полиция предполагала, что это дело рук секты сатанистов... Секта сатанистов!.. Он-то со смеху помирал, паскудник. Постой, это еще не конец истории. Как-то раз я спросил его, зачем он это делает, зачем употребляет облатки как основу для канапе. И

знаешь, что он мне ответил?

– Понятия не имею.

– «Да без начинки они *пресные*, Сесар». Ха-ха-ха! Правду сказать, этот паскудник – большой шутник. Но не атеист, совсем нет. «Ты не атеист, – сказал я ему при случае, – единственное, чего ты добиваешься, так это вкусить плоти Божией, сдобренной „Дьяволятами Ундервуд“...»^[17] Гениальный был тип. Мы с ним немало времени провели, обсуждая спорный вопрос: ад бесконечен или неиссякаем? Оба мы сходились в том, что если он просто бесконечен, тогда это пытка. Но если он неиссякаем, кто тогда захочет, чтобы он когда-нибудь закончился? И пришли к выводу, что для нас хуже, гораздо хуже истощиться, чем умереть. И мы добавили постскрипtum к посылке Рабле, которую потом присвоил Алистер Кроули^[18]: «Делай что хочешь, но стремись к *разнообразию*». Хороши были беседы, да, сеньор...

Тут он схватил бумажную салфетку и поджег ее от сигары. Затем принялся разгонять струи дыма.

– Теперь уже нет никаких бесед, ни хороших, ни плохих... Ничего уже нет. Все пронизано вульгарностью. По крайней мере, меня еще спасает поэзия. И надеюсь, что она спасает и тебя.

– Да, спасает и меня.

Когда-то Сесар был не некрасивым мужчиной, а маленьким стройным принцем на белом коне. «Но я поцеловал не ту принцессу», – обычно пояснял он. Теперь же он сделался некрасив в высочайшей и глубочайшей степени: маленькие серые глазки под бровями домиком, похожими на рожки рогатой змеи, жидкие пряди седых волос, усы и борода клином в придачу. Нос картошкой обычно украшали очки в металлической оправе с синими стеклами, которые никак не помогали лучше видеть вещи (скорее, наоборот). Но когда Рульфо слышал, как он говорит (и подозревал, что в этом он не одинок, – так случалось со всеми), он быстро забывал о внешности этого человека. Голос его был красивым, низким, с легким андалузским акцентом (рокедальским, как сказал бы он сам) – к тому же, как сказала бы Сусана, язык у него был хорошо подвешен, – и годы этот голос пощадили.

– Рад видеть тебя, Саломон, клянусь, и Сусана тоже будет рада. Она сейчас придет, ей нужно было сходить в... Кстати, а не остаться ли тебе на обед?.. Не отказывайся. Нам о многом нужно поговорить... Сусана просто великолепна, сейчас сам увидишь... Понятное дело, в тридцать-то лет любой... Когда-нибудь я напишу в ее честь оду. Она идет наверх, а я – вниз.

Инь и ян... А где ты сейчас работаешь? Последнее, что я о тебе слышал, – это что ты ведешь занятия в литературной мастерской...

– С конца лета я безработный.

– Человек вроде тебя – и без работы?.. И это и есть та новая страна, которую мы строим?.. Мы – европейцы, когда речь заходит о наших обязательствах, но наша безработица остается сугубо национальной. И ты ничего не собираешься предпринять?..

– Не ошибусь, если скажу, что бывали у меня и худшие деньки.

– А я отвечу, что если тебе и так хорошо, то нет ничего лучшего в жизни, чем не работать. Посмотри на меня, к примеру. Но в твоём возрасте еще рановато для этого. Ну а в моём – слишком поздно... Я состарился, не заметив как и когда.

– Тебе же еще и шестидесяти нет, Сесар.

– Ну и что, ведь это всего лишь цифра. Я стар. Чувствую себя старым. И Сусана это замечает. – Он умолк и сделал еще глоток вермута. – Могу тебе признаться, что раньше нас большее объединяло – ее и меня. А сейчас она почти не бывает дома. У нее всегда куча дел в ее театре, но я ее не осуждаю: она молода и пока что думает, что деятельность имеет смысл. Не осуждал я ее и тогда, когда... В общем, когда случилась ваша история. Да, я должен честно сказать тебе об этом. Я никогда не мог понять, почему мы отдалились друг от друга. А то единственное, чего я так и не понял в ваших взаимоотношениях, так это то, почему вы меня в них не посвятили.

Рульфо знал, что эта тема рано или поздно всплывет, хотя не мог предполагать той легкости, с которой далось Сесару ее упоминание. В его намерения не входило заглатывать наживку, но раньше, чем он об этом подумал, рот его уже открылся, чтобы так ее проглотить.

– Сказать тебе об этом было бы абсурдом.

– Любой выбор, все что угодно, лучше, чем ждать, пока контрагент узнает обо всем случайно, не так ли? – возразил Сесар без малейшего намека на раздражение в голосе.

– Мы не были уверены в своих чувствах. И я по-прежнему думаю, что поступили мы правильно.

– Понятно. Ты всегда был бунтарем. Еще в университете.

– Ну а тебя всегда привлекала роль наставника бунтарей.

– Но ты-то был бунтарь-романтик, а это самое худшее. Раз уж ты пришел нас проведать, кое в чем я тебе признаюсь: меня не так задел тот факт, что ты спал с Сусаной, как этот твой мыльный романтизм, которым ты ее умащивал наедине. То, что вы трахались, мне казалось логичным. Парень, я сам тебя с ней познакомил, и я застолбил ее раньше тебя, если

можно так сказать, но тогда она еще была молоденькой актрисой, а ты – молодым выпускником университета с дипломом филолога. Оба вы были молоды и красивы. И ты тоже, да. Демон, настоящий гребаный демон, серьезно, взгляни на себя только... С этими черными кудрями и бородой а-ля Че Гевара... Стоит девушкам тебя увидеть, как они теряют рассудок, и я их понимаю. Твой недостаток – доброта. Невозможно иметь такое лицо и быть таким добрым, как ты, Саломон. Ты похож на грешника, которому вздумалось стать аскетом. На самом-то деле – и я готов признать это – ты всегда был бóльшим поэтом, чем я. Мы оба любим поэзию, но поэзия любит только тебя... хотя останется жить со мной. И не думай, что это всего лишь игра слов.

– Почему бы нам не отложить в сторону эту тему, Сесар? Я пришел не для того, чтобы...

– Ты полагаешь, что Сусану можно в один прекрасный момент отложить в сторону? Если ты и вправду так думаешь, мой дорогой ученик Рульфо, это значит, что ты сильно изменился...

– И чего ты добиваешься? Чтобы мы снова стали драться?

– Нет-нет-нет, – успокоил его Сесар. – Прости, что заговорил на эту тему. На самом деле единственное, чего я хочу, так это жить. Иногда я просто умираю. Хотя и не до конца, и это – самое ужасное...

сусана.

Звук открывающейся входной двери вызвал улыбку на губах Сесара.

сусана. здесь

– Потому что, видишь ли... Жизнь опять и опять возвращается в мой дом, – прибавил он, усмехаясь.

Сусана. Здесь.

Глядит на него.

– Ну вы что, не собираетесь поздороваться?.. Смотри-ка, какое выражение появилось на ее лице, когда она тебя увидела, Саломон. Таким ее лицо не бывает ни в чьем присутствии, клянусь тебе... Ха-ха-ха!

На обед была подана овощная запеканка и телячьи отбивные – тоненькие, как следует прожаренные, как любил Сесар, в сопровождении сыра рокфор, следом – фрукты с сыром грюйер. Все из одного

кейтеринга^[19], объяснили ему, они теперь так питаются, с некоторых пор заказывая все в кейтеринге, никто из них не испытывает желания готовить, но Рульфо с трудом верил, что это стало ежедневной рутинной, поскольку заметил, что оба уткнулись в тарелки с необычным энтузиазмом. Трапеза сопровождалась французским вином, название которого ни о чем ему не говорило, хотя они в один голос уверяли, что откупорили эту бутылку специально для него. Ее палец был перевязан бинтом – домашняя травма, по ее словам (он же сразу подумал, не сохранилась ли у нее привычка грызть ногти): эта повязка коснулась его костяшек, когда они чокались. Обед был съеден быстро и почти в полной тишине, и Рульфо решил, что дождется десерта, чтобы задать тот вопрос, с которым пришел. Затем Сусана принесла клубнику и уселась на середину ковра, а Сесар занял свой любимый диван; Рульфо сделал выбор в пользу пола, хорошо зная, что хозяин дома получит удовольствие, видя обоих у своих ног. Виолончель Макса Регера вырвалась из колонок, по несколько кубиков пахнущего медом коньяка «Курвуазье» было разлито по рюмкам; правда, Сусана предпочла ликер «Драмбуи». Поданная на десерт клубника оставляла на ее губах сургучные печати.

Она изменилась, теперь и Рульфо мог в этом убедиться. Да, она изменилась. Покрасила волосы в более светлый оттенок, и легкие морщинки заключили в круглые скобки ее улыбку. Она все еще была, без сомнений, очень привлекательна в этих фирменных джинсах в обтяжку и свитере с высоким воротом, на который спадала буйная шевелюра соломенного цвета, но для Рульфо она уже принадлежала прошлому, и он очень хотел бы, чтобы это его чувство оказалось взаимным.

В начале беседа крутилась вокруг нового и неожиданного проекта Сусаны – продюсирование театральных постановок.

«Продюсирование театральных постановок, бог мой!»

– Я не то чтобы собралась совсем оставить актерскую карьеру, но Сесар подал идею, и он прав... Нужно учитывать длительную перспективу. Не поверишь, но, если вникнуть, создать собственную компанию не так уж и сложно.

«Она и я, в машине, оба в хлам пьяные, во время той нашей вылазки... Она разделась и натянула на запястья мои браслеты, которые я обычно носил, когда был за рулем...»

– Проблема небольших трупп в том, что они почти никогда не получают субсидий, а теперь и того меньше.

– Культура всегда отвращает правительства, Сусана.

– Конечно, что ты еще можешь сказать?

– Вот перед тобой наш друг Саломон. Дипломированный преподаватель, который не может найти работу.

– Невероятно! – Она надкусила еще одну ягоду.

«Мы намеревались опрокинуть все нормы. Собирались создать секту „Клуб адского пламени“ в Мадриде, сказала ты однажды...»

Сесар удалился. «Миг досуга», – объяснил он, но его хватило, чтобы молчание опутало обоих оставшихся в комнате. Сусана постукивала по носику забинтованным пальцем, одновременно поднося к губам сигарету.

Слова она выпустила изо рта вместе с дымом:

– Учитывая то, сколько времени мы не виделись, ты не слишком-то разговорчив, Саломон.

– Меня сбива с толку твоя новая роль бизнес-леди.

Он увидел, что она приняла удар с загадочной улыбкой, как будто говоря: «Я знаю, что ты знаешь, и ты знаешь, что я знаю». И он отметил еще одну деталь в ее лице, которая тоже подверглась изменению: ямочка на подбородке углубилась. Пока он ее рассматривал, грозовая туча с жаркими образами тела Ракель в свете вспышек молний пронеслась у него в голове.

– Мы все меняемся. Ты, например, решил отрезать по живому и больше с нами не встречаться...

– Я не слишком счастливо жил с тех пор.

– А мне говорили, что вполне. У тебя ведь была невеста, разве не так?

– С этим покончено. – Ни Сусана, ни Сесар не знали о том, что случилось с Беатрис, и Рульфо подумал, что сейчас не самый подходящий момент, чтобы об этом рассказывать. – Я продал квартиру. Сейчас живу в другой, поменьше.

– Об этом я знала. – С лица Сусаны не сходила заговорщическая улыбка. – Все в конце концов меняется. Пилар вот вышла замуж, Сесар тебе говорил?.. А Давид и Алваро работают на правительство. Смотришь назад и понимаешь, что теперь все уже не так, как было раньше. Уже не случаются удивительные приключения. Может, это и есть приметы старения... Да ты меня и не слушаешь... О чем задумался?

– Нет, напротив, я тебя слушал, – подал голос Рульфо. – А со мной вот произошло нечто удивительное.

– Расскажешь нам?

– Да я и пришел к вам, именно чтобы рассказать.

Сесар вернулся, держа поднос с кофе.

– Кофе могла бы приготовить и я, – произнесла Сусана наигранно жалобным тоном.

– О, ну как я мог лишиться тебя удовольствия пообщаться немного с

нашим гостем наедине?.. Если кто-то желает сахара или молока, берите сами. Ну а теперь, что же такое ты хочешь нам поведать, мой дорогой Рульфо?

Рульфо вынул оба предмета и передал Сесару листок:

– Позже я расскажу тебе, где и при каких обстоятельствах я это нашел. Но сначала скажи мне: приходилось ли тебе что-то об этом слышать?

Его экс-преподаватель молча покачал головой, но, когда Рульфо протянул ему фотографию, выражение его лица полностью изменилось: он словно окаменел. Он долго разглядывал снимок, потом взглянул на его обратную сторону и, наконец, поднял глаза на Рульфо, словно прося у него что-то – то ли объяснения, то ли помощи. Рульфо заметил на его лице отражение той эмоциональной реакции, которой меньше всего ожидал от человека, сидевшего перед ним.

Сесар Сауседа был напуган.

IV. Дамы

Думаю, вы поймете меня лучше, когда я расскажу вам... Это случилось много лет назад, но я помню все до последней детали... Кроме того, Саломон обещал сказать, как он нашел эту бумагу и этот снимок, так что я... Будет правильно, если я просвещу вас относительно их происхождения...

Он вновь поднес к губам рюмку, словно надеясь почерпнуть в ней силы для продолжения. И когда он заговорил, перед ними снова был тот профессор, которого оба хорошо знали, – с удивительным прозрачным низким голосом.

– Мне было девять или десять лет, и я жил в том самом городе, в котором родился, в Рокедале... О нем, помнится, я уже рассказывал: о его легендах, его тайнах, его безбрежном море... Но то, о чем я буду говорить, имеет отношение не к Рокедалю, хотя произошло именно там, а к моему деду по материнской линии, Алехандро Герину... Мой дед Алехандро был столяром; он овдовел, когда родилась моя мать, и, быть может, именно эта трагедия пробудила в нем внезапное желание заняться тем, что ему действительно нравилось, то есть поэзией. Те, кто его знал, утверждали, что стихи были у него в крови и струились по венам. Даже Мануэль Герин, нынешний рокедальский поэт, сын одного из племянников моего деда, уверяет, что унаследовал свою профессию от дяди Алехандро...

Эта страсть подтолкнула деда сделать то, что в то время считалось почти невыносимым: он уехал из городка, предоставив свою новорожденную дочь заботам одной из сестер, которая была бездетной и поэтому с радостью взяла младенца. Из его редких писем стало известно, что обосновался он в Мадриде, а также о том, что, как только ему удавалось заработать своим ремеслом какие-никакие деньги, он пытался публиковать свои стихи. Потом, неутомимый странник, он собрал пожитки и отправился в Париж. Но тут разразилась война, и известия от него приходили перестали. Прошли годы, Франция была под оккупантами, и все в Рокедале стали думать, что мой дед умер или, что тоже возможно, сидит в тюрьме. Когда война закончилась, они уверились в том, что никогда больше о нем не услышат. И вот тут-то случилось нечто еще более невообразимое, чем его отъезд: он вернулся. – Сесар сделал паузу и провел указательным пальцем по поверхности снимка, словно был слеп и намеревался прочитать рельефные слова. – Вам должно быть понятно то удивление, с которым его

встретили. Многие люди уезжали, многие оставались, но из тех, кто уехал, в послевоенную Испанию не возвращался почти никто. Дедушка Алехандро был исключением. В один прекрасный день его увидели сходящим с поезда с чемоданом в руке, точно так же как его видели входящим в вагон другого поезда несколько лет назад. Поводом для приезда стала свадьба его дочери. Излишне говорить, что весть о его возвращении никого не обрадовала. Все думали, что он будет противиться этому браку, но он удивил всех еще раз, потому что единственное, чего он желал, по его собственным словам, так это осесть в Рокедале и прожить здесь на покое до конца своих дней. Кроме того – немаловажная деталь! – он привез деньги. Часть из них он подарил дочери, другую – сестре, которая ее воспитала, а немного денег оставил себе, чтобы открыть на них маленькую столярную мастерскую. Он обещал, что никого не побеспокоит, и сдержал свое слово. Люди его приняли. Поняли, что зла он никому же желает, что пришел с миром. Станными казались только две вещи: он абсолютно не желал, даже если к слову приходилось, говорить о своей жизни в Париже, а еще он не говорил о поэзии. «Я не поэт, – утверждал он. – И никогда поэтом не был. Столяр я». – И, говоря это, смотрел на собеседника так, что у того пропадало всякое желание еще раз спросить об этом.

Прошли годы, родился я и рос, восхищенный историей моего деда Алехандро, «парижанина». У меня вошло в привычку проводить дни в его мастерской на окраине городка, и дед, вообще-то упрямый, в конце концов меня принял. У меня были определенные литературные амбиции, ему я говорил, что хочу сделать то же, что сделал он: уехать из Рокедаля, чтобы стать писателем. Я показывал ему мои стихи, но он никогда их не читал. Просто он допускал меня в свое одиночество. Он называл меня Гури, был со мной всегда приветлив, нахваливал мои глаза, мою фигуру. Кончилось все тем, что нас связала крепкая дружба, и благодаря ей я смог понять то, чего не знали остальные: мой дед вовсе не пресытился «жизнью богемы» и не пережил горькое разочарование от неожиданного поворота ветреной фортуны, которое заставило его вернуться. На самом деле мой дед жил в постоянном страхе. Этот страх был старым, витающим в воздухе, как зараза. Дед пристрастился к выпивке, привык к молчанию, к мельком бросаемым взглядам... Как будто он ждал, что вот-вот что-то случится, и одновременно этого боялся...

Мне было, как я вам уже сказал, лет девять-десять, когда все произошло. Это случилось летом, я был на каникулах, что позволяло мне видеть деда чаще, чем обычно. В то утро я отправился в его мастерскую,

как почти в любой другой день, и...

Его удивило, что дверь была закрыта.

Хотя заказчиков у старика не было (порой целыми днями никто не навещался), дверь по утрам он никогда не закрывал, даже в праздники. Мальчик испугался, что дедушка заболел. Постучал костяшками пальцев в дверь и подождал. Потом принялся барабанить в оконное стекло.

– Дедушка?!

Внутри кто-то завозился, что немного успокоило мальчика. Может, старик просто заснул? В последнее время он много пил и неохотно покидал постель. С другой стороны, погода в тот день не очень располагала к прогулкам. Небо было серым, а жара удушающей. Ветер нес из Африки жар Сахары, который едва смягчался морем, и горы, оцетинившись кустами ладана, мерцали вдалеке. Два гелиотропа, которые дед посадил в горшок, казались такими же растревоженными, как и день. «Наверное, будет гроза, – подумал мальчик, – один из тех летних ливней, которыми изливаются дырявые тучи». Его такая перспектива вполне устраивала: если пройдет дождь, то вечером будет здорово спуститься на пляж. Море под струями дождя всегда отличалось какой-то зловещей красотой, на пирсе ошалело кричали чайки. Кроме того, его приятели непременно воспользуются безлюдьем, чтобы пострелять в черных уток самодельными, но очень острыми грабовыми дротиками. Может, и дед захочет составить им всем компанию.

– Гури? Это ты?

Дверь открылась, и в тот же момент улыбка исчезла с лица мальчика. Бледный, потный, как свеча, тающая безо всякого пламени, старик смотрел на него расширившимися глазами. По накалу его слов мальчик понял, что дед пьян.

– Входи же, Гури, давай.

– Что с тобой, дедушка?

– Входи!

Старик закрыл дверь и прошел внутрь. Они оказались в мире, где пахло стружкой, в мире, населенном страшными на вид инструментами, ароматным и молчаливым деревом. Мир мебели без отделки, без лица: предметы эти походили на еще не родившихся младенцев. В дальнем конце мастерской располагалась дедова спальня, его «скит отшельника», как он ее называл. Комната была в равных долях заставлена винными бутылками, банками с лаком и креозотом. От графина шел резкий запах алкоголя, а грязный стакан свидетельствовал о том, что хозяин, по-видимому, пил с

прошлого вечера.

Старик ходил из угла в угол, неторопливо, осторожно выглядывая в окна и проверяя, хорошо ли закрыты двери. Потом он наклонился и поднял мальчишку на руки:

– Гури, окажи мне одну услугу, важную услугу... Я хочу, чтобы ты выяснил сегодня же, прямо сейчас, где остановилась женщина, которая вчера вечером приехала в город... Слушай меня, не перебивай... Я хочу узнать ее имя и откуда она приехала... Она очень молода и очень красива, так что все ее наверняка заметили. Гури, не подведи меня... Хороший мой, не подведи...

– Женщина, да, дедушка?

– Да, молодая, высокая и очень красивая. Она приехала вчера вечером. Хочу, чтобы ты мне сказал, откуда она приехала... И... Обожди, не убегай пока что!.. Самое-то важное. Вернее говоря, две самые важные вещи: проверь, носит ли она кулон на груди, ну, знаешь, такое золотое украшение... Если да, то поспрашивай, какой оно формы. Но, ради всего святого, если ты на нее наткнешься – слушай внимательно! – если ты ее вдруг увидишь... Послушай меня, Гури, мальчик мой... Не разговаривай с ней, не подходи к ней, даже если она будет звать... Даже если позовет! Ты меня понял?..

– Дедушка, пусти, ты делаешь мне больно...

– Ты меня понял?

– Да, дедушка.

– А теперь беги и возвращайся как можно скорее.

Мальчик был совершенно не против того, чтобы выполнить первую часть этого распоряжения. Он просто сгорал от желания уйти оттуда. То, как дед вел себя, наводило на него ужас. Он не знал, что такое творилось со стариком, но стоило ему заглянуть деду в глаза, как по спине бежали мурашки.

Вернулся он спустя два часа. На этот раз дверь в мастерскую была открыта. Голос старика, доносящийся откуда-то из глубины, пригласил его войти. Деда он нашел сидящим в плетеном кресле-качалке.

– Никого, дедушка.

– Что-что?

– Я хочу сказать, что нет никого, кто приезжал в город – ни вчера, ни за всю неделю.

– Ты уверен?

– Совершенно уверен. Я спрашивал в пансионе, в гостинице... Сбегал в бар «Ла Троча». Там всегда обо всем знают. И мне сказали, что никто не

приезжал. Никто.

Он не захотел прибавить то, что слышал практически от каждого, с кем поговорил, и в чем и сам был убежден: что его деду не стоит так много пить. Он не смог бы сказать это старику. Он до безумия любил этого человека с седой бородкой, медленно расползающейся по голове благородной лысиной и глазами, которые в лучшие свои моменты напоминали распахнутые окна в тот мир, который мальчик так хотел познать.

Он думал, что дед обрадуется, услышав новости, но увидел, что это не так: казалось, дед расстроился еще сильнее, чем раньше. Но вдруг выражение его лица изменилось. Он улыбнулся и подмигнул внуку:

– Мне очень неудобно просить тебя еще об одном. Но если тебя это не устроит, просто скажи мне, и лады, идет?

– Идет, деда.

– Ты у меня парень что надо, замечательный парень. Так вот, мне хотелось бы, чтобы... чтобы ты попросил у родителей разрешения прийти ко мне сегодня вечером. Поиграем в карты или во что-нибудь другое, во что захочешь... Потом, если тебе не нужно будет бежать домой, я уступлю тебе кровать, а сам буду спать на диване... И я тебя не побеспокою, обещаю...

– Но, деда...

– Да, я понимаю, что предложение скучновато для тебя, но...

– Скучновато, говоришь?.. Да оно здоровское! Побегу отпрашиваться у мамы!

Никакой проблемы с мамой не было, и он заранее был уверен в таком исходе. В семье, как и вообще в Рокедале, все в конце концов сошлись во мнении, что старик совершенно безобиден. Правда, мать ничего не хотела знать об этом живущем на окраине столяре, от которого она получила только улыбку, поцелуй и приличную сумму денег, но она не мешала сыну частенько к нему забегать.

Тем не менее, когда пришел назначенный час, случилось нечто, что едва не порушило все планы. Сгусток горячего воздуха, собравшийся в небе, разрядился над морем и протащил тучи песка и пыли по улицам городка. Мальчик догадался выйти из дома пораньше, чтобы родителям не взбрело в голову не отпустить его в непогоду. Но, несмотря на эту предусмотрительность, к мастерской он подошел уже под проливным дождем. Что-то напоминавшее огонек светлячка под стеклянным колпаком плавало в окне. Старик впустил его внутрь.

– Да ты совсем промок, малыш. Заходи и сушишь.

Первым, что привлекло его внимание, был изменившийся голос деда.

Он уже не дрожал, в нем не было страха, но и других эмоций не было. Из рта по-прежнему пахло алкоголем, но не больше, чем утром. И движения его были четкими, резкими, уверенными. Из всего этого мальчик сделал вывод, что старик трезв как стеклышко. И только потом, спустя много лет, он пришел к выводу, что ошибался. Но в тот далекий день ребенок еще не знал, что есть такая степень опьянения, что начинается уже за пределами дрожи, заикания и шутовского вида, – это абсолютное опьянение, которое сродни сумасшествию и умеет прятаться в глубине взгляда.

Старик прошел через всю мастерскую, не покачнувшись, добрался до своего «скита», освещенного парой свечей, вставленных в пустые бутылки, и, почти не сгибая коленей, уселся в свое плетеное кресло-качалку.

– Сними рубашку и повесь ее сушиться. У меня есть немного сыра, если хочешь заморить червячка.

– Я только что поужинал, деда.

Какое-то время они смотрели друг на друга в полной тишине, только дождь шумел за окном, и тут мальчик заметил, каким бледным было лицо деда. Как будто за то время, что они не виделись, вся кровь из его головы вытекла через какое-то отверстие.

Наконец дед снова заговорил:

– Я очень благодарен тебе за то, что ты пришел... Мне хотелось поговорить с тобой, кое-что тебе рассказать... Рассказать правду... – Дед чуть склонился над внуком и улыбнулся. – Честно говоря, я хочу рассказать тебе *все*. – Он замолчал, но улыбка никуда не делась: она казалась инкрустированной в его лицо, как та отделка, которой он украшал мебель в своей мастерской. – Ты много раз спрашивал меня, продолжаю ли я писать стихи, так?... Что ж, открою тебе секрет... – Он протянул руку к книжным полкам и вытащил тетрадку с изрядно помятой обложкой. – Здесь то, что я никогда никому не показывал. На этих страницах ты найдешь все, что я написал за последнее время... Все.

Мальчик чуть было не улыбнулся в предвкушении, но тут кое-что понял.

Это осознание пришло таким яростным, таким взрослым, почти ощущением пощечины на лице.

Его дед был болен. Серьезно болен. И не то чтобы заболел он как-то внезапно, в это мгновение, нет, это мгновение всего лишь позволило прорваться давней хвори, обитавшей внутри, проложить наконец себе дорогу сквозь его усталые черты, через глаза, похожие на два невосприимчивых к свету омуты, и губы, покрытые серебристой пленкой слюны.

Старик замер в своем кресле. Мальчику почудилось, что морщинистое лицо, которое он видел перед собой, было лицом незнакомца, какого-то дряхлого сморчка, полностью слетевшего с катушек, старого козла. «Его дед – старый козел, вот он кто».

– Хотел бы ты прочесть поэму, которую сочинил твой дед, малыш? Поэму, которую он писал на протяжении *нескольких лет*?.. Ну давай же, не скажешь же ты «нет»! Парень, ты же всегда хотел прочесть поэму твоего знаменитого деда Алехандро!.. Хочешь ее прочесть?.. – И вдруг, между двумя раскатами грома, крик: – Отвечай мне, сукин сын!

Мальчик сказал «да», но его собственные уши не слышали этого ответа.

– Ну так вот она, держи.

Тетрадь не дрожала, однако затряслась, когда ее взяла детская рука.

– Читай ее. Читай мою поэму, пацан.

С трепетной осторожностью мальчик открыл первую страницу. Слов там не было, только рисунок, неумело выполненный цветными карандашами, – желтый цветок. На второй странице – синяя птица. На третьей – женщина, привязанная к спинке кровати, ноги широко раздвинуты, а

дамы

на следующих – человечьи головы с красными петушиными гребешками, растущими из черепа; лицо с белыми глазами; рыжая девочка с отрезанными кистями рук засовывает одну из культей себе в

дамы числом тринадцать

девушка с острыми зубами; черенок метлы до самых веток засунут в чьи-то гениталии

дамы числом тринадцать:

номер один Приглашает

зачеркивания, пятна, открытые рты; покрытое червями лицо; повешенный человек; женщина со вспоротым животом; гадюка, проползающая по глазу младенца

дамы числом тринадцать:

*номер один – Приглашает,
номер два – Наблюдает,*

– Тебе нравится моя поэма, парень?

Ребенок не отвечает ни слова.

– Нравится тебе моя поэма? – настаивает старик.

– Да.

– Читай дальше. Конец мне особенно удался.

Он пролистывал страницы быстро, в такт ударам собственного сердца. Целый мир безумных цветных картинок бросился ему в лицо. Последняя страница была не тетрадной, вложена отдельно. Она была единственной, на которой было что-то написано. Он узнал почерк деда. Если это и была поэма, то очень странная. Больше всего она походила на список имен.

Дамы числом тринадцать:

Номер один – Приглашает,

Номер два – Наблюдает,

Номер три – Карает,

Номер четыре – Разум отбирает,

Номер пять – Страсть внушает,

Номер шесть – Проклинает...

– *Номер семь – Отравляет,* – декламировал дед одновременно с читающим ребенком, без запинки, без единой ошибки. – *Номер восемь – Заговаривает... Номер девять – Взывает... Номер десять – Приговор исполняет... Номер одиннадцать – Прорицает... Номер двенадцать – Знает.* – Он остановился и улыбнулся. – Вот они, дамы. Их тринадцать, их всегда тринадцать, но здесь названы только двенадцать, заметил? Ты можешь упоминать только двенадцать... И никогда, даже во сне, не смей говорить о последней... Худо тебе придется, если сорвется с твоего языка *номер тринадцать!*.. Ты что, думаешь, я вру?

«Старый козел. Твой дед – старый козел». Он собирался с силами, чтобы ответить, пока взгляд его был прикован к этому лицу, разъятому на части безумием:

– Н-нет...

Старик откинулся на спинку кресла, будто бы ответ его удовлетворил или, по крайней мере, слегка успокоил. Мгновение он ничего не говорил. Буря за окнами ревела, словно огромная толпа.

Затем он вновь заговорил, но шепотом:

– Я познакомился с одной из них в Париже... Вернее, это *она* пожелала со мной познакомиться. Выбирают тебя всегда они, не ты их. Ее звали Летиция Милано. Естественно, это не было ее настоящим именем, а это – ее внешностью. – Рука извлекла откуда-то измятую фотокарточку и протянула мальчику. – Узнаешь меня?.. Этот снимок был сделан много лет назад, на бретонском пляже. Вот она, Летиция Милано. Я мог бы многое рассказать тебе об этой женщине, но не буду. Скажу тебе только о ее взгляде. Знаешь, что в нем было, малыш?.. То, что ты только что увидел в этой тетрадке. *Все это.*

Ребенок больше и больше пугался. Он не понимал ничего из того, о чем говорил дед, знал только, что совершил серьезную ошибку, придя этой ночью в его дом. Нечто, внушавшее опасение гораздо более, чем бледность, просвечивало из-под маски лица старика, искажая его черты, заставляя вращаться глазные яблоки, искривляя уголки рта в мимолетные гримасы, пока он говорил.

– Каждая дама может быть различными женщинами, многими женщинами, но мы, те, кто им принадлежит, умеем их узнавать. Они носят на себе знак. Медальон на шее. Видишь его?.. – Он показал на снимок. – Она носила медальон с Акелос, номер одиннадцать, та, что Прорицает... Взгляни на карточку. Какой формы у нее медальон, парень?..

Мальчик не отводил глаз от фото. Почувствовал, как по его голой спине пополз холодок.

– Напоминает... букашку.

– Это паук, – уточнил старик. Он снова выпрямился в кресле, и из его рта вырвался смешок. – Ты вот хочешь стать поэтом, так?.. А разве ты знаешь, что такое поэзия?.. Полагаю, в школе тебе скажут, что суть поэзии состоит в том, чтобы сочинять красивые фразы, которые рифмуются друг с другом... Но много, очень много лет назад жрец укладывал на алтарь младенца, вскрывал, как арбуз, его маленький кругленький животик и, пока вытягивал из него кишки, как длинного, длинного, очень длинного червя, декламировал «красивые» стихи... Настоящая поэзия – это чистый ужас, тебе говорит это твой дедушка...

Внезапно мальчик кое-что понял: плакать в старости – это смотреть так, как в тот момент смотрел на него дед.

– Ты не знаешь... Не знаешь, что именно заставила *она* меня увидеть... Ты понятия не имеешь, парень... Как тебе это объяснить?.. Есть два уровня. – Он поднял руку к глазам, ладонью вниз; рука не дрожала. – Один, тот, что вверху, – это мир, в котором мы живем. Но существует другой, более глубокий, очень глубокий...

Мальчик следил за траекторией опускающейся руки как зачарованный.
– Слои и слои мрака, подземелье, где стих – это такая тварь с красными глазами, которая... – Вдруг он остановился и повернул голову. – Ты слышал это?..

Он поднялся и заглянул за закрытые ставни. Теперь он казался объатым ужасом. Молния на мгновение осветила его застывшее лицо.

– Она обещала, что придет за мной!.. Ей нужны мои стихи... Они тебя избирают по какой-то неведомой причине и бросают в твои мозги семена черт знает каких ужасов, чтобы... чтобы ты написал пару строчек!..

И вдруг, изогнувшись, широко открыв рот, он закричал. Его вопли заставили ребенка содрогнуться всем телом.

– Из-за этого я и вернулся!.. Неужели ты думаешь, что мне есть хоть какое-то дело до этой *паршивой* деревни?.. Но она уже здесь, я видел ее вчера вот из этого самого окна, клянусь тебе!.. Теперь у нее рыжие волосы, а глаза – зимняя ночь... И она хочет моих стихов!.. У меня кровь в жилах стынет при мысли о том, что она может со мной сделать! – И согнулся в приступе рыданий без слез, рыданий, походивших на каучуковую маску, которую кто-то вытягивал из его щек. Вдруг он поднял глаза. – *Не-щ-щ-щ-счастный* ребенок! – прошипел он. – Говорит, что хочет быть *поэтом*!.. Какой глупец!..

Мальчику показалось, что старик сейчас бросится на него. Нервы у него не выдержали, он выпустил из рук тетрадь, схватил свою рубашку и бросился бежать. Пока он бежал из мастерской посреди ночи и сквозь ливень, ему снова слышался голос деда. И он никогда не забудет свое ощущение в тот момент: как будто бы беседа продолжалась, как будто он не убегал или не он был тем, к кому обращался старик, без конца повторяя одно и то же:

– Прости меня... Умоляю тебя, прости меня... Прости меня...

– На следующий день мастерская не открылась. И через день тоже. И еще день спустя. Через четыре дня зеленые и огромные, как гребни спящих динозавров, волны вынесли на берег его тело. Мои родители скрыли от меня подробности, лишь сообщили, что он погиб. Но один мой приятель, которому случилось быть на пляже, когда вытаскивали тело, рассказал обо всем, что с ним сделали рыбы: о цвете его языка и его крови, о том, что море лишило его лица и мужского достоинства. Мне еще долго снилось это тело. Потом я его забыл. Люди говорили, что в ту грозовую ночь мой дед напился, отправился на волнорез и бросился в море. Но мне не были нужны ни судьи, ни жандармы, чтобы быть вполне уверенным в том, что он

мог это сделать. Позже, когда нам передали его вещи, я нашел среди них тетрадь, но ни фотокарточки, ни листка с перечнем дам там не было. Я предположил, что он бросился в море вместе с ними. А теперь ты, Саломон, явился, словно море, и вернул их мне... Надеюсь, ты нам поведаешь, где ты их нашел...

– Это абсурд, – изрекла Сусана.

Она вернулась с пакетом и бумагой для самокруток, но никто не принял ее приглашения. Тогда она сняла кофту, уселась на ковре, вытянула ноги и свернула сигаретку с марихуаной для себя одной. Закурила в тишине, оперев голову на кресло, глаза в потолок. До темноты оставалось немного. Дождь прекратился, но тучи клубились на горизонте поверх парка Ретиро.

– Это полный абсурд. Конечно же, есть рациональное объяснение того, что случилось с Саломоном...

Рульфо был приятен этот глас трезвого рассудка. Час назад, когда он слушал историю Сесара, он уже готов был отпустить тормоза; но, рассказывая о собственных приключениях (которые, по мере того как шло время, казались ему все более и более невероятными), поверил в то, что мир окончательно и непоправимо обезумел. Как могло так случиться, что оба события, разделенные сроком почти в полвека, соотносились друг с другом? То, что Сесар упомянул медальон в форме паука и имя Акелос, заставило его содрогнуться, но не меньшее впечатление произвел тот факт, что он нашел фото и листок деда Сесара в том, чужом доме. Что означают эти совпадения? И он был благодарен Сусане, выступившей в защиту здравого смысла, хотя и был убежден, что она и сама не верила в то, что говорила.

– Ну пожалуйста... Неужто вы всерьез думаете, что некая Лидия Гаретти через сновидения установила связь с Саломоном и этой другой девушкой? И что Летиция Милано и Лидия Гаретти имеют отношение к некой Акелос? Интригует, ничего не скажешь, но абсурд. Конечно, снимок и листок были в доме, ну и что из того? Может, Летиция ее родственница. Кроме того, Сесар, как ты можешь быть уверен в том, что этот листок – тот самый, что показывал тебе дед? С тех пор прошло столько времени...

– Есть вещи, которые не забываются никогда.

– И никогда не упоминаются, по всей видимости. Ты никогда об этом не рассказывал. – Во время последней реплики Сусана повернула голову к Сесару.

– Да я не придавал этому значения. И всегда полагал, что мой дед

просто сошел с ума... до тех пор, пока не услышал сегодня историю Саломона.

– История Саломона может иметь множество объяснений, так же как и твоя.

– В твоих словах я не сомневаюсь.

– Я тоже. В чем у меня есть сомнения, так это в твоей интерпретации. – Она обернулась к Рульфо и улыбнулась. – Извини, но должен же хоть кто-то сказать нечто разумное в этот вечерний час, как ты полагаешь?

– Безусловно, – согласился Рульфо.

– Я верю, что тебе снились эти сны и что ты нашел в том доме все, что, по твоим словам, ты нашел, но, во-первых, девушка, которая была с тобой...

– Ракель.

– Именно. Не могла ли она что-то скрыть? Может, она сейчас сидит и потешается над твоей наивностью.

– Не думаю. – Рульфо постарался не выдать свое раздражение, вызванное этим ее предположением. В его намерения не входило слишком распространяться относительно Ракели, он ограничился тем, что представил ее в качестве «свидетеля». – Она выглядела такой же ошарашенной, как и я. Ей снилось то же самое, и пришла она туда по той же причине.

– И вы оба вдруг оказались там одной и той же ночью, и, как по мановению волшебной палочки, дом открывается для вашего визита?.. Да ладно, Саломон, ну ты чего!.. – Она затянулась сигаретой и куснула ноготь. – Все это было... нагромождением случайностей, которые ты интерпретировал на свой манер... – И она изобразила свою фирменную заговорщическую улыбку. – Я тебя знаю, в том числе и то, что ты всегда был романтиком. Ты всегда мечтал, чтобы с тобой когда-нибудь приключилось нечто, подобное этой истории, разве не так?..

«Странные истории, странные вещи», – подумалось Рульфо. Те, что так не нравятся Бальестеросу. Но тут Сусана была не права: ему они тоже не нравились.

– Но Сесар-то вовсе не романтик, – возразил он. – И именно он подтвердил мою историю. На самом деле я пришел к тебе, Сесар, потому что, кажется, что-то припомнил... Не упоминал ли ты однажды о дамах?..

Сауседа с таинственным видом кивнул:

– Верно, и именно здесь находится другая сторона этого любопытного вопроса, о которой вы пока не знаете. Напряги-ка память: конференция,

посвященная Гонгоре^[20], пять лет назад, здесь, в Мадриде... Отовсюду съехалось много народу...

– Теперь вспомнил: обед с тем австрийским профессором...

– Герберт Раушен. Интереснейшим типом он оказался, этот Раушен. На обеде мы сидели за столом как раз друг против друга, и он принялся говорить мне о поэтическом вдохновении. Его теория показалась мне привлекательной. Он полагал, как и греки, что поэт «одержим», то есть охвачен некой внешней силой. Конечно, он имел в виду не дьявола, а «внешние влияния». И тут в один прекрасный момент он меня спрашивает, не знаком ли я с легендой о тринадцати дамах. Для меня это было чем-то вроде дежавю: я моментально вспомнил ту ночь с моим дедом в мастерской и был... Ну, сказать, что я был ошеломлен, будет недостаточно. Я подтвердил, что кое-что об этом слышал. Ты ведь сидел рядом, Саломон, и ты спросил, что это за легенда...

– И никто из вас мне не ответил.

– И правда. Раушен сменил тему, а я был так растерян, что не знал, что сказать. Но я никогда не рассказывал тебе о том, что было дальше. После обеда он пригласил меня прогуляться. Я согласился, заинтригованный, ожидая великих открытий и разоблачений. Однако начало нашей беседы меня, скорее, разочаровало: он говорил о том, как хорошо он себя чувствует в Испании, о своем желании поселиться здесь (он жил в Берлине), об испанских коллегах, своих знакомых... В общем, ходил вокруг да около, касался различных тем, как будто не решался резко спланировать как раз на ту, которая, я уверен, интересовала нас обоих. Наконец он спросил меня, что я знаю об этой легенде. Я ответил, что почти ничего, и это правда. Я всегда полагал, что вся история была фантазией моего деда. Он как-то странно на меня взглянул и пообещал прислать мне одну книгу. «Это дерзкое и забавное эссе, – объявил он, – но, думаю, вы сможете извлечь из него некоторую пользу». Мы распрощались в тот же день, а неделю спустя я получил по почте испаноязычный экземпляр «Поэтов и их дам» – анонимное произведение, опубликованное первоначально по-английски и по-немецки в середине двадцатого века... У меня до сих пор где-то должна лежать эта книга, потом поищу... И уверяю вас, Раушен ничуть не преувеличил: речь шла о творении бреда. Я бросил читать на середине, слегка рассердившись. В ней на соответствующих литературных примерах развивалась одна любопытная теория – о существовании некой секты, тайно занимавшейся внушением вдохновения великим поэтам. Автор не пояснял причину, по которой они это делали, он всего лишь приводил примеры, рассказывал истории. – Сесар ненадолго прервался, чтобы налить

себе коньяку. Заодно наполнил рюмку и Рульфо, слушавшему его с большим вниманием. – Главных членов этой секты было тринадцать, они называются «дамы». Каждая дама занимает в секте, в соответствии с иерархией, свою ступень и наделяется символом и особым тайным именем. Их миссия – вдохновлять поэтов. «Но с какой целью?» – задавался я вопросом. Однако повторю: книга не давала ответа на этот вопрос. Некоторые дамы вошли в историю: Лаура – источник вдохновения Петрарки, Смуглая леди – для Шекспира, Беатриче – у Данте, Диотима – у Гёльдерлина...^[21] Я прочел только первые главы. Помню, что Лаура, вдохновительница «Книги песен» Петрарки, была, по мнению автора книги, дамой номер один, той, что Приглашает, чье тайное имя было Бакулария и чья внешность – девочки одиннадцати-двенадцати лет, белокурой, очень красивой – была не более чем, как уверял автор, неким *обличьем*... Потому что хотя он и не пускался в объяснения, откуда они взялись, но зато утверждал, что дамы – существа сверхъестественные... В общем, истории показались мне чистой воды фантазиями. Неделью спустя Раушен снова позвонил. Очень интересовался моим мнением об этой книге. Я предпочел отозваться сдержанно. Сказал ему, что теория о существовании тайной секты, взявшей на себя труд вдохновлять поэтов всего мира, по меньшей мере любопытна. Тогда он стал настаивать на следующей встрече. Сказал, что есть нечто, о чем в книге не упоминается и что очень важно и о чем мне надо узнать. Я спросил, что он имеет в виду. «Дама номер тринадцать», – сказал он. Я тут же вспомнил, о чем мне рассказывал дед, и спросил Раушена, почему ни в коем случае нельзя называть эту даму, а также почему это так важно. Но он хотел все это обговорить спокойно и обстоятельно. Я объяснил, что сейчас очень занят, и мы отложили встречу.

– А что было потом? – задала вопрос Сусана.

– Потом было то, что он мне больше не позвонил. И я позабыл и об этой теме, и о Герберте Раушене. В то время я как раз занимался тем, что сворачивал свои университетские дела, и потерял его след. Думаю, он все еще живет в Берлине. Но в любом случае мне представляется, что объяснение всего, что случилось с Саломоном, вовсе не обязательно должно иметь сверхъестественную природу... Речь может идти, например, о секте, которая сохранилась до наших дней. Розенкрейцеры, масоны и многие другие ведут свое происхождение от гораздо более древних обществ... Вполне возможно, что-то подобное имеет место и в случае с дамами. Группа из тринадцати женщин, например. И одной из них могла быть Лидия Гаретти.

– Эта теория видится мне более приемлемой, – сказала Сусана. – Мы живем в век разных сект.

Сесар с воодушевлением потер руки:

– Предлагаю попытаться собрать всю возможную информацию об этом деле. Я постараюсь разыскать эту книгу и разузнать, где сейчас находится Раушен... Сусана, ты, кажется, знакома с парой-другой журналистов: как ты думаешь, не сможешь ли ты раздобыть какие-нибудь сведения о Лидии Гаретти – из тех, что не попадают в печать? Реально это все или нет, но совершенно точно, что эта женщина держала в доме фотокарточку и текст, собственноручно написанный моим дедом... Невероятно!.. Одного этого достаточно, чтобы мне захотелось узнать о ней побольше...

– Хм, – произнесла Сусана, – хорошо, я согласна сыграть роль следователя. – И добавила, улыбаясь Рульфо: – Хотя бы исключительно в память о прежних временах...

Он ушел от них довольно рано, когда только начало смеркаться. Всю дорогу история, которую поведал Сесар, бурлила и клочкотала у него голове. С ним творилось что-то в высшей степени странное: ему представлялось, что та фотокарточка и та бумага были именно там, в доме Лидии, именно для того, чтобы он их нашел и, следовательно, чтобы Сесар вспомнил все случившееся с его дедом и о своих встречах с Гербертом Раушеном. Как будто бы события, пережитые Рульфо с тех пор, как он начал видеть кошмары, представляли собой разрозненные фрагменты, которые ему нужно постепенно собрать и соединить в общую картину.

До улицы Ломонтано он добрался, когда полностью стемнело. Припарковал машину, заехав на поребрик, и направился к дому по практически пустой улице. В голове крутился вопрос: позвонить ли Ракели, как только войдет в квартиру, – всего лишь поинтересоваться, все ли с ней хорошо, или спросить, не согласится ли она на встречу завтра? Чувствовал он себя совершенно измотанным.

Достал ключ от парадной,

вверх-вниз

когда его слышал: ритмичные звуки, какой-то

вверх-вниз, вверх

стук за его спиной, обычный звук среди множества других.

Вверх-вниз, вверх-вниз...

Он обернулся и увидел на противоположном тротуаре девочку. У нее были очень светлые волосы, пряди которых падали ей на лицо. Одета она была как побирושка. Она играла с красным мячиком, заставляя его подскакивать на асфальте. На груди ее что-то поблескивало, что-то вроде золотого медальона.

Девочка смотрела на него.

И улыбалась.

Мяч продолжал прыгать по той же траектории, между ее рукой и тротуаром: вверх-вниз, вверх-вниз...

Вдруг она взяла мяч в руки и пошла прочь.

«Девочка с белокурыми волосами, хотя это не более чем ее обличье».

Засомневавшись в сохранности собственного рассудка, он все же решил пойти за ней.

Узкие центральные улицы Мадрида напоминают галлюцинации, где соединяется похожее и различное. Девочка, однако, вполне уверенно продвигалась к своей цели. Она покинула улицу Ломонтано, свернула под прямым углом, обогнула припаркованный на тротуаре мотоцикл и компанию молодежи, двигавшуюся ей навстречу.

Рульфо предусмотрительно держался на некотором расстоянии позади нее. В один прекрасный момент, после того как она еще дважды свернула за угол, он потерял ее из виду. Оглянулся по сторонам и заметил девочку возле витрины продуктового магазинчика, где были выставлены кувшинчики с медом. Она тут же снова двинулась в путь. «Она ждала меня, – подумал он. – Никаких сомнений, она хочет, чтобы я шел за ней».

Волосы девочки в свете фонарей отливали иридием, ее отражение дробилось в никеле луж. У Рульфо появилось сводящее с ума впечатление, что никто, кроме него, не видит девичью фигурку, но вдруг идущие рука об руку пожилые супруги обратились к ней, желая, без сомнения, спросить, не заблудилась ли она и не нужна ли ей помощь. Девочка сделала вид, что не расслышала, и продолжила свой путь. Итак, это вовсе не некий продукт деятельности его мозга, не призрак какой-нибудь: девочка существует, и он идет вслед за ней.

Они миновали небольшую площадь, потом не слишком оживленную улицу, а затем свернули в другую, еще более безлюдную. И вот тут девчушка скрылась из виду, шмыгнув внутрь обшарпанного здания из

позеленевших от времени кирпичей. Рульфо осмотрел строение и насчитал четыре этажа. Он вошел в вестибюль и нажал на кнопку старого пластмассового выключателя – загорелась единственная электрическая лампочка. С лестницы до него доносилось шлепанье босых ног. Он взглянул вверх – как раз вовремя, чтобы заметить светлую девчоночью головку над перилами. И стал подниматься вслед за ней. Дойдя до третьего этажа и пошарив по стене в поисках выключателя, он вновь зажег свет. Девочки там не было, но ее шаги были слышны у него над головой. Дошел до четвертого и в изумлении остановился. Здесь тоже никого не было. Однако же и лестница, и звуки продолжались. Наверное, в доме была терраса на крыше или чердак.

Он поднялся выше и достиг следующей площадки, погруженной во тьму. Здесь выключателей уже не было, но в последних отблесках желтого света с нижних этажей он смог разглядеть чуть дальше еще одну дверь. Она была открыта.

Вдруг что-то произошло.

Банальная, в сущности, вещь, но она повергла его в безумие страха. Из темного проема двери выскочил мячик, подпрыгнул три раза, задел его ноги, словно котенок, ударился о стену, потом о перила. Рульфо следил за его траекторией, подобно игроку в бильярд, который провожает взглядом шар, решающий исход партии. Когда мяч остановился, он подумал, что девочка появится вслед за ним. Но этого не случилось.

Стояла полная тишина.

Не очень хорошо понимая, что ему следует предпринять, он наклонился и поднял мяч.

– Ты подашь мне его? – прозвучал наконец нежный голосок из темноты, что царила за дверью, голос, походивший на звучащий хрустальный свет.

Это был, без всякого сомнения, голос девочки. Рульфо слышал только собственное дыхание, будто у него заложило уши.

– Так ты мне его дашь? – вновь прозвучал вопрос.

– Я тебя не вижу. Где ты?

– Дашь мне его? – повторила она.

Пространство по ту сторону порога было густого, без оттенков, черного цвета. Должно быть, там было какое-то закрытое помещение, возможно чердак.

– Почему ты не хочешь мне показаться?

На этот раз ответа не последовало. Он сделал шаг и окунулся в темноту, чувствуя, что желудок его превращается в кусок льда.

И тогда он ее обнаружил, или ему показалось, что обнаружил, прямо перед собой: размытые пряди волос на уровне своей груди. Он протянул руку, в которой держал мячик, и красный шар, казалось, проплыл по воздуху из его пальцев в другие руки, поменьше.

Он не мог видеть черты лица этой девочки, но теперь различал не только волосы (волну света), но и что-то похожее на белую тень ниже ее головы, – быть может, это была пелерина на замызганном платье, в которое она была одета, – блеск (медальон?) и круглую поверхность мяча.

Молчание ее было абсолютным. Он не слышал даже ее дыхания.

– Кого ты ищешь? – неожиданно спросила девочка.

– Что?

– Кто те, кого ты ищешь?

Он принялся раздумывать над странным вопросом. Что же он в действительности ищет? Разве он что-то ищет? Искал ли он что-то с того самого момента, как все это началось?

Множественное число заставило его заподозрить, что на этот вопрос возможен только один ответ.

– Дамы, – сказал он. По его спине сбегала струйка ледяного пота.

Облако волос шевельнулось, проплыло мимо него, вышло на площадку. Лестница снова жалобно заскрипела под босыми ногами.

Свет успел погаснуть, и Рульфо пришлось спускаться в полной темноте. Когда он щелкнул выключателем и заглянул в лестничный проем, то смог различить голую ручку, скользкую по перилам.

Девочка его намного опережала, поэтому ему пришлось прыгать через ступеньки, но когда он оказался в вестибюле, то не нашел ее. Чертыхаясь сквозь зубы, он выскочил на улицу. Он ее потерял, невероятно!

Недоумевая, он снова зашел в парадную. За рядом почтовых ящиков увидел другую лестницу, которая спускалась вниз и упиралась в закрытую дверь. Это наверняка был вход в небольшой подвал, в котором располагались счетчики, судя по доносившемуся звуку.

Тут ему в голову пришла абсурдная мысль: «Ведь она задала ему свой вопрос в самой высокой точке здания, а что, если сейчас она ждет его там, в самом низу?»

Вверх-вниз.

Мысль была абсурдной. Девочка не могла войти в этот подвал так, чтобы он этого не заметил. Правду сказать, он вообще был уверен в том, что дверь заперта на ключ.

Вверх-вниз.

Несмотря ни на что, он подумал, что ничего не потеряет, проверив. Он

спустился по короткой лесенке и повернул дверную ручку. Дверь не была заперта. Это действительно было помещение для счетчиков. Сенсорный выключатель света в вестибюле тихо попискивал. Комнатка была малюсенькой, но, в отличие от чердака, полностью просматривалась благодаря свисавшей с потолка лампочке, которую Рульфо зажег, нажав на кнопку выключателя на стене. Ведро и другие принадлежности для уборки стояли в углу. Пахло хлоркой и плесенью.

Девочки там не было.

А за его спиной?

Он обернулся, надеясь ее увидеть. Но еще раз ошибся. Никого не было. Он глубоко вздохнул и толкнул дверь, намереваясь закрыть ее, и увидел

девочку, стоящую

в комнате со счетчиками, заслоняя своим телом все те вещи, которые какую-то долю секунды назад он мог видеть без всяких помех. Он еле сдержал вырвавшийся крик, словно неожиданно наткнулся на тарантула в собственном доме. Ему показалось, что воздух сгустился и породил эту небольшую фигурку.

Девочка уже не улыбалась:

– Почему ты их ищешь?

Свет лампочки позволял рассмотреть ее намного лучше, чем раньше. Она выглядела несколько старше, чем ему показалось вначале, лет одиннадцати-двенадцати: белокурые волосы, тугие локоны, лежавшие на плечах, василькового цвета глаза со снежной белизны белками. Ее темно-зеленое платье с белой пелериной во многих местах, особенно по подолу, было порвано, и сквозь дырки на юбке виднелись тонкие ноги. Золотой медальон был в виде лавровой ветви. Красный мяч в ее руках забавно контрастировал с цветом платья и кожи, кожи такой белизны, какой Рульфо до того момента видеть не доводилось, – это была белизна холодного минерала, борной кислоты, на которой вены выглядели как трещины на разбитом, а потом склеенном фарфоре.

Она была поразительно красива.

– Почему ты их ищешь? – повторил свой вопрос очень звонкий, но лишенный всякой интонации голос.

– Хочу с ними познакомиться, – пробормотал он.

Девочка снова шевельнулась. Двинулась прямо на него. Рульфо посторонился и дал ей пройти. Он припомнил подарок, полученный однажды от родителей: игра в самые простые вопросы, в которой маленькая фигурка при помощи магнита наводила указку на правильный

ответ на бумажном поле. В тот момент он подумал, что девочка вела себя точно так же. В ее движениях не было ни тени эмоций: он отвечал – она передвигалась из одной точки пространства в другую. Единственное отличие заключалось в том, что на этот раз он не знал, правильны ли его ответы.

«Бакулария. Та, которая Приглашает».

Девочка вышла на улицу, Рульфо отправился за ней. Было холодно. Он видел, что она остановилась на тротуаре, прижав к себе красный мяч.

– Каким образом ты их ищешь? – спросила она, когда он приблизился.

«Ритуальные вопросы. Как будто оценивает, могу ли я быть „приглашенным“».

– Следуя за тобой, – произнес Рульфо без тени сомнения.

В это мгновение девочка пересекла мостовую и толкнула огромную двустворчатую дверь, расположенную как раз напротив дома. Рульфо это строение с первого взгляда показалось старым гаражом, но, подняв глаза, он прочел вывеску над входом – составленное из погасших лампочек слово «Театр».

Он подошел и заглянул внутрь. Его взору предстал грязный вестибюль. В противоположном его конце он увидел чуть приоткрытую дверь, откуда шел тусклый свет. Девочка исчезла. Он отворил дверь и оказался в небольшом зале, в противоположном конце которого виднелась сцена, заставленная строительными лесами и металлическими конструкциями. Рампа была выключена, однако светильники в партере поблескивали. В театре находился еще один человек: с правой стороны в первом ряду сидел мужчина. Царившая тишина казалась неким предзнаменованием. Рульфо двинулся по центральному проходу и, дойдя до первого ряда, взглянул на незнакомца. Он был довольно солидного возраста, с густыми седыми волосами, симпатичной бородкой, в очках в золотой оправе. Одет он был элегантно: синий костюм, рубашка в голубую полоску и желтый галстук.

– Присаживайтесь, сеньор Рульфо, – обратился к нему мужчина, не взглянув на него, однако церемонно указав рукой на соседнее кресло.

Рульфо не очень впечатлил тот факт, что им известно его имя и что ему показывают, что его ожидали. Он послушался и опустился в кресло. Едва касаясь прямой, словно негнущейся спиной спинки кресла, мужчина продолжил говорить каким-то механическим голосом, не глядя на собеседника:

– Чего вы от них хотите?

Рульфо пришло в голову, что он начинает понимать эту игру в вопросы

и ответы.

– Не знаю, – ответил он. – Возможно, познакомиться с ними...

Мужчина покачал головой:

– О, нет-нет. Это они желают познакомиться с вами. Работает все именно так: именно они повелевают, а мы им подчиняемся... Должен сказать, что это большая честь. Они никого так скоро к себе не допускают. Но вам они отворят дверь. Большая честь для чужака.

– А какое вы имеете к ним отношение?

– *Все мы* имеем к ним некоторое отношение, – ответил тот. – Правильней будет сказать так: они – во всем. Но в вашем случае я не ободрялся бы: в ваших руках оказалось нечто, что принадлежит им, и они желают вернуть эту вещь. Вот так, запросто.

– Что вы хотите этим сказать? – задал вопрос Рульфо, хотя догадывался, о чем идет речь.

– Имаго.

– Фигурка, которую мы достали из аквариума?

– Естественно, а что другое может иметься в виду? Вы меня просто удивляете. – Произнося эти слова, мужчина улыбался.

Но, присмотревшись к выражению его лица, Рульфо понял, что улыбка эта вымученная – словно кто-то расположился за его спиной и держит на мушке.

– Могу я поинтересоваться, сеньор Рульфо, как вы с этой девушкой поступили с имаго?

Рульфо задумался над ответом. Он не хотел разболтать, что фигурка осталась в доме Ракели.

– Раз уж вы знаете все детали истории, почему бы вам не знать и об этом?

– Имаго должно находиться внутри тканевого чехла, под водой, – провозгласил этот господин, уклонившись от ответа, – в условиях полного устранения. Это очень важно. Верните фигурку, и все будет хорошо... Они сообщат вам, когда и где вы встретитесь. Но хочу сделать еще одно предупреждение, – продолжил он тем же ровным тоном. – На эту встречу могут прийти только вы и эта девушка, с фигуркой. Вы меня поняли, сеньор Рульфо? Оставьте своих друзей за рамками этого дела. Вопрос этот касается только вас, девушки и их. Я ясно выражаюсь?

– Да.

Рульфо содрогнулся. Откуда они знают, что он только что беседовал с Сесаром и Сусаной?

И тут господин в первый раз повернулся к Рульфо лицом и взглянул на

него:

– Они пожелали, чтобы я сообщил вам, что я их однажды предал... и за это заплатила моя дочь. Меня зовут Блас Маркано Андраде, я театральный антрепренер.

И в этот момент, как будто прозвучавшие слова были оговоренным сигналом, огромный духовой оркестр из никому не видимых музыкантов озарил блеском металла сцену и одновременно зажглись ослепительные огни рамп. Из-за кулисы появился чей-то силуэт. Это была юная худенькая девушка с каштановыми волосами. Одета она была в обтягивающее трико цвета сырого мяса и на вид была лет шестнадцати-семнадцати. В чертах ее лица проглядывало легкое сходство с лицом Маркано. Приняв грациозную позу, она склонилась в приветственном поклоне, словно перед ней был полный зал.

– Она была моей дочкой, – сказал Маркано совсем другим тоном, словно ему в первый раз было позволено выразить свои чувства.

Девушка продолжала приветствовать зал и посылать в партер воздушные поцелуи, изящно сгибаясь в такт визгливому вальсу, но, пока Рульфо ее разглядывал, в голове его зародилась в высшей степени странная и при этом ужасающая уверенность.

Девушка была мертва.

Она склонялась, улыбалась, посылала воздушные поцелуи, но она была мертва.

Эта девушка уже давно умерла. Он понял это как раз в ту секунду.

Девушка закончила раскланиваться и покинула сцену, удалившись за ту же кулису, из-за которой вышла. Музыка смолкла, завершившись финальным звоном литавр, и сцена вновь погрузилась во мрак.

– Их наказания ужасны, – произнес Маркано в воцарившемся молчании. – Верните им фигурку, сеньор Рульфо.

Огни в партере стали блекнуть в тот самый момент, когда Маркано застыл в параличе, словно завод его внутреннего механизма закончился.

Рульфо встал, отыскал выход и, тяжело дыша, вышел на улицу.

V. Фигурка

Тем вечером девушка возвратилась очень поздно, процокала каблучками через двор, вставила ключ в замочную скважину, повернула его, открыла дверь и почувствовала, как сердце ее упало. В маленькой гостиной горел свет. Походный фонарик был включен, и пахло табаком, но не того сорта, который имел обыкновение курить Патрисио.

Она узнала, кто это, до того, как услышала голос:

– А я и не знал, что у тебя привычки лунатика. Жду тебя здесь уже по меньшей мере два часа.

Стоя на пороге, девушка набрала в грудь воздуха, зажмурила глаза и постаралась собраться с силами. Визит этот был жестоким сюрпризом под конец такого утомительного дня, но она знала, что клиенты могли приходить когда им вздумается.

Патрисио раздал дубликаты ключа от ее квартиры всем, кто хорошо платил, и она была обязана принимать посетителей, в какое бы время они ни заявили.

Она собралась с духом, вошла в квартиру, закрыла дверь на ключ и направилась в гостиную.

Мужчина удобно устроился на обшарпанном диване, широко расставив ноги. Одет он был как всегда: темный костюм, рубашка в серую полоску и бело-сине-серый галстук. Сорочка и галстук повторяли контуры выпирающего живота. Рука с сигаретой периодически поднималась вверх. Его рыхлое, нездорового цвета лицо было прорезано солнечными очками и вечной улыбкой. Очков этих он никогда не снимал. И никогда не переставал улыбаться. Имени его она не знала.

Она поздоровалась и, не услышав ответного приветствия, сделала еще два шага и остановилась перед ним.

– Ты не считаешь нужным извиниться?

– Мне жаль.

Она знала, что все это было не чем иным, как фрагментами любимой игры этого мужчины в черных очках – унижения. Естественно, она не чувствовала себя виноватой, вернувшись домой в это время. По пятницам и субботам встреч с клиентами было немало, к тому же ей пришлось зайти в клуб – мерзкий притон с красными стенами, расположенный в подвале придорожного борделя, – зайти, чтобы получить информацию о своих ближайших свиданиях. Единственное, чего она хотела, покончив с делами,

так это закрыть глаза и отдохнуть – насколько это было возможно. Однако ее жизнь ей не принадлежит, она знала об этом. И отдых тоже.

– И это все, что ты хочешь сказать?

И тут ее мысли обратились в другую сторону.

Запертая комната.

Этот тип утверждает, что прождал ее здесь довольно долго. Но... ограничился ли он ожиданием, сидя на этом диване? Нет, вероятнее всего, он прошелся по всей ее крошечной квартирке, зайдя и в эту комнату.

А если было именно так, то что он предпринял?

Ей до смерти хотелось проверить, все ли в порядке. Но сделать этого она не могла. Пока еще нет.

Носок его ботинка ткнулся в ее левую ногу.

– Повторяю: так ты извиняешься?.. Просто «мне жаль»?

Мужчина по-прежнему был спокоен, он удобно устроился на диване, держа толстыми пальцами сигарету, улыбаясь и произнося слова мягко, почти ласково, с надменным выражением каменного вседержителя на лице. Однако ей было хорошо известно, *каким* он был в действительности. Его манеры не могли ее обмануть. На самом деле он был *худшим* из всех.

Человек этот имел обыкновение появляться неожиданно, посреди ночи, к тому же его визиты были незабываемы. Большинство клиентов приходило к ней, желая развлечься, но единственное, чего жаждал господин в черных очках, так это ее страданий. Девушка боялась его еще больше, чем Патрисио.

Она встала на колени и склонила голову. Убирать волосы нужды не было – на работе она всегда носила их собранными в пучок.

– Я сожалею, – повторила она.

Очки, вороном вздыбившись над улыбочкой, внимательно смотрели на нее.

– Ты меня разочаровываешь. Мой пойнтер и то делает это гораздо лучше тебя...

Девушка глубоко вздохнула. Она знала, чего он добивается и чем все это должно закончиться.

Не поднимаясь, она сняла куртку, стянула через голову свитер и начала расстегивать пуговицы на юбке. В черных стеклах очков призывно отразилось ее тело. Потом она стянула сапожки, чулки и трусики – достаточно быстро, чтобы не раздражать мужчину, но стараясь не повредить ни одной вещи. Раздевшись полностью, она просто вытянулась на полу, привыкнув делать это уже тысячу раз. Холод плитки на полу, как и жесткость металла колец и колье Патрисио, с которыми она никогда не

расставалась, проникли в ее тело, и она потянулась губами к роскошным мужским туфлям. Туфли пахли новой кожей.

Она высунула язык.

Резкий, неожиданный рывок за волосы заставил ее поднять голову.

– Открой глаза, – проговорил мужчина изменившимся тоном.

Она подчинилась. Рука вновь дернула за волосы, и девушка слегка приподнялась, немного, пока не оказалась на коленях. Перед ее глазами раскачивался мешочек из плотной ткани.

– Где она?

Ее глаза медленно переместились с мешочка на солнечные очки. Ни следа улыбки на лице мужчины не осталось.

– Я нашел только филактерию. Где сама фигурка?

Мужчина все тянул ее за волосы и одновременно, другой рукой, раскачивал перед ее лицом мешочек. В первый момент она растерялась – не понимала, о чем он говорит. Но вдруг вспомнила все. Как будто ощутила укол страха.

– Не знаю, – сказала она.

– Конечно же знаешь. – Мужчина дернул ее за волосы один раз, потом другой. – Не вздумай мне врать. Даже не помышляй.

– Я не вру, я правда не знаю, не знаю...

Так и было. Она начисто забыла об этой идиотской фигурке. Думала, что тот бородатый тип («И как же его звали?.. Рульфо. Саломон Рульфо») унес ее вместе с фотокарточкой в рамке прошлой ночью. Но самым невероятным было открытие, что этот мужчина что-то об этой истории знает. Может, ему известно и о ее кошмарах?

И еще он упомянул какую-то «филактерию». Что может означать это слово?

– Я задам тебе этот вопрос еще раз. В последний раз, и теперь я хочу получить ответ. – С каждым произнесенным словом мужчина все сильнее дергал ее за волосы, заставляя сгибаться почти до самого пола. – Скажи мне, где, в каком месте ты спрятала фигурку...

Что она могла поделать? Единственное, чего она добилась бы, продолжая молчать, так это увечий от руки этого человека. И хотя ее не очень страшила боль, которую он сможет ей причинить, она вдруг забеспокоилась о том, что мужчина, возможно, уже обнаружил *его* и решит причинить боль и ему. В других обстоятельствах она, возможно, ничего бы и не сказала. Она изо всех сил ненавидела этого человека и не хотела впутывать Рульфо, но теперь другого выхода не оставалось.

– Она у него... Его зовут Саломон Рульфо. Я не знаю, где он живет, но

у меня есть его телефон...

Секунду ничего не происходило. Глядя с близкого расстояния на беспощадные черные очки, девушка задавалась вопросом, не слишком ли при этом переживая, убьет он ее прямо сейчас или чуть позже. Но тут очки подались назад.

— Ради твоего же блага надеюсь, что это так. — Волосы ее оказались свободны, мужчина поднялся. — Я вправду на это надеюсь. Рассчитываю на то, что ты меня не разыгрываешь...

И вдруг, сама не зная как, притом что она все еще стояла на коленях и видела только его туфли и штанины, она почувствовала, что улыбка ледяным светом вновь осветила его физиономию.

— Но мы ведь не распрощаемся с тобой просто так, немного не позабавившись, а?

фигурка

Внутри ее есть могила.

Когда она прячется в эту тысячелетнюю могилу, никто и ничто не способно причинить ей вред.

Удар ногой швыряет ее на пол. Она чувствует тяжесть тела у себя на спине, раздвигающую ей ноги. Стискивает зубы.

фигурка. там.

Из могилы вырываются острые языки темного пламени. Языки, похожие на свет сгоревшей луны. Как костер, в который побросали звезды. Холодный пожар, превративший весь мир в угли, не оставил после себя ничего, кроме черной ночи.

Она царапает ногтями плитку, в то время как эта тяжесть проникает внутрь ее.

фигурка. там. в углу.

В этой могиле, в этой запечатанной камере ее воображения, она прячется от боли. Там, внутри, она продолжает быть собой, но становится недостижимой.

На мгновение, у самого пола, открываются ее глаза. И тут она ее видит.

Фигурка. Там. В углу.

– Запомни: если ты мне наврала, я вернусь...

«Скажи ему, пусть он ее унесет. Скажи ему.

Нет, ничего ему не говори».

Мужчина добавил что-то. Какую-то конкретную угрозу. Она, теряя рассудок, поняла, что он нашел то, что в запертой комнате. «Я должна пойти посмотреть. Должна пойти посмотреть». Она услышала звук закрывшейся двери. И – тишина. Она осталась неподвижной.

«Почему я ему не сказала? Почему?

Я должна пойти и посмотреть. Я должна».

Холод плитки заморозил ее живот и грудь, лишив их чувствительности, подобно ледяному бальзаму. Она понимала, что ей нужно встать, но боль и усталость не позволили ей сдвинуться с места.

Прежде чем снова закрыть глаза, она еще раз посмотрела на дальнюю стену. Нет, это не галлюцинация: она была там, на полу.

Она поморгала в ледяном мерцающем полумраке, некой гамме переходов между оттенками тени, и смогла различить свой сапог, лежащий недалеко от ее правого глаза.

Чулок. Ее белье на полу.

Она встала. Что-то металлическое упало на пол: шпилька. Резкими движениями она вытащила все остальные. Невероятно черные и длинные волосы упали на плечи и спину. И она, спотыкаясь, побрела к ванной, в темноте ощупью откинула крышку унитаза, и ее вытошнило. Рот захлестнула горечь. Мир стал каруселью теней, бешено крутившихся вокруг.

Тяжело дыша, она села на пол и сидела, пока к ней не вернулось спокойствие, выдержка, способность сохранять присутствие духа.

Самым ужасным было то, что она всегда в конце концов приходила в себя. Тело ее – этот мускульный мешок, туго набитый песком, – никогда не сдавалось, не предлагало ей той последней капитуляции, которой она страстно желала. Оно наверняка было задумано неким жестоким богом, каким-то расчетливым божком-садистом. Она ненавидела свое тело. Ей внушала отвращение каждая его жилка.

Она встала и открыла кран душа. Холодная вода быстро привела ее в чувство. Она намылилась раз, потом еще, стремясь смыть с себя все, до последнего, следы того типа. При всем при том человек в черных очках никогда не оставлял на ее коже других следов, кроме синяков и ощущения безграничного унижения. Она подозревала, что он даже не чувствовал

настоящего желания обладать ею. Когда он входил в нее, как этой ночью, он делал это как несложный механизм, инструмент, который, казалось, предназначен исключительно для того, чтобы унижать и истязать ее снова и снова. Но вода заставила ее поверить в то, что по крайней мере часть тошнотворных воспоминаний о нем навсегда исчезла.

Тут она подумала, что нужно кое-что проверить. Она быстро вытерлась и вышла из ванной. Холод неожиданно набросился на нее, но ей не хотелось тратить время на одевание. Она осторожно открыла дверь в коридоре и вошла. Это была крохотная комнатка с убогой постелью на полу и несколькими разбросанными там и сям предметами, самым заметным из которых была тарелка с остатками еды. Она наклонилась и оглядела накрытый одеялами холмик. Смотрела на него долго, словно не могла решить, что ей с этим делать.

Наконец она немного приподняла одеяло и удостоверилась в том, что ничего плохого, кажется, не произошло. *Спит*. Затем она снова подоткнула одеяло и вышла.

Обернувшись полотенцем и возвратилась в столовую, лампа в которой все еще пыталась светить. Присела и подняла с пола восковую фигурку.

Акелос.

Она не очень хорошо понимала, почему не сказала тому мужчине, что фигурка здесь, на полу. Та, конечно же, упала со стола прошлой ночью, когда они с Рульфо стали ласкать друг друга (теперь она припомнила, что тогда же упала и консервная банка), и закатилась в этот угол. Если бы она так поступила, проблема была бы уже решена.

«Нет. Ты сделала правильно».

Она подняла перевернутый стул и села на него. Фигурка была у нее в руке.

«Ты хорошо сделала, что ничего не сказала».

Принялась разглядывать эту вещицу. Та практически ничего не весила. Она была почти что ничем. Ее восковые грани чуть-чуть отсвечивали. Она спросила себя, с какой стати эта пустяковина, похожая на игрушку, может иметь какую-то ценность.

И замерла на стуле, глядя на фигурку. Рваная занавеска, прикрывавшая окно, начала просвечивать. Девушка не шевелилась. Вдруг

полдень

она как будто на что-то решилась.

полдень. зенит

Она встала и отправилась в спальню. В одном из углов этой комнаты давно отошел плинтус. Она его отогнула. А когда снова вдвинула на место, в руках у нее ничего не было.

Полдень. Зенит.

Недавние дожди промыли воздух, полностью вернув ему чистоту и синий, как некий символ, цвет. Солнце заставило зажмуриться, когда она оказалась на улице. На ней была привычная одежда: черная куртка, мини-юбка, сапоги и чулки. Она прошла через двор под молчаливыми взглядами соседей. В этом доме никто ни с кем не разговаривал, делая исключение лишь для родных. Это были выходцы из разных стран, говорившие на разных языках. Чужим они не доверяли, и правильно делали. Жили в страшной тесноте, ютясь в крошечных, скрытых от чужих глаз квартирках. Она знала, что была в привилегированном положении: у нее – собственная квартира. Патрисио не раз ей об этом говорил.

Вошла в телефонную будку, опустила несколько монеток и набрала номер. Домашнего телефона у нее не было. Патрисио не считал, что ей нужен телефон, потому что свидания оговаривались в клубе, кроме того, звонить ей было некому, за исключением его самого. Номера, который она дала Рульфо, в природе не было.

Теперь номер телефона Рульфо стал одним из двух номеров, которые она знала.

Но набрала она другой.

И так сильно нервничала, что вынуждена была набрать еще раз. Сама не знала, что делает. Трубка просто вываливалась у нее из рук. Пока слушала далекие гудки, попыталась успокоиться.

Страх, сильнее которого ей еще не доводилось испытывать, заставлял ее дрожать всем телом, но боялась она не возможного возмездия со стороны человека в черных очках или Патрисио. Оба они давно уже заставили ее увериться в том, что ад существует и находится он на планете Земля, но в данный момент она страшилась не этого. Это не походило даже на испуг, который охватил ее в доме Лидии Гаретти или в ее погруженной в темноту спальне, нет, теперь это был ужас, причем более глубокий и древний, словно привычный ежедневный страх сдернул с себя маску херувима и уставился на нее лишенными зрачков глазами, не стирая красноватой улыбки.

В трубке наконец послышался его голос:

– Слушаю.

Она прочистила горло. Собралась с силами:

– Это я, Патрисио.

Тишина.

– Ты? А кто ты?

– Ракель.

– А... Ну и что тебе сейчас понадобилось?

В тех немногочисленных случаях, когда она ему звонила, речь всегда шла о просьбах. На какие-то из них Патрисио откликался, на другие – нет. Ведь нельзя же беспокоить его по поводам, которые не представляют насущную необходимость!

– Ты будешь говорить или как? Тебе что, клиент язык откусил?

– Я не приду сегодня в клуб, – с трудом выговорила она. После этой первой фразы сказать остальное было уже легче. – И на встречи с клиентами... И завтра тоже... Я не приду больше никуда и никогда... – В ее воображении рисовалась круглая физиономия Патрисио, последовательно приобретающая все более темные оттенки. – Я решила все бросить. Я уезжаю... Бросаю...

– Что ты бросаешь?.. Послушай-ка секундочку, красотка... У тебя что, кто-то есть?..

– Нет. Никого.

– Не могла бы ты повторить то, что сказала?.. Что-то я в последнее время плохо слышу. Ты бросаешь что?..

Она повторила. Трубка как будто взорвалась. Вопли Патрисио звучали резко и противно.

– Нет, я не принадлежу тебе, Патрисио, нет... – прошептала она несколько раз подряд.

Трубка зазвучала еще громче – визгливо, противно. Она дала ему выговориться. Она ждала кое-чего похуже и была готова ко всему. Ввязываться в дискуссию в ее планы не входило. Понимала, что все равно его не переспорит.

Внезапно, к вящему ее удивлению, голос его смягчился.

– Ты, наверное, шутишь... Скажи мне это любая другая, я поверил бы, но не ты... Послушай, давай поговорим серьезно. Что случилось?.. Ну скажи мне. Похоже, что-то серьезное. С клиентом, так?.. Доверься мне. Все поправимо...

– Ничего не случилось. Хочу уехать.

– Вот так вдруг? Без всякого повода?

– Да.

У нее заболела голова. Возникло желание повесить трубку. Хотела

уйти. Но пока еще не могла этого сделать.

– И когда ты хочешь уехать?

– Сегодня. Сейчас.

– И ты знаешь, где проведешь эту ночь?

– Нет. – Она заколебалась. – Там посмотрим.

– А одежда? У тебя есть что надеть?

– Да. – Она снова заколебалась. – Она на мне. Ничего другого я не возьму.

– Далеко ты не уйдешь – без копейки в кармане и с тем, о чем мы оба с тобой знаем, – ты это понимаешь?

– Я что-нибудь придумаю.

– Придумаешь ты, как же... Какая же ты дура, венгерочка...

На детской площадке играли ребятишки. Вдруг ее внимание привлекла одна девочка. Одета она была в поношенный темно-зеленый костюмчик давно устаревшего фасона, как будто украденный из гардеробной какого-нибудь театра, а в руках у нее был красный мячик. Но она не играла с другими детьми: стояла неподвижно, что-то разглядывая. Несмотря на разделявшее их расстояние, девушка была уверена, что та смотрела именно на нее. И девочка улыбалась. На груди у нее что-то блестело – то ли брошка, то ли медальон.

– Ладно, если хочешь помереть с голоду, убирайся... Я не из тех, кто держит кого-то против воли. Кроме того, ты разбудила во мне мои лучшие качества. Я подкину тебе немного денег... Только на дорогу, особо-то не радуйся...

Но почему эта девочка так ее тревожит? Она что, совсем с ума сошла? Боже, это же всего лишь девочка. Она снова постаралась сосредоточиться на словах Патрисио.

– ...И ты даже не хочешь сказать мне спасибо. Ты же меня здорово подставила, но раз уж ты набралась смелости позвонить и сказать... А смелость – это такая вещь, которую Патрисио Флоренсио сумеет оценить и отблагодарить, ты меня слышишь? Ракель?.. Ты все еще там или уже свалила?

– Я здесь, но должна вешать трубку. Деньги кончаются.

– Естественно, они кончаются, венгерочка. Они всегда кончаются. Вот поэтому я и дам тебе пару бумажек. Заодно воспользуюсь случаем и попрощаюсь с тобой.

Она хотела сказать, что не примет от него деньги, но разговор прервался. Когда она вышла из телефонной будки и взглянула на площадку, девочки там уже не было.

Она стала строить планы. Брать с собой ей было нечего, и она подумала, что, возможно, и стоит принять от Патрисио обещанные деньги – только чтобы купить самое необходимое. А потом будет искать, где укрыться. Новая крыша над головой понадобится ей безотлагательно.

В руке у нее была бумажка с телефоном Рульфо. Но она все еще раздумывала. Доверится ли она тому, с кем едва знакома? В данном случае она больше доверяла Патрисио. Он – волк, но годы, проведенные с ним рядом, позволяли ей думать, что она знает его довольно хорошо. И была уверена, что, пока не вводит его в расходы, пока она в строю, он такую овцу не укусит.

Она сложила бумажку, но выбрасывать не стала. Как-то так получилось, что Рульфо стал для нее особым мужчиной, не похожим на всех тех, кого она знала раньше, и еще может случиться так, что ей придется обратиться к нему. Будущее ее не страшило: она была уверена, что без еды и крыши над головой не останется. Гораздо больше беспокоило ее прошлое.

В жизни ее было немало лакун, которые ей вдруг захотелось заполнить. Например, узнать о том, где она жила до приезда в Испанию. О стране, в которой родилась. О своей семье. Все эти воспоминания скрывались от нее во мраке, словно на ее разум нашло затмение. Патрисио называл ее «венгерочкой», но он и сам признавал, что не знает, где на самом деле она родилась. И если вывести за скобки эти пять последних жестоких лет, в памяти ее оставались только разрозненные клочки: лица, мгновения, истории... Но в тот момент все это показалось ей каким-то размытым, словно она вдруг догадалась, что это не настоящие ее воспоминания, что чего-то не хватает, какого-то связующего звена, основной нити, которая смогла бы придать цельность всей картине.

Однажды она спросила у Патрисио, почему ей с таким трудом даются воспоминания. Он пояснил, что в детстве и ранней юности она не была счастлива, поэтому и забыла их. Тогда она ему поверила. И верила до этого самого дня.

Ей хотелось узнать о своем прошлом, но, кроме всего прочего, о своем прошлом в связи с *чем-то* очень конкретным. *Тем*, что было в закрытой комнате. Сомнения охватывали ее все больше и больше, как некая загадочная инфекция. Она ощущала новую, необычную тоску, но в то же самое время – энергию, которой никогда раньше в себе не замечала. Ее поражало: как же ей удалось измениться так сильно за такой небольшой промежуток времени!

Она направилась в спальню. Никак не могла выбросить из головы восковую фигурку. Нужно взять ее с собой, это очевидно. Она не знала почему, но фигурка была для нее важна. Очень. Именно фигурка так ее изменила, дала ей силы. Необходимо переложить ее, спрятать в каком-нибудь надежном месте. Если поторопиться, то человек в черных очках не найдет фигурку, когда вернется. Она к тому времени будет уже далеко, будет в безопасности.

Присела на корточки возле плинтуса. В эту секунду послышался звук поворачиваемого в замке ключа, отчего ее чуть было удар не хватил: она подумала, что тот человек вернулся. Вышла из спальни, перепуганная, но тут же убедилась, что это Патрисио. В первый раз за время их знакомства она, увидев его, почти обрадовалась.

– Я пришел попрощаться и выдать тебе обещанное, – с улыбкой объявил Патрисио.

А потом поднял кулак и ударил ее.

Ему нанесли визит, но он этому не удивился. Он почти его ожидал.

Входная дверь не была заперта – простое нажатие на ручку позволило войти в квартиру. Вошел он с меньшей опаской, чем представлялось разумным. При других обстоятельствах он был бы гораздо более встревожен, но после всех событий этого вечера проникновение в его дом могло рассматриваться как чистой воды анекдот. Он включил свет и прошел в центр разгромленной квартиры. Разбросанные по полу книги походили на мертвых птиц. Из немногочисленной в его жилище мебели были выдвинуты все ящики, а их содержимое вывалено на пол, открыв тем самым взору несметное количество ненужных бумаг, прилипавших к его существованию, как раздавленное дерьмо к подошвам. Компьютер, кажется, не пострадал.

Рульфо полагал, что знает, что у него искали.

«Их интересует только эта фигурка».

Однако даже в большей степени, чем точный мотив необычной заинтересованности в какой-то там восковой фигурке, его занимала причина, по которой дамы (если это были они, а он был совершенно уверен, что они) оказались вынуждены проводить подобный обыск. Если они столь могущественны, если обладают способностью материализоваться из воздуха или превращаться в девочек, почему же тогда они оказались не способны вернуть себе принадлежавшую им вещь? Почему они взяли на себя труд угрожать ему в театре и рыться таким вот способом в мусорной корзине его жизни?

Он наклонился и стал собирать книги. И тут подумал, что самое время позвонить Ракель и узнать, все ли у нее в порядке. И еще ему нужно убедить Сесара, что не следует продолжать поиски. Рульфо уже раскаивался в том, что обратился к нему за помощью. Секта они или нет, но дамы предпринимали очень серьезные шаги и уже сумели ему это продемонстрировать.

Вдруг из-под томика стихов Пауля Целана [\[22\]](#) на него взглянули глаза.

Это Беатрис, покоясь под стеклом, улыбалась ему с одной из тех многочисленных фотографий, которые он когда-то вставлял в рамочки, а потом забросил на антресоли. Ее внезапное появление заставило позабыть о том, что с ним случилось в театре, и о том, в каком состоянии нашел он свою квартиру и находится он сам.

Он взял в руки ее портрет, чувствуя, что в душе вновь разгорается память. Воспоминания никогда не исчезают – они лишь аккумулируются во тьме, и в тот самый момент для Рульфо они были вновь озарены светом влажных зеленых глаз, безобидными медузами пары мягких рук и смехом, звучавшим как арпеджио челесты. *Эти прекрасные черные волосы, этот нежный зеленый взгляд...*

Беатрис, глядящая на него из своей глянцевой вечности.

Он притворился, что забыл ее, но старая боль возвращалась снова и снова. Что еще он должен был сделать? Он уже ее оплакал, принес ей в жертву все, что мог. Что же еще? Он догадывался, что боль, намного более сильная, чем страсть, не знает ни оргазма, ни климакса, ни кульминации, после достижения которой может прийти облегчение. Жизнь способна насытиться наслаждением, но испытывает вечный голод, если речь идет о боли.

Он посмотрел на открытую антресоль, встал на стул и положил фото обратно, рядом с другими. Возникло желание проверить, все ли они на месте, но заниматься этим сейчас он не мог. На глаза попала непочатая бутылка виски, которую он купил на днях. «Очень любезно, благодарю». Вцепился в нее обеими руками, ощутив прохладу стекла. Улегся в постель, не раздеваясь. И бутылку не открывал, пока она не наполнилась теплом его рук, его тела.

Сняв наконец трубку, он не был в состоянии сказать, сколько раз прозвонил телефон.

– Саломон, какого черта... Я звоню тебе уже несколько часов подряд!..

Суббота давно воцарилась в комнате, щедро залитой солнечным светом, который самым жестоким образом усиливал головную боль.

– Это невероятно, клянусь тебе... Я нашел книгу, которую прислал мне Раушен, – «Поэты и их дамы». И всю ночь ее читал... Но ничего рассказывать сейчас не буду: ты должен приехать...

«Не вмешивай их».

– Саломон?

«Не вмешивай своих друзей в это дело».

– Я здесь, Сесар.

– Так ты приедешь или как?

– Не думаю, что у меня получится. У меня... очень много дел... сегодня.

Пока он придумывал какую-никакую правдоподобную отговорку, на другом конце провода послышалось недовольное ворчание.

– В таком случае приедем мы... Будем у тебя, думаю, где-то в...

– Нет, постой. Лучше...

Он хорошо знал, что Сесаром, исполненным энтузиазма, было гораздо труднее манипулировать, чем Сесаром обычным. На секунду он ужаснулся при одной только мысли, что они увидят его разгромленную квартиру. К тому же он слишком хорошо знал своего бывшего научного руководителя, чтобы быть уверенным, что даже если он сейчас без обиняков заявит, что не хочет его у себя видеть, тот закроет глаза на грубость и заявится к нему на улицу Ломонтано об руку с Сусаной, которой поручит нажимать на дверной звонок. И пришел к выводу, что единственное, что он может сейчас предпринять (особенно в данный момент, с головой, гудящей после выпитого виски), – это сделать вид, что ничего не происходит.

– Лучше приеду я. Дай мне час на сборы.

Он положил трубку, сел на кровати и оглядел разбросанные по полу книги. Убирать он ничего не будет – примет душ, проглотит чашку горячего кофе и поедет к Сесару, чтобы попробовать убедить его не совать нос в эту навозную кучу.

Но прежде ему нужно кое-что проверить.

Он включил компьютер, стоявший в спальне, впрочем, как и телевизор, чтобы оставить в гостиной больше места для книг, и вышел в Интернет. Пока загружалась запрошенная страница, он вытащил из кармана клочок бумаги с номером телефона Ракели и набрал его на мобильнике. И, отстукивая на клавиатуре запрос в привычном поисковике, услышал: «Компания „Телефоника“ сообщает, что набранный вами номер...» Он набрал еще раз – результат тот же. Ракель дала ему несуществующий номер. Но почему?

Вдруг на мониторе появился заголовок: «МУЖЧИНА КОНЧАЕТ

ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ ПОСЛЕ ИЗНАСИЛОВАНИЯ И УБИЙСТВА СВОЕЙ ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНЕЙ ДОЧЕРИ».

Он открыл страницу, перечел текст несколько раз, внимательно изучил фотографии.

И почувствовал, что паника – это не что иное, как некая холодная субстанция, вакцина, введенная в его кровь.

– Что ж, приступим. Прежде всего, один простой факт. Как я вам уже говорил, истории, которые здесь изложены, не задокументированы. Нет никакого объективного свидетельства того, что все это было на самом деле, и боюсь, что ни один серьезный исследователь в это не поверит. Но, как вы знаете, сам я никогда не был серьезным...

– Ну ты скажешь! – подала голос Сусана с ковра на полу. Ее одежда – черные блузка и джинсы, шелковый шарфик вокруг шеи – резким контрастом выделялись на фоне ярких узоров персидского ковра, на котором она устроилась.

Верный своей привычке, Сесар отложил открытие всяческих тайн и разгадки до послеобеденной беседы. И вот теперь, после кофе, он расхаживал по комнате, посматривая на них поверх синих очков. Книга, что послужила темой беседы, представляла собой скромный том в черном переплете.

– В ней описаны встречи нескольких знаменитых поэтов, поэтов первого ряда, с теми, кто послужил им источником вдохновения. Но связующая мысль, которая объединяет различные рассказы, представляет собой убеждение, что встречи эти не были ни случайными, ни исключительными. Совсем наоборот: они были *организованы* дамами некой секты. И те, кого повстречали на жизненном пути все эти поэты, являлись сверхъестественными созданиями.

Сусана усмехнулась, обернувшись при этом к Рульфо, и почесала коленку. Сесар обратил на нее забавно-укоризненный взгляд:

– О, давайте не будем делать поспешных выводов, не дослушав до конца, почтеннейшая публика... Фантазия эта детально проработана, в чем вы сможете убедиться чуть позже. Автор утверждает, что легенда о дамах уходит корнями в глубокую древность и что сама она послужила основой для создания многих других легенд – о музах, о горгонах, о Диане и Гекате, о Цирцее, Медее, Энотее и других колдуньях и ведьмах классической поэзии, о Кибеле и Персефоне; здесь же скандинавская Вёльва, оседлавшая волка; и ведьма эпохи Возрождения, летавшая на помеле; ассирийский суккуб Лилиту и библейская Лилит; Озерная Фея артуровского цикла,

Белая Змея, ведьмы «Макбета»; Венера Илльская Проспера Мериме^[23], Ламия Джона Китса^[24], Атласская колдунья Шелли^[25], Царица Ночи Моцарта, Альцина и Мелисса Генделя, а также Армида Гайдна... И все всегда повторяется: могущественные и порочные женщины, так или иначе имеющие отношение к искусству. Поэт и эрудит Роберт Грейвс^[26] был одним из первых, кто указал на связь этой легенды с поэзией в своей книге «Белая богиня», но он никогда не доходил до серьезных утверждений, что поэты были вдохновляемы *реальными*, хотя и нечеловеческой природы, созданиями... И не спрашивайте, каким именно образом они вдохновляли своих поэтов, остановитесь на мысли, что дамы – это существа, способные подтолкнуть поэтов к творчеству.

О них самих в книге говорится немного. Утверждается, что их действительно тринадцать, но что тринадцатая никогда не упоминается, то есть ровно то, о чем мне говорили мой дед и Раушен, хотя почему так, нет даже намек. Они получают номер, некое секретное имя и свой символ в виде золотого медальона. Имена латинского или греческого происхождения и перекликаются с именами ведьм в сатанинской традиции... – Он открыл книгу на одной из заложенных страниц и начал читать: – «Бакулария, Фасцинария, Херберия, Мальярда, Ламия, Малефиция, Венефиция, Мага, Инкантатрикс, Стрикс, Акелос и Сага», у этой номер двенадцать, и она последняя, у которой имеется номер...

– Ну и имена – паноптикум какой-то! – произнесла Сусана.

– Это классические имена ведьм: легенда о них возникла как раз на базе легенды о дамах, поэтому и имена они получили уже готовые – те же, что носили дамы. Я уже вам говорил, что Лаура, вдохновительница Петрарки, на самом деле была Бакуларией, это дама под номером один. Фасцинария, номер два, служила источником вдохновения Шекспиру: это она стала Смуглой леди его сонетов. Идет там речь и о встрече Херберии, дамы номер три, с Мильтоном; о Мальярде, номер четыре, в связи с Гёльдерлином; о Ламии, номер пять, и Китсе; о Малефиции, номер шесть, и Уильяме Блейке... И так далее, до Борхеса^[27] с Сагой. Я догадываюсь, о чем вы сейчас думаете: что все это – детская сказочка, замешанная на теории литературы. Я сам, откровенно говоря, думаю точно так же. Но, как сказал поэт, «здесь есть метод»^[28].

Сусана согнула колени, уперев ноги в пол. Она только что раскурила сигарету с марихуаной.

– Итого, – сказала она, – на протяжении всей истории некие таинственные существа в облике прекрасных женщин...

– ...Или привлекательного вида мужчин, – поправил Сесар, – или стариков, или детей... Они могут принять любой облик, стать любым человеком...

– ...занимаются тем, что вдохновляют поэтов. Очень хорошо. А для чего? Какой у них интерес этим заниматься?

– Вот в этом-то – гордиев узел. Великая тайна. Не забывайте, что легенда о музах тоже берет начало отсюда: богини, дарующие артистам столь необходимое творческое вдохновение... Но... почему? – Лицо Сесара расплылось в широчайшей улыбке.

– Ты-то, конечно, это уже установил, – поставила диагноз Сусана, запустив пальцы в волосы.

Сесар сделал двусмысленный жест.

– Ты уж точно знаешь, черт тебя побери! – засмеялась она и швырнула в него лежавшей на ковре подушкой.

«Они оба воспринимают все как очередную игру, – пришло в голову Рульфо, – как одну из этих своих домашних оргий, которые устраиваются для друзей в уик-энд».

Сам он в общем развлечении не участвовал. Растущая тревога ледяной рукой сжимала его желудок. Тем не менее он понимал, что происходит: благодаря этому необыкновенному приключению Сесар и Сусана вернулись в старые благословенные времена и теперь, как заговорщики, обмениваются взглядами и улыбками, а также используют весь тот набор жестов, который представляет собой инвентарь их собственного языка – языка супружеской пары, которая вновь прекрасно себя чувствует после периода охлаждения. Он обязан воспрепятствовать тому, чтобы они снова увязли в этой опасной трясине.

– Ну что, может, ты наконец скажешь нам, в чем тут дело? – попросила Сусана.

– Спокойно, наберись терпения... Ключ я нашел в рассказе о встрече Мильтона с Херберией, дамой номер три, той, что Карает. Сначала предыстория. Английский поэт Джон Милтон в молодости предпринял путешествие в Италию, году где-то в тысяча шестьсот тридцать восьмом или тридцать девятом. Это подтвержденный исторический факт. Но в этой книге речь идет о том, что во время своего пребывания в Италии Милтон установил контакт с сектой и даже присутствовал на некоторых из их странных ритуалов. Кстати, согласно этой книге, очень немногие поэты знали о реальном существовании секты. И Милтон был одним из них. Ему довелось в том числе созерцать Херберию в облике некой юной тосканки по имени Алессандра Дорни. Он видел ее танцующей при свете солнца во

время одного из ритуалов и ночью того же дня

языки пламени

присутствовал на церемонии казни в некой пещере, в которой секта имела обыкновение собираться... Ну вот, Сусана, ты опять мне не веришь – по лицу видно... Прошу тебя об одном: дослушай до конца,

языки пламени пляшут перед его глазами

а потом уж суди... Прочту вам абзацы с описанием процедуры казни... Готовьтесь услышать самое странное из того, что когда-либо слышали...

Языки пламени пляшут перед его глазами.

Языки пламени, завораживающие, искрятся, словно удары хлыста. Словно то удивительное тело, которое он видел на пустынной равнине в окрестностях Флоренции.

Его провели через ржаное поле, до скал. Там, за бурным серебристым водопадом, был вход. Проводником ему служил семнадцатилетний юноша, выходец из Равенны, одетый в темный балахон из грубого холста и с явной печатью страха на лице. Да и сам он – молодой английский джентльмен, хорошо воспитанный, с утонченными манерами, – не чувствовал себя более спокойным. По дороге он навоображал себе многое: что-то абсурдное, нечто ужасное, но все сходилось в одной точке – в том теле, той змее в человеческом обличье: Алессандре Дорни. И, несмотря на испытываемый страх, он жаждал вновь увидеть ее.

То, что он ее увидит, ему обещали.

А также заверили в том, что очень скоро он страстно возжелеает, чтобы время повернулось вспять и она никогда ему не встретилась бы. Они спустились по каменным ступеням в просторную пещеру, освещенную светом факелов. Пол у входа был выложен мозаикой в помпейском стиле. Изображения мифических сторуких гигантов покрывали стены до самого потолка. Обширное пространство уходило куда-то вглубь скалы. Посредине был установлен каменный жертвенник, накрытый чем-то черным и окруженный трепетным пламенем. Зеркало в раме с подсвечниками украшало противоположную стену, а по обе стороны от него поднимались ступени лестниц, ведущих в верхние помещения. Молчаливые присутствующие в масках образовали античный хор. Стоял пронизывающий холод, и юный Мильтон плотнее закутался в свой плащ.

Обстановка была гнетущей. Все застыли в ожидании казни.

Только осужденный и Мильтон были без маски. Первый стоял возле жертвенника, облаченный в белую тунику. Связан он не был, но, казалось, потерял всякую способность к движению или же желание двигаться. Его лицо выражением напоминало баранью морду. Это был пожилой человек с патлатой бородой. Мильтон знал, что его приговорили к наказанию за то, что он распространялся о Них перед теми, перед кем не следовало. Поэт подозревал, что его приглашение на эту ордалию было своего рода серьезным предупреждением ему самому.

Пока он созерцал сияющее пламя, ему вспомнился последний разговор, который состоялся у него во Флоренции с одним сектантом, иерофантом, занимающим высокое положение. Тот рассказал ему многое: назвал имя и символ каждой из дам, говорил о невообразимой древности секты, о восковых фигурках, которые изготавливались ими же и звались имаго, и что благодаря им дамы могут жить вечно... И об их миссии, состоящей в том, что они выявляют и вдохновляют поэтов. В этом месте удалось вставить вопрос: «Для чего они это делают?» Иерофант не ответил: он просто посоветовал ему побывать ближайшей ночью на церемонии казни.

И вот он здесь – чтобы узнать эту последнюю тайну.

Какое-то движение на ступенях одной из лестниц в глубине привлекло его внимание. Показался паренек – с длинными черными волосами и яркими губами, – на вид не более двенадцати лет. Одет он был в тунику цвета киновари, руку его сжимал сопровождавший его жрец. Они спустились по ступеням при полном молчании собравшихся и приблизились к жертвеннику. Большие черные глаза паренька были широко раскрыты. Заметив осужденного, он хотел подойти, но жесткие тиски рук жреца удержали его.

– Кто это? – спросил Мильтон человека в маске, стоявшего рядом.

– Его младший сын. Осужденный понесет наказание через своего сына. Они обычно так и делают.

Никто не заговорил, никто не закричал. Молчание в этом склепе было таково, словно смерть заняла в нем больше места, чем жизнь.

Еще движение. На этот раз – со стороны противоположной лестницы.

Мильтон тут же узнал ее. Алессандра Дорни, влача за собой подол длинной черной туники с серебряными арабесками, шествовала по ступеням как воплощение равнодушия: голова высоко поднята, прекрасное лицо непроницаемо, золотой медальон в виде змеи подрагивает между грудями. Дошла до конца лестницы и с той же механической грацией

направилась к жертвеннику. Сектанты вставали на колени при ее приближении, а осужденный отвел взгляд.

Глаза Алессандры Дорни испускали зеленые лучи, подобные тем, которыми прощается с миром солнце, уходя за горизонт над морем. Мильтон навсегда запомнит те глаза без времени и возраста, и бледные ланиты, и странную улыбку, казавшуюся нарисованной художником, которому не довелось познать в жизни счастья.

Херберия. Та, что Карает.

С мальчика была снята туника. Тело его комом белого снега выделялось на фоне черного одеяния удерживавшего его сектанта. Еще один служитель в темно-красном плаще подал даме маленький роговидный сосуд. Алессандра погрузила в него пальцы, а потом вынула их окрашенными в красное. И начала что-то писать на груди у ребенка, над дугами слегка выступавших ребер, а тем временем ее мягкий голос парил под потолком пещеры, рождая многоголосое эхо. Юный Мильтон никогда до той поры не слышал так звучащего итальянского языка. Но, несмотря ни на что, он узнал тот стих, который декламировала дама, выводя его на теле мальчика. Человек в маске, стоявший рядом с ним, также его узнал.

– Данте... – прошептал он, и Мильтон услышал нескрываемую дрожь в его голосе. – Данте – это жесточайшее наказание для любого взрослого и почти непристойное для такого ребенка...

Алессандра закончила. На мгновение показалось, что ничего не происходит: мальчик крутился в державших его руках, на теле его виднелись еще не просохшие буквы стиха.

– Советую вам больше туда не смотреть, синьор Мильтон... – прошептал стоявший рядом сектант.

Но для поэта было уже слишком поздно. Он был захвачен этой сценой, как муха, попавшая в клейкую паутину любопытства.

Неожиданно мальчик открыл рот и закричал.

Наблюдая за тем, что происходило начиная с этого момента, Джон Мильтон совершенно уверился в том, что все это будет стоить ему потери рассудка.

Или света очей.

– Потерял он второе: ослеп несколько лет спустя. – Сесар улыбнулся. – Все это, конечно же, не более чем чистой воды фантазия, что-то вроде метафоры, призванной пояснить создание «Потерянного рая», поэмы, которую Мильтон, будучи совсем слепым, продиктует своей дочери и секретарю, работавшему с ним в те годы, Эндрю Марвеллу^[29]. Это

странная поэма, где он описывает Сатану с некоторым благодушием, а вот Бога – как довольно мстительное создание. Рассказ заканчивается утверждением, что единственное, что спасло Мильтона от сумасшествия, так это относительная темнота: ему удалось позабыть почти все, чему он был свидетелем в той пещере, но вот его глаза, обладавшие лучшей памятью, чем он сам, решили умереть раньше.

Сусана шумно выдохнула, словно до этого момента сдерживала дыхание.

– Редкостный идиотизм! А что, пытка, которой подвергся этот бедный парень, заключалась в том, что ему написали на груди стих Данте?

– И продекламировали его. Это то, что автор называет «филактериями» – стихи, которые пишутся на каком-нибудь предмете или на теле одновременно с их произнесением. Эффект при таких условиях сохраняется гораздо дольше и оказывается более интенсивным... Да, именно эффект, ты не ослышалась, Сусана... Но здесь я забегаю вперед, предваряя собственное объяснение. Как я уже говорил, эта история всего лишь сказка, но в ней в виде метафоры излагается тот «секрет», который Милтон стремился раскрыть и который, собственно, и составляет главную загадку всей легенды: почему дамы вдохновляют поэтов?.. – Держа в руке открытую книгу, Сесар адресовал им многозначительный жест. – Насколько я понял, этот «секрет» заключается вот в чем: человеческий язык вовсе не безобиден. Мы убеждаемся в этом каждый день, имея дело с речами фанатиков и политиков... Слова *изменяют* действительность, они производят *вещи*, но только в том случае, если произносятся определенным образом и в определенном порядке. В стародавние времена эти комбинации могущественных слов, иногда и смысла не имевших, собирались и записывались на табличках или пергаменте, причем с целями, весьма далекими от художественных или эстетических. Но те, кто контролировал это могущество, не знали все и каждую из бесконечных комбинаций слов на всех существующих языках. Чтобы открыть их все, им нужна была посторонняя помощь. И они решили превратить свои поиски в искусство, в эстетику. Так родилась поэзия, и так появились поэты. – Он остановился и оглядел обоих. – Поэты, как вам известно, занимаются составлением цепочек слов, называемых стихами, значения которых они сами порой не слишком хорошо понимают. Дамы (эти существа, которые с течением времени взяли под контроль эту могущественную силу) умеют распознавать, кто из поэтов обладает наибольшим творческим потенциалом. Тогда они принимают облик прекрасных созданий, вдохновляют поэтов, а потом перелопачивают их творения в поисках тех

строк, что могут производить эффект, воздействие и которые у них называются «стихи власти». Автор книги сравнивает поэтов с «лозами колдуна»; вы знаете, о чем речь: это те самые ветки, которые, по поверью, начинают дрожать вблизи потерянного или спрятанного предмета... Хорошая метафора. Дамы используют поэтов, чтобы извлечь из-под земли самые могущественные звуки на всех языках.

– Так, я поняла... – Сусана казалась воодушевленной. – Это обалденная идея, как тебе, а, Саломон?.. Посмотрим, разобралась ли я с этим: слова производят эффекты, вещи, так?.. Полагаю, что некоторые производят хорошие вещи, а некоторые – плохие... А стихотворения служат, чтобы передать этот секрет через века... Например, сонет Неруды или поэма Лорки содержит в себе, быть может, слова, которые могли бы... Ну, не знаю... Слова, которые, будучи прочитаны вслух, заставили бы нас летать по воздуху, об этом речь?.. – И, смеясь, она куснула большой палец.

– Заметь, Сусана, вовсе не все стихи оказываются могущественными, – вмешался Сесар. – Значительная часть поэзии, по этой теории, не более чем эстетика и служит лишь, если можно так выразиться, неким «покрывалом» для сокрытия правды. И даже в тех поэтических произведениях, которые содержат в себе стихи власти, только несколько строк несут ее в себе. К тому же, без сомнения, их не так-то просто обнаружить, а еще того менее – продекламировать: только дамы могут это делать. – Он обернулся к Рульфо и улыбнулся ему. – Хорошо, перейдем теперь к самому поразительному – тем пунктам этой истории, которые имеют отношение к твоей, ведь имеют, Саломон? Тот предмет, который вы с этой девушкой вместе вытащили из аквариума, может оказаться имаго, той самой фигуркой, с которой они способны жить «вечно», а строки Данте и Вергилия, которые ты обнаружил, являются теми самыми «филактериями», и они послужили причиной того, что дверь дома открылась, что горел свет в аквариуме, что ты нашел портрет моего деда и имаго... Любопытная история, да. Совершенно невероятная, но совсем неплохо состряпанная. На самом деле... – Взгляд Сесара мечтательно затуманился. – А разве не может она получить какого-нибудь научного объяснения? Что, собственно, знаем мы о материи? А что, если звуковые волны, которые мы порождаем при говорении, могут влиять на орбиты соседних электронов до такой степени, что возникают существенные изменения в реальном мире?.. Обратите внимание, кроме всего прочего, на то, что традиционно при любом «колдовстве» необходимо звучание, какая-нибудь абракадабра и тому подобные штуки... А что, если именно это звучание и есть та самая *реальная* причина производимого эффекта?..

Подумайте о клятвах, о молитвах святым, которые, в соответствии с народными верованиями, могут производить определенное воздействие... Вспомните, в конце концов, что Бог есть Слово и что мир Он создал при помощи слова... А «поэзия» идет от *poiesis*, что по-гречески означает «творение». Не может ли все это указывать на некие расплывчатые метафоры, крутящиеся вокруг тайной силы языка и ее тайного преобразования при помощи поэзии?.. Ага, Сусана, судя по твоему лицу, кажется, что-то сдвинулось. Ты уже не выглядишь таким скептиком.

И внезапно, после эффектнейшей паузы, Сесар захлопнул книгу. Звук оказался таким громким, что Рульфо и Сусана моргнули.

– Впрочем, как я уже сказал, речь идет не более чем о простой фантазии не самого посредственного автора...

– О, Херберия, прекрасная и ужасная богиня, прости свою рабу Сусану, которая вынуждена покинуть это интереснейшее заседание, жалость какая! – Она потянулась, явив взорам свои худые руки. – Не могу не пойти сегодня на званый ужин – с театральными руководителями-главарями... Это именно те люди, которые вкладывают деньги в мой проект. Кроме того, там, возможно, будут и кое-какие знакомые журналисты, которых я смогу порасспросить о Лидии Гаретти... Пойду в душ. Я тебя еще застану перед уходом, дорогой ученик Рульфо?

– Может быть, – сказал Рульфо.

– И если так, то я уверена, что с этого дня впредь мы будем видеться чаще... У нас в руках великая тайна, которая ожидает своего раскрытия, верно, Сесар?

Сесар ответил как-то невразумительно, и Рульфо почувствовал его внезапную неловкость. «Он использует эту историю, как если бы это была конфетка, бог мой. Как будто он живет с девочкой и предлагает ей конфетку, дабы удержать ее подле себя».

– Мы можем поговорить, Сесар? – спросил он, когда Сусана, судя по шагам, поднялась наверх и закрыла за собой дверь спальни.

– Мы уже разговариваем.

– Что, если нам продолжить в комнате? Она еще существует?

Сесар, кажется, понял. Глаза его сверкнули.

– Да, пойдём.

Эта «комната» – так называли это помещение члены литературного кружка Сесара – располагалась через стену от столовой. Она представляла собой крохотное пространство, которое хозяин тщательно оберегал от нескромных глаз при помощи матового стекла. В ней стоял большой

телевизор и находились пленки – записи праздников и общественных мероприятий. Мягкий белый ковер на полу приглашал обнажиться, и Рульфо не раз принимал это приглашение. Все это осталось уже в прошлом. В «комнате» велись более откровенные разговоры, и при этом из столовой или спальни никто не имел возможности их услышать.

Когда Сесар закрыл дверь, заключив их обоих в подобие капсулы, Рульфо сказал:

– Оставь это, Сесар.

– Что же я должен оставить?

– Эту тему. Все, точка. Займись чем-нибудь другим и не дразни больше Сусану.

– Ты с ума сошел?

– Да, – подтвердил Рульфо. – Можешь думать так. Я сошел с ума. Вообразил то, чего не было. Никогда не был в доме Лидии Гаретти. Все было выдумкой.

Улыбка Сесара растаяла прежде, чем Рульфо договорил. Теперь он пристально смотрел ему в глаза:

– Что случилось, Саломон?

И он решил рассказать. Не вдаваясь в детали, он изложил основные события, имевшие место со вчерашнего вечера: девочка в рваном платье, театр, обыск в его квартире. Когда передавал свой разговор с Бласом Маркано, думал, что его стошнит.

– Блас Маркано Андраде, театральный продюсер, посмотри в Интернете... Изнасиловал и убил свою шестнадцатилетнюю дочку, Сорайю Маркано, в одна тысяча девятьсот девяносто шестом году, а потом покончил с собой. Но я говорил вчера вечером с ним и с его дочерью... Не спрашивай меня, откуда я знаю, но я уверен, что это были они. Возможно, Маркано принадлежал к секте и был наказан за какую-то провинность, как тот приговоренный, которого видел Мильтон. Не понимаю как, но...

Сесар снял очки и медленно опустился на огромный, занимавший главенствующее место в крошечной гостиной диван с роскошной спинкой, декорированной рядами пуговиц.

– Невероятно, – прошептал он. – Я никогда не думал... Нет, боже мой!.. Даже... даже когда я закончил читать эту книгу, я продолжал думать, что все это сказки, легенды, смешанные с воспоминаниями моего деда и твоими собственными приключениями... Боже мой!.. Ты хоть понимаешь, что все это значит?..

– Я не собирался воодушевлять тебя, Сесар. Наоборот. Это опасные люди.

– Не сомневаюсь. Для меня совершенно очевидно, насколько они опасны. Но они ничего тебе не сделают, если ты вернешь им фигурку. Ведь именно этого они от тебя хотят, так?.. На твоём месте я бы её отдал. Каким бы способом она к тебе ни попала, она не твоя. Она принадлежит им.

– Верну я её или нет, дело ведь не в этом. Я хотел поговорить о том, что вы должны позабыть об этом гребаном деле, забыть раз и навсегда, и что я проклиная тот день, когда мне пришла в голову мысль...

– Я ещё могу оказаться тебе полезным, дорогой ученик. – Сесар остановил его жестом. – Чтобы найти Герберта Раушена, помнишь о нём?.. Он – единственный человек, который может рассказать нам немного больше о том, о чём мы уже знаем, поведать то, чего нет в книге, о даме номер тринадцать... Почему он сказал мне, что она так важна? Почему в книге о ней не упоминается?..

– Да они уже, скорее всего, нашли возможность заткнуть Раушену рот. И сделают то же самое с вами, если...

– А если все не так?.. А если он скрывается?.. А если нам удастся поговорить с ним или с кем-то ещё, кто знает то же, что знает он?..

– Не хочу я знать больше! – отрезал Рульфо. – Хочу только одного: чтобы все это кончилось.

– Саломон. – Сесар протянул руку и включил торшер, стоявший возле дивана. В мягком рассеянном свете лицо его как будто разделилось надвое, как луна в первой четверти. – Поэзия стала основным смыслом моей жизни. И твоей тоже, признай это. Я хорошо тебя знаю и знаю, что ты такой же неверующий, как и я, хотя и не такой бесстыдник... Такой поверхностный гедонист. Но поэзия всегда была нашим причастием, нашим единственным божеством, нашей этикой.

– Сесар...

– Дай мне договорить, ученик мой Рульфо. Я научил тебя любить её, скажи, что нет, если посмеешь. Скажи, что тебе не нравились мои занятия или поэтические вечера, которые мы устраивали прямо здесь, в этой самой комнате, с Сусаной, Пилар, Алваро, Давидом... Всеми теми, кто, как и ты, перестал приходить в этот дом давно, очень давно... Ты и я – мы оба сделаны из одного теста: поэзия нас разоружает, разносит на куски. Сегодня она стала удовольствием для немногих, но мы всегда знали, что в ней есть пропасть... Это то, что мой дед называл «чистый ужас». А сейчас вдруг что случилось?..

– Сесар, послушай меня...

– Дай мне сказать! – Сесар поднялся со свойственным ему проворством и повысил голос. – Что произошло?.. Что мы наконец

обнаружили эту пропасть и заглянули в нее. И смотрим туда. И я знаю, что ты в нее прыгнешь. Знаю. Прыгнешь. Слишком велико искушение... И что ж, почему ты хочешь запретить мне, который старше и с меньшими, чем у тебя возможностями, чтобы я *тоже прыгнул*?

– А Сусана? – мягко произнес Рульфо, указывая рукой на дверь. – Возьмешь ее за руку, чтоб она прыгнула вместе с тобой? – Вдруг Рульфо почувствовал, что сейчас взорвется. – Ты что, не понимаешь, что делаешь?.. Ты опять превращаешь эту историю в еще одну увлекательную тему в стиле профессора Сауседы!.. Но это реальность, дорогой профессор!.. Не понимаю как, не понимаю почему, но это *реально и опасно!*.. На этот раз речь идет не о том, чтобы поиграть с ду́хами, поесть облаток, намазанных паштетом, или повызывать дьявола, используя обнаженную Сусану в качестве алтаря, самому нарядившись Антоном Шандором Ла-Веєм!..^[30] Это *реально!* – Он чувствовал, что обливается потом. И понизил голос, чтобы добавить: – И очень опасно.

– Отдай им эту фигурку, и они не сделают нам ничего плохого, – сказал Сесар после паузы, убийственно серьезный.

– Как ты можешь быть так в этом уверен?

В этот момент открылась дверь. С порога им улыбалась Сусана, закутавшаяся в махровый халат.

– И что это вы здесь делаете? Заговор затеваете?

Оба мужчины взглянули на нее и почти одновременно улыбнулись.

– Да я уже ухожу, – объявил Рульфо. – Спасибо, что накормили обедом.

Свет осеннего вечера почти померк, когда Рульфо вышел на улицу. Сесар был прав: отдаст он им фигурку. Он вернет им эту проклятую фигурку, раз они так этого хотят.

И сел в машину, всеми силами души желая, чтобы с первой попытки найти дорогу к дому Ракели.

Патрисиио Флоренсио зажег газ и отвернул кран на полную. Но сильнее слабый голубой огонек не стал. Эдак турка с кофе еще не скоро нагреется. Чертыхнулся сквозь зубы: плита эта была ничем не лучше остальной мебели. Но, ясное дело, лучшего она и не заслуживала.

Ожидая кофе, он плеснул себе еще рома из бутылки, которую Ракель хранила специально для него на верхней полке почти пустого шкафчика. Там же находились консервы – всего несколько банок; Патрисиио задумчиво посмотрел на них, а потом вдруг стал доставать одну за другой, отправляя прямиком в мусорное ведро. «Захочет есть, пусть сама у меня попросит».

Он осушил стакан и добавил еще. Здесь было холодно, как в погребе, да и воняло, не приведи господь. С сегодняшнего дня ей придется лучше убирать дом, он сам научит ее, как это делается. Он многому еще научит ее, эту венгерку.

Патрисิโอ Флоренсио был кряжистым, невысокого роста мужчиной. Он сбрил волосы на голове, но сохранил кольцо черных волос вокруг рта: усики и бородка – такие же смоляные, как и густые брови. Из расстегнутой на груди белой рубашки торчала густая растительность, обильно покрывавшая грудь. И он потел. Потел всегда. Нельзя утверждать, что они с потом были хорошими друзьями, однако им пришлось научиться жить вместе, как каким-нибудь сиамским близнецам, имеющим общий внутренний орган на двоих. Даже в детстве он потел много, обильно. Ему самому казалось, что за ним остается полоса пота, подобная той слизи, что оставляет улитка, длиной во всю его жизнь – начиная с безрадостного детства, проведенного на улицах убогой гватемальской деревни, и до зрелости, встреченной в Европе. Его мать, его дорогая матушка, храни ее Господь в райском саду, говаривала, что потеть хорошо, потому что с потом люди худеют. Свою нежную и благодетельную мать, испанку по крови, Патрисิโอ любил так, как не любил за всю свою жизнь ни одну другую женщину. Но что и говорить, ведь его матушка была настоящей сеньорой, из тех, которых уже и не осталось, – воспитанная и чопорная, безгрешная, как статуя. Патрисิโอ иногда снилось, что он приносит ей красные розы. Раньше ему не довелось оказать ей подобный знак внимания, а теперь было уже слишком поздно. Но он знал, что хоть и с небес, но мама все равно была ему благодарна. Среди целой толпы шлюх, наводнившей мир, достойная уважения женщина – это как клевер с четырьмя листочками, Сильвина. Мама – это да, это была настоящая женщина, не доводи меня, Сильвина! Мама – вот кто действительно заслужил розы.

Он вернулся в столовую и взглянул на нее. Девушка, съездившись, так и лежала на полу, в самом углу. В его планы не входило выдать ей все, чего она заслуживала, потому что это могло бы нанести урон ему самому. За порченный товар и гроша не дадут, как хорошо известно. Он ограничился тем, что двинул ей разок кулаком в челюсть, а другой – в живот. Разбитая в кровь губа скоро заживет, не оставив следа, к тому же клиенты только пуще возбудятся при виде небольшой ранки. С ней все будет в порядке, и очень скоро: она – девица крепкая.

Он чувствовал себя счастливым, ром явно пошел ему на пользу. Повернулся и снова отправился на кухню, мечтая о кофе, но турка все еще не нагрелась. Еще одно проклятие сорвалось с языка: такой огонь не

разогреет и скрытого гомика. Нужно было ждать. Он терпеть не мог ждать, всегда был нетерпелив, но другая его половина (та, что от матери, без сомнения) была весьма рассудительна и советовала сохранять спокойствие.

Благодаря этой рассудительности ему удалось организовать процветающий бизнес и руководить им. Не зря он был хозяином лучшего подпольного клуба-борделя во всем Мадриде. Были у него и компаньоны, это да, но мозгом был не кто иной, как он, остальные только вкладывали деньги. Кроме того, он одним из первых решил завоевать страны Восточной Европы. Его важные клиенты, естественно, утверждали, что они не расисты, но Патрисио хорошо знал, что на самом-то деле все они уже пресытились филиппинками и латиноамериканками, а то, что им нужно, – это белокожие западные девушки. Теперь он мог им таких предложить. И не только проституток, а женщин, которые в своих странах получили университетские дипломы, женщин образованных, привыкших ухаживать за своим телом, замужних или разведенных, горящих желанием эмигрировать в поисках лучшей жизни. И даже женщин, которые таковыми еще и не были: не более чем проекты женщин, совсем юные девочки, проданные своими же семьями. А он не делал им ничего плохого – всего лишь предлагал возможность заработать в стране, которая год за годом ужесточала условия въезда иностранцам. Несколько лет такой работы – и они смогут вернуться к своим семьям с приличной суммой денег. Кому это помешает?

Другое дело, что в этом бизнесе, как и во всяком другом, были свои нюансы. И Патрисио вынужден был признать, что Ракель – случай особый.

Знает он ее уже пять лет. Она была сиротой, приехала без документов. Те, кто ее продавал, сказали только, что зовут ее Ракель и что она обязана работать, не получая ни гроша. Ему эти секреты были до лампочки: если бо́льшая часть девчонок, которые попадали в его руки, не имели прошлого, хотя и помнили о нем, то что ему было за дело, если одна из них начисто свое забыла? Как только он ее увидел, сразу взял под защиту, включая и то, что было при ней, и, хотя вначале ему казалось, что он просчитался, девица в конце концов обошлась ему задешево. Он ни разу не раскаялся в том, что принял ее. Ракель была единственной и неповторимой – и поэтому она была его. Патрисио не дарил цепочку с кулоном, на котором выгравировано его имя, каждой принятой девушке, даже Сильвине, его нынешней подруге, пронирливой и благодарной девахе, но ведь Ракель была совсем другое – единственная в своем роде, высшего сорта, покорное и прекрасное животное, конфетка, что тут скажешь. Держать ее при себе стоило недешево, но она была совершенством. Не только ее тело, фигура, место

которой на подиуме, однако с нужными округлостями во всех тех местах, где почти все ей подобные оказывались плоскими, как гладильная доска, но также и ее характер. Ее товарки были либо развратными, либо мятежными, но у кого было то, что отличало Ракель? Ведь она родилась, чтобы повиноваться.

«И что с тобой творится, когда дело касается венгерки, Патрисио? Она не идет у тебя из головы».

В точку. Он был одержим этой девушкой. Просыпался по ночам, когда ему снилось, что она делает с ним что-то ужасное. Он понятия не имел о настоящей причине этих снов, ведь и его матушка, и Господь Бог, оба прекрасно знали, что он, в отличие от некоторых его клиентов, садистом не был. В юности было дело – убил своими руками мужика, который выколол глаза собаке. Ненужная боль вовсе ему не нравилась, тем более когда речь шла о животных или женщинах. Но с Ракелью все выходило по-другому.

Вообще-то, эта попытка мятежа ему даже чем-то понравилась. Не слишком, конечно. Но отчасти. Как раз чтобы он получил право поставить ей новые границы.

Он вернулся в комнату и подошел к девушке со стаканом рома в руке. Ракель отвернулась.

– Эй, что это с тобой? Бить тебя я больше не стану. Хватит. Уже простил. – И погладил ее по голове. – Сегодня после обеда придешь в клуб, так?

– Да.

– А потом на свидания. На все.

– Да.

– Кстати, как тебе пришла в голову эта идиотская мысль – уйти? Кто-то присоветовал?

– Нет.

– Не ври мне.

– Я не вру.

Он ухватил ее за подбородок и приподнял лицо. Девушка моргнула, но не сделала ни малейшей попытки оттолкнуть его руку.

– Так что, значит, это твоя идея?

– Да.

– И какая тебя муха укусила?.. Смотри на меня...

Она снова заморгала. Эти туманные черные очи сводили его с ума: они были его сокровищем.

– Почему ты решила меня покинуть? Неужто Патрисио плохо с тобой обращается, не как ты того заслуживаешь?

Девушка не ответила. На мгновение, глядя на это совершенное лицо, он задался вопросом: не обманывает ли она? Но нет, невозможно. Он слишком хорошо ее знает. Ракель так же не умела врать, как летать в небесах. Это было боязливое, покорное существо, и как раз эта черта ее характера больше всего ему и нравилась. Его на самом деле продолжал удивлять ее мятеж, хотя и жалкий. Патрисио онемел от изумления утром, когда она ему позвонила. Он просто-напросто поверить не мог, что она примет подобное решение самостоятельно. Он ей доверял полностью, абсолютно. Почти все женщины, работавшие на клуб, жили либо под замком, либо под так или иначе организованным постоянным наблюдением, но Ракель – другое дело. Ее можно было посадить в клетку с шимпанзе и дать в руки ключ, будучи уверенным, что она никогда без разрешения не выйдет, в этом он не сомневался. Нет, не просто так он поселил ее в этой отдельной квартире. И при всем при этом теперь... Что произошло? Ему показалось... Да, он почти мог поклясться, что она *изменилась*... Какое-то едва заметное изменение, но оно от него не ускользнуло. Может, более решительная? Более своевольная? Возможно, дружкой обзавелась в своем эмигрантском квартале?

Как бы то ни было, необходимо было застраховаться – чтобы такое больше не повторилось. Она, конечно, знает, что с ней будет в случае пренебрежения правилами клуба, но при всем при этом он не может рисковать и оставить все как есть, не подкрутив гайки. «Думай, будь рассудителен, Патрисио», – говаривала ему матушка.

Вдруг он о чем-то вспомнил:

– Ах черт, мой кофе!

Но, придя на кухню, убедился, что турка едва нагрелась.

«Дерьмовая конфорка».

И снова плеснул в стакан рома. Теперь он уже знал, что надо делать. Ей, конечно, не понравится, но придется смириться. Принять меры, чтобы затоптать последние искры внезапно вспыхнувшего мятежа, было необходимо.

Девушка проследила за тем, как он направился в кухню, не сдвинувшись с места, не сказав ни слова, оставаясь на полу все в той же позе зародыша. У нее болела разбитая губа и живот, там, куда он ударил, но более всего ее терзало другое: как же могла она подумать, что он позволит ей уйти? Неужели она могла оказаться такой дурой?

Понятно, что не нужно было никому сообщать о своих намерениях. Сейчас она хотела только одного: чтобы он перестал сердиться. Она

сделает для этого все, что от нее зависит. А позже, когда он оставит ее в покое, осуществит свой план. Она задумала уехать как можно дальше и тихо пожить, не высываясь, какое-то время, пока ему не наскучит ее искать. А потом она уедет еще дальше. И Патрисио больше никогда ее не увидит.

Все оказалось не так ужасно, как она опасалась. Когда на нее обрушился первый удар кулаком, она укрылась в своей воображаемой огненной могиле. Сопротивляться не стала: подумала, что он ее убьет, и почти этого хотела. Став женщиной, лежащей в могиле, она едва ощутила боль. Теперь было нужно только одно: чтобы он думал, что все опять как раньше. Она была готова подчиниться ему. На время.

Увидела, что он возвращается к ней со стаканом в руке. Прикрыла глаза:

– Я научил тебя много чему, но кое-что тебе еще нужно освоить.

Она ничего не сказала. Мужчина подошел:

– Ты умница, Ракель. Не слушай того, что болтают эти дерьмовые клиенты... Верь только мне: ты не похожа на большинство девушек, ты – умница. Но чтобы продолжать быть умницей, нужно потерпеть. Как будет «умница» по-венгерски?

– Не знаю.

– Это меня не удивляет. – Патрисио провел рукой по бритой голове, отирая пот. – Для начала я кое-что тебе скажу. – И выдал неожиданный вердикт.

Эта фраза обрушилась на нее, как кулак несколькими минутами раньше. Но на этот раз она поняла, что никакая воображаемая могила не сможет защитить ее от подобного удара. Она подняла голову и уставилась на него полными ужаса глазами.

– Не смотри ты на меня так, венгерка... А ты что думала? Что Патрисио Флоренсио идиот?.. Это ты брось. Вот сейчас ты вся такая с виду ручная, а завтра подхватишь чемодан да бежать, ведь так?.. Нет, не пойдет. Я два раза на одни грабли не наступаю. Все решено.

Нет, ничего не решено. Не может быть решено. Она должна что-то предпринять, причем срочно.

Она оперлась руками о пол и заговорила ласково, но достаточно громко, чтобы он услышал ее с того места, где стоял:

– Патрисио, ну пожалуйста... Клянусь тебе, я останусь. Клянусь тебе в этом.

– Ясное дело, ты останешься. Но не на прежних условиях.

– Ну пожалуйста...

– Да о чем тебе беспокоиться?.. У меня ему будет лучше, чем с тобой, сама понимаешь.

– Патрисио, ты обещал, что никогда...

– А ты мне обещала, что никогда не уйдешь.

– Патрисио...

Она видела, как он наклоняется к ней и поднимает руку. Хотя ей и пришло в голову, что он сейчас опять ударит, лицо она не отвернула. Но он ее не ударил – стал гладить по голове, как собаку, пока говорил, только и всего. Но эти слова ранили ее сильнее, чем все, что он когда-либо раньше с ней проделывал.

– Венгерка, замолчи. Ты потом сама будешь довольна моим решением. А сейчас – заткнись.

Девушка не заплакала. Отчаяние ее заполнило собой все вокруг. Заговорить вновь она не решалась, но в то же время не могла и подчиниться. Тело отказывалось двигаться, но и унять дрожь ей не удавалось. Она увидела ноги мужчины – они удалялись, потом услышала его шаги в коридоре. Где-то в квартире что-то булькало, возможно

могила

турка с кофе. Стук открываемой двери, снова шаги, слова. Она воспринимала все эти звуки, несмотря на галоп своего сердца.

могила, объятая пламенем

Тогда она встала.

Могила, объятая пламенем. Открывается.

Внезапно стало холодно. Повеяло пронизывающим холодом, сотрясающим, как землетрясение. Она возникла на пороге, силуэт был резко очерчен идущим из коридора светом, и прикоснулась к спине Патрисио, облекла плащом. Силуэт был женский, но он ощутил что-то ледяное, что коснулось его сзади.

Он инстинктивно обернулся и увидел ее – стоящей в дверях. И недовольно скривился:

– Ну, что теперь, венгерка?

– Патрисио, – нежно сказала девушка, подходя к нему. – Твой кофе готов.

Вот тогда он понял, что за предмет она держит в руке – нечто, над чем

клубился пар и что испускало змеиное шипение.

И прежде, чем он смог как-то отреагировать, она выплеснула содержимое посуды ему в лицо.

Главное теперь было не терять время.

Мужчина попятился, закрывая лицо руками и визжа, как скот на бойне:

– Мои глаза!.. Мои глаза!..

Она снова подняла руку и ударила его по черепу основанием турки. Но не слишком сильно. Убить его она не хотела, только чтобы сознание потерял, ну или оглушить. Когда мужчина упал навзничь, она отшвырнула турку и поволокла его из комнаты, вцепившись в рубаху, от которой отлетела пара-другая пуговиц. В комнате слышались другие крики, но они в данный момент ее не занимали.

Она протащила Патрисио по коридору, что не потребовало от нее больших усилий. Усталости она не чувствовала. Она вообще ничего не чувствовала. Добравшись до столовой, она выпустила его, оставив лежать на спине. Его живот, покрытый густой порослью, горбился китовой спиной. Удар оказался для него сильным, но он уже пришел в себя. И тяжело дышал, не отрывая от лица ладоней. И потел.

– Мои глаза!.. Они обожжены!..

– Погоди-ка.

Она села на корточки, пошарила в карманах брюк мужчины и вытащила свернутый носовой платок – грязноватый, распространяющий запах одеколona.

– Шлюха, ты ж глаза мне сожгла!.. Глаза!.. Я потеряю зрение!..

– Нет. Зрение ты не потеряешь.

Она сходила в кухню, намочила платок и скомкала. Потом выдвинула ящик кухонного стола и достала вещи, которые ей понадобятся. И вернулась в столовую.

Он все еще был на полу, корчился от боли и подкатился прямо к ней под ноги. Руки его все еще закрывали лицо, ноги были поджаты.

– Боже мой, Пресвятая Дева!.. Я ослепну!.. Принеси воды!..

– Да, сейчас.

Она коснулась его щеки мокрым платком. В поисках влажного холодного облегчения мужчина вслепую повернулся к ней лицом. Она смочила его воспаленные веки, выжала платок на лицо и снова нежно тронула кожу тканью. Немного подождала, пока не утихли его причитания. И тогда бережно сдвинула с глазного яблока веко, хотя избежать его нового вопля не удалось.

– Что ты делаешь, сука!..
– Ты меня видишь?
– Да, – простонал Патрисио, быстро закрывая глаз.
– Ты не ослепнешь.
– Нет... Но они у меня горят, черт подери, они все еще горят...
– Взгляни на меня.
– Что?
– Посмотри на меня, Патрисио.
Распухшие красные веки приоткрылись с трудом.
Но внезапно Патрисио забыл о своих ожогах.

женщина

Она изменилась, и он понял это сразу. Лицо ее было все тем же, обычное ее лицо, но она *изменилась*, как изменяется хитро и незаметно, без каких-либо внешних воздействий, дотоле безымянный и неопределенный эмбрион, некое создание без собственных черт лица и форм, которое вдруг превращается в нечто конкретное, определенное; нечто, что родилось, выросло и сформировалось, став взрослым. И опасным.

женщина, стоит

– Кто... кто ты? – спросил в замешательстве Патрисио.

И это было последним, что он смог сказать. Девушка затолкала еще влажный платок ему в рот с такой силой, что один из передних зубов надломился, издав звук пистолетного выстрела, и в горло хлынула кровь. Комок ткани, жесткий, как камень, достигнув глотки, вызвал рвотный рефлекс. Бедняга подумал, что задохнется. И тут он осознал, что она перевернула его на живот и связывает руки за спиной веревкой. «Ракель?.. Но... Это разве РАКЕЛЬ?»

Он пытался сопротивляться – крутился, пинался,

и женщина, на ногах, восстав из могилы

мычал с кляпом во рту.

Но умолк, когда увидел у нее в руках кухонный нож.

Женщина, на ногах, восстав из могилы.

Воздев руки, чтобы поймать слова. Слова-эмигранты, летавшие

огненными птицами.

Она вонзила острое лезвие в другой глаз.

В ее сознание, словно к месту летнего гнездования, стаями возвращались слова.

На мгновение она остановилась и стала смотреть на кровь. Отерла ее рубашкой, оставив десять красных борозд, десять густых и влажных дорог. И вновь взялась за нож.

Слова с острыми коготками, голодные слова, которые заполнили все небо, скрыв солнце.

Мужчина что-то бормотал, из-под кляпа доносились звуки, но она знала, что на самом деле он ничего не говорит: всего лишь мычит что-то бессвязное. Мокрое пятно на его брюках и резкий запах фекалий дали знать о том, что он опорожнил и мочевого пузырь, и кишечник.

Слова, цепляющиеся за ее воспоминания.

Отложив на секунду нож, расстегнула молнию ширинки.

И снова взяла нож в руку.

Рульфо приехал еще до темноты, пересек двор и постучал в дверь, молясь, чтобы Ракель оказалась дома.

Она была дома.

Выглядела она так, словно только что вышла из ванной: завернутая в полотенце, волосы тяжелой волной лежат на плечах. Но с ней явно что-то случилось. Глаза были широко распахнуты, в лице ни кровинки. На нижней губе запеклась кровь.

– Что случилось, Ракель?

Девушка не шевелилась, молчала.

– Я очень боюсь, – сказала она дрожащим голосом.

– Боишься? Кого?

И услышал ответ, обняв ее:

– Себя.

VI. Ракель

Она во всем ему призналась. Сказала, что не просто убила – сначала ожесточилась, а потом испугалась. Ей казалось, что она совершила нечто запретное, но не думает, что мучается угрызениями совести. Потому что знает, что лишить его жизни, просто отнять жизнь у этого человека было бы для него слишком большим подарком, причем незаслуженным. То, что он с ней проделывал, какими способами унижал ее годами... Все это взывало к отмщению. Однако, несмотря на нескончаемое самовнушение, что ей не за что чувствовать вину, ее не покидает странное ощущение, что в самый критический момент решения принимала не она.

– Не знаю, что на меня нашло. Будто я обезумела. В голове не укладывается.

А Рульфо как раз прекрасно ее понимал. Ему не понадобилось других объяснений, достаточно было ее разбитой губы. Патрисио эксплуатировал ее, дожал, как лимон, до предела физических и душевных сил, и она решилась ответить. Тот простой факт, что теперь она так напугана, свидетельствовал, на его взгляд, как раз о том, что она не убийца.

– Ты не виновата, – высказал он свое мнение. – Ты всего лишь защищалась.

Столовая пахла мылом, как и сама Ракель. Она все здесь вымыла до его прихода, хотя кое-где еще оставались влажные следы – между плитками, на плинтусах и ножках мебели. Но больше всего внимание Рульфо привлекли свечи – несколько наполовину сгоревших свечей, приклеенных к тарелке посреди стола. Характерный запах растопленного воска он почувствовал сразу же, как вошел в квартиру, но подумал, что ей, наверное, понадобилось чуть больше света, чем обычно, чтобы все отмыть. Однако за цветными занавесками на окнах все еще было светло, и этого нельзя было не заметить.

На полу между ними поблескивала цепочка с именем Патрисио, выгравированным на тонкой пластине. Она только что сорвала ее с себя.

– Где он? – спросил Рульфо.

– В спальне.

Да, он был там. Тело лежало на полу возле кровати, накрытое простыней. Картина, представшая его глазам, была ужасающей и в то же время какой-то символичной, что еще больше подчеркивали зеркала, в которых множился вызывающий дрожь образ. Но когда он подошел и

приподнял край простыни, то понял, что видел еще далеко не все. Хотя это был незнакомец, Рульфо тут же убедился, что этого мужчину не узнала бы и его родная мать.

Какое-то время он замер над телом, думая о том, что же им теперь с этим делать. Конечно же, о звонке в полицию и речи идти не могло. Это только добавило бы сложностей, да и кто знает, какие обвинения могут быть выдвинуты против нее, когда выяснится, что она пытала свою жертву, прежде чем убить ее? И было еще одно сомнение: насколько он может доверять Ракели? Этого он не знал, но *очень хотел* ей доверять. Он даже понимал, почему она дала ему несуществующий номер телефона: ведь, в конце концов, это у нее было более чем достаточно причин не доверять ему – просто в силу обстоятельств жизни, которую она вела.

Решение к нему, как всегда, пришло внезапно, и ему оставалось только надеяться, что так, как он решил, будет лучше для них обоих. Он достал носовой платок и тщательно обтер все те места, к которым мог прикоснуться. Его не слишком беспокоили следы, оставленные девушкой: если у нее нет документов, то, скорей всего, в полиции нет и ее отпечатков. Но с уверенностью утверждать то же самое о собственных отпечатках было нельзя, поэтому важно было устранить любую возможность связать его с этим трупом.

Когда он возвратился в столовую, то увидел, что она не сдвинулась с места. Продолжала сидеть, склонившись к коленям, уставив взгляд на свои умопомрачительно длинные и белые голые ноги, черные как смоль волосы рассыпаны по плечам, полотенце – единственный предмет одежды. Красота ее все так же казалась ему нокаутирующей. Ему пришлось сделать усилие, чтобы оторвать глаза от магнита ее тела.

– Как ты думаешь, соседи могли что-то услышать? – спросил он у нее.

– Не знаю.

– Так вот что я тебе скажу: ты пойдешь со мной. Спрячешься у меня дома. Ты не можешь сидеть здесь и ждать, пока кто-нибудь соскучится по Патрисио и сообразит, что последнее, чем он занимался, – это отправился к тебе в гости.

– Хорошо.

– И еще кое-что. Фигурка, которую мы достали из аквариума, у тебя?

Она несколько секунд помедлила с ответом:

– Да.

– Ее хотят получить обратно. Позже я тебе все объясню. Это что-то вроде секты. Они обыскали мою квартиру и угрожали мне. Уверяю тебя, что они способны исполнить угрозы.

– Я знаю. – Она рассказала ему, что прошлой ночью приходил мужчина в черных очках и о том, как она нашла фигурку. Не стала скрывать и то, что была вынуждена назвать его имя.

– Ты правильно сделала, – объявил Рульфо. – Мы оба в этом замешаны. Кроме того, они пока что ограничивались угрозами. Как бы то ни было, дай фигурку мне. Мы должны вернуть ее.

– Почему?

– Я тебе уже сказал: они хотят получить ее обратно.

– Мы не можем устроить ей такое.

– Кому?

Казалось, девушка немного озадачилась и подбирает нужные слова:

– Ей... Лидии Гаретти... Не знаю... Фигурка была ее.

– Этого мы знать не можем.

– Она была ее, – настаивала девушка. – А теперь они хотят ее отнять.

– Это не наше дело. Отдай мне ее. Лучше, чтобы она была у меня.

Их взгляды встретились. Глаза девушки метали молнии. На секунду ему почудилось, что она откажется. Но тут она встала и вышла из комнаты. Вернулась, держа что-то в руке, и отпустила этот предмет на раскрытую ладонь Рульфо. Глазам его предстала фигурка без лица со словом «Акелос», написанным сзади, он сунул ее в карман пиджака.

– Я не буду из-за этого рисковать нашими жизнями. Ты что-нибудь еще с собой берешь?

– Да, – сказала девушка, пристально глядя на него. – Нужно взять из той комнаты, в коридоре.

– Ну так бери, одевайся, и пошли отсюда.

Она все еще смотрела на него:

– Пойду одеваться. Возьми сам, пожалуйста.

– А что это? Чемодан?

– Нет. Сам увидишь, как только войдешь.

Рульфо вышел в коридор и приблизился к закрытой двери. Рассудил, что она должна вести в еще одну маленькую спальню. Накрыв круглую дверную ручку платком, повернул. Его встретила внезапная темнота. Хотел пройти вперед, но передумал: его остановил какой-то скрежет, словно внутри пряталось животное. Удивившись, он застыл на пороге. Когда глаза привыкли к темноте, ему удалось увидеть убогую постель на полу и другие разбросанные предметы.

Но все внимание его было приковано к тому, что находилось в дальнем углу комнаты.

Оттуда на него был направлен холодный взгляд мальчика.

Несмотря на то что такая троица неизбежно должна была привлечь внимание прохожих, им удалось пройти через квартал никем не замеченными. Впрочем, нельзя было сбрасывать со счетов, что для этой операции была выбрана ночь.

Первым вышел мужчина. Крепкий, невысокого роста, на вид слегка неряшливый, с запущенной черной бородкой и вьющимися волосами, что, впрочем, не лишало его несомненной привлекательности. Рубашка на нем не выглядела подходящим одеянием для холодной ночи конца октября. Но те двое, что вышли вслед за ним, одеты были еще более странно. На девушке с длинными черными волосами, очень юной, была кожаная курточка, мини-юбка, чулки и короткие сапожки до щиколотки, все довольно поношенное. К себе она прижимала некий сверток – несомненно, ребенок в сандаликах, укутанный в черный мужской пиджак.

Они молча прошли через двор. Прохлада недавнего заката смягчала атмосферу, перебивая вонь переполненных мусорных баков и запахи готовки, долетавшие из крошечных квартир.

– Я родила его совсем молоденькой, почти девочкой. Кто его отец – не знаю.

Поглядывая в зеркало заднего вида, Рульфо различал силуэты Ракель и ее сына. Фары редких машин, порождение и продолжение города, отражались в распахнутых глазах мальчика.

– Он всегда жил со мной. Но я не хотела, чтобы его видели, потому что думала, что... что люди, которые ко мне приходили, могли... обидеть его. И я научила его не покидать комнату...

Рульфо с трудом удавалось следить за дорогой. Он слушал Ракель, а в воображении оживала жуткая картина: ребенок, которому едва исполнилось шесть лет, запертый в мерзкой комнатухе с несколькими пластиковыми солдатиками, расставленными по полу, и двумя квадратными мисочками – с едой и с водой. Это был ужас, от которого дыбом встают волосы, это как убедиться в том, что ад существует. И хотя газеты и телепередачи почти ежедневно поставляли подобные новости, он осознал, что это несоизмеримые вещи – видеть все это, имея в качестве защиты листы бумаги или экран телевизора, и встретиться лицом к лицу, в реальности твоего города.

– Только Патрисио знал о нем и заставлял меня подчиняться, угрожая отыграться на нем... Сегодня он решил забрать его, но я не позволила. Сын – единственное, что заставляет меня жить. Единственная причина. Я убью

себя, если он не сможет быть подле меня, клянусь. И никому не позволю отнять его у меня. Клянусь тебе.

И тут до него дошло. Голос девушки не слишком отличался от того, который он слышал раньше, но ее речь стала другой. Она выражала свои мысли свободнее – как будто внезапно расширился ее словарный запас. А в тоне звучала необычная твердость. Казалось, что она стала сильнее и не была уже такой покорной, как прежде.

Квартира его по-прежнему представляла собой свалку. Извинившись, он стал подбирать вещи, а Ракель молча, но деловито принялась помогать. Потом Рульфо отправился на кухню и приготовил легкий ужин – омлет и салат. Накрывая на стол, он вдруг заметил, что мать и сын по-прежнему сидят там, где он их оставил, обнявшись, ничего не говоря. Ей было не во что переодеться, так что Рульфо пришлось выдать ей свой махровый халат. На мальчике была грязная пижама красного цвета, а в руке он сжимал привезенных с собой пластмассовых солдатиков.

– Ну, не знаю, как вы, а я-то точно проголодался, – заявил Рульфо.

Ему доставляло удовольствие ужинать вместе с ними – все трое за одним столом. Он наблюдал за ребенком. Тот ел руками, деловито и аккуратно, не поднимая глаз. У него были светлые, кое-как подстриженные волосы, хотя на вид чистые. Его большие и выразительные синие глаза и тонко очерченные розовые губы явно достались ему не от Ракели. По-своему он был очень красив, но бросалось в глаза, что он был похож на отца, кем бы тот ни был. И было еще кое-что. После того как она рассказала о вынужденно жутком образе жизни сына, Рульфо ожидал увидеть в нем пустоту, притушенный темперамент печального барашка. Однако его лицо и жесты выдавали скрытную, но несомненную личность, некое достоинство, которое просто поразило Рульфо. Трогательные детские черты не умаляли присущей ему значительности, почти величавости, которая не исчезла даже тогда, когда мальчик, подобрав с тарелки куски омлета, наклонился и быстрыми движениями языка облизал ее.

Ребенок поднял голову и встретился глазами с Рульфо. На мгновение Рульфо отвел взгляд, но понял, что мальчик все еще на него смотрит. Мужчина улыбнулся ему, но напрасно: серьезность детских губ была непоколебима. В выражении лица мальчика не было и намека на застенчивость или боязливость, – скорее, оно несло на себе печать неизбывного одиночества и немалых страданий. У Рульфо комок встал в горле, когда он подумал о той жизни, что сформировала подобный взгляд. Тут он понял, что до сих пор не знает его имени. И спросил у Ракели.

– Ласло, – ответила она, слегка поколебавшись.

Закрыв дверь не только на замок, но и на цепочку, а также придвинув к двери комод (возможность визита незваных гостей, как прошлой ночью, исключить было нельзя), Рульфо предложил девушке лечь вместе с сыном на кровать, прибавив, что сам он прекрасно устроится на диване. Но та отказалась:

– Он не может спать ни с кем, не привык. Ему будет лучше на диване.

Так и решили. Но все же Рульфо не хотелось оставлять мальчика в столовой одного. Он достал простыни, снял с дивана подушки и соорудил из них небольшую импровизированную постель рядом со своей кроватью. Мальчик дождался, пока его ложе будет готово, а потом устроился там, не выпуская из рук солдатиков. И сразу же заснул. Когда Ракель вернулась из ванной и легла в кровать, Рульфо погасил свет.

Тишина расширилась в потемках, словно зрачок.

Ему нужно было столько ей рассказать: о странной девочке, о театре, об угрозах и сообщении о той встрече, на которой они должны быть оба (хотя он не знал пока, ни когда, ни где она состоится), но почувствовал, что сейчас совсем не подходящий для таких разговоров момент. Тем не менее очень скоро он понял, что не может спать. Рядом с *ней* это было невозможно. Хотя он ее не касался, однако чувствовал рядом с собой, слышал, как она дышит, ощущал жар этого великолепного тела. На секунду он спросил себя, хорошо ли то, что он собирался делать, ведь рядом ребенок, да и захочет ли она. Но поддался порыву. Протянул руку к коже, покрову тела, которое лежало в нескольких сантиметрах от него, – руку, дрожащую, словно вопрос.

И девушка, которая, казалось, ждала этого, среди этой вселенской тишины ответила на его движение и прикоснулась к нему губами.

Все для нее стало другим.

Она уже не отдавалась, как живое дерево, с воздетыми вверх руками-ветвями, стараясь сделать плоды своего тела доступными для обхвативших его пальцев и осознавая, что оно может быть использовано множеством разных способов, включая побои и удары хлыстом. Она освободилась от колец, которые навесил на ее плоть Патрисио, так же как освободилась от цепочки. Теперь единственное, что ею владело, – это желание. Ей нравилось ласкать Рульфо и позволять ему ласкать себя, нравилось целовать его и получать поцелуи. Она не ведала, было ли что-то еще в этом ощущении чистой неги, но в тот момент довольствовалась переживанием

сладкого отдаваемого счастья, обещавшего общее с другим телом наслаждение.

Он изо всех сил старался быть мягким, осторожным. Понимал, что ей нужна сейчас вся его нежность. После долгих ласк и поцелуев они застыли в объятии, прислушиваясь к дыханию друг друга. И тогда Рульфо спросил себя, любит ли он эту девушку. Нет, он так не думал и не хотел этого. Опыт с Беатрис научил его тому, что любовь тоже приносит страдания. И тем не менее с Ракелью он чувствовал себя так, как никогда и ни с кем раньше. Возможно, это не любовь, но не было это чувство и слепым, самодовлеющим желанием.

Все еще обнимая ее, он опустил голову и положил ее в дюны ее груди. И слушал, как тревожно бьется ее сердце, такое плотское, словно камни стучат по барабанной перепонке.

– Что это было? – спросила она вдруг.

– Что «это»?

– Ты разве не слышал? Ничего не слышал?

Он приподнялся. Все было тихо.

– Только твое сердце, – сказал он.

Но она внезапно всполошилась. Села и принялась вглядываться в темноту. Рульфо сделал то же самое. Комната была такой же, как раньше: тихая, погруженная во тьму.

– Что ты услышала?

– Не знаю...

Обняв ее, он почувствовал, какая у нее холодная кожа, вся в пупырышках. И тут он снова услышал удары.

Но теперь они доносились *не из груди девушки*.

там

Удары были четкие, ритмичные, они шли из коридора. Оба остоленели, слушая, как те приближаются. *Бум, бум...*

Вдруг Рульфо показалось, что он видит что-то невероятное.

там, неподвижная

Сердце Ракели, алое и огромное, вторглось в спальню, прыгая и отскакивая, ударяясь о тумбочку.

Мячик подпрыгнул еще три раза. Потом остановился. И безмолвная,

как наступление смерти,

там, неподвижная, среди теней

вошла девочка.

Там, неподвижная, среди теней.

В том же самом дырявом платье. В глазах ее плавал слабый отсвет раздавленных светляков.

– Не смотри на нее, – сказал Рульфо. – И убери от нее ребенка.

Девушка послушалась, не задавая вопросов: выскользнула из постели и взяла спящего ребенка на руки. Голова девочки на мгновение повернулась в их сторону и возвратилась в начальную позицию.

– Уходите отсюда, запритесь в ванной, – велел Рульфо и протянул руку к выключателю на тумбочке.

Наконец-то он может видеть, что перед ним.

Остановившись на пороге спальни, девочка стоит неподвижно: взгляд обращен прямо ему в глаза, губы растянуты в улыбке. Улыбка ее и лицо убийственно прекрасны, но Рульфо подумалось, что он предпочел бы тысячу раз созерцать полуразложившийся труп, чем один-единственный раз – эту фальшивую маску мертвой куклы. Потому что теперь он отдавал себе отчет в том, что не сумел до конца понять в их первую встречу: *это не было девочкой*.

Он понятия не имел, чем или кем еще могло это быть, но это не было девочкой, это не было человеком, не было и чем-либо иным, что было бы на них похоже. Если не смотреть в эти голубые глаза, пустые, ничего не выражающие, маскарад еще может показаться приемлемым, как тот, что использует гусеница ночного мотылька на ветке дерева.

Глаза были *ошибкой*.

– В двенадцать ночи тридцать первого октября, – четко проговорила девочка без намека на интонацию. Затем добавила точный адрес: заброшенный склад на шоссе на дороге, при выезде из Мадрида. – Ты и девушка, только вы. С имаго. Никто не должен знать.

Она проговорила это совершенно спокойно, не отрывая от него глаз. У Рульфо возникло ощущение, что глаза ее вот-вот выскочат из орбит. Они походили на плохо прикрепленные украшения. «Да они же вот-вот упадут», – подумал он. И представил себе жуткую картину: эти глазные яблоки грохаются об пол, как маленькие стеклянные шарики, оставляя после себя пару ямок – два отверстия, из которых выглядывает наружу ночь

ее мозга (если, конечно, у этого существа есть мозг). И быть может, он ощутит тогда дуновение этой окулярной ночи. Быть может, ощутит *смад* ее взгляда.

Он медленно поднялся с постели и встал, стараясь не дрожать. Девочка внушала ему больший страх, чем он готов был признать, но присутствие Ракели и ее сынишки (она, по крайней мере, его послушалась и укрылась в ванной) придавало ему мужества.

– Слушай меня внимательно... кем бы ты ни была... Пойду я один... Девушка не придет... И когда я отдам вам эту чертову фигурку... вы оставите нас в покое... Ты поняла меня?..

Девочка ничего не ответила: она продолжала смотреть на него и улыбаться.

– Ты меня поняла?

Он почувствовал, что ни секунды больше не может смотреть в эти глаза. Чертыхнувшись, протянул руку к тому, что было ближе всего, – ночнику на тумбочке.

Но не успел он даже поднять его, как губы девочки зашевелились и, не переставая улыбаться,

что-то пробормотали.

Слова появлялись с легкостью газа, но удивительно четкие, прозрачные, с двумя подчеркнутыми легкой вибрацией свистящими согласными, длинным вторым «не» и с краткой паузой в конце.

Рульфо выпустил лампу и вдруг упал на пол. Он рухнул в полной тишине, словно притянутый к центру Земли. Хотел пошевелиться, но мышцы его не послушались, они окаменели. В общем-то, как и все его тело, и даже органы чувств: барабанные перепонки вогнулись, словно под воздействием резкого изменения давления, голосовые связки застыли и не были способны издать ни звука, парализованные глаза посылали в мозг спокойные образы пары босых детских ног.

И тогда малышка снова заговорила – еще одна мягкая фраза, проговоренная с резкими паузами.

Не пустынные не заросли,
Не пустынные не заросли,
не сеть суетливых следов^[31].

Какой-то кусочек в его замершем от ужаса мозгу узнал эти строки: стихи Гонгоры. Вдруг его руки задвигались вопреки его воле. Вытянулась

вперед одна, потом другая, в некоем механическом и болезненном совместном движении суставов таща за собой застывшее тело. Он оставил попытки подняться и постарался восстановить контроль за собственными руками.

Но его руки, похоже, больше не нуждались и никогда не будут нуждаться в его воле. Он ощущал их так, словно они превратились в деревянные весла, управляемые кем-то другим. Напольная плитка царапала его живот и гениталии, пока он полз вперед, не помогая себе ногами, как насекомое с раздавленными задними лапками. Руки остановились, когда голова его оказалась на расстоянии полуметра от маленькой взломщицы, и в этот момент они поднялись, как стрелы кранов, пальцы растопырились и вцепились в его собственные волосы, дергая их с первобытной силой. Рульфо решил, что сейчас услышит, как с сухим треском разламываемого печенья сломаются его шейные позвонки. Почувствовал стреляющую боль в затылке. Глаза его, неподвижные, словно пассажиры в лифте, поднимались все выше и воспринимали, пока длилась эта бесконечная пытка, голени, коленки, худые бедра в прорехах ткани, талию, медальон в форме лавровой ветки, пелерину и, наконец, после рывка, который заставил его поверить, что он сам себе отрывает голову,

лицо девочки,

которое смотрело на него сверху вниз, не переставая улыбаться.

– Если ты этого еще не понял, – проговорил этот нежный голос ровно, без интонации, – то мы должны кое-что тебе растолковать: для нас ты – собачье дерьмо, Рульфо.

Из парализованного рта Рульфо капала слюна. Боль в позвонках заставляла думать, что кто-то ударами молотка забивал ему в затылок болт. Он жаждал потерять сознание, но не мог. Ему не удавалось даже закрыть глаза: он был вынужден смотреть вверх, таща себя самого за волосы к этому раскрашенному лику, этой пластиковой мордашке, которая улыбалась с нежностью обезумевшей пресвятой девы.

– Девушка и ты, тридцать первого октября, в двенадцать ночи, в указанном месте, с имаго, – повторила девочка механическим голосом. – Никто не должен об этом знать.

Она подняла ногу, прошла по телу Рульфо, взяла в руки мяч, развернулась и скрылась в темной столовой.

И только тогда руки его разжались, голова ударилась об пол и сознание провалилось в глубокую тьму.

Проснулся он как бы в коконе – сверху были простыни. Огненный

дождь, падавший сквозь стекло, дал понять, что уже полдень. Рульфо попытался подняться, но был остановлен резкой болью в шее. Чувствовал он себя так, словно кто-то отжал все и каждый из его мускулов, стремясь получить некий таинственный сок. Тем не менее каким-то чудесным образом сломано у него вроде бы ничего не было.

Силуэт телесного цвета попал в поле его зрения. Девушка, все еще обнаженная, сидела на кровати, глядя на него.

– Мышцы у меня ноют, как никогда, но думаю, что двигаться я способен.

Она кивнула:

– Они использовали стихи власти. Хотят, чтоб ты знал, что командуют здесь они.

В тот момент он даже не осознал, насколько странно прозвучали ее слова. Единственное, к чему он стремился, – это подняться. «Меня пытали стихами Гонгоры», – вспомнил он. Ему показалось невероятным, что «Одиночества», этот монумент барочной поэзии, который ему довелось прочесть десятки раз, смогли превратить его тело в тряпичную куклу, управляемую чужой волей.

– А что было потом? Ничего не помню.

– Ушла так же, как и пришла. Я проверила: ты был всего лишь без сознания, – и уложила тебя в постель.

– Спасибо, – от чистого сердца поблагодарил Рульфо.

Не без усилий, но ему удалось сесть. Девушка отстранилась и пошла к двери, словно тот факт, что он встает, сам по себе явился доказательством того, что ее присутствие более не обязательно. Он спросил ее о сыне.

– Завтракает, – сказала она.

Рульфо протер глаза, на пальцах остался гной. Боль в шее понемногу стихала. Губы, как оказалось, потрескались. Как будто он всю ночь метался в жару. Повернул голову и увидел ее со спины: она собирала с пола диванные подушки и простыни, на которых спал мальчик. Смотреть на нее всегда было для него счастьем, и он стал изучать ее тело. Заметил, что шикарная грива ее волос цвета черного агата свесилась на сторону, в первый раз при свете дня открыв его глазам дорожку позвонков и идеальную симметрию сливочных ягодич.

И броскую, в форме круга, татуировку с арабесками прямо на копчике.

– Мы не должны ходить на эту встречу. Это ловушка.

Он поднял глаза от чашки с кофе и взглянул на нее, удивленный твердостью ее тона.

– Они отберут у нас имаго, а нас убьют. Но не быстро. Будут убивать по-своему.

Он уже успел рассказать ей обо всем, не исключая теории Сесара относительно секты и власти поэзии. И тут он вспомнил о том, что она сказала чуть раньше, еще в постели.

– Ты говорила что-то о стихах власти. Откуда ты могла о них знать, если я тебе тогда еще ничего не рассказал?

– Видела во сне, – произнесла она, слегка поколебавшись.

– Тебе опять снились сны?

– Да.

Он ограничился тем, что наблюдал за ней. Ракель с холодным спокойствием выдержала его взгляд. «А она изменилась, – подумал Рульфо. – Почти совсем другая женщина».

Отчасти это ощущение не было верным, и он это понимал. Девушка была все той же, все так же завораживала его своей немыслимой красотой. Но она как будто бы отодвинулась, стала далекой. Она была здесь, рядом, ему достаточно было протянуть руку, чтобы коснуться ее, но личность, заключенная в это тело, *ушла с поверхности*, отступив в какое-то потайное место. В определенном смысле она теперь гораздо больше походила на своего сына, чем накануне: на лицах обоих теперь было почти одинаковое выражение некой внутренней силы.

Они сидели в столовой, заканчивая завтрак. Мальчик на диване играл в своих солдатиков, но почти бесшумно, едва жестикулируя. В комнате стоял полумрак – освещал ее только торшер, хотя на улице было светло. Рульфо по просьбе Ракели задернул занавески: хотя мальчик жил раньше и не в полной темноте, но глаза его все еще оставались чувствительны к свету.

– Все так, но если они все равно нас убьют, то почему же до сих пор этого не сделали? Уверяю тебя, что со мной, к примеру, они вполне могли покончить прошлой ночью: шея у меня оказалась очень хрупкой, в чем я имел возможность убедиться.

– Они хотят получить имаго.

– Да, это я уже слышал. Но почему они просто не отберут у нас эту штуку?

– Не могут, – ответила она. – *Что-то произошло*, когда мы доставали ее из воды. И теперь они могут получить фигурку только в том случае, если мы сами отдадим ее.

– Это тоже тебе приснилось?

– Да.

– Ну, тогда ты ошибаешься. Они обыскали мою квартиру. Явно хотели

ее выкрасть.

Девушка покачала головой:

– Они *не могут* ее выкрасть. Твою квартиру обыскали только потому, что я им сказала, что она у тебя. А я тогда так и думала. Но единственное, чего они хотели, так это удостовериться в том, что *один из нас* держит ее у себя. Теперь они это знают. И им важно, чтобы мы пришли на эту встречу и отдали им фигурку. Если мы не придем, получить ее они не смогут. Если бы они даже случайно на нее наткнулись, то все равно не смогли бы ее взять. – Вдруг голос ее смягчился. – Я знаю, что говорю. Не спрашивай меня почему, но это так... Они не могут взять имаго, и поэтому, собственно, мы до сих пор живы. А как только мы им ее отдадим, нас убьют.

То, что она говорила, могло показаться лишенным всякой логики, но Рульфо знал, что это правда. Ни на секунду не усомнился он в ее словах и подумал, что отчасти его доверие возникло благодаря тому искреннему тону, которым она говорила. Тем не менее он сделал вовсе не тот вывод, к которому подводила девушка, и он решил объяснить ей почему.

– Согласен, но ты не должна идти на эту встречу: тебе нужно бежать, скрыться, хотя бы только ради него. – Он кивнул в сторону ребенка. – Если они получают нас обоих, ни одному из нас не выпадет ни малейшего шанса. Но если я буду один и отдам им то, чего они добиваются, возможно... возможно, о тебе они забудут...

– Обо мне они не забудут, – ответила она с твердой убежденностью. – Они настаивают именно на этом, ты что, не понимаешь? Они хотят, чтобы пришли *мы оба, вдвоем*. В их намерения не входит оставить меня в живых.

– Во всяком случае, у тебя будет шанс...

– А ты?

«Разве я для нее что-то значу?» – задал он сам себе мысленный вопрос.

– Я уверен, что если я поставлю их перед выбором: моя жизнь или фигурка – они выберут ее, а меня оставят в покое.

Девушка посмотрела на него своими спокойными и в то же время странными темными глазами:

– Это абсурд. Если ты будешь играть по их правилам, они тебя убьют, Саломон. Ты сам это знаешь.

– Скажи, какой еще выход у нас есть, Ракель.

– Бежать вместе, – ответила она таким легким шепотом, что на мгновение ему показалось, что это был поцелуй. – Куда угодно. Спрятаться. Они, может быть, и найдут нас, но это будет не так легко... И,

кроме того, пока фигурка будет оставаться у нас, они не решатся с нами расправиться...

– Ракель... – Рульфо набрал воздуха в грудь и постарался прокрутить в голове все, что он сейчас скажет. Дать увлечь себя всякими сентиментальными глупостями, какими-нибудь идеями о принесении себя в жертву он не хотел. Кроме того, он знал, что эту жертву она и не примет. И решил, что будет держаться естественно, вооружившись безупречной логикой. – До каких пор мы сможем жить, скрываясь? – Он снова показал на мальчика и понял, что тот, кажется, тоже внимательно прислушивается к его словам. – До каких пор твой сын сможет вести такую жизнь?.. И в том случае, если мы с тобой пойдем на это свидание, и в другом – если сбежим, мы все равно останемся у них на мушке. Наша единственная надежда заключается в другом варианте – если мы расстанемся.

И вдруг, произнося эти слова, он кое-что понял: он опять говорит прощальную речь. И вспомнил то мгновение, когда взглянул на Бальестероса, прежде чем выйти из его машины. Он почти что видел доктора: вот он сидит за рулем и слушает, как Рульфо говорит ему, что с этой секунды пойдет один, *снизойдет* один, один войдет в мир странных вещей. Но теперь-то все было иначе, совсем иначе, и эта огромная разница заставляла его думать, что он принимает правильное решение: ведь теперь речь шла уже не только о его собственной жизни.

– Ты должна будешь какое-то время скрываться, – продолжил он. – Не стоит забывать о том, что случилось с Патрисио. Может, полиция пока и не обнаружила его труп, но, когда это произойдет, тебя станут искать. Моя квартира – не самое подходящее место, и вообще оставаться в Мадриде тебе опасно, так что мы подумаем... – Он увидел звездный мрак в ее глазах и сжал ее руку – холодную, напряженную. – До тридцать первого остается неделя; если мне хоть немного повезет, я уйду живым и приеду к вам, как только все кончится.

Она ничего не ответила, и Рульфо был благодарен ей за это. И увидел, как она встала и направилась в спальню, все еще в его дурацком халате.

Он поднялся и пошел за ней. Она прилегла на постель, сказала ему:

– Спать хочу.

– Очень хорошо.

Рульфо снял со спинки стула пиджак и вышел, закрыв за собой дверь. Проверил, в кармане ли имаго. И подумал, что с этого момента ему придется хранить эту фигурку.

До назначенного дня встречи.

Пока Ракель спала, Рульфо подошел к ребенку и пригладил ему волосы. Мальчик, казалось, не обратил на это внимания: он сидел, поджав тонкие ножки, на диване и в полусумеречной столовой старательно разглядывал своих солдатиков, разложенных на диванной подушке.

– Ты не очень-то разговорчив, как я погляжу.

– Не очень, – согласился ребенок.

В его голосе, неожиданно звонком, слышалась та же уверенность, что читалась в его взгляде. Отвечая, головы он не поднял. Не отводил взгляда от своих игрушечных фигурок. Приглядевшись с близкого расстояния к его лицу, Рульфо подумал, что у него может быть анемия. Он сел рядом с ребенком и улыбнулся ему:

– Знаешь что? Сдается мне, что ты очень умный мальчик...

Его маленький собеседник пропустил это замечание мимо ушей. Едва моргнул, как будто Рульфо не заговорил с ним, а пустил в его сторону струйку дыма. И продолжил раскладывать на подушке солдатиков. Потом по очереди провел пальцем над их головами, словно считая, хотя Рульфо не думал, что малыш умеет считать. Его ручка, с длинноватыми и грязными ногтями, остановилась над головой последнего. Малыш взял его и обернулся к Рульфо.

– Эта – самая плохая, – объявил он.

– Самая плохая?

Мальчик кивнул:

– Хуже всех.

На его грустном личике появилось выражение легкой брезгливости. Вначале Рульфо вообще не понял, что он хочет сказать. Но потом он пересчитал солдатиков: двенадцать. Мальчик держал в руке последнего. «Сага? Та, что Знает?»

– Ты хочешь сказать, что эта – самая злая?

Еще один кивок.

– Ты говоришь о дамах?

Мальчик ничего не ответил.

– Ты их знаешь, Ласло? Ты знаком с дамами?

И на этот раз ответа он не получил.

– Одной не хватает, – сказал он вместо ответа.

Рульфо вздрогнул. «Номер тринадцать».

И он вспомнил того австрийского профессора, о котором им рассказывал Сесар, и как тот настойчиво хотел что-то сообщить Сесару об этой даме. «Самая важная, о которой не говорят». Он предполагал, что дает увлечь себя некой абсурдной фантазии, импульсом к ней послужил

своеобразный язык этого ребенка, но подозревал, что именно эта дорога (дорога абсурдных фантазий) и будет самой верной, если стремишься к истине. И решил задать ему тот вопрос, который больше всего его беспокоил:

– А где она, Ласло? Где сейчас дама номер тринадцать?

Мальчик снова перевел глаза на своих солдатиков.

– Не знаю, – сказал он.

Мотель находился на обочине одной из дорог, отходивших от главного шоссе, в провинции Толедо. Почему его выбор пал именно на эту гостиницу, он не знал; возможно, дело было в том, что располагалась она не слишком близко к Мадриду, но и не слишком далеко от него. Это было двухэтажное здание, сложенное из красного кирпича, с белыми оконными рамами, и выглядело оно довольно новым. Заведение располагало небольшим рестораном на первом этаже, скромных размеров парковкой и, что было особенно важно, как раз приемлемым количеством номеров для гостей: не слишком большим и не слишком маленьким, о чем можно было судить по количеству припаркованных автомобилей. Рульфо зарегистрировался под своим именем и оставил свое удостоверение личности в руках толстой женщины, одетой в яркий голубой костюм. Ему дали большую комнату с двуспальной кроватью и еще одной – раскладной. Он удостоверился в том, что место было удобным и чистым, а потом повернулся к ним:

– Здесь вам будет хорошо.

Оба были почти неузнаваемы в новой одежде, которую Рульфо купил им этим утром. Да он и сам решил обойтись сегодня без своего обычного облачения, сделав выбор в пользу куртки и джинсовой рубашки. Хотел произвести впечатление обычной семьи, которая, совершая путешествие, остановилась передохнуть. Именно поэтому, выбирая время прибытия, он решил дождаться вечера.

Ночь они провели вместе, и, хотя это казалось ему невероятным (потому что он знал, что на следующий день они расстанутся, возможно, навсегда, и это обстоятельство наполняло его всеохватной тоской), ему удалось заснуть и даже выспаться. Проснулся с рассветом, подождал, пока встанет девушка, и вручил ей конверт с наличными. Там были почти все деньги, которые оказались у него дома, и бо́льшая часть тех, что лежали на текущем счете. Это была чрезмерная, убийственная трата для его бюджета безработного, но он знал, что Ракель они просто необходимы, чтобы выжить.

– Старайся вести себя естественно, – советовал он ей. – Выходите на прогулку, не сидите взаперти весь день... Можешь заказывать обед в номер. Я постараюсь приехать к вам на неделе, но, вообще-то, мне кажется, что будет даже лучше, если мы не будем видеться. Мой телефон у тебя есть, звони, если будет нужно.

– Позвоню, – прошептала она и слегка улыбнулась. Но улыбка тотчас погасла на ее лице, словно губы тоже умели моргать. – Спасибо тебе за все.

Рульфо подошел поцеловать ее, но на полдороге остановился и в долю секунды увидел бесформенные тени, недавние темные провалы, блуждавшие в ее взгляде: с каждым днем она все больше менялась, все удалялась от той Ракели, которую он узнал при первой встрече. И определить, во благо ли это изменение, он не мог. С одной стороны, она казалась сильнее, с другой – в ней явственно, как никогда прежде, проступало предчувствие беды, как будто она обменяла свое спокойствие на суровую решимость.

Увидев, что мальчик проснулся, он склонился к нему:

– Береги свою маму. Я знаю, ты очень храбрый.

Прозвучавший ответ его просто парализовал.

– Она не мама.

Он не отрывал взгляда от этих переменчивых глаз, из темноты глядящих на него.

– Что?!

– Она не мама, – повторил ребенок.

Рульфо инстинктивно повернулся к Ракели. Она стояла согнувшись в противоположном углу комнаты, пряча деньги в сумку с бельем. Похоже, она ничего не слышала.

– Она тебе не мама? – шепотом спросил Рульфо.

Мальчик кивнул. Потом добавил:

– Немного мама, но не совсем.

Рульфо нахмурил брови и снова взглянул на девушку, которая все еще стояла, склонившись над сумкой. Она подобрала волосы, и татуировка на копчике была хорошо видна. Он вдруг понял, что и думать забыл об этой ее татуировке. И внезапно что-то почувствовал. Подошел тихонько, так, чтобы она не заметила, наклонился. И увидел: то, что он вначале принимал за круг, заполненный арабесками, было словами, расположенными в строго геометрической форме. Надпись на английском, слова теснились друг к другу, но он смог разобрать их, пока она не повернулась. *A sepal, petal, and a thorn.* «Листок, росток и лепесток»^[32].

«Не совсем».

– Когда ты сделала себе эту татуировку? – поинтересовался он.

– Что?

– Тату на спине. Когда ты ее сделала?

Девушка выпрямилась, удивленная. Лицо выражало замешательство.

– Не помню. – Это было правдой. Она и понятия не имела, что у нее на спине татуировка. И предположила, что, так же как и многое другое, что она только начинала узнавать о себе самой, это тоже загадка. – Много лет назад...

Они попрощались. Рульфо вышел из мотеля, удостоверившись, что служащая на стойке регистрации уже другая – не та, что заселяла их вчера вечером. Всю дорогу до Мадрида он был занят исключительно тем, что прокручивал в голове слова мальчика и эту татуировку. Дома ему понадобилось всего несколько минут, чтобы обнаружить, кому принадлежат эти слова.

Первая строка одного из стихотворений Эмили Дикинсон [\[33\]](#).

Настала пятница; новостей не было никаких. Он каждый день покупал газеты и смотрел выпуски новостей по кабельному каналу и всякий раз, когда брал в руки газету или включал телевизор, думал, что наконец появится ожидаемое сообщение. Но ничего не было. С одной стороны, его радовало это неожиданное отсутствие новостей, а с другой – не нравилось. Он рассуждал так: раз Патрисио стоял во главе подпольного бизнеса, то вполне логично, что его компаньоны не побегут радостно в полицию, чтобы заявить о его исчезновении. Но как может быть, что никто не заметил его отсутствия по истечении целых четырех дней и что до сих пор никто не обнаружил труп?

В пятницу он уселся в столовой, не слишком хорошо понимая, за что взяться. До тридцать первого числа оставалось четыре дня, и это ожидание выбивало его из колеи гораздо больше, чем все то, что ему довелось пережить в прошлые выходные. Он думал о том, что бездарно тратит время – ограничился растительным существованием и тем, что с помощью телефона удостоверяется в том, что с Ракелью и ребенком все в порядке. Но день назначенной встречи приближался, а он еще не придумал, что будет делать. Накатила внезапная волна ярости, и он грохнул по столу кулаками. И тогда пришло решение – снова поехать в мотель, только для того, чтобы еще раз поговорить с ней. И, словно отвечая на его желание, зазвонил телефон.

– Саломон?... Ты сегодня свободен?..

Рульфо, раздосадованный, закрыл глаза, но как раз в эту секунду Сесар

прибавил:

– Если можешь, приезжай как можно скорее: я нашел Раушена.

Раушен. Австрийский профессор, единственный источник информации, которым они располагали, чтобы узнать больше об этой секте.

Совершенно необходимо побеседовать с профессором Раушеном.

VII. Раушен

Снижение, погружение в черноту. Из-за какого-то необычного ракурса казалось, что земля – громадная, плотная – уже совсем близко. Однако самолет ее пронзил – бесшумно, ведь это была всего лишь пелена грозových облаков.

– Если когда-нибудь задашься целью исчезнуть, не оставив следа, – продолжил Сесар, – то я посоветовал бы тебе ни в коем случае не работать преподавателем университета... Мы, преподаватели, являемся самыми лучшими шпионами из всех известных исторической науке. По крайней мере, в том, что имеет отношение к нашим коллегам: о них мы знаем почти все, а о том, чего не знаем, – догадываемся.

Как это было свойственно Сесару, самая важная информация была припасена на сладкое. На всем протяжении этого поспешно организованного в пятницу днем воздушного моста, который им пришлось навести между городами, Рульфо по капле узнавал о деталях предпринятых Сесаром розыскных мероприятий.

И вот, когда они уже стали снижаться над Барселоной, его старый друг приподнял наконец занавес над самыми свежими сюрпризами:

– Приятели Раушена знали о нем многое, а еще о большем догадывались... К сожалению, некоторые пункты до сих пор остаются под покровом тайны. Выдам тебе краткое резюме. Раушен оставил университетское преподавание двенадцать лет назад и с тех самых пор посвятил себя... Чему? Участию в конгрессах и конференциях, таких как та, мадридская. Разъездам отсюда сюда и наоборот. По-видимому, у него выработалась привычка порывать с прошлым и начинать с чистого листа: до тридцати лет он работал штатным преподавателем гуманитарного факультета Венского университета, но оставил его и на шесть лет уехал в Париж. Потом перебрался в Берлин, где вновь получил преподавательское место. Внезапно он впал в глубокую депрессию или во что-то подобное, его уволили, и он окончательно оставил преподавание. Так началось его кругосветное плавание по всей Европе с остановками на каждом научном конгрессе, а вместе с тем... слушай внимательно... он интересовался информацией о местонахождении выпускников и профессоров различных немецких университетов и наводил о них подробные справки, составляя доклады. Да, целые доклады: адреса, краткое жизнеописание... Никто не знал зачем. Пять лет назад он посетил Мадрид и заговорил со мной.

Помнишь, он говорил мне, будто хочет перебраться в Испанию? Ну так вот, он меня обманул: он уже жил здесь. Купил дом в Барселоне, в районе Саррия, и занялся тем, что... Угадай. – Он повернулся к Рульфо и устремил на него взгляд поверх синих очков. – Принялся собирать интересные его сведения на нескольких испанских факультетах, в частности на нашем.

– Что за сведения?

– Примерно те же, что и в немецких университетах: резюме преподавателей и студентов... Деятельность его, конечно же, велась скрытно, можно сказать, подпольно, но мне повезло: я мог рассчитывать на помощь своей бывшей секретарши Монтсе – помощь, которую невозможно переоценить, потому что для нее на этой земле нет ничего скрытого. Способности этой достойной сеньоры к сплетням поистине поражают и творят чудеса. Она прекрасно помнит фамилию Раушен, к тому же она собственноручно подготовила для него несколько упомянутых докладов. Раушен пользовался тем предлогом, что сведения ему нужны для оформления неких грантов, не существовавших в природе. В том числе собирал он информацию и обо мне!.. Был у него один контакт в Университете Комплутенсе – мой старый приятель. Я вычислил, кто бы это мог быть, надавил на него, и вот он-то и дал мне нынешний адрес Раушена, хотя сам он, по его словам, понятия не имел, в чем заключается его интерес к преподавателям и студентам. Было похоже на то, будто он хочет кого-то найти. Этому странному занятию он посвятил несколько месяцев.

– А что потом?

– А потом подспела конференция, посвященная Гонгоре, он поговорил со мной... и больше ничего сделать не успел. – Сесар расправил плечи с видом фокусника, припасшего в цилиндре свой лучший трюк. – Герберт Раушен впал в кому пять лет назад, поэтому он мне больше и не позвонил. Он живет все там же, под Барселоной, и находится на попечении обслуживающей его бригады медиков.

Дом был огромный, с белыми стенами и черепичной крышей, но к внешним эффектам его хозяин, по-видимому, особенно не стремился: простая металлическая ограда и дверь с золоченым молотком и звонком. Нажав на кнопку, они услышали мелодичный перезвон, вызвавший появление амбала в белой униформе санитара. Посетители в качестве повода для визита назвали старинное знакомство и попросили позволения навестить больного. После пристального осмотра гостей санитар удалился. Вернулся не сразу: ждать пришлось довольно долго.

– Можете пройти.

Войдя, они оказались в интерьере минималистского стиля, где украшения, будучи исключительной редкостью, производили ошеломляющий эффект: фуксии в китайской вазе, кристаллы сфалерита, помещенные внутрь сырницы, полотна с обнаженными фигурами в масках. Комната Раушена находилась на первом этаже, в нее вела дверь из середины коридора. При их появлении юная медсестра в белой новенькой униформе сняла со стула обутые в кроссовки ноги. Она читала журнал. Светловолосая, приятной наружности, однако взгляд ее был не менее пронзительным, чем взгляд санитары.

– Сеньор Раушен не двигается и не говорит на протяжении уже нескольких лет, – объявила она с заметным акцентом.

Рульфо подумал, что сказала она это с целью дать им понять, что, хотя никто и не препятствует посещению ее пациента, большого смысла в этом она не видит.

– Мы ненадолго, – заверил Сесар и подошел к постели.

Неподвижный, как статуя, Герберт Раушен предстал их взорам с той жуткой покорностью, которая свойственна только собакам и умирающим. Простыня накрывала его тело по грудь. Кожа на лице, обвисшая, пергаментная, приобрела неестественную белизну брюшка ящерицы, но черты этого лица все еще вызвали воспоминания о сильном человеке, обладавшем магнетизмом. На его голове было что-то вроде шлема с проводами, ведущими к аппарату, который, казалось, не был подключен к питанию.

– Бедняга. – Сесар обошел кровать и склонился над больным. – Полагаю, по ночам возле него тоже кто-то есть...

– Приходит моя коллега, – произнесла сестра.

Сауседа взял Раушена за руку – худую, жесткую – и произнес краткую прочувствованную речь, изобиловавшую выражениями дружбы и сочувствия. Затем вынул из кармана платок, высморкался, попросил извинения и пояснил, что нужна есть нужда, а в аэропорту у него не было времени зайти в туалет. Не будет ли слишком обременительно, если?.. Медсестра повернулась к санитару:

– Проводи его в ванную.

– Большое спасибо. – Сесар покраснел от смущения.

Когда санитар вернулся в комнату, Рульфо обратил его внимание на аппарат, к которому вели провода.

– Прошу прощения, но эта штука издала звук. Вы не слышали?

Медсестра и санитар обменялись взглядами.

– Этот монитор подаст сигнал только в том случае, если произойдет

какое-либо изменение в состоянии сеньора Раушена, – пояснила первая.

– Но я только что слышал что-то вроде гудения...

– Это невозможно.

– Что ж, возможно, я ошибся, извините.

Что еще предпринять, Рульфо придумать не мог. Даже притом что друг его Сесар был уже немолод, он, казалось, порядком задерживался. Рульфо заметил, что и санитар уже начинает поглядывать на дверь.

Секундой позже, к его облегчению, Сесар возвратился. На ходу он протирает стекла очков.

– Мы уже порядком злоупотребили вашей любезностью. Полагаю, нам пора откланяться.

К тому времени, когда они покинули дом, дождь прекратился. Бывший научный руководитель Рульфо выглядел счастливым. Этот номер с посещением ванной они заготовили заранее, и, судя по всему, результаты превзошли ожидания.

– Мне хватило времени, чтобы отыскать черный ход. Дверь выходит в маленький садик, в который можно попасть с улицы, и закрыта она только на щеколду. Я ее откинул. Если наши друзья не окажутся слишком бдительными, то они и не заметят. И мы сможем попасть в дом через тот вход. Ты рискнул бы быть застигнутым этой ночью за исследованием библиотеки сеньора Раушена?

– Для этого мы и приехали, – ответил Рульфо.

– Тогда, если ты не против, давай где-нибудь перекусим. А потом дождемся смены караула: может статься, что у санитаров нет сменщика, так что нам придется опасаться только новой сестрички...

Пришлось провести на улице несколько часов. К счастью, дождя уже не было. Сесар жаловался на погоду и все время переходил с места на место. Рульфо предпочел отдохнуть: отыскал карниз, под которым можно было сесть, и прислонился спиной к стене. Мимо проезжали машины и проходили пешеходы, и никто не обращал на них никакого внимания. Когда стемнело, движение почти прекратилось, но сильно похолодало. Они следили за домом по очереди. Во время одной из своих передышек Рульфо услышал голос Сесара:

– Саломон.

«Раньше для него это было всего лишь игрой, а теперь увлекательное приключение», – подумал Рульфо, увидев своего прежнего научного руководителя, призывно машущего руками. Перед домом стоял темный автомобиль. Главная дверь открылась, и появились две тени. Послышался

хохот. В свете фар можно было различить белые униформы медсестры и санитары, выглядывавшие из-под пальто.

– Но... А где же сменщица? – прошептал Сесар.

Оба медработника уселись в машину. Судя по их хохоту, они были пьяны. Рульфо это обстоятельство не понравилось. Вдруг ему вспомнился взгляд медсестры – холодный, как жидкость в паре маленьких аквариумов со льдом, и взгляд санитары – такой же, и оба они впиваются в него. Нет, не нравится ему это.

Машина тронулась с места. Дом погрузился в темноту. Пахнувший морем ветер прочесывал листья у его входа.

– Итак, она не пришла, – подвел итог Сесар. – Это несколько облегчает нам задачу.

Рульфо не был в этом уверен, но ничего не сказал.

План тем не менее сработал на славу. Они обогнули участок, и бывший студент воспользовался ветками невысокого дерева, чтобы взобраться на ограду и подтянуть за руки бывшего преподавателя. В этот момент все последние годы, проведенные почти без движения, казалось, разом свалились на плечи Сауседы, но энтузиазм помог ему справиться с тем небольшим расстоянием, которое не помогли преодолеть сильные мускулы Рульфо. И когда он спрыгнул в сад, то чуть не рассмеялся, убедившись, что ничего себе не сломал. Они вошли в дом через заднюю дверь.

– Эврика! – произнес Сесар, когда дверь с легким щелчком открылась.

Двигались они в темноте. Сесар хорошо запомнил направление и предложил не зажигать свет, пока в этом не возникнет крайней необходимости.

– Прежде всего пойдем проверим кое-что на теле Раушена.

Рульфо с удивлением поднял на него глаза. И Сесар прибавил:

– Ты что, забыл, как пытали мальчика, свидетелем чего был Мильтон?

Тут Рульфо понял, что он хочет сказать. Его даже удивило, что сам он не додумался. Его старый профессор, может, и не в лучшей физической форме, но надо признать, что мозги у него работают с прежним блеском.

Они прошли по длинному коридору и повернули в другой, тот, где располагалась комната больного. Сесар, однако, остановился перед другой дверью:

– Погоди. Хочу кое-что тебе показать.

Он отворил ее легким нажатием, без единого звука; одновременно замигали и загорелись люминесцентные лампы в потолочных плафонах. Это была небольшая комната, без окон, с голыми, тщательно выбеленными

стенами. Рульфо тут же вспомнилась синяя комната Лидии Гаретти, но в этой не было ни гардин, ни ковров; практически всю ее площадь занимало нечто вроде бассейна или круглой ванны. Сооружение походило на джакузи, хотя никаких кранов в нем не было, борта казались слишком низкими, а по центру располагался огромный сток, забранный решеткой. Там было холодно, как в леднике.

– Ну, что ты об этом думаешь? Я обнаружил это случайно, сегодня утром. Сооружение относительно новое.

С этим Рульфо был согласен. Комната производила впечатление какой-то поздней и избыточной пристройки, словно ради нее снесли стену, нарушив первоначальную симметрию дома, и все только для того, чтобы втиснуть сюда эту каморку, бог знает для чего предназначенную. Огромных размеров решетка на полу, с ее уходящими во тьму отверстиями, внушала ему какое-то беспокойство. Сесар вновь закрыл дверь, и, пока он это делал, свет на потолке погас.

Прежде чем войти в комнату Раушена, они заглянули внутрь, желая удостовериться, что там нет никого, кроме больного. Все как будто выглядело так же, как утром. Даже тишина, глубокая, кладбищенская, не слишком отличалась от той, которую они застали здесь во время первого визита. Но когда Сесар щелкнул выключателем, включив единственный источник света в этой комнате (настольную лампу на тумбочке), они, остолбенев, тут же смогли удостовериться в том, что ошибались.

Ничто здесь не оставалось таким, как раньше.

– Боже мой! – прошептал Рульфо.

Секунду они стояли как вкопанные, не сделав и шагу вперед. Только смотрели широко открытыми от ужаса глазами, словно стараясь понять, что все это значит.

С тела Раушена была снята простыня, а его ночная сорочка задрана до паха. Тонкая трубочка капельницы оказалась вырванной из вены на руке, а все провода и датчики отсоединены от головы.

Но хотя некоторые приборы теперь не были к нему подсоединены, гораздо больше стало того, что было *добавлено*.

Ножницы и ланцеты различных форм и размеров пронзали тощую плоть его ног. Голени были в нескольких местах просверлены. Тот, кто совершил это надругательство, несомненно, воспользовался маленькой дрелью, которая валялась на полу. Изверг не поленился воткнуть в полученные отверстия гвозди, а также просверлил в нескольких местах коленные чашечки. Но самое жуткое творилось в паху: множество хирургических инструментов, втиснутых в уретру и анус, стальным

букетом торчало из чудовищно распухших и растерзанных сфинктеров. То, что не было покалечено, было сожжено. Обгоревшие спички и сигареты безмолвными палачами валялись по всей постели. Все свидетельствовало о том, что никто не торопился – то, что делалось, делалось со зловещей медлительностью, почти терпеливо: раны не походили на нанесенные внезапно, они явились результатом некой злонамеренной игры садистов, словно пазл наоборот, совершаемой над беззащитным телом.

«Медсестра. Санитар. Их холодные взгляды. Их хохот».

Рульфо, склонившийся над лицом старика, отпрянул, скривившись. И немедленно ощутил, что желудок его провозглашает свое первенство среди внутренних органов; он стал, конечно же, намного важнее, чем мозг, который отказывался думать.

– Я думаю, что... ему отрезали язык.

Внезапно Рульфо почувствовал, что сейчас его вырвет. Его охватил озноб, ладони стали влажными. Взглянув на Сесара, он убедился, что и его состояние немногим лучше.

– Давай выйдем на минуту, – сказал Сауседа, лицо которого покрывала восковая бледность. А как только они оказались в коридоре, предложил: – Давай несколько раз глубоко вздохнем. Иногда помогает.

Так они и сделали. Избавившись от тела Раушена перед глазами, находясь в «другой» атмосфере, Рульфо почувствовал, что позывы к рвоте постепенно отступают.

Голова у него кружилась. Страшно хотелось выпить, хотя бы воды, однако за бутылку виски он отдал бы в тот момент что угодно.

– Нам нужно проверить еще одну вещь. – Сесар набрал в легкие воздуха, а потом медленно его выдохнул, словно выполняя инструкции тренера по гимнастике.

И они вернулись в комнату, где их взорам предстал истерзанный труп Раушена. Сесар приподнял рубаху, обнажив живот. Выше лобка следы насилия отсутствовали, зато их взору предстало нечто другое.

– Вот оно, – произнес Сауседа каким-то странным голосом.

Стихотворная строка извивалась вокруг пупка, делая практически два полных витка спирали. Написана она была прописными буквами, корявым, но вполне читаемым почерком, синими чернилами, которые до сих пор не просохли.

MIXT WITH TARTAREAN SULPHUR AND STRANGE FIRE^[34]

– Мильтон, – сказал Сесар. – «Потерянный рай», произведение, на которое его вдохновила Херберия. Ужасающая ирония. Этот стих постоянно переписывают, чернила еще свежие... Вне всякого сомнения, эта филактерия и есть причина его комы... – Он наклонился и приложил ухо к груди Раушена. – Ничего. Он мертв... Все здесь – сплошной обман – медицинский уход, ночная «сменщица»... Они сектанты, это точно... Но как раз сегодня они решили с ним окончательно расправиться, а перед этим как следует поразвлеклись... – Он тяжело вздохнул и отошел от тела. – По крайней мере, наступил конец, настал покой для бедного Раушена... если, конечно, есть что-то, что может быть названо «покоем» в той вселенной, где поэзия превратилась в вид пытки, – мрачно добавил он.

Рульфо взглянул на тысячу раз изнасилованное тело австрийского профессора и обернулся к Сесару:

– Пойдем поищем эту его библиотеку.

«Нужно найти какой-то способ остановить их, – думал он. – Некую возможность покончить с сектой дам». И он был уверен, что Раушен такую возможность обнаружил и дорого за это заплатил.

Они нашли ее на втором этаже. Библиотека служила также и кабинетом. Удостоверившись в том, что гардины задернуты, они включили настольную лампу. В этой комнате больше всего бросались в глаза забитые книжные полки, компьютер и бюст Раушена. Сесар сел у компьютера, включил его и достал чистый диск, принесенный с собой.

– Великолепно, – сказал он, обследовав машину. – Записывающий дисковод есть, так что файлы скинуть можно. – И начал стучать по клавишам. – Слишком много я не ожидаю, ведь они наверняка уже уничтожили все, что имело ценность, но мне хотелось бы располагать каким-то временем, чтобы все проверить...

Рульфо решил взглянуть на книги. Большей частью это были творения великих поэтов, как и в доме Лидии Гаретти. И некоторое количество литературоведческих работ. И ничего странного, ничего такого, от чего хотя бы отдаленно пахло колдовством. «Но все дело ведь в том, что колдовство – это оно и есть», – вдруг подумал он, прочитав имена Гёте, Гёльдерлина, Валери^[35], Малларме^[36], Альберти^[37], Проперция^[38], Мачадо...^[39] Он наткнулся на томик с «Одиночествами» и словно бы ощутил удар кулаком в лицо. Стал искать дальше. Но ни одного экземпляра «Поэтов и их дам» так и не нашел.

Оставив Сесара возиться с компьютером, он обследовал остальные

помещения второго этажа – спальню, ванную, гостевую комнату... Одежды и других личных вещей почти не было, словно Раушен принял решение переехать в этот дом почти исключительно со своими книгами и тем, что было на нем. Потом он вернулся к лестнице и спустился на первый этаж. Целью его был полный осмотр дома.

Он прошел через пустынную столовую и оказался в коридоре, куда выходила дверь комнаты Раушена. Но, не дойдя до нее, застыл на месте, ошеломленный.

Лампа на тумбочке горела. Но ведь, ему казалось, он помнит, как Сесар выключил ее, прежде чем выйти из комнаты. Он был *практически уверен*.

Нет. Он ошибается. Подумал еще и припомнил, что они забыли погасить свет. Свет горит только потому, что они сами забыли его выключить. Все дело в том, что зрелище этого истерзанного тела вывело его из равновесия. Раньше ему никогда не приходилось видеть трупы, тем более – в таком состоянии. Он заставил себя успокоиться. «Это всего лишь мертвый человек. Кроме того, ты не собираешься туда входить – ты идешь обследовать оставшиеся комнаты». Глубоко вздохнув, Рульфо двинулся дальше, прошел мимо этой комнаты и бросил туда беглый взгляд.

Герберт Раушен сидел на кровати, ноги его свешивались сбоку.

Рульфо подавил рвущийся наружу крик и стал пятиться назад, пока его не остановила противоположная стена коридора. Ужас превратил его в каменную статую напротив входа в комнату – он не был способен ни на что другое, кроме как смотреть.

Самым ужасным было то, что для него было очевидным, что Раушен мертв: ножницы, ланцеты и гвозди продолжали торчать из его ног и гениталий, рот его все так же был раскрыт и пуст, глаза оставались закрыты. На иссохшей шее Рольфо даже мог рассмотреть утолщение – наполовину проглоченный язык. Из жутких ран не сочилась кровь. Раушен был мертв.

Однако он вытянул тощую, словно проволока, руку, оперся ею о тумбочку и встал на ноги.

На секунду показалось, что он похож на малого ребенка, который еще не уверенно владеет конечностями. Он сделал шаг, потом другой, по прямой линии, направляясь к выходу, как будто двигался под воздействием некой могущественной силы, тащившей его вперед. Глаза его все еще были закрыты, голова подпрыгивала на одном плече, словно у сломанной куклы. Вонзенные в ноги инструменты странно позвякивали, словно браслеты.

Рульфо, неподвижно стоявший на пороге, как дверь из живой плоти,

почувствовал, что не в силах уйти с дороги, когда тело старика оказалось рядом с ним. И тогда Раушен открыл глаза

дверь

и взглянул на него.

– Дай ему пройти! – пробормотал откуда-то из бесконечного далека чей-то голос. Это был Сесар. Он как раз спустился сверху и в ужасе наблюдал за этой сценой. – *Не прикасайся к нему! Пропусти его!..*

Рульфо отступил в сторону – как автомат, почти не собираясь этого делать, сознавая, что уже приговорен, и приговорен навсегда. Потому что взгляд, который был единственно живым на этом лице, заключал в себе – и он понял это в тот самый момент – один из тех отрицаемых всякой логикой и языком (*он жив*) секретов, которые напрасно остаются в памяти на всю жизнь (*он жив, он живой, бог ты мой*) и никогда и никому не открываются, никогда не выражаются в словах и даже никогда по собственной воле не припоминаются.

Он уже был приговорен и знал это: он уже владел секретом.

Тело Раушена прошествовало мимо него так же медленно, как рождается на свет ребенок, повернуло в коридор и продолжило свой ужасный путь.

Внезапно они оба поняли, куда оно направляется.

дверь затворилась

Они сопровождали его, словно церковные служки в некоем странном ритуале, в котором Раушен был единственным священнослужителем. Наконец они увидели, как он остановился напротив двери в таинственную комнату и толкнул ее. Под потолком зажегся свет. Раушен вошел.

Дверь тихо затворилась.

Тишина эта показалась им чем-то гораздо более худшим, чем все то, что им уже пришлось пережить. Бледный, как снег на кладбище, Сесар сделал пару шагов по направлению к двери. Но Рульфо остановил его.

Советую вам

– Погоди, не...

больше туда не смотреть, синьор Мильтон.

Его бывший преподаватель буркнул в ответ что-то невразумительное;

нечто, что, как ни странно, не имело никакого отношения ни к Раушену, ни к поэзии. А затем, решительным жестом убрав Рульфо с дороги, он подошел к двери и толкнул ее. Рульфо заподозрил, что уже не беспокойство за судьбу Раушена двигало Сесаром: он желал продолжить *снижение*, хотел заглянуть за край, в ту пропасть, о которой ему говорил. И быть может, броситься туда вниз головой.

пустота

И он увидел, что Сесар остановился и заглядывает в освещенную комнату, а рука его при этом тянется ко рту, сдерживая то ли крик, то ли тошноту, и осознал, с абсолютной уверенностью, что происходящее в ту минуту с Гербертом Раушеном (чье вязкое молчание ощущалось как еще более невыносимое, чем зрелище его ожившего трупа) – не что иное, как еще одна форма смерти. И в то же время пришло понимание того, что любые его попытки уклониться от созерцания происходящего тщетны.

Он осужден

пустота, мгла

навсегда, как и Сесар.

Пустота. Мгла.

– Слушай, что я тебе скажу: мы должны защитить Сусану. Ты был прав. Мы обязаны ее уберечь. И я что-нибудь придумаю... Скажу ей что-нибудь такое, что ее разобидит. Я заставлю ее уйти от меня.

В салоне самолета, который возвращал их в Мадрид, в этот рассветный час было почти темно. Многие пассажиры пользовались возможностью соснуть пару часов, прежде чем выйти навстречу городу, но эти двое не чувствовали в себе способности закрыть глаза.

Они не могли этого сделать, потому что знали, что под сомкнутыми веками их ожидает Герберт Раушен.

Рульфо опасался, что этот образ навсегда останется там – в живой тьме его зрачков, в закоулках и складках его мозга, поджидая каждую ночь того ключевого момента, когда он погрузится в сон, чтобы возникнуть вновь – со своими жалобными стонами и страданиями грешника, осужденного навечно.

– Ты был прав... – повторил Сесар. – Мы должны оградить ее от всех

этих дел.

Рядом с Рульфо сидел незнакомый ему человек.

Бывший профессор, бывший друг, бывший дьявол.

Тот Сесар, который изображал маркиза де Сада; который играл роль богохульника, когда все они баловались наркотой или обменивались в темноте партнерами; который улыбался, а глаза его метали искры, когда он ощущал себя «избранным»; тот Сесар тайн и чудес, легкомысленного атеизма, альковного садизма, – тот человек вдруг исчез. В соседнем кресле сидел сейчас другой – с изможденным и в то же время удивленным выражением лица, свойственным жертвам внезапных катастроф, умершим во время акта любви, посреди улицы, входя в свой дом. На его голову и его лицо время вдруг вывалило волнистые снега лишних десяти лет.

– А сам ты что собираешься делать? – спросил Рульфо.

Сесар взглянул на него с недоумением, словно не поняв вопроса:

– Я? Полагаю, что ровно то, что и ты: постараюсь обороняться... Из дома Раушена я везу CD с копиями всех файлов, которые смог переписать с жесткого диска его компьютера. Наказание, на которое его обрekli... Это ужасное наказание – само по себе доказательство: оно должно им *быть*. Доказательство того, что он стал представлять для них *угрозу*... Почему? Попробую это обнаружить. Возможно, мне удастся найти способ... Не знаю... Постараюсь стать костью в горле, хотя и не думаю, что это им сколько-нибудь помешает... – Голос его стал тихим, почти превратившись в шепот. – Они не люди, Саломон. Не знаю, были ли они когда-нибудь людьми, но они лишились этого качества. Они могут быть прекрасны собой, могут танцевать под солнцем Тосканы, но они не женщины, не мужчины, они не живые...

– А кто же они?

Сесар, казалось, серьезно задумался над этим вопросом.

– Ведьмы, – прошептал он. – Думаю, можем назвать их так. Они не имеют никакого отношения к культу дьявола, но сдается мне, что это имя в точности отражает их сущность. Слово «музы» в применении к ним кажется мне чудовищным. Нет-нет... – Он покачал головой – из стороны в сторону, энергично. – Не могу думать о них как о «музах»... И, несмотря на все это... теперь я уверен: поэзия нас обманула...

Голос стюардессы объявил, что они приближаются к Мадриду, но ни Сесар, ни Рульфо ей не поверили. Для них эта информация действительности не соответствовала. Никуда они не приближались: они по-прежнему пребывали во тьме, в пространстве, где трудно дышать.

Они видели Раушена, стоящего в этом выложенном кафельной плиткой

бассейне. И наблюдали за тем, как ножницы и ланцеты, как веточки, отваливались от его ног, а синяки и раны становились все меньше и меньше, пока полностью не исчезли. Его кости словно выдавливали из себя гвозди, а отверстия тут же затягивались. И сердце его вновь забилося, кровь бурлила и исчезала в сливном отверстии, и поверх крови нарастала кожа, словно масляное пятно поверх волнующегося моря. Отрезанный язык змеиными движениями возвращался на свое законное место во рту. И вновь, прошелестев, словно поднятая ветром палая листва, задышали легкие. И Герберт Раушен, после непробиваемого *молчания* своей бог знает какой по счету смерти, обрел голос и смог наконец

простонать

и вернулся в кровать, и лег на спину, прежде чем погрузиться в неподвижность нового дня.

И вдруг пришло понимание: его пытали не в первый раз. И не в первый раз его *убивали*.

В отчаянии Рульфо попытался было что-то сделать, но Сесар не дал ему накрыть лицо старика подушкой. «Тебе не удастся убить его, – сказал он. – То есть, ну да, ты его задушишь... а стих Мильтона будет оживлять его еще и еще раз, – ты что, не понимаешь?»

Еще и еще раз. В том числе возвращая сознание. Возвращая рассудок. Чувствительность клеткам его тела. Которые будут готовы к следующему разрушению.

Что ты чувствуешь, когда тебя бесконечно терзают стихи?

– Поэзия нас обманула, – вновь заговорил Сесар своим беззвучным голосом. – Представь себе детей, которые играют с ракетой, понятия не имея, в чем ее предназначение. К примеру, они говорят: «Какого она яркого цвета!» Ну и начинают строить что-то похожее. Они так и останутся в неведении относительно ее реальной опасности, но им до этого нет никакого дела. Наоборот, они просто в восторге, что играют с такими красивыми штуками. – Пауза. Самолет начал снижаться. – Детей звали, среди прочих, Вергилий, Данте, Шекспир, Мильтон, Гёльдерлин, Китс... А *они* заметили играющих детей и стали подзуживать их: играйте, дескать, еще... потому что внезапно одна из этих рукотворных штук срабатывала... А ребенок, сделавший ее своими руками, ничего об этом не знал... Да, даже мой дед их заинтересовал, это точно... Оказывались ли стихи власти самыми красивыми, самыми лучшими?.. Нет. Мы каждый раз, сочиняя стихи, играем со смертью. Заигрываем с запредельным ужасом всякий раз, когда говорим... Слова и слова, составленные наудачу... Подумай только, сколько их: слова попугая, ребенка, актера в театре, преступника, его

жертвы... Слова, создающие реальность... Звуки, способные разрушать или созидать. Почва звуков, мир звуков, в котором поэзия обладает наибольшей силой... Что бы произошло, если бы ты или я получили способность контролировать этот мир, такой хрупкий мир, Саломон?.. Это почти то же самое, что спросить: что было бы, если бы мы превратились в богов? И это как раз то, что есть *они*.

Легкий толчок указал на то, что они приземлились. Но голос Сесара, однако, еще на мгновение задержался в воздухе.

– Знаешь что?.. Правы были те, кто полагал, что поэзия – это дар богов...

Встреча должна была состояться через три дня, но он не сказал об этом Сесару. Даже дал ему понять, прощаясь в аэропорту, что, возможно, они больше ими и не заинтересуются. Но догадывался, что Сесар ему не поверил.

Остаток субботы Рульфо провел запершись в своей квартире. После обеда просто улегся на кровать с бутылкой виски в руке, хотя и вставал несколько раз, пошатываясь, чтобы проверить карманы пиджака и удостовериться, что фигурка все еще там. Он никогда с ней не расставался – считал, что она – то единственное, что дает шанс на спасение.

«Они могут получить ее обратно, только если мы сами ее отдадим».

А если этого не сделать? А если он использует ее как разменную монету, потребовав взамен, чтобы эти создания оставили его в покое? Более того, что, если он не пойдет на это свидание?

«Они убьют нас. Но сделают это не быстро».

«Что ты чувствуешь, когда тебя бесконечно терзают стихи?»

А если он поедет к Ракели и они вместе сбегут, забрав с собой имаго? А если он пригрозит им, что уничтожит фигурку? Но сколько времени сможет он выдержать, сопротивляясь таким образом?..

«Они не люди. Ведьмы».

Он снова поднес к губам бутылку. Мир постепенно окрашивался в приятный янтарный цвет.

«Если ты пойдешь на свидание, они убьют тебя».

А если он будет бороться? Если окажет сопротивление? Если встанет у них на пути? Но, бога ради, как, каким образом? Любой стих мог сделать его беззащитным. Почему Лидия Гаретти больше ему не помогает?

Раушен. Его разыскания. То, что он нашел, и стало, возможно, причиной, по которой он был приговорен к невыносимым мукам... Сесар об этом и говорил: единственный шанс, который у них оставался, – это

обнаружить то же, что нашел Раушен, но *лучше этим воспользоваться*. Теперь все зависело от того, сумеет ли его старый профессор найти в файлах австрийца хоть какую-нибудь зацепку.

И с этой надеждой Рульфо закрыл глаза.

Клиника, без всякого сомнения, была частной. По обе стороны стеклянных дверей стояли две небольшие елочки рождественского вида, двери распахнулись, подчиняясь беззвучной команде сенсорного датчика. Войдя, Рульфо оказался в вестибюле. Вместе с ним вошел кто-то еще. Он проследил взглядом и увидел самого себя – отражение в огромном зеркале. И понял, что он голый, совершенно голый, но это его нисколько не удивило. «Это сон», – пояснил он себе.

Он прошел вглубь вестибюля, потом по коридору. И остановился перед дверью в комнату, на которой висела табличка с номером тринадцать. Открыл дверь.

Комнатка оказалась небольшой. Свет в ней был, он падал откуда-то с потолка. Не было ни мебели, ни каких-либо других предметов. И было холодно. Холод ощущался как странный – ледяное дыхание, которое усилилось, когда он сделал несколько шагов вперед. Но почему эта комната, голая, как и он сам, производила на него такое тягостное впечатление? Он предположил, что причиной послужила не только низкая температура, но никакого очевидного объяснения не находилось. Комната была абсолютно пустой, и ничего угрожающего в ней не было.

Еще одно зеркало – на стене напротив двери – удваивало его фигуру. Он потер руки – Рульфо в зеркале сделал то же самое. Два облачка пара поднимались над двумя ртами.

Он подошел к зеркалу, приблизившись к стеклу настолько, что в какой-то момент его дыхание платиновой дымкой затуманило отраженные в зеркале черты. Задержал дыхание, и туманное пятно стало съеживаться, но на этот раз за ним проступали не его собственные черты, а лицо Лидии Гаретти. На ней был узкий вечерний костюм с отворотами жакета цвета фуксии – тот самый, с ее портрета; между холмиками груди поблескивал золотой паук.

– Это знает пациент из комнаты номер тринадцать, – сказала она, устремив на Рульфо пристальный взгляд. Ее синие глаза излучали столько света, что казались частью зеркального стекла.

– Лидия... – Рульфо протянул руку, но его пальцы коснулись не кожи, а непреодолимой преграды стеклянной поверхности.

– Пациент из комнаты номер тринадцать, – повторила она, отступая. –

Разыщи его.

– Подожди! Что ты хочешь сказать?..

Лидия Гаретти уходила в темноту, в глубину зазеркалья. Вдруг Рульфо понял, что она хотела бы остаться и сказать ему о чем-то еще, но ей что-то помешало. Чье-то присутствие, там, *у него за спиной*. Страх сковал его члены. Его охватил такой ужас, что он был не в силах повернуть голову. Не был способен посмотреть назад. *Там кто-то есть. Пациент комнаты номер тринадцать. Позади меня.*

рыдания

Он чувствует, как некая рука касается его плеча ледяными пальцами.

безудержные рыдания

Он оборачивается и видит то, что стоит за ним.

Безудержные рыдания.

Он в своей комнате. Полупустая бутылка виски свалилась на пол.

У него не появилось ни тени сомнения в том, что это был не просто сон – так же как не были сном видения дома с колонами.

Лидия Гаретти послала ему новое сообщение.

Она оделась перед зеркалом. Все, что было ей куплено, сидело прекрасно. Сегодня утром она остановила свой выбор на шерстяном фиолетовом свитере и джинсах. Для мальчика достала темно-коричневую рубашку поло и брюки. Потом расчесала свои длинные черные волосы. Собирать в пучок не стала: эта прическа заставляла вспоминать худшие моменты ее жизни. Теперь все уже по-другому.

В зеркале она видела отражение высокой и очень красивой девушки. Обычный ее образ. Но она уже не была замкнута исключительно в этом облике.

Теперьшняя ее сущность отражалась в глазах.

В них она могла увидеть себя настоящую. Никто и ничто больше не сделает ей ничего плохого, не унижит ее. Патрисио мертв. А они с сыном – свободны.

Она перевела взгляд на мальчика. Тот играл на полу гостиничного номера со своими пластиковыми фигурками, спиной к еще не очень яркому свету из окна. Он никогда не улыбался, но ей и не было нужно, чтобы он

это делал. На свой лад он тоже был зеркалом: в этом синем взгляде и этом личике, совсем не похожем на ее собственное лицо, она видела свое отражение. И догадывалась о том, что ребенок относится к ней так же. Он уже не всегда смотрел на нее, словно на чужую. Иногда разговаривал с ней ласково. Казалось, мальчик чувствовал ее преображение с той же силой, как и она сама.

Сейчас же больше всего она хотела, чтобы Лидия приснилась ей и сказала, что еще нужно сделать. Ракель была уверена, что составляет часть некоего плана, и хотела знать, что это за план. Мужчине она солгала, чтобы избежать расспросов: на самом деле больше снов не было. Тем не менее она была убеждена, что предчувствия ее не обманывали, ведь всегда точно знаешь, что у тебя есть лицо, даже если под рукой нет зеркала, чтобы в этом удостовериться. И еще в одном она солгала, и это было гораздо важнее. Оставалось только надеяться, что этот рискованный обман даст нужный эффект.

Она еще раз оглядела себя в зеркале, проверяя, не слишком ли отличается от любой другой девушки. Привлекать лишнее внимание ей не хотелось. Позади ее отражения в зеркале виднелись открытое окно, парковка и шоссе в лучах рассвета, а на горизонте – силуэты домов небольшого городка. Комната располагалась на первом этаже мотеля и была очень скромной, но казалась ей настоящим дворцом в сравнении с ее прежней квартирой. Они прожили здесь уже пять дней, но до сих пор не решались выходить на улицу. Ну, почти не выходили. Следуя совету Рульфо, она каждый день перед закатом солнца совершала краткую вылазку, но вскоре возвращалась. А этим утром решила, что, быть может, стоит выйти на прогулку вместе с мальчиком. Глаза малыша с каждым днем все больше привыкали к свету, но раннее утро подходило лучше всего. Конечно, она с удовольствием прогуляется с сыном, пока солнце встает над полями. Стоит ли сомневаться, что для обоих эта прогулка станет чудесным опытом?

Она уже собиралась предложить это сыну, когда

он не мог

ее внимание привлекла какая-то фигура позади нее, в зеркале.

Она застыла на месте. Ребенок, судя по всему, тоже почуял что-то неладное, потому что повернул голову и взглянул на девушку.

он не мог снова

Чувствуя, что попала в кошмарный сон, она медленно развернулась к окну, подошла к нему и выглянула наружу. Парковка была пуста.

Удары сердца чуть замедлились. Но на миг (хотя она видела этот образ в зеркале шкафа какую-то долю секунды), на один жуткий миг она поверила, что видит человека, который...

Нет. Она ошибается. Это невозможно.

«Он мертв. Не думай больше о нем. Он мертв».

Она закончила одеваться, взяла за руку ребенка,

не мог снова заснуть

и они прогулялись вокруг мотеля. Ничего странного она не заметила: место казалось практически безлюдным. И вскоре она пришла к выводу, что нервы сыграли с ней злую шутку. Конечно же, она спутала его с кем-то другим, кто просто был очень похож на него внешне. «Он мертв. Ты сама его убила».

Но и после возвращения в номер ее не оставляло беспокойство.

Он не мог снова заснуть.

Постоял под душем, надел чистую одежду, взял пиджак и убедился, что фигурка на месте. Воскресенье. Оставалось два дня. Во вторник все наконец закончится – хорошо ли, плохо ли, но эта мысль его успокаивала.

Собрался обдумать только что виденный сон, но мысли его прервал телефонный звонок. Голос Сесара прозвучал так, словно луч света прорезал ночную тьму:

– Это просто фантастика, Саломон... Отчеты частных детективов, биографии студентов и профессоров различных университетов... Вот содержание почти всех файлов, что я уже просмотрел. И то тут, то там – очень любопытные примечания самого Раушена... Мне удалось связать кое-какие концы. У тебя найдется время, чтобы выслушать еще разок своего любимого профессора?.. Итак, место действия – Вена, начало семидесятых годов. Невинный и ординарный лицензиат по литературе по имени Герберт Раушен вступает в группу любителей поэзии «Феникс». Занимались они тем, что читали и комментировали стихи немецких поэтов, но, вне всякого сомнения, это было всего лишь прикрытием для привлечения в секту новых членов. Точно известно лишь то, что с этого самого момента жизнь нашего друга круто меняется: он оставляет работу, переезжает в Париж, а сумма на его текущем счете начинает расти, причем

как раз в те годы, когда экономика Европы переживает кризис. Публикует статьи, путешествует... Затем перебирается в Берлин. Как раз в это время, сразу после его переезда, одно немецкое издательство выпускает в свет первые экземпляры «Поэтов и их дам», авторство неизвестно... Первая гипотеза, студент Рульфо?..

– Раушен и есть автор «Поэтов и их дам», – произнес Рульфо.

Сесар издал слегка придушенный смешок:

– Мой дорогой ученик, ты всегда обладал хорошей интуицией. Я пришел к тому же выводу. Полагаю, что в секту он вступил в Париже, но ему не слишком понравилось то, что он там увидел, и он принял решение о них рассказать. Написал эту книгу, напечатал ее за свой счет и стал разъезжать по свету, раздаривая ее всем, с кем встречался, а это почти всегда были эксперты в поэзии, как и он сам. Я сказал бы, что вначале он ограничивался тем, что оповещал людей о происходившем, маскируя информацию под некую «легенду». Но в девяносто шестом году, после странной депрессии, он перешел к активным действиям: начал собирать информацию по различным европейским университетам, стал прямо-таки сыщиком... Он шел по конкретному следу. Какому?

– На этот раз сдаюсь.

– Последняя дама. Он хотел отыскать даму номер тринадцать.

Повисло молчание. Рульфо весь обратился в слух.

– Вот и объяснение его ужасного наказания... Послушай вот это. Последняя дама скрывается более тщательно, чем любая другая, но вовсе не потому, что она самая могущественная, а как раз потому, что она *самая уязвимая*... Ахиллесова пята всей секты, Саломон. Итак, вот что связывает группу воедино. Без нее дамы были бы всего лишь кучкой разрозненных созданий. «Тот, кто найдет даму номер тринадцать, сможет *разрушить* всю группу» – это собственные слова Раушена. И никаких сомнений, он начал поиски, имея в виду конечной целью покончить с сектой. Но ты можешь спросить: а что подтолкнуло его к этому решению? Что такое произошло шесть лет назад, что подвигло бывшего сектанта, прекрасно осознающего риски, выступить против *них*? Вот здесь самая невразумительная часть истории.

Рульфо услышал шелест переворачиваемых страниц. И Сесар продолжил:

– В начале одна тысяча девятьсот девяносто шестого года случились некие треволнения в *шабаше*... Так называется группа из тринадцати дам, ядро секты: *шабаш*. Это как раз то самое слово, которым в английском языке обозначались тайные собрания ведьм в эпоху Возрождения. На

самом деле легенда о шабашах ведьм берет свое начало как раз отсюда... – Внезапно он прервал рассказ и снова приглушенно хихикнул. – А знаешь, что во всем этом самое ужасное, Саломон?.. Что они как мы – недалекие, соглашательницы, честолюбивые и трусливые... В общем, самые настоящие ведьмы, но современные. Их интересует продвижение на ступеньку вверх по карьерной лестнице, расширение своей власти: они хотят контролировать подданных... И все шпионят друг за другом, как яппи, молодые специалисты в крупных фирмах. Ладно, идем дальше. Как я тебе уже говорил, как раз в это время в шабаше разразился скандал: Сагу, номер двенадцать, лидера всей группы, в чем-то обвинили, судили и изгнали, и место ее заняла другая Сага. Раушен ничего конкретного не говорит о том, что же такое совершила бывшая предводительница, как и о том, что с ней случилось, но вот по поводу ее наследницы чувств и эпитетов не скрывает: определяет ее как «худшее, что случилось с сектой на протяжении многих веков ее существования».

«Хуже всех». Рульфо снова увидел перед собой мальчика с двенадцатым пластмассовым солдатиком в руке. Он покрепче прижал к уху трубку, а Сесар продолжал свой рассказ, почти нараспев:

– Приход к власти новой Саги и был толчком к тому, чтобы друг наш посвятил остаток своей жизни разрушению секты. По его словам, эта дама являет собой непредсказуемую угрозу. Она очень хотела стать лидером и теперь, получив желаемое, наслаждается вовсю, изливая свой гнев на каждую живую тварь... Ты понимаешь?.. Целые века существования поэзии, сведенные к такому пустяку – возвышению какой-то выскочки! Тот еще тип, что-то вроде «хочу быть шефом вместо шефа»... Ну ладно, чему же тут удивляться? Разве не происходят подобные вещи испокон веков, начиная с Зевса и Сатаны? Да и недоумок Гитлер может послужить прекрасным примером... – И он снова визгливо рассмеялся, словно вместо него хихикала какая-то машина.

И вдруг Рульфо испугался. «Да он с ума сходит!» – подумал он. Голос Сесара зазвучал вновь, но в еще более высокой тональности:

– Должен на всякий случай сказать тебе, дорогой ученик, – вдруг ты не в курсе, – что дамы эти вполне себе человеческие существа из плоти и крови, ну или таковыми кажутся... Это незамужние барышни, прелестные и состоятельные, окружающие себя роскошью и одиночеством, как твоя знаменитая Лидия Гаретти. И собираются они только с одной целью: чтобы проводить свои, скажем так, церемонии, в своей, скажем так, штаб-квартире – усадьбе на юге Франции, в Провансе, в благодатной и живописной местности, известной под именем ущелья Ардеша... Неплохое

местечко для богинь стихосложения, а? Прованс, трубадуры, колыбель лирической поэзии, гора Ванту, на которую восходил еще Петрарка... Ущелье... Невозможно найти лучшего места для тех, кто управляет нами при помощи голоса!

Очередной взрыв хохота заставил Рульфо на мгновение отодвинуть трубку подальше.

– По всей видимости, Раушен присутствовал на каких-то из этих церемоний. Они проводятся в специально отведенные для этого дни года, потому что мощь всего шабаша, всех дам сразу, превышает простую сумму власти каждой из них в отдельности, но, чтобы этот эффект возник, они должны *собираться* в определенные даты, как свидетельствуют о том сказания о ведьмах и их шабашах: дни солнцестояния, равноденствия и кануны самых древних людских праздников, столь же древних, как и род людской... таких как ночь тридцать первого октября, Хеллоуин, канун Дня Всех Святых, проще говоря – послезавтра. – Сесар выдержал многозначительную паузу. – Кстати, тебе ведь назначено именно на этот день, я не ошибся?..

Рульфо подумал, что врать смысла уже не было. И тут вновь послышался смех:

– Ха-ха-ха!.. Они, наверное, попросят у тебя карамелек!.. Благодарю тебя за предусмотрительное решение скрыть от меня эту подробность, Саломон, я ведь знаю, почему ты так поступил, но ты не беспокойся: после того как мне случилось видеть, как отрезанный язык Раушена возвращается на свое законное место во рту, а выглядит это так, как будто он отрыгивает живую форель, я не стал бы сопровождать тебя на эту встречу даже связанным по рукам и ногам... – Взрыв хохота. – Еще раз советую тебе отдать им эту фигурку – и конец. Они хотят от тебя только этого. И буду настаивать: не влезай в их проблемы касательно «карьерного роста»... – Еще смешок. – Умоляю тебя: отдай ты им фигурку, ради всего святого, и пусть они сами улаживают...

– А не пишет ли Раушен что-нибудь об Акелос?

– Ах да, чуть не забыл! Дама номер одиннадцать, Акелос, предала *шабаш*, помогая прежней Саге. Раушен не уточняет, как именно, и больше ничего не добавляет, но... Последняя гипотеза, дорогой ученик?..

– Новая Сага повелела вышвырнуть также и Акелос, – сказал Рульфо, поняв, в чем тут дело.

– Именно так. Но это еще не все: приказано было, чтобы она была уничтожена навсегда. Включая и ее имаго, то есть ту самую фигурку, которая позволяет ей жить вечно, переселяясь из тела в тело. Известно ли

тебе, для чего она была погружена в тот аквариум? Раушен эту тему затрагивает мимоходом, когда пишет о различных церемониях: есть такой ритуал, называется он Устранение. Посредством этого ритуала даму можно лишить силы, если погрузить в воду ее имаго с соответствующей филактерией... Но это всего лишь первый шаг. Чтобы уничтожить имаго, им нужно совершить еще один ритуал, гораздо более сложный... ну и конечно, чтобы его провести, им потребуется само имаго... – Он вновь тихонько засмеялся. – Без всякого сомнения, Мигель Робледо, убийца Лидии Гаретти, членом секты не был, но *они* им манипулировали: с их помощью он вошел в дом, прирезал служанок, применил изощренные пытки к сеньоре... и погрузил ее имаго в аквариум.

«А мы, ведомые снами, его достали», – подумал Рульфо.

– А есть там что-нибудь о даме номер тринадцать, Сесар? Что удалось узнать о ней Раушену?

Послышалось дребезжание и звон стекла. «Да он, кажется, пьет», – подумал Рульфо.

– А вот этот вопрос требует отдельного комментария, дорогой ученик... Нам пока недостает знаний, чтобы на него ответить. На самом деле, я полагаю, что нет никого, кто мог бы ответить на этот вопрос. Раушен всего лишь оставил информацию о профессорах и студентах... Очевидно, он полагал, что таинственная дама связана с кем-то из университетских кругов... Но с кем именно? И где этот университет? Вполне возможно, что в Испании, не так ли? Не стоит сбрасывать со счетов, что он перебрался именно сюда... Но это не более чем гипотеза... А вот что больше всего меня пугает во всем этом, так это – догадываешься? То, что они позволили ему сохранить *столько данных*. Подозреваю, что дамы чувствуют себя гораздо более уверенно, чем коррупционеры... – После паузы он продолжил совсем другим тоном: – Знаю, что я жалкий трус, потому что ни за что не рискну пойти вместе с тобой на эту встречу во вторник, но... Ладно, скажем так: я предпочитаю рисковать жизнью более комфортным способом... С Сусаной я все уладил. Вчера у нас состоялась премилая дискуссия, но мне таки удалось получить то, чего я и добивался: она уехала из Мадрида, полагаю, что к своим родителям. Расставание не повредит нам обоим. Конечно же, она не встретила эту новость лучшей из своих улыбок, но я никогда не простил бы себе самому, если бы...

– Понимаю, – произнес Рульфо.

– Саломон, серьезно: не корчи из себя героя и верни им эту фигурку. Если они хотят достать Акелос, это их дело... Но в любом случае желаю

тебе удачи, дорогой ученик. Для меня удовольствие и честь быть твоим преподавателем и твоим другом, несмотря на все наши разногласия... И давай не будем слишком уж жалеть самих себя: в конце концов, оба мы сходились во мнении, что за поэзию стоит отдать жизнь, припоминаешь?..

– Мы ее не отдадим, Сесар, – ответил Рульфо, не разделяя его смеха, но чувствуя, что у него повлажнели глаза и запершило в горле.

– Они свидетелей не оставят, – вдруг погустел голос его бывшего профессора.

Рульфо вспомнил, что именно таким тоном он обычно заканчивал свои лекции.

– Теперь я понимаю тот ужас, который владел моим бедным дедом... Молю лишь об одном: чтобы их руки не дотянулись хотя бы до Сусаны... Она почти ничего не знает... Может, хоть ей удастся избежать... Прощай, мой дорогой... Береги себя, изо всех сил береги.

Разговор прервался в телефоне, но не в голове Рульфо. «Они свидетелей не оставят». К горлу подступил ком, но он сознавал, что не собственная судьба вызывала у него наибольшие опасения, а будущее Сесара Сауседы, его старого профессора, человека, который верил в то, что жизнь – это поэзия.

А теперь все они умрут – именно потому, что он был прав.

Остаток воскресенья и понедельник он провел так же – нарезая бесконечные круги в окрестностях улицы Ломонтано. Выбирал по очереди то узкие центральные улочки, то пространство анонимности – Гран-Виа – и вглядывался в спешащих по своим делам прохожих. В этих сосредоточенных лицах, в этом постоянном мельтешении различных людей на улицах бешено пульсирующего Мадрида он не находил ни следа странного мира дам. Как будто все стало нереальным, будто бы их никогда и не было. Он даже стал думать, что все это не более чем больная фантазия таких ненормальных, как Сесар или он сам. Но восковая фигурка в кармане его пиджака еще и еще раз возвращала его к реальности. «Нет, не к реальности, – уточнял он, – а к истине».

Когда в понедельник вечером он вернулся домой, в подъезде его встретили встревоженные глаза консьержки.

– А к вам пришла девушка. Она только что поднялась.

Он решил, что знает, кто это. «Да, но почему она приехала? – вертелся в голове вопрос, пока он взлетал по лестнице. – Что там с ней приключилось, в мотеле?» Однако, войдя в квартиру, он убедился, что

ошибался, причем кардинально.

– Ну и рожу ты скорчил! – улыбнулась Сусана. – Интересно, кого это ты ожидал увидеть?

Она грызла ногти. Это был ее тайный грех, но он неизбежно делался явным, когда она нервничала. Как сейчас.

– Он мне заявил, что моя работа шлюхой закончилась... Ладно, он, конечно, выразился не так... Вот как он это назвал: «Необходимость перепланировать жизнь». И выставил меня за дверь, без права на обжалование. «Поезжай, погости немного у своих родителей». Сукин сын! Уверяю тебя, что такого денька, как у меня вчера, я и злейшему врагу не пожелала бы. Само собой, я ушла, не пикнув: не смогла бы унизиться до того, чтобы о чем-то там его умолять... Но к родителям не поехала, остановилась у подруги...

На ней был костюм каштанового цвета, миндального цвета чулки, туфли на высоком каблуке и шарфик на шее. От нее пахло парфюмом и алкоголем. Рульфо сделал вывод, что, прежде чем явиться к нему, она пила.

– О да, естественно, я его оскорбляла, наговорила кучу глупостей, а он всего лишь повторял, что речь идет не об окончательном разрыве, а о какой-то «перестройке». Другими словами, он хочет остаться один. Я его отвлекаю. Честно говоря, все это здорово меня расстроило. Но сегодня, в понедельник, я проснулась чуть более спокойной и увидела ситуацию под другим углом зрения. Мне кажется, я хорошо знаю Сесара, и мне приходит на ум, что это может быть одно из двух: или ему нравится другая женщина, или с ним творится что-то очень серьезное. – Она улыбалась, а глаза ее метали озорные искорки. – Честно говоря, я ставлю на второе. А ты?

Рульфо не ответил. Сделал глоток виски. Сусана тоже.

– И тут я вспомнила, что в последние дни он был занят почти исключительно тобой и твоими приключениями... Что-то вы там вдвоем затевали, закрывались в комнатах сплетничать, как старухи... В конце концов меня осенило: дура я, дура, наверняка все это напрямую связано с этой вашей внезапной пятничной вылазкой в Барселону, о которой Сесар не пожелал мне рассказать. И вот я здесь – чтобы разузнать все у тебя. Не беспокойся, я не собираюсь просить у тебя пристанища... Мне нужно только одно: чтоб ты сказал, ошибаюсь я или нет.

– Понятия не имею, что такое происходит с Сесаром. Об этом тебе лучше спросить у него, не у меня.

Ее реакция оказалась неожиданной. Она к тому времени уже осушила второй стакан и тут вдруг громко стукнула им по столу. Мгновение Рульфо

казалось, что стакан в ее пальцах превратился в осколки.

– Какого черта вы обо мне вообразили?! Что я, теннисный мячик? Сейчас я на твоей половине поля и ты меня отправляешь к нему?.. – Она подалась вперед – синие глаза пристально вглядываются в него, стильная укладка – нимбом над головой. И тут тон ее смягчился. – Должна тебе признаться кое в чем: было время, когда мне это нравилось. Я просто наслаждалась тем, что вы за меня сражаетесь. Серьезно... И могу тебя заверить, что не по причине удовлетворения собственного эго. Ну, *не только* по этой причине. Мне хотелось заставить вас показать когти, потому что я знала... Знала, что когда вы подпишете мирный договор, то посмотрите на меня и скажете: «А, так ты все еще здесь, Сусана?..» Я уже давно поняла, что я вам нужна только тогда, когда вы враждуете...

Рульфо перевел взгляд на ее стакан. Она продолжала говорить, все больше волнуясь:

– А сейчас, что случилось сейчас?.. Появился ты со своим загадочным приключением, а он и скажи: «Просто фантастика! Утешение профессора на пенсии!..» И вы снова пожали друг другу руки, и опять я – лишняя, не так, что ли? Ну так вот тебе моя главная новость: я не собираюсь разрешать вам и дальше мной играть. В глубине души Сесар убежден, что я из тех женщин, которые спят с тем, у кого больше денег. Ну так я докажу ему, что деньги для меня – дерьмо, а его дом и его приключения – еще одна порция.

На секунду она затихла, точнее, перестала говорить, продолжая издавать звуки: шмыгала носом, шумно дышала. Рульфо вспомнилось, что подобные звуки Сесар называл «дыхание страдания».

– А теперь ответь мне честно: имеет ли все это хоть какое-то отношение к этому вашему чудесному путешествию по пещере ужасов? Это поможет мне успокоиться.

Рульфо предпочел ответить на другой вопрос, который она ему не задавала:

– Сесар не перестал любить тебя, Сусана. Я уверен, что ему просто нужно некоторое время побыть вдали от тебя.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами. Внезапно Рульфо одолели воспоминания: день, когда они занялись любовью на полу мансарды, воспользовавшись отсутствием Сесара, и он обнимал ее сзади, чуть сжимая ее груди, и одновременно покрывал поцелуями шею.

– Это имеет отношение к вашим делишкам? – продолжала она настаивать.

– Нет, насколько мне известно. В Барселону мы летали для того, чтобы нанести визит одному больному коллеге, вот и все. Мы ничего там не

нашли. Думаю, что Сесар уже и думать забыл об этом.

– И что же, по-твоему, в таком случае с ним творится?

– Этого я не знаю, но, откровенно говоря, не думаю, что он что-то от тебя скрывает.

Рульфо не смотрел на нее, пока говорил. Надеялся на то, что она проглотит его слова, как проглотила слова Сесара. «*Мы обязаны ее уберечь, мы оба*». Но после небольшой паузы она выдала нечто неожиданное:

– Я узнала кое-какие детали относительно Лидии Гаретти.

Она не отрывала от него глаз. Рульфо приложил все усилия, чтобы казаться безразличным.

– Для тебя они должны многое значить. Я поговорила с подругой, она журналистка. И вот она мне сказала, что бедная Лидия была юной миллионершей, которая обладала всеми характерными признаками типичной папиной дочки: одинокая, богатая, наследница сказочного состояния, которое она не могла придумать, как потратить, предрасположенная к наркотикам и нервным срывам, под наблюдением у психолога... Ты можешь вообразить ведьму-невротичку?.. Бога ради, Саломон, Лидия не была каким-то там сверхъестественным существом – всего-навсего незамужней миллионершей, которая жила в ожидании своего принца на белом коне. К несчастью, посетил ее принц черный. Но то скотство, которое сотворил с ней этот психованный наркоман, похоже на любое другое скотство в истории человечества. Нет больше никаких тайн. Нет больше ничего... Я клянусь тебе, что... – И вдруг словно маска упала с ее лица: брови изогнулись, губы превратились в две дрожащие полоски. – Саломон, мне страшно...

И протянула руки, будто желая ухватиться за что-нибудь, прежде чем упасть в пропасть. И Рульфо принял ее без возражений.

– Мне так страшно!.. Я чувствую... Не очень знаю что... но клянусь тебе, что в глубине души я вовсе не смеюсь над всем этим... всем, что происходит с нами со *всеми*... Не хочу, чтобы что-то плохое случилось с Сесаром! И с тобой!.. И с тобой!..

– Сусана, успокойся... – Он отстранился и взглянул ей в глаза. – Ничего плохого не случится – ни с кем.

Вдруг, без всякого перехода,

вошел

он увидел ее приближающиеся губы.

вошел в дверь

– Нет, Сусана... – выдохнул он уже в ее рот.

Но он понимал, как нужно ему погасить свой собственный страх

вошел в стеклянную дверь

в трепете другого тела.

Он вошел в стеклянную дверь с двумя маленькими елочками по сторонам, двинулся через вестибюль, потом по темным коридорам и оказался перед дверью с номером тринадцать. Внезапно он понял: если это была клиника, как он предполагал, то тогда это и есть комната пациента из заданной ему Лидией загадки.

Он поторопился открыть дверь и войти.

Но там его ждал не кто иной, как то же самое (*прекрасное*) создание (*ужасное*), имевшее облик уже известной ему девочки. На этот раз она была обнаженной, только лавровая ветка сверкала на ее чистой, еще девчачьей груди.

– Добро пожаловать, сеньор Рульфо.

Он подумал, что мог бы написать сотню стихов, глядя на это лицо. Но с той же степенью уверенности знал, что швырнул бы их после этого в огонь, если бы догадался, как догадывался в тот самый момент, о ледящем кровь *отсутствии смысла*, стоящем за этой красотой. Это как просыпаешься однажды утром и видишь, что кожа человека, лежащего рядом с тобой, – это древесная кора или что лицо, о котором ты столько раз мечтал, всего лишь картонная маска.

– Завтра ночью я приду на это свидание, – презрительно проговорил Рульфо. – Я отдам вам имаго, и вы оставите нас в покое.

Дама продолжала глядеть на него, не переставая улыбаться.

– Но если вы причините нам какой-нибудь вред... Если вы причините вред Ракель или ее сыну, Сесару или Сусане, я вас уничтожу. Можете передать это своей очаровательной шефине.

– Мы – предвечные, сеньор Рульфо, – шепнула девочка. Голос ее напоминал звук гальки, перекачиваемой прибоем. – Мы существуем *ab initio*^[40]. Это сон, но и во сне я не советую вам даже думать о том, чтобы нас уничтожить.

– Я сделаю нечто большее, чем видеть сны: я найду даму номер тринадцать, ваше слабое место. Я найду ее и покончу с вами.

– Найти ее очень легко. Она *здесь*.

Вдруг что-то произошло. Девочка исчезла. В зеркале вновь возник образ Лидии Гаретти. На этот раз со следами пыток на теле.

– Здесь, – повторила Лидия, из глаз ее закапала кровь. – Пациент комнаты номер тринадцать. Найди его.

И внезапно Рульфо почувствовал, что в комнате есть *кто-то еще*. Он почувствовал это, как мог почувствовать холод, сунув руку в морозилку. «Пациент комнаты номер тринадцать». Он поворачивался медленно, неспособный вспомнить, как дышать и что он должен сделать, чтобы думать. Сама возможность увидеть это новое присутствие, чьим бы оно ни было, ужасала его больше, чем все пережитое до сих пор.

Но за его спиной опять оказался не кто иной, как девочка. Только теперь она стояла на потолке, как люстра. Волосы ее струились вниз золотым потоком. Она глядела на него оттуда глазами, подобными двум лунам с нимбами, или планисферам, подсвеченным изнутри. И тогда она раскрыла рот (он мог различить даже ее черную, словно преисподняя, глотку):

– *Не забудьте прийти на свидание, сеньор Рульфо. Мы вас ждем.*

и все ее тело превратилось в нечто другое.

Рульфо никогда не сможет вспомнить этот новый образ, но один лишь взгляд на нее мгновенно лишил его сознания. Он проснулся от собственного крика, полагая, что окончательно свихнулся, не будучи способен понять, в своем он уме или нет.

В спальне он был один. Сусана уже ушла, хотя постель еще хранила легкий запах ее духов. За окном светало.

Оставалось меньше двадцати четырех часов.

VIII. Свидание

В понедельник девушка не захотела покидать комнату. Наступил вечер, но она все еще лежала в кровати, закрыв лицо руками. Она попросила подать ужин в номер и не позволила делать уборку в комнате. О том, что служащие мотеля уже начали шушукаться на ее счет, она знала, но это ее не волновало. Терзавший ее ужас выходил из берегов.

Само это фантастическое предположение – что он жив – было непереносимо. Одно лишь воспоминание о его ненавистной физиономии вызывало у нее тошноту и озноб. И при этом она сознавала, что ее захлестывает страх, лишенный оснований, абсурдный: человек, отражение которого она увидела накануне в зеркале, был похож на Патрисио, да, это так, но он *не мог им быть*. Патрисио мертв. Она убила его собственными руками.

Тем не менее теперь она знала, что есть нечто гораздо худшее, чем Патрисио.

Воспоминания прокладывали себе путь в ней с энергией солнечного луча в пыльной комнате. Вначале ей казалось, что это всего лишь сны, как сны о Лидии, но теперь она начинала соотносить их с событиями чьей-то далекой, но реальной жизни. Ее собственной жизни.

Патрисио был не единственным виновником того, что с ней происходило: им кто-то манипулировал – кто-то, желающий причинить ей боль, кто-то, настолько жаждущий ее страданий, как мог бы любовник жаждать наслаждения ее любовью. Существовал кукловод, который дергал за ниточки, оставаясь в тени, который поставил себе целью не оставлять ее в покое, преследовать и истязать, куда бы она ни спряталась. Его главное наслаждение в последние годы заключалось именно в том, чтобы видеть ее в руках безымянных «клиентов», которым нравилось ее унижать. И для того, кто стоял за этим, все это было просто игрой.

«Но настало время сыграть в игру поинтереснее, как ты полагаешь, Ракель?»

Она не знала, кто был (или *что* было) ее настоящим мучителем, но она его боялась. Ребенок спал подле нее. Девушка взяла его маленькую ручку и долго-долго молча сжимала ее в своей, чувствуя, как тепло и сила сына проникают в нее, словно введенное в вену лекарство. Она подняла голову и улыбнулась. Мальчик улыбнулся в ответ, и эта его улыбка, словно луч света, заставила ее зажмуриться.

На мгновение они застыли, соединенные непрочными узами сплетенных рук, и девушка почувствовала, что она не одна. Глядя на печальное и бледное личико, обращенное к ней, она поняла, что будет бороться, будет бороться изо всех сил, в чем бы ни состояла угроза. Она пришла сюда вместе со своим ребенком, вместе они и останутся. И решила, что они справятся. Никто больше не причинит им вреда.

В этот момент постучали в дверь. Она подумала, что это, наверное, ужин. Привстала, отбросила с лица прядь волос.

– Да, кто там?

Постучали еще раз.

– Кто это?

Стук прекратился, но никто не ответил.

«Не открывай».

Стемнело. Холод и темнота как будто расширились. Девушка поднялась с постели, не отрывая глаз от двери. Мальчик, напрягшись, как натянутая тетива, обнял ее за талию.

Самым ужасным для нее была тишина. Она перебирала все варианты, даже подумала о полиции. Но кем бы они ни были, почему не отвечают?

– Кто это, ну пожалуйста? – вскрикнула она, чуть не плача.

«Не открывай. Не открывай».

И вот тут дверь

ночь

отворилась.

Медленно и аккуратно, ни разу не скрипнув, словно перевернулась страница. Широко раскрытым глазам девушки и ребенка предстал темный проем.

Никого не было.

«Хочет нас напугать».

Она сглотнула слюну. Время превратилось в вечность. Наконец она нашла в себе силы сдвинуться с места. Не выпуская из объятий сына, приблизилась к порогу. Сердце ее колотилось. Она обвела взглядом коридор, лестницу, двери других номеров.

Никого. И везде темно.

наступила ночь

Она подумала, что, возможно, это была ошибка: кто-то постучал в ее

номер по ошибке и, поняв, что перепутал двери, ушел. А дверь, по-видимому, была не заперта и от ударов распахнулась. Она вновь захлопнула дверь и закрыла ее на задвижку. Мальчик дрожал, как струна. Она попыталась успокоить его, крепко прижав к себе.

– Все хорошо, – шепнула она ему. – Все хорошо.

Наступила ночь. Темноту рассекали только фары машин, которые ощупывали покрытые копотью стены, окна с выбитыми стеклами и металлическую ограду. Это был старый склад текстильной продукции, одиноко стоявший на обочине второстепенной дороги, ведущей на юг. Строение явно было предназначено под снос; причиной его аварийного состояния, по-видимому, был сильный пожар, случившийся несколько лет назад. Найти склад оказалось нетрудно. Рульфо припарковался возле ограды и вышел из машины.

Пьянящая темень наполняла весь мир, какая-то дремотная мгла, пронзаемая только серебристым коготком тонкого лунного серпа. Поблизости не было ни намека на городские огни или постройки. Только одна машина проехала мимо Рульфо по дороге, когда он выходил из своей, как будто сидела у него на хвосте. Он посмотрел на нее, но машина проследовала дальше, ослепив его на мгновение светом фар.

Половинки ворот соединялись цепью. Информационный щит запрещал проникновение на территорию, но Рульфо не очень смущала попытка нарушить закон. Он вновь сел за руль, подогнал машину к воротам как можно ближе, забрался на капот, перелез через верх, стараясь не задеть колючую проволоку, нащупал ногой опору и спустился по другой стороне ворот, цепляясь за железные ромбы.

Он выпил, точнее говоря, довольно долго пил, прежде чем вышел из дома. Наливал себе все более солидные порции виски, в равных долях смешанного с водой. Целью было побыстрее влить в себя наибольшее количество алкоголя, не страдая при этом от неизбежного в таких случаях жжения. Теперь он чувствовал себя в достаточной степени опьяневшим, чтобы признать, что ему довольно-таки страшно. Его попойки, как и его страхи, на протяжении всей жизни бывали умеренными, однако этой ночью то и другое достигло максимума. Тем не менее голова соображала хорошо, была ясной. Как будто вместо виски он выпил обезболивающего. Чувства его притупились, но перед глазами не плыло.

Широкая раздвижная металлическая дверь склада перемещалась по направляющей, при попытке ее сдвинуть раздался адский скрежет.

Последний вход. Последний шаг. Оставь надежду.

Изо всех сил толкая ее, он внезапно расхохотался. Вдруг вспомнил о матери, потом о Бальестеросе. Другими словами, последовательность была такой: мама, сестры, потребность в том, чтобы кто-то его защитил, потом Бальестерос. Его воспитывали женщины, женщины ему нравились, да и он женщинам тоже нравился, он всегда поддерживал тесные отношения с особами женского пола. Когда он был подростком, свиданиям с девочками не было конца. Он и сейчас пришел на свидание. Но на этот раз – не с одной дамой, а сразу с тринадцатью.

И все эти мысли вновь напомнили ему о Бальестеросе. Он спросил себя, что сказал бы добряк и рационалист доктор по поводу того, что с ним происходит. Какое объяснение предложил бы он для этих *тринадцати странных вещей*?

Когда заржавленное эхо ворот растворилось наконец в воздухе, он похлопал руками, отряхивая их, и остановился на пороге, изучая помещение в слабом свете, который проникал с улицы.

Это было просторное и пыльное строение, разделенное на несколько частей полуразрушенными перегородками, пропитанное непередаваемым запахом гари. Самое неподходящее в мире место для любовного свидания. «Однако и для ведьминского шабаша оно не слишком подходит», – вынужден был признать Рульфо.

И начал его обследовать, используя стену справа как направляющую. Кроме гари, воняло еще и засохшим дерьмом. Звук его шагов по темным грудам мусора навел Рульфо на мысль о чем-то гротескном, о чем-то из области сюрреализма: как будто он шагает по кроватям в доме престарелых, наступая на грудные клетки стариков, а они отзываются жалобными предсмертными хрипами. Но даже это не слишком его впечатлило. Виски помогало справиться и с невидимыми стариками.

Рульфо решил остановиться где-то посередине. Склад был огромный, а ему не сказали, *где именно* он должен ждать. Подумал, что сгодится любое место.

Ноги его начали скрупулезное исследование, отграничивая подходящий прямоугольник для пятой точки: перспектива приземлиться аккуратно на кучку дерьма его не очень беспокоила, но даже выпитое виски не помешало сообразить, что завершить шабаш в травматологии, где ему будут накладывать швы на задницу, порезанную битым стеклом или проткнутую проволокой, – это уже перебор. Наконец-таки он уселся на пол, облокотившись спиной о стену. И тут же его охватила паника: а что, если он заснет? Нет, не заснет, хотя и пьян. Слишком напряжены нервы, слишком боится, слишком маленький мальчик в Ночь королей ужаса^[41].

Он взглянул на светящийся циферблат своих часов. Через тридцать пять минут настанет двенадцать. И появятся тринадцать.

Тень тихонько приблизилась. Оглядев стоявшую у ворот машину Рульфо, она догадалась о том, каким образом он проник вовнутрь. Подошла к машине и взобралась на капот.

«Как же они появятся? Верхом на метлах? На лимузинах? В облике кошек? Или крыс?»

Левой рукой он нащупал имаго в кармане своего грязного пиджака. Вновь прошелся по пунктам плана, разработанного еще дома: он отдаст им фигурку в обмен на нечто вроде пакта, который гарантирует сохранение жизни ему и его друзьям. Если верно, что они не могут отнять имаго, тогда у него есть козырь, которым он и не подумает пренебречь.

В это самое мгновение Рульфо что-то услышал. Слева от себя.

Он задержал дыхание и обернулся. В слабом лунном свете, проникавшем через окна склада, он не разглядел ничего странного. Может, это какая-то мелкая зверюшка? Или они. Но до назначенного времени оставалось еще двадцать минут. Он встал на ноги и принялся ждать развития событий, хотя больше ничего не происходило.

Нет, заснуть-то он не заснет.

Когда он снова уселся на пол, послышались шаги, теперь уже совершенно отчетливо, и перед ним выросла тень, словно колонна из ночной тьмы.

– Какого черта ты здесь делаешь?

– Ты разговаривал во сне. Вчера ночью, в твоей чертовой квартире, в твоём чертовом сне... Я не спала и все слышала. Хотела тебя разбудить, но не смогла. В жизни не встречала, чтобы кому-то снился такой кошмар, клянусь! Увидев, как ты дрожишь, кричишь и все такое, я подумала... В общем, подумала, что ты сейчас описываешься в кровати или что описуюсь я. Ну и тут я услышала, как ты говоришь, что придешь сегодня ночью на свидание... Не знаю, с кем, черт возьми, ты разговаривал или думал, что разговариваешь, но ты можешь не трудиться сообщать мне об этом... В меня вселился ужас, и я сбежала. – Она сунула кончик указательного пальца в рот и куснула – типичный жест Сусаны.

Рульфо понял, что в ее теле гораздо больше алкоголя и страха, чем в его собственном. Слабая паутина света чертила узоры на ее красном пальто.

– Но потом мне захотелось узнать, что ты затеял... Я вернулась к твоему дому и следила за тобой из-за угла... – Она усмехнулась в темноте. – Мне казалось, что я опять участвую в игре – одной из тех, которые придумывал для нас Сесар... Увидев, как ты вышел, я села в машину и последовала за тобой. Когда ты здесь остановился, я проехала по шоссе чуть дальше, чтобы ты ничего не заподозрил.

Рульфо вспомнился одинокий автомобиль, обогнавший его.

– Оставила машину чуть дальше по дороге и пешком вернулась сюда... И все это время я думала... Думала о том, что было между нами вчера, и нашла причину, почему ты так поступил, почему ты *ответил* на мой поцелуй и затащил меня в постель... – В голосе ее проступила ледяная ярость. – Ты хотел, чтобы я забыла о вашем деле, так? Хотел, чтобы я продолжала думать, что вся история – не более чем обычная семейная ссора. Но алкоголь, как говорит Сесар, он... агиографический?.. Думаю, что именно так говорится. Алкоголь творит чудеса и открытия. И вот сегодня вечером несколько джинов-тонигов открыли для меня ваш блистательный план... И теперь мне понятно, что единственное, чем вы занимаетесь с тех пор, как вернулись из Барселоны, – вы пытаетесь *защитить* меня. – Последние слова, произнесенные с тщательно рассчитанным презрением, появились в окружении паров можжевелевой водки, а затем Сусана выплюнула заусенец. – Какие глупости, боже мой! Какие же придурки вы все, все мужчины...

– Тебе нельзя было приезжать. Нельзя было ехать за мной.

– Неужели ты думаешь, что меня хоть на грош волнует, чем вы вообще занимаетесь? – взорвалась Сусана. Ее слова пробудили неясное эхо в противоположном конце склада. – Это всего лишь заброшенный склад, Саломон!.. Какого дьявола ожидаешь ты найти в этом сучьем месте? Вы что, с катушек слетели оба?

Внезапно Рульфо почувствовал, как глупо и смешно спорить в этом темном и пыльном сарае, пропахшем крысиными какашками. Не так он представлял себе эту самую важную в его жизни встречу. Ощущение нереальности, которое постоянно появлялось у него в последние дни, вновь охватило его. Сусана в своем красном пальто, со своими духами, была словно воплощение голоса разума, прозы обычной жизни – и нет такой ведьмы, которой удалось бы этому противостоять. И что же, в самом деле, ожидал он здесь увидеть, когда часы пробьют двенадцать?

И тогда ему вспомнился Раушен, терзаемый жестокими пытками в пустой комнате.

Что-то подсказывало ему, что невозможное может случиться в любой

момент и что ей нельзя оказаться здесь, когда это произойдет.

Цифры на его часах высвечивались с ужасающей четкостью: 11:57...

– Слушай меня: ты сейчас же сядешь в машину и вернешься в Мадрид! Слышишь меня?.. Ты отправишься сейчас же. Езжай к Сесару, если хочешь, помирись с ним, только убирайся отсюда!..

– Ты меня пугаешь, – заявила она.

– Этого я и добиваюсь.

11:58... Он оглядел окружавшую их темноту. Кажется, ничего не изменилось.

– Саломон... – Голос Сусаны смягчился. – Знаешь что? Плевать мне на ссору с Сесаром... Я знаю, он дал себя увлечь, поддался на твои закидоны, но я не оставлю тебя сейчас. Вчера ночью... когда мы занимались... тем, чем занимались... тебе приснился кошмарный сон... Я не верю в ведьм, но я знаю, что с тобой что-то происходит, что-то серьезное, и я тебя одного не оставляю... Скажу тебе то, о чем ты не знаешь: кое-кто из моих друзей рассказывал о тебе в последние годы... Эта девушка, которая у тебя была...

Рульфо окаменел, глядя ей в глаза.

– С ней что-то случилось, правда?.. Что-то страшное, что сильно на тебя повлияло. И заставило тебя измениться. Так что одного я тебя не оставляю. Можешь уже подыскивать оправдание – понадобится, когда мы убедимся в том, что призрак не явился.

– Сусана...

Он обнял ее, почти не думая о том, что делает. Прижал ее тело к своему, чувствуя, как она плачет. И спрашивал себя: правду ли она ему сказала? Неужели смерть Беатрис так на него повлияла, что он позволил увлечь себя фантазиями о ведьмах?

– Я не оставлю тебя... – говорила она. – Уже никогда тебя не оставлю...

Слабый писк его часов возвестил о том, что назначенный час настал. Все еще держа ее в объятиях, он с испуганным лицом огляделся. Но вокруг по-прежнему было темно и тихо. Слышалось только их дыхание. Если дамы бродят где-то поблизости, то они столь же субтильны, как лунный свет. Он обхватил ладонями лицо Сусаны и улыбнулся ей. И она улыбнулась в ответ своими блестящими глазами.

– Ладно, согласен. Я скажу тебе, что мы сделаем. Мы уйдем отсюда вместе... Поедем к Сесару, поговорим с ним... – Вдруг лицо Сусаны напряглось под его руками, улыбка испарилась, глаза закатились, остались только белки.

– Сусана?..

– Сеньор Рульфо, – вдруг заговорила она чужим голосом.

Рульфо ощутил, как его охватил озноб, и сделал шаг назад. Тон этот он узнал: в памяти как многократное эхо отразилась интонация реплик, с которыми обращалась к нему девочка.

– Следуйте за мной, сеньор Рульфо.

Закатившиеся глаза Сусаны вновь захлопали веками, тело ее, содрогаясь, развернулось и, пошатываясь, зашагало вперед, словно было куклой, которую некая гигантских размеров девочка взяла в руки, чтобы перевести с одного места на другое. Рульфо сразу вспомнилось, как двигался труп Раушена.

– Следуйте за мной, – повторил голос.

Он пошел за этой фигурой вглубь склада. Это был жуткий, сводящий с ума путь, который он проделал, будто погрузившись в кошмарный сон. И он их увидел. Вот так, запросто.

Круг из обнаженных женщин: стоят, взявшись за руки, на кучах мусора, неподвижно, в полной темноте.

Тот факт, что он наконец увидел их в реальности, не принес облегчения. Напротив, вызвал чувство бессилия, незащитности, словно Рульфо внезапно понял, что всему этому больше ничто не может служить объяснением – ни сумасшествие, ни кошмар, ни обман. Вот они, прямо перед ним. Дамы. Они *настоящие*, как стихи. Спасения нет.

И тогда, подойдя поближе, он осознал, что у них нет ни лиц, ни волос и что суставы их будто прорезаны глубокими трещинами. И понял, что это манекены, куклы в натуральную величину, фигуры из витрины, но без одежды и париков, поставленные в круг под крышей этого склада. Сбитый с толку, он обернулся к Сусанне:

– Где вы?

– В действительности мы здесь, – произнес голос, столь же лишенный выражения, как и лицо, с которого он прозвучал. – Но действительность огромна, сеньор Рульфо. Отдайте нам имаго.

– А как я смогу удостовериться в том, что после этого вы позволите нам уйти?

– Отдайте имаго, – повторила *вещь* и протянула руку, повернутую ладонью вверх.

– Нет, – сказал Рульфо. – Нет, пока не покинешь тело Сусаны и не дашь ей уйти.

Послышался шелест слов. Нежнейший стих (возможно, Малларме, но он не узнал его) проскользнул к нему змеей, таким аспидом – прекрасный, французский, извивающийся. Прежде чем он смог понять, что происходит,

восковая фигурка выпрыгнула из его кармана и упала на ладонь Сусаны, которая сразу сжала пальцы в кулак. Рульфо, в полной растерянности, сделал шаг вперед:

– Ты не можешь забрать ее у меня... Не можешь получить имаго, если я сам не отдам его тебе!

– Это правда. – Нечто, говорившее устами Сусаны, разжало руку, и фигурку охватило пламя. – Но это *не имаго*.

В свете этого пламени Рульфо увидел, как плавится и тает воск. И в то время, как мир вокруг него лишался своих измерений, глазам его представала маленькая обнажавшаяся фигурка, так похожая на пластмассового солдатики.

IX. Усадьба

От звуков она сразу же проснулась. Они были негромкими, но узнаваемыми: словно кто-то вошел в комнату. Она тут же вспомнила, что дверь и окно комнаты заблокированы: после вчерашнего странного происшествия она сама забаррикадировала их стульями и письменным столом. Никто не смог бы застать их врасплох в небольшом номере мотеля – в этом она была уверена.

И все же она подняла голову и стала вглядываться в темноту. Прежней Ракели этого вполне хватило бы, чтобы успокоиться и попытаться заснуть, но теперь она была уже не совсем Ракелью... Теперь она знала: любой звук в темноте представляет опасность.

Обшарила взглядом все, что можно было разглядеть в потемках. Свет включать не стала, чтобы не разбудить мальчика, спавшего рядом. Не увидела ничего необычного и подумала, что источник звука мог быть за стеной, в соседней комнате. И в это мгновение почувствовала, что ребенок садится в постели, прямой, как солдатик. Его сон был не менее чуток, чем ее собственный.

– Ш-ш-ш, – прошептала она, ласково погладив его. – Все хорошо.

Пугать его зря в ее намерения не входило. Кроме того, тревога, скорей всего, была ложной. Но Ракель предпочла бы в этом удостовериться.

Осторожно, не переставая обнимать малыша, свободной рукой она шарила по тумбочке, стараясь нащупать выключатель. Внезапный свет в лицо заставил ее зажмуриться.

Перед ними, сложив руки на груди, стоял Патрисио. Одет он был как всегда: куртка и джинсы, все новенькое и относительно чистое. Между усами и бородкой растянулась широкая, словно наваха, улыбка.

Как ни странно, но, когда она его увидела – здорового и невредимого, – ее первоначальный ужас почти полностью уступил место спокойствию. «Это сон», – пронеслось в голове. Она попыталась подняться, но – во сне или нет – призрак протянул руку, с невероятной силой ухватил ее за щиколотку и одним рывком выдернул из постели, швырнув на пол. Удар об пол, слегка смягченный ковриком, был вполне реальным, и на пару секунд она окаменела.

Но тут послышался крик ребенка.

Она вскочила на ноги и увидела, что Патрисио держит его за шею на весу, как держат змей, а малыш отчаянно дрыгает в воздухе руками и

ногами. Девушка все еще не могла понять, сон это или нет, но больше не колебалась: схватила с тумбочки лампу и на мгновение свет в ее руке превратился в беззвучную молнию, а потом врезался в стену. Мужчина с легкостью перехватил ее руку, и стеклянный абажур разлетелся вдребезги.

– Хороший удар, – с улыбкой прокомментировал Патрисио.

В ответ он двинул своим кулаком, и от удара в грудь у девушки перехватило дыхание. Хватая ртом воздух, она отступила назад, наткнулась на стену и сползла на пол. Тогда Патрисио подошел к ней, не выпуская ребенка, и наклонился. Свет опрокинутой лампы придавал его лицу театральные черты дьявола.

– Ты хотела нас обмануть, Ракель. Подсунула этому недоумку фальшивую фигурку, а настоящую спрятала. Теперь не время играть в игрушки.

Девушка глядела на него широко раскрытыми глазами, тщетно выискивая признаки надетой маски.

– Тебя удивляет, что я здесь?.. Ну да, откровенно говоря, ты меня не слабо уделала, признаю. Но в этой жизни все поправимо: после твоего ухода заглянул на огонек один мой приятель и вернул мне... стабильность. Что вовсе не означает, что мне *не было больно* от того, что ты со мной сотворила... – В эту секунду лицо его приобрело рубиновый цвет хорошего красного вина и покрылось волдырями свежих ожогов. – Мне было так больно, как ты и представить себе не можешь... – Глаза его одновременно лопнули, как воздушные шарик на детском празднике, затопив глазницы кровью, вылившейся на нее. В его штанах взорвалась алая гвоздика. – Чего ты отворачиваешься? Ведь это ты, ты сделала со мной все это... – Толстая шея раскрылась, как вторая улыбка, и показались артерии, нервы, мышцы. Кровь запеклась, кожа сморщилась и приобрела другой оттенок. Повалил смрад. – Но знаешь, что я тебе скажу?

Труп Патрисио разлагался у нее на глазах с невероятной скоростью. Язык, синий, распухший, едва помещался во рту.

– *Кое-ктт-то помог мне возввв-ратиться...*

Одной рукой он расстегнул молнию на куртке. И девушка увидела выведенные у него на груди слова: «Жених и невеста да пребудут в вечности».

В комнате рядом с Патрисио появилась еще одна фигура. Черные очки и улыбка делили это лицо на равные части. И когда он протянул руку к девушке, она испустила свой последний крик.

В какой-то момент он решил, что стоит на ногах. И ему показалось

очень странным видеть стулья на стенах. Потом он окончательно проснулся и заворочался в отвердевшем океане постели. Слышались удары его сердца и мелодичные хрустальные звуки далекого рояля.

Он не чувствовал ни боли, ни недомогания. На нем его обычная одежда. Он в большой, слегка обшарпанной комнате. Однако последним местопребыванием, о котором он помнил, был заваленный мусором темный склад при выезде из Мадрида, и он понятия не имел, где он сейчас и как сюда попал. Он поднялся и подошел к окну. Густые кроны деревьев выстраивались рядами аллей в осеннем саду. Где-то за ними светило солнце.

Он подумал, что дверь, должно быть, на замке, но она оказалась незапертой. После того как он ее отворил, слух его наполнился музыкой Шопена. Увидел ведущую вниз лестницу. Спустился по ней и оказался в гостиной. Какая-то девушка, сидя спиной к нему, одолевала трудности классической музыкальной пьесы. Волосы золотым каскадом падали вниз, скрывая табурет, на котором она сидела. Кроме девушки, в гостиной была еще одна дама: в старом кресле-качалке медленно покачивалась грузная сеньора преклонных лет с очками в металлической оправе на носу, в кремовом джемпере и прямой юбке.

Увидев Рульфо, она поспешно встала:

– Сеньор Рульфо, как приятно вас видеть! – и протянула ему руку.

Он пожал ее, отметив наличие волос на тыльной стороне кисти. Похоже было, что перед ним переодетый в женское платье мужчина. Свинцовые белила ее макияжа выглядели почти комично, особенно в сочетании с ярко-красными губами и сыплющимися с черных ресниц крошками туши. Темно-каштановый парик был весь в мелких буклях. На шарообразном бюсте блестела брошка – что-то вроде козлиной головы. Вопрос был задан на прекрасном испанском с легким французским акцентом и с визгливыми нотами в голосе, имитирующем женский.

– Не уделите ли вы мне несколько минут своего драгоценного времени? Мне хотелось бы показать вам дом. Пойдемте со мной... Осторожно, здесь стул...

Сидевшая за роялем девушка перестала играть и молча смотрела на него. Рульфо, все еще не придя в себя, последовал за удалявшейся торопливыми шажками тучной женщиной. Они пересекли гостиную и оказались на открытой веранде с кессонным потолком. Веранда вела в великолепный сад. В нем порхали бабочки – несметное количество бабочек в великолепном молчании. Целый рой. Солнце стояло в зените: был полдень.

– Все еще мутит немного, да? Это понятно... Но поторопитесь... Ведь нужно так много увидеть!.. Усадьба огромная... А мне поручено принимать, встречать, направлять... Я, можно сказать, наставница. Взгляните, вот здесь, – она показывала рукой, идя по саду, – апельсиновая роща. У нас хорошие апельсины. И изделия из камня. Нимфы и фонтаны без воды. Мраморные плиты. И обелиск при въезде, с другой стороны; на нем рельефные надписи на коптском. Пейзажи, которые нас окружают, считаются самыми прекрасными во всем Провансе...

«Прованс, – подумал Рульфо. – Резиденция в Провансе, дом, где они собираются». Он понятия не имел, каким образом его сюда доставили и сколько прошло дней.

– В саду есть и фигурно подстриженный самшит, но отсюда его не видно. Он возле обелиска. И статуя сидящей богини с длинными волосами и стихом Розетти, выгравированном на пьедестале... Ах да, и павильон, старинный... А в этом крыле расположены рапсодомы...^[42] Вы заметили, сколько бабочек?.. В цокольном этаже расположены личные покои, но во время праздников мы обычно собираемся в саду, в премилой беседке... Да, кстати, сегодня ночью у нас праздник. Честно говоря, мы не часто здесь бываем. Иначе все здесь поддерживалось бы в куда большем порядке.

– Где Сусана? – спросил Рульфо, пытавшийся собраться с мыслями.

Женщина остановилась и взглянула на него с растерянным, почти комичным выражением:

– Не говорите таких слов, пожалуйста. Будем скромнее. Сегодня ночью мы сможем спокойно поговорить. А пока... – Она приложила к губам палец. С ногтем цвета спелой клубники. – Тсс, молчок. Самое лучшее – сдерживать себя. Здесь и стены имеют уши. В общем-то, даже языки, так что могут и ответить. – И засмеялась, обнажив испачканные губной помадой зубы. – Позвольте мне опереться о вашу руку?.. Спасибо. Иногда у меня жутко болят ноги. Эти туфли сведут меня в могилу... А вот и рапсодом, взгляните сюда. – И рукой указала внутрь каморки без окон, единственная дверь которой выходила на галерею.

Внутри было темно, но можно было разглядеть тяжелые портьеры на стенах и покрытый ковром пол. Рульфо подумалось, что это помещение выглядит практически точной копией синей комнатки Лидии Гаретти. Бабочки влетали и вылетали из нее подобно горстям разноцветного конфетти. – В рапсодомах всегда получается лучше декламировать: звук гораздо чище... Этот дом – просто соты из пустых комнатушек... А известно ли вам, что мне очень нравится ваша борода, кабальеро?.. Ах, как бы мне тоже хотелось такую, а еще бы сиськи поменьше. К сожалению,

единственное достижение, которым я могу похвастаться, – это более-менее достойная задница. Как приятно с вами гулять. А еще бы вам подготовиться к вечеринке. Надеюсь, вы пригласите меня на первый танец, обещаете?..

– Какая вечеринка?

– Разве я вам не говорила? – Женщина внезапно рассердилась. – Или вы меня не слушали?.. Терпеть не могу, когда меня не слушают!.. Вечеринка, которая будет сегодня ночью!..

– А Ракель тоже здесь?

– Вы упрямы как осел. Очень красивы, но и очень упрямы. Умоляю, не настаивайте.

Женщина свернула за ближайший угол галереи, потянув за руку Рульфо. Сад и галерея продолжались, но его сопровождающая остановилась перед закрытой дверью, достала ключ и открыла замок. За дверью их ожидало тесное пространство, наполненное запахом сортира. Каморка и вправду походила на туалетную комнату, не чищенную месяцами. Где-то во мраке шевелилась некая тень.

Это была Сусана.

Рульфо оставил экстравагантную полную даму, вошел в каморку и опустился рядом с ней на колени:

– Они что-нибудь с тобой сделали?

Сусана отрицательно покачала головой. Она кусала ногти. Одежда ее была выпачкана, красное пальто валялось поодаль, но сама Сусана, казалось, не пострадала.

– Жаль вас покидать, – певуче произнесла женщина с порога, – но... что поделаешь, долг есть долг. А вся подготовка к вечеру входит как раз в мои обязанности. Боже, как же жарко в этих нижних юбках... Увидимся ночью, на вечеринке. Помните, что вы обещали мне первый танец, – прибавила она и ушла, закрыв дверь на два поворота ключа.

В стенах оказались трещины, так что темнота разбавлялась лучиками света, но вот насыщенная зловонием атмосфера этой каморки была удушающей. Рульфо снял пиджак и сел на пол рядом с Сусаной.

– Она омерзительна!.. – прошептала Сусана, покусывая пальцы. – Меня... Меня просто тошнит от нее!..

– Меня тоже.

– Слизняк какой-то! Она гадкая! Она!.. – Девушка сменила палец, выбрав мизинец. И с остервенением куснула.

– Ничего они нам не сделают, Сусана, успокойся. Им нужна фигурка, и только... Та самая фигурка, которую мы достали из аквариума, помнишь, я

вам с Сесаром рассказывал?.. Им нужна только она. А потом они нас отпустят.

В голове вертелся вопрос: почему Ракель его обманула? Он не сомневался в том, что именно она изготовила новую фигурку, воспользовавшись одним из пластмассовых солдатиков своего сына и добавив растопленного воска. Он припомнил догоревшие свечи, которые заметил у нее дома, и слова мальчика: «Одной не хватает». Но зачем она это сделала? И почему ничего ему не сказала?

Он обернулся к Сусане, думая о том, что сейчас для него самое важное – ее успокоить.

– Не кусай пальцы, ты поранишься...

– Н-не-е-ет...

– Возьми себя в руки! – разозлился Рульфо, вынимая ее руку изо рта.

Ее реакция поразила: она резко вырвала свою руку и снова сунула пальцы правой руки в рот, словно голодный хищник, у которого попытались отобрать добычу.

– Мне ссссделали кое-что-о-о, – шепнула она, не переставая покусывать пальцы, и показала другой рукой на живот.

Рульфо почувствовал, как внутри все заledenело. Он приподнял свитер Сусаны и склонился над ней. Несмотря на недостаток света, нанесенная на белую кожу гусеница стиха, черная и блестящая, была четко различима.

О роза, ты больна!^[43]

Уильям Блейк. Сесару безумно нравился Блейк, этот таинственный британский поэт и гравер. Не был ли именно он вдохновляем Малефицией, дамой номер шесть, той мужеподобной дамой, чьим символом служила голова козла? Не его ли он видел на груди размалеванной женщины?

Но в данный момент все эти подробности Рульфо не интересовали.

– Когда это на тебе написали?

Она ответила сквозь сопенье, которым сопровождалось вгрызание зубов в ногти обоих средних пальцев.

– ...проснувшишиссь... Здесь...

– И с тех пор ты не можешь... перестать... кусать себя?

Рульфо ощупал оставшиеся свободными пальцы ее рук и содрогнулся: мякоть под ногтями, распухшая и рыхлая, была практически обнажена и сочилась кровью; пальцы непроизвольно шевелились, словно маленькие слепые животные.

Он попытался быстро придумать, что же делать. Одному Богу известно, до каких пределов доходит сила этой филактерии. Одному Богу известно, когда иссякнет ее воздействие. Холодный пот ручейками бежал по его спине.

– Слушай меня внимательно, Сусана... Успокойся и послушай меня.

Она выразила согласие, кивнув головой, но не бросив свое занятие.

– Стихи вызывают действие. Помнишь, что говорил нам Сесар о силе поэзии?.. На тебе написали стих, и это заставляет тебя... делать то, что ты сейчас делаешь. Ты поняла?.. – Он не знал, понятно ли объясняет, и менее того – какими словами это объяснить. Но ему казалось жизненно важным, чтобы она осмыслила то, что с ней происходит.

Сусана вновь согласно кивнула.

– Хорошо, тогда давай сделаем вот что: я свяжу тебе руки за спиной, согласна? Больно тебе не будет, клянусь.

Говоря это, он взял свой пиджак. Но рукава оказались недостаточно длинными. Тогда он взглянул на пальто Сусаны, лежавшее на полу. У него был пояс. Это подойдет. Рульфо повернулся к ней:

– Ну давай, дай мне руки... Сусана, ты меня слышишь?.. Дай мне руки...

Она согласно кивала головой, но не слушалась. Стало ясно, что ему придется применить силу. С большим трудом он отвел руки от ее зубов. Даже в полумраке он смог заметить, что досталось уже и фалангам. Сусана, должно быть, испытывала жгучую боль, но, несмотря на это, отчаянно сопротивлялась попытке связать ей руки. Она настойчиво пыталась достать зубами пальцы. Сжав ей локти, Рульфо смог перевернуть ее вниз лицом. Он взял пояс и связал ее запястья за спиной, крепко затянув узел. При этом не забыл удостовериться, что кровоснабжение не нарушено. Когда дело было сделано, он ласково погладил девушку по потному лицу и откинул со лба прядь волос.

– Тебе лучше?

– Развяжи меня.

– Сусана...

– Развяжи меня развяжи меня развяжи меня *развяжи развяжи развяжи!*.. – И громко разрыдалась.

– Сусана, послушай меня, давай поговорим, немножко побеседуем, идет? – Он снова задрал ее свитер, поплевал на ладонь и попытался стереть с ее живота надпись. Он прекрасно знал, что попытка обречена, но ничего другого в голову не приходило. – Ну давай, скажи мне что-нибудь...

– Я не хочу куса-а-а-ать себя... – всхлипнула она.

– Конечно не хочешь. И не будешь. Поверь мне.

– Саломон, ты самый лучший парень на свете, – услышал он ее шепот. – Ты лучше всех. Ты... Бога ради, Саломон, освободи мне хотя бы одну руку! Пожалуйста, *или я сойду с ума! Хотя бы одну руку!..*

– Ш-ш-ш, спокойно. Давай поговорим еще. Не соглашусь с тобой: я эгоист...

Слова почти что удалось стереть, но он все еще не верил, что это поможет. И полагал, что самое главное теперь – отвлекать ее.

– А вот ты совсем не эгоистка. Сейчас я тебе это докажу. Ты знаешь, почему ты оказалась здесь? Потому что беспокоилась обо мне. Услышала, что я наговорил тогда во сне, и решила... – Голос его дрогнул прямо на середине фразы. Сдержался, не всхлипнул. – Ты решила отправиться за мной... Ты боялась за меня...

– Я люблю тебя... – произнесла Сусана едва слышно, ее била дрожь, словно наркоманку в ломке. – Я все эти годы жила с Сесаром, но так и не смогла тебя забыть... Дело в том, что... он мог обеспечить мне такую жизнь, к которой я стремилась... Понимаешь?.. Это очень плохо?..

– Нет, не плохо. Совсем не плохо.

– Мне пришлось выбирать, и я выбрала его... Но клянусь тебе, что с того самого дня... думаю, каждый день... я врала себе!.. А теперь больше не хочу врать и хочу, чтобы ты меня понял... Прежде всего чтобы ты меня понимал!.. – Внезапно она подняла голову и заговорила с бешеной скоростью: – Саломон, развяжи меня, или я тебя убью. Я больше не могу терпеть. Мне нужно это. Слышишь меня?.. *Это мои чертовы пальцы, и я могу делать с ними что захочу!!!*

– Это твои пальцы, зато ты уже не ты, – спокойно ответил Рульфо.

– *Развяжи меня, козел гребаный!!!!.. Развяжи меня, козел козел козел сукин сын развяжи меня!!!!..*

Вопли едва не оглушили его. Он видел, как она катается по полу, клацая зубами. Сейчас она напоминала разъяренного пса, из тех диких животных, которых отлавливают зоологи, чтобы прикрепить к лапе пластинку, которая должна будет послужить науке. Она отчаянно пыталась освободить руки, и Рульфо не сомневался, что рано или поздно ей это удастся. Наконец остановилась и осталась лежать на спине, тяжело дыша. Глаза ее метали искры.

– Всего один палец... Всего один... *Сжалься надо мной, да-да-дай мне о-о-один!..*

– Ладно, – сказал Рульфо, наклоняясь над ней. – Но только один, согласна? Только один.

И без всякого предупреждения двинул кулаком ей в челюсть.

свет

Силу удара он рассчитал. И не думал, что удар будет иметь серьезные последствия. Теперь она была без сознания. И, глядя на нее, он заплакал.

Свет.

Ослепительный.

Дверь тихо открылась, как и его глаза. Рядом с ним тихо лежала Сусана со связанными за спиной руками – спала. Прямоугольный столп света с врезанной в него тенью проникал с порога.

Он прикрыл глаза, чтобы хоть что-то увидеть.

Это была та девушка, что играла на рояле. Одета она была в незатейливое белое платье, ноги босые. На груди ее поблескивала золотая роза с шипами. Ее густые прямые волосы казались медными, взгляд ее глаз был столь прекрасен, что Рульфо ощутил боль, а лицо и тело внушали мысль о том, что стоит ей уйти – и он тут же ослепнет.

– Нам нужно имаго, чтобы раз и навсегда уничтожить Акелос, – прозвучала в его ушах музыка девичьего голоса.

– У меня ее нет, – сказал он, чуть не плача. – Мне правда очень жаль... Нет ее у меня... Я думал, что фигурка со мной, но меня обманули...

Ракель он ненавидел. Ясно, что эта хитрая лисица его предала. И теперь из-за ее происков он не может угодить единственному в мире человеку, который этого заслуживает.

Девушка грустно смотрела на него. Ничто из того, что он знал или воображал в своей жизни, – ни первое воспоминание о матери, ни даже Беатрис Даггер – не шло ни в какое сравнение с овалом того лица, на которое смотрели его глаза. Он отдал бы жизнь за то, чтобы она улыбнулась. Свою кровь. Что бы она ни попросила. Все что угодно, лишь бы улыбка тронула эти губы. Но улыбка не появилась. Дверь их камеры захлопнулась.

И он снова погрузился во тьму. Сусана освободилась от пут. И в данный момент жевала свою левую руку. Пальцы правой, даже в том слабом свете, который проникал сквозь щели в стене, уже стали явно короче. Весь ее свитер покрылся пятнами крови.

– Бог мой! – простонал Рульфо.

Его старания оттащить добычу от ее зубов на этот раз не увенчались успехом, как и удары. Отчаявшись, он на разные лады выкрикивал ее имя – умоляюще, угрожающе, пока не обнаружил, что ничто в ней уже не откликается на это слово. И когда присмотрелся к ее лицу, понял, что ничто из того, что он скажет или сделает, успеха не принесет.

Все человеческое начисто исчезло из глаз и с лица Сусаны Бласко. Перед взором Рульфо был всего лишь рот, дробилка.

Уроборос, змей, кусающий себя за хвост.

Он поднялся и несколько раз ударил в дверь ногой, пока не стало больно. Кричал. Проклинал. Сделал открытие: если производить много шума, не так слышен хруст, этот сводящий с ума звук грызущих челюстей...

Через какое-то время он выдохся. Ему пришлось свернуться клубком на полу: он задыхался, руки заткнули уши, глаза были закрыты. Он старался забыться, думать о чем-нибудь другом.

О роза

Вспоминал визит девушки с медальоном в виде розы. Была ли это Ламия, дама номер пять, та, что Страсть внушает, вдохновительница Китса и Беккера?^[44] Уверенности не было, но ему казалось, что она его загипнотизировала, чтобы он заговорил. Его допрашивают, поэтому терзают Сусану. Но что он может им сказать? Он даже не знает, что сделала с фигуркой Ракель.

ты больна.

Уроборос.

«Не думай об этом. Давай лучше подумаем о том, как отсюда выбраться, как сделать так, чтобы...»

Послышался какой-то новый звук. Ему пришлось открыть глаза. И он сразу же пожалел об этом.

вечеринка

Сусана обгрызла мякоть со своего левого предплечья и теперь срывала кожу вокруг локтя. Но, взглядевшись в середину освежеванной конечности, Рульфо заметил странный блеск. Маленький брильянт.

Зуб.

о роза ты больна о роза ты больна больна больна больна больна больна больна

Вдруг мир для него окончательно померк.

Вечеринка.

Этой ночью будет вечеринка.

Убранство комнаты было роскошным. Спальня. Рульфо, обнаженный, чистый, стоял на ковре. Как он сюда попал, было ему неизвестно: последнее, что он помнил, – это омерзительную каморку и... Но подумал, что все, происходившее с Сусаной, не может не быть жутким кошмаром. Он давно

уже перестал удивляться тому, насколько яркими сделались его сны по сравнению с действительностью, с тех самых пор, как он оказался в этой усадьбе.

На кровати, заботливо сложенная, словно праздничная скатерть, лежала белая мужская рубашка. Черный галстук приземлился сверху, будто невообразимо прекрасная бабочка. На плечиках – смокинг. Сомневаться не приходилось: они хотят, чтобы он облачился во все это. Так он и сделал. Все пришлось точно по фигуре.

Когда он открыл дверь, волны старинных мелодий, разговоров, смеха и звуков рояля достигли его ушей. Он двинулся вниз по лестнице, и, пока он спускался, взору его открывался театр теней – очертания мужских и женских голов, размноженные канделябрами. Гостиная была та же, где несколько часов или дней назад (он не мог сказать, сколько прошло времени) его встретила грузная женщина. Теперь в зале было полно народу. Джентльмены были в смокингах, а дамы – в вечерних платьях. Официанты обоих полов сновали с подносами. Все это выглядело как роскошный прием.

Он дошел до конца лестницы и влился в толпу. В противоположном конце гостиной виднелись двустворчатые стеклянные двери, распахнутые в только что опустившуюся ночь, – на небе вставала луна. Поэтическая ночь. Двери вели на террасу. Какой-то мужчина, стоя к дверям спиной, вел беседу с некой дамой, умопомрачительный вырез на спине у которой сходил в виноградине копчика. Когда Рульфо подошел к ним поближе, мужчина повернулся и взглянул на него.

Это был Сесар.

– Я здесь *ad honorem*^[45], дорогой ученик. Я не напрашивался, но меня включили в список приглашенных.

Объяснение показалось Рульфо абсурдным, но он уже решил ничему не удивляться и ждать развития событий. Вдруг ему захотелось курить. А также чего-нибудь выпить и съесть. Он заметил поднос с нарезанными треугольником бутербродами, проплывавший мимо, и взял парочку с чем-то мягким, что вполне могло быть свиной колбасой с красным перцем. Потом выяснилось, что он ошибся, но в любом случае было вкусно. Сесар раздобыл для него бокал шампанского, а сам, не жуя, целиком проглотил слоеное пирожное.

– А я хотел тебя увидеть, – проговорил он каким-то фантастическим образом совсем без паузы, словно пирожное исчезло из его рта, провалившись в некую широкую и темную воронку. – Нам нужно

поговорить, Саломон, не так ли? Обобщить все случившееся. Резюмировать. Вернуться к началу. Все это заслуживает серьезных размышлений. Не прогуляться ли нам?

Дорожка, обсаженная по бокам бугенвиллеями, манила в темноту. Облаченные в смокинги, с бокалами шампанского в руках, Рульфо с Сесаром выглядели типичными бизнесменами, отмечающими успешную сделку.

– Ты уже осмотрелся? – Сесар широким жестом обвел сад. – Он огромный. Я вот уже потратил некоторое время, суя свой нос то туда, то сюда. Бессчетные гостиные, рапсодомы... Гости съезжаются со всего света. Каждый занимает свою ступень в иерархии, но мне шепнули, что есть возможность повышения...

– Мне что, рассматривать это как предложение работы? – поинтересовался Рульфо.

Секунду Сесар молча смотрел на него. Затем расхохотался:

– О, нет-нет, это всего лишь комментарий!.. Кое-какие подробности!.. – Он с трудом вернул на лицо серьезную мину, но про себя как будто продолжал смеяться. – Кстати, как дела у Сусаны?

Рульфо чуть не поперхнулся шампанским, которое как раз в тот момент подносил к губам.

– Плохо. Очень плохо. Неужели ты не в курсе?

– Я в курсе?.. Да нет, я знаю не более того, о чем мне рассказали. – Сесар отшвырнул ногой ветки кустарника, лежавшие у них на пути. Лакированный верх его туфли рассыпал искорки. – Знаю, что ее где-то заперли; сама, глупая, виновата. Знаю, что переживает не лучший момент в своей жизни. Знаю, что ей не следовало приходить на свидание вместе с тобой. И это все, что я знаю. Но, скажу я тебе *ad pedem litterae*^[46], кому-то приходится платить по счетам, а кто-то эти счета выписывает. Тем не менее ее могут и простить. В конце концов, она ни в чем не виновата. Все зависит от нас. Каждое сказанное слово важно.

Повисла пауза. Они все дальше уходили по одной из темных дорожек, расходившихся лучами от дома. Пара других гостей (две белые манишки, плывущие в темноте) двигалась им навстречу, будто отражение в передвижном зеркале, подвешенном перед ними.

– Дамы еще не прибыли, – сообщил Сесар, – но обязательно будут. Они всегда появляются под конец приема.

– Полагаю, что я уже имел удовольствие познакомиться с некоторыми из них.

– И я тоже. Сама любезность, должен тебе сказать. Вот другие

окажутся в худшем настроении. Но это и понятно. Они немного нервничают. Им пришлось пережить немало неприятных событий. Они мне их перечислили, и я едва смог поверить своим ушам. Я счастлив, что я не одна из них, уверяю тебя. О, быть одной из них – ужасная участь!.. Сейчас они столкнулись с очень серьезным кризисом. – Сесар наклонился к уху Рульфо. Его дыхание представляло собой аэрозоль из шампанского. – Они подозревают, что есть предатели... Такие вот дела, понимаешь ли. Они не могут доверять никому... – Он снова отстранился и подмигнул.

Рульфо спросил себя, что он хочет этим сказать.

– Но мы с тобой кое-что можем сделать, чтобы прояснить ситуацию. А когда все выяснится, разойдемся по домам и отпразднуем счастливый финал. Или, если тебе захочется предпочесть другую альтернативу, останемся здесь и примем «предложение о трудоустройстве», *ad libitum*... [47] – Он снова расхохотался, словно воспоминание о формуле, связанной с трудоустройством, действовало на него подобно неустрашимой щекотке. – Но не стоит забывать и о том, что мы могли бы вернуться к прежней жизни. В том числе и Сусана, конечно же. Все в добром здравии и прекрасном расположении духа. Они нам позволят. Но в ответ они хотят немного сотрудничества с нашей стороны.

При упоминании Сусаны Рульфо чуть не вырвало.

Теперь он начинал понимать: то, что он видел в той камере, ему не приснилось.

Уроборос.

«Не думай об этом».

– Я вот уже им помог, в рамках своих скромных возможностей, – продолжил Сесар. – Рассказал обо всем, что мы нашли в доме Раушена, этого лицемера, предателя, перебежчика... – Глаза его искрились весельем, даже тон голоса был мягким, будто бы Раушена он не оскорблял, а подшучивал над ним в самом доброжелательном тоне. – Я свою лепту внес. Теперь твоя очередь. И вот так, все вместе, мы и справимся с трудностями. Так что, если ты не против, я подытожу.

Он остановился. Рульфо сделал то же самое. Кусты вокруг словно несли на себе печать потустороннего мира: черные силуэты в стиле бонсай, шедевры садового искусства.

– Вам приснился в высшей степени странный сон, под его воздействием вы отправились в тот дом, отыскиали фигурку, а потом девушка заменила ее на другую, которую она сама изготовила, и обвела тебя вокруг пальца... Так было дело?

Рульфо кивнул. Говорить о Ракели казалось ему бессмысленным, но

тут в голове мелькнула мысль, что ответы они уже *знают*. И единственное, что они хотят проверить, задавая эти вопросы, так это прощупать, насколько он готов к *сотрудничеству*.

– У тебя не сложилось впечатления, что девушка резко изменилась? Ты не подумал, что она уже *другая*?

– Да. При нашей второй встрече она показалась мне не такой.

– Выше? Ниже? Полнее?

– Взгляд. У нее был другой взгляд. И как она себя вела. Более... более решительно.

– Это важно, – подбодрил его Сесар. – А что потом?

Рульфо рассказал о смерти Патрисио и о ее желании пуститься в бега.

– А Лидия Гаретти вам больше не снилась?

– Нет, – наудачу ответил он, и ему показалось, что Сесар (или кто бы там не прятался за обликом Сесара) обмана не заметил.

– Видел ли ты, чтобы Ракель когда-нибудь *использовала* поэзию?

– Нет, ни разу.

– Ты ведь понимаешь, о чем я? Имеются в виду стихи власти.

– Я знаю, о чем ты, но у меня сложилось впечатление, что она ничего об этом не знает.

– А откуда же в таком случае ей так много известно об этой фигурке?

– Не знаю. Я и не говорил, что ей что-то о ней известно.

Внезапно Сесар широко раскрыл глаза. Они казались только что отполированными – два раскрашенных мраморных шарика, напомнившие Рульфо глаза девочки.

– Даже и не думай обманывать, – мягко проговорил Сесар. – Нет-нет-нет, ни в коем случае. Это может оказаться большой ошибкой, Саломон. Они читают в твоём сердце. Разлагают тебя на слова и читают по тебе. Каждый из нас – для них всего лишь стихи.

– А почему тогда они не могут получить информацию о том, что интересует их больше всего? – спросил Рульфо, не отводя взгляда.

– Потому что они не ясновидицы. То есть да, и это тоже, но в очень скромных размерах. Есть лакуны, которые они не в силах заполнить, фрагменты тишины, которые им недоступны...

– Значит, они не столь могущественны, как я о них думал.

– Видишь ли, дорогой мой, они еще могущественнее, чем ты можешь себе представить, но они видят все по-другому – не так, как мы. Их видение логично, а твое – эмоционально. Ты чувствуешь, а они понимают. Ты замечаешь только кирпичи, а они проектируют дом и живут в нем. *Логос* вселенной дает им разум, потому что вселенная – это слова. Как

поэма.

Далекий смех, подобный пиротехническому сюрпризу, на секунду отвлек внимание обоих мужчин. Среди веселого разноцветья падающих из дома огней пестрел целый букет шелковых платьев, густых волос и обнаженных ножек. Звонкий мужской голос доминировал в общем смехе.

– Логос вселенной дает им разум, – с сарказмом повторил Рульфо. – Жаль только, что им не удастся найти припрятанную восковую фигурку.

– Я же тебе уже объяснил: есть острова безмолвия... Кроме того, знаешь, что скрывается под *логосом*? Удача. Слова действительно могут производить воздействие, но совсем не благодаря своему смыслу. То, что на самом деле важно, – это случайный порядок. Как игра в домино среди слепцов: самое вероятное, что цепь костяшек будет расположена неверно, но и тогда она создаст некий образ. В этом и заключается то, что нас беспокоит... Точнее, беспокоит их. Потому что любая случайно произнесенная фраза может произвести страшный эффект. Не было еще в этом мире произнесено достаточно слов, чтобы выяснить досконально, на что эти слова способны. Приложены значительные усилия по выстраиванию вертикали, но невозможно – не-воз-мож-но – держать под контролем абсолютно все. Не только синтаксис, но и произношение, интонацию... – Говоря это, он вновь двинулся вперед. – Мир – это тонкая ледяная корочка стихов, и они знают, что каждый шаг может стоить им падения в пропасть. Ты, быть может, думал, что они палачи? Да они жертвы!.. Жертвы, как ты или как я!..

Они дошли до лужайки, украшением которой служил фонтан. В центре ее безруким столбом возвышался старый сатир. Его гранитное лицо напоминало кишкообразное сплетение оттенков мрака.

– Жертвы... – повторил Сесар. – Все остальное банально. У Кавафиса^[48] есть лишь один стих, способный вызывать гнойные язвы и лихорадку, одна лишь строфа Китса рождает змей, одна короткая строка Неруды взрывается не хуже атомной электростанции, и всего один стих Сапфо^[49] вызывает сильнейшее и неотвратимое желание совершить насилие над маленькой девочкой. Но что значат все эти мелочи перед лицом *ледяной корочки*? – И ударил по краю фонтана, словно имел в виду именно его. – Какое значение имеет все это в сравнении с этим покрытым хрупким льдом озером, куда ты можешь провалиться в самый неожиданный для тебя момент?.. Реальность – дрова, поэзия – огонь, а они научились разжигать костер. Неплохо. Ну и что с того?.. Они древнее, чем история!.. Тебе следует отказаться даже от идеи о всемогущем боге. Они

хрупкие. Такие же слабые, как и ты, но только у них больше страхов, чем у тебя. Они видели лик реальности *вблизи*... А известно ли тебе, *каков он, лик реальности?*

Теперь Сесар говорил, сопровождая свою речь разными жестами: открывал и закрывал глаза, воздевал руки к небу, наклонялся и выпрямлялся. Grimасы искажали его лицо, как будто оно было пластиковым пакетом, в который посадили живую крысу.

– Подозреваю, что на твой лик он не похож, – намекнул Рульфо.

– Да это рак, – объявил Сесар, не замечая иронии. – Лик реальности – это рак: он захватывает тебя, рвет тебя в клочки своими клешнями, пока ты... пытаешься... безуспешно пытаешься понять, что же он такое, в каком чертовом месте у него рот, глаза... Ты видишь только нечто с четырьмя лепестками, которые то раскрываются, то закрываются, но это нечто с равным успехом может оказаться как ртом, так и анусом. Как ты будешь защищаться, если даже не знаешь, чем он тебя заглотит? Ты помнишь анекдот о собаке и слепце? Слепец предлагает своему псу лакомство, а затем пинает его в зад. Это видит один человек, и он спрашивает слепца: «Послушайте, почему же вы сначала даете кобелю еду, а потом бьете его по заду?» А слепец ему в ответ: «А если я не дам ему еду, как же я узнаю, где у него зад?..» Ай-ай-ай, никто не знает, где зад у реальности, и единственное, что *они* могут сделать, так это предложить ей лакомство!.. Мы полагаем, что они очень могущественные, но знаешь, что хуже всего?.. Хуже всего то, что нет никого, кто действительно был бы *могуществен!* – Голос его шел по восходящей, пока не превратился в противный визг поросенка под ножом мясника. Вдруг он закрыл лицо руками, казалось, зарыдал. – Ты не знаешь!.. Совершенно не знаешь, что означает такая жизнь!.. К ней нужно привыкнуть!.. Требуется строгая иерархия!.. Суровый порядок!.. Да они как весталки!.. Они не могут общаться с посторонними, исключение – только внушение поэтического вдохновения!.. Не могут иметь детей!.. Не могут вдвоем занимать одну и ту же позицию, потому что приоритет всегда за самой старшей!.. Без конца – правила, правила, правила!.. Или ты окончательно превращаешься в идиотку, или... – Столь же неожиданно руки открыли лицо, и он подошел к Рульфо. Губы его как-то странно отсвечивали красным, а зрачки сузились, так что стали напоминать кошачьи. – Знаешь ли ты, что натворила Акелос?.. Знаешь, в чем состоит ее *предательство*?.. Она пыталась прятать ребенка этой паршивой овцы, этой проститутки, этой *жалкой твари*!..

Вдруг Рульфо понял.

– Прежняя Сага родила ребенка... – прошептал он. – Поэтому вы ее и

изгнали, так? Это и есть ее вина. А Акелос ей помогала...

Ребенок. Фрагменты головоломки начинали складываться. *Ракель.*
Татуировка.

Сесар умолк и застыл, глядя на Рульфо, со своими покрашенными и искривленными губами. В уголках его рта пена выступила.

– И ты ничего больше не хочешь мне сказать? – пробормотал он.

– Да нет, есть у меня еще кое-что. – Рульфо глубоко вздохнул. – Сними ты наконец эту маску, шут гороховый! Ты ни капли не похож на Сесара.

И вдруг, причем так быстро, что мозг его едва успел отметить что-либо, кроме взмаха ресниц, Рульфо вдруг увидел, что вместо Сесара перед ним стоит толстая женщина, которая встречала его, – с тем же театральным макияжем и в очках, в том же джемпере и той же юбке. Глаза ее горели мрачным огнем, пронзая тьму.

– Осел!.. Упрямый и неотесанный осел! Я еще не закончила!.. Бросить кабальеро посреди беседы – это плохо, но бросить даму – еще хуже!.. А я – сразу оба!.. Хуже не бывает!..

– Мне очень жаль, сеньора.

Рульфо уже разработал план действий, и это превращение не застало его врасплох. Он плеснул остатки шампанского в лицо женщине и набросился на нее, схватив за горло...

Но в этот момент прошелестел тихий и резвый червячок мягких французских слов, выскальзывающих из покрашенных губ. И тут же боль, какую он никогда раньше не испытывал – острая, как грань кристалла, сверкнувшая как молния, пронзила его желудок, вынудив его упасть на колени на мягкий газон, не дав даже возможности вскрикнуть.

– Бодлер^[50], – донесся до него издали голос женщины. – Первый стих «Альбатроса».

Этот укол боли ушел так же внезапно, как и появился, и Рульфо подумал – даже был уверен, – что если эта боль повторится, то он умрет.

Но она повторилась. И не один, а два и даже три раза.

И *поднималась все выше*. Начала свое восхождение по пищеводу, обжигая по пути с такой силой, что эхо отдавалось в голову и в ноги, отзывалось в корнях зубов и в коленях, под лобной костью и в затылке, высекая искры из глаз.

Он катался по траве и стонал. Ни разу до тех пор не доводилось ему с такой непреложной ясностью чувствовать приближение смерти. Поры в коже расширились, и из них ручьями лил пот. Но на самом деле еще больше, чем боль, пугало его другое.

А именно ужасающее ощущение,

что нечто живое

карабкается по его пищеварительному тракту.

Он попытался выблевать его, но ничего не вышло.

– Вам известен этот стих, кабальеро?.. Создан в одна тысяча восемьсот пятьдесят шестом году, на острове Маврикий, источник вдохновения – сестра Венефиция... Будучи прочитан так, как я только что его продекламировала, производит такой забавный эффект, но если бы я прочла его бустрофедоном – слева направо и наоборот, вот бы мы тогда посмеялись!.. *Вы слушаете меня, кабальеро? Вам уже следовало бы знать, как я ненавижу, когда меня не слушают!..*

Рульфо почувствовал пинок, но почти не обратил на него внимания. Что-то более серьезное полностью захватило его. *Нечто*, вызывавшее спазмы резкой боли, двигалось по его горлу. Он не мог дышать. Горло было заблокировано. На секунду он решил, что задохнется. Спустя еще одну сводящую с ума секунду он ощутил какой-то жесткий шар на языке, сопровождаемый горьким вкусом желчи и волной боли, на этот раз – в области мягкого нёба. И сразу же стало понятно, что это было – крупное животное. Он изверг его, открыв рот, насколько это было возможно.

Черный скорпион, нелепо огромный, выпал пузом кверху, перевернулся и пошел своей дорогой, затерявшись в траве. Сплюнув еще несколько раз и вызвав рвоту, Рульфо почувствовал себя лучше. У него все еще болели места укусов, но он заставлял себя думать, что все, что с ним было, – не более чем галлюцинация. Он повторял себе еще и еще раз, что совершенно невозможно, чтобы такая скотина прошла по его пищеварительному тракту.

Туфля на высоком каблуке притопывала перед его носом.

– Я сгораю от нетерпения быть выслушанной. Требую реализации моего права быть выслушанной.

Он поднял голову. Целая гора, образуемая бюстом и юбками, склонялась над ним, охваченная негодованием, козлиная голова моталась на мощной шее.

– Первое: *не пытайтесь повторить* свою попытку. Второе, гораздо более важное: *слушайте* меня с неизменным вниманием, со страстью, с наслаждением... – Вдруг лицо женщины расплылось в улыбке. Яркие красные губы, покрытые толстым слоем помады, расползлись до ушей. – Бодлер говорил, что однажды, выпив водки, он почувствовал, что по его внутренностям гуляет скорпион. Так, значит, это было правдой!.. – Колокольчиком зазвенел смех. – Не желаете ли опереться о мою руку?.. Какой вы бледный!.. Может, глоток пунша?.. Желаете?.. Пойдемте же...

Покачиваясь, Рульфо поднялся на ноги, опираясь на мощную волосатую руку. И они направились обратно к дому по другой дорожке.

– Полагаю, что вы сказали нам *правду*, – сообщила женщина, продвигаясь вперед быстрыми шажками и волоча за собой Рульфо. – Даже более того: я уверена, что вы сказали правду. Теперь нам следует допросить эту королеву проституток. Мне очень любопытно, что она нам скажет...

Сквозь застывшие зрение облака боли Рульфо разглядел место, куда они направлялись, – небольшую беседку на полянке, освещенную изнутри канделябрами, пространство которой было укрыто от любопытных глаз металлическими аркадами, увитыми плющом. Цветочные гирлянды украшали потолок. В воздухе вокруг плясали мотыльки.

В самом центре стояла Ракель.

Х. Допрос

Бабочки летят ей прямо в глаза, садятся на лицо, на волосы. Она могла бы спугнуть их, потряхнув головой, но этого не делает. Руки ее связаны за спиной гирляндой цветов, состоящей в основном из ноготков и анютиных глазок. Хотя эти путы весьма и весьма непрочны, строка Верлена^[51] обездвижила ее руки – она не может пошевелить и пальцем. Прежде чем привести в беседку, ее раздели, а потом облачили в тунику темно-красного цвета до пят. Распущенные волосы густыми волнами струятся по спине. Она стоит невозмутимая, твердая, храня молчание. Только веки подрагивают, когда крыло бабочки задевает ее длинные ресницы.

«Настал час», – думает она.

Единственное, что ее заботит, – это сын. Она не видела его с тех пор, как Патрисио (хотя это был уже вовсе не Патрисио, теперь она знает) и человек в черных очках нашли их в мотеле. Она осознает, что ребенок – ее ахиллесова пята и что они это используют. Не знает только, готова ли она это вытерпеть. Однако что-то ей подсказывает, что они не решатся причинить ей вред. Теперь, вспомнив все, она знает, что ими было принято решение и что сохранение их союза требует, чтобы это принятое большинством решение неукоснительно исполнялось. Ее сын будет использован, чтобы угрожать ей, чтобы заставить ее говорить, но они не тронут его. Она уверена. Самое главное – выстоять.

Приближаются две фигуры. Она узнаёт их. Малефиция ведет под руку человека, который с самого начала помогал ей. Он бледен и пошатывается при ходьбе. Значит, ему также досталась своя доля страданий. Она не понимает, по какой причине он оказался вовлеченным, ведь он посторонний. Она пыталась отговорить его приходить на свидание, но в любом случае понимает, что ситуация не слишком изменилась бы, даже если бы он ее послушался. Сострадает ему, но ничего уже не может поделать.

Единственное, чего она хочет, так это чтобы все они появились как можно скорее.

И среди них та, которой она хочет вновь посмотреть в глаза, даже если это будет последнее, что она сумеет сделать, – взглянуть в глаза той, что превратила ее жизнь в ад.

Хочет видеть ее, оказаться с ней лицом к лицу, хотя в то же самое время сама мысль о том, что ее желание сбудется, наполняет ее липким

ужасом.

Рульфо решил не оказывать сопротивления. Персонажи, облаченные в лакейские ливреи, завели его руки за спину, один из них продекламировал какой-то французский стих, и запястья парализовало. Тогда их обвили гирляндой цветов.

Девушка, стоявшая рядом с ним, была связана точно так же. Он не удивился, увидев ее здесь, предположив, что, наверное, за ней послали кого-то из сектантов, чтобы доставить сюда. Он ощутил упрямую холодную волю, которую излучали ее темные глаза: она была пленницей, но казалась королевой. Он был бы счастлив обладать хотя бы половиной ее мужества. В голове промелькнул вопрос: «А где же мальчик?»

Они собирались их убить. В этом у него сомнений не было. Его постоянно терзал другой вопрос: *как именно?*

Никогда он не был смелым человеком и сейчас имел возможность в этом убедиться. Его кажущаяся храбрость была, скорее, яростью либо безразличием. Но теперь уж он не сможет, как раньше, отворачиваться от страха. Начиная с этого момента, понял он, он не сможет перестать быть трусом до самого конца.

И хоть бы этот конец был отсрочен. Хоть бы никогда не наступил.

Уроборос. Раушен.

«Не думай об этом».

Он посмотрел вокруг. Беседка была почти пуста: кроме него и девушки, здесь только двое слуг. А вот на просторной террасе, которую было прекрасно видно с того места, где он стоял, бурлила шумная нарядная толпа – смокинги и вечерние платья. Куда подевалась тучная дама, он не знал.

Вдруг он моргнул

одна

и увидел их перед собой. И на этот раз это *действительно* были они, не манекены. Они стояли рядком, в вечерних платьях различных цветов и размеров, в туфлях на каблуках, с уложенными в прическу волосами,

одна, две, три, четыре, пять

с макияжем, в шелковых чулках, со всеми необходимыми атрибутами западных женщин. А на груди у них поблескивали золотые медальоны.

одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь

Расстрельный взвод. Трибунал инквизиции.

Одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь.

Возможно, они и ведьмы, но в облике их не было ничего необычного: ни красных зрачков, ни крючковатых носов, ни рожек на голове, ни остrokонечных хвостов.

Восемь, девять.

За исключением толстой женщины, все они были невыразимо прекрасны или такими ему казались. Тем не менее в определенном смысле они также выглядели бесцветными, помпезными, безликими (конкурс «Мисс Все-стих-ленная», подумал он, и собственная игра словами чуть не заставила его рассмеяться). Если это и на самом деле были дамы, значит поэты всего мира влюблялись в несуществующих призраков.

Десять, одиннадцать.

Верно было и то, что у некоторых из них были особенности. Девочка продолжала блистать невообразимой красотой. Глаза девушки, стоявшей рядом с ней, наполнились тенями. Лицо молодой особы с символом розы слабо светилось. Толстая женщина напоминала пятидесятилетнего отца семейства, пристрастившегося тайком наряжаться в платья своей супруги. Номер одиннадцать, дама с медальоном в форме паука – должно быть, новая Акелос, заместительница Лидии Гаретти, – оказалась рыжей особой в облегающем коротком платье.

Одиннадцать. Двух не хватает.

Установилась полная тишина: не были слышны ни смех, ни звуки музыки, ни разговоры. Как будто вечеринки и в помине не было. Дом опустел и погрузился во тьму. Горящие канделябры беседки остались единственным источником света в пучине ночи. И на краю этого острова – черед дам.

Двух не хватает.

Безмолвное мельтешение бабочек, дуновение ветра, и вот еще одна фигура встала во весь рост перед остальными. Очень молодая девушка, невысокая, со стриженными темными волосами, в коротком платье из черного бархата и босоножках без каблука. С глуповатой улыбкой на милом худеньком личике, она казалась неопытным дирижером оркестра, ожидающим аплодисментов.

– Добро пожаловать, Ракель... – Она говорила по-испански, но с легким французским акцентом, как и полная дама. – Сеньор Рульфо, очень

приятно. Меня зовут Жаклин. Желаю вам приятно провести время в нашем доме.

Ни Рульфо, ни девушка не проронили ни слова. Девушка была словно обескуражена, не получив ответа на свое любезное приветствие. Какое-то время казалось, что она не знает, что еще сказать. Рукава платья были ей длинноваты, доходили почти до пальцев: она шевельнула ими – и целое соцветие бабочек рассыпалось в воздухе.

– Уф, их с каждым годом все больше. Но разве они кому-то мешают?.. Безобидные очаровательные существа... – Она как будто снова ожидала ответной реакции. Не дождавшись, сама обратилась к Ракели: – Так ты все вспомнила, так? И теперь знаешь, кем была. Нам это не очень понятно. И вообще, многое, что связано с тобой, нам непонятно. Возможно, ты сможешь нам кое-что прояснить. – И изобразила приветливый жест, словно приглашая Ракель заговорить. – Итак, память к тебе вернулась, верно?

– Да. Память вернулась.

Ракель смотрела на нее, сощулив глаза, нахмутив брови. Рульфо увидел на этом лице не только крайнюю степень презрения, но и отвращение, будто бы Ракель глядит на мерзейшее насекомое, которое оказалось прямо перед ее носом.

– Жаль... Порой самое ценное – это таинство забвения.

– Действительно. В особенности забвение всего того, что ты мне сделала.

Обе замолчали, не отводя глаз: девушка с неизменной улыбкой на лице, а Ракель все с тем же хмурым выражением, словно две старшеклассницы, обиженные друг на друга из-за какой-то незабываемой выходки. Тут внимание Рульфо привлек медальон в виде круглого зеркала, сверкавший в вырезе платья собеседницы Ракель: в соответствии с описанием в «Поэтах и их дамах», это был символ Саги, дамы номер двенадцать. Значит, это она, та, которая «хуже всех». Но она совсем не производила такого впечатления, и близко этого не было. Она выглядела даже оробевшей, как мечтающая об актерской карьере студентка, которой по причине болезни примадонны выпал шанс сыграть главную роль.

– Если ты не против, поговорим о настоящем, – предложила девушка. – Почему я не могу видеть имаго, Ракель?

Повисла пауза. Ракель не отвечала.

– Объясни мне, почему мне не удастся его увидеть, и я тебя отпущу.

Снова пауза. Снова молчание. В беседке все застыло. Дамы казались пешками в какой-то непостижимой игре. Только девушка умеренно жестикулировала, произнося свои реплики.

– Ты даже не представляешь, как это нас беспокоит. Мы знаем, что ты спрятала имаго, но я не хочу, чтобы ты мне сказала *почему* или даже *куда*... Мне нужно только одно: чтобы ты *объяснила* мне тот факт, что мы не можем его увидеть... Огромное... Как бы это выразить?.. Огромная пустота, некое слепое пятно окружает его, стихи не могут туда проникнуть. Что происходит?

– Где мой сын? – спросила Ракель, когда пришла ее очередь говорить.

– О, сейчас он спит, но скоро придет. Он так устал...

– Отпусти его.

– Не беспокойся о нем. Мы ничего ему не сделаем: это уже было решено, ты же помнишь, верно?

– Прекрасно, тогда освободи его.

– Он *свободен*. Но ты-то еще здесь. Ты что, хочешь, чтобы он ушел один? Когда уйдешь ты, уйдет и он. Это правильно, не так ли?

– Я хочу его увидеть, пожалуйста...

– Ты его увидишь. Сейчас он отдыхает в одной из дальних комнат, чтобы его не беспокоил шум праздника.

– Я скажу тебе, где я спрятала имаго, если ты дашь мне гарантии, что мой сын...

– Ты что, так *ничего* и не поняла? – оборвала ее девица.

В первый раз Рульфо услышал в ее словах нотки, напоминающие холодную ярость, такую же невесомую, как порханье бабочек, сновавших вокруг.

– Само собой разумеется, что мы хотим знать, *где* имаго, но не это самое главное... Пожалуйста, Ракель, я знаю, что ты нервничаешь, но постарайся сосредоточиться: мы хотим выяснить, *почему мы не можем его увидеть*. Другими словами, *кто* мешает нам его видеть?

– Не знаю.

– Кто тебе помогает?

– Никто. Я одна.

– А Лидия?

И тут слова будто сгрудились во рту девушки. И она освободила их все сразу, с какой-то хладнокровной стремительностью, словно была не в силах удерживать:

– Не спрашивай меня о ней. Ты прекрасно знаешь, что с ней сделала. Вселилась сама в какого-то постороннего, манипулировала им, проникла в ее дом, заставила ее отдать тебе имаго, засунула его в аквариум с филактерией Устранения, перенесла аквариум на чердак и запытала ее до смерти... Уж мне ли не знать, что такого рода игры – твои любимые,

Жаклин?.. Это ты науськивала этого постороннего, Патрисио, чтобы он унижал меня – настолько, насколько это вообще возможно... К тому же воплощалась и в других, верно?.. Это ты была человеком в черных очках... А кем еще, Сага?.. В чьих еще обличьях ты получала наслаждение, используя и унижая меня?..

– Забудь об этих деталях, пожалуйста...

– Есть вещи, которые не забываются.

– Приговоры должны приводиться в исполнение.

– Что и является твоим самым любимым занятием.

Девушка пропустила мимо ушей этот комментарий и продолжила, по-прежнему улыбаясь:

– Потом ты начала видеть эти сны... Лидия послала их тебе при помощи нескольких филактерий, которые активировались после ее смерти... Ты отправилась в ее дом, достала из-под воды имаго, где оно должно было пребывать ровно до этого нашего собрания, чтобы впоследствии быть разрушенным, и спрятала его. Его стихи не позволяли нам завладеть им любым другим способом, кроме как из твоих рук... Ничто из этого нас не удивило: типичные трюки старой паучихи, призванные спасти ее. Но вот здесь начинаются проблемы. С какой стати ты обрела память? По какой причине мы не можем видеть имаго? Как удалось тебе выбраться из того прозаичного тела, в которое мы тебя упрятали, и убить Патрисио?

– Которого ты потом оживила, – произнесла Ракель.

– О, конечно нет, я всего лишь привела его в движение. Хотелось преподнести тебе сюрприз. Ты отказывалась прийти к нам на свидание, и мы были вынуждены привести тебя за ухо... Кроме того, нам вовсе не было нужно, чтобы посторонние обвинили тебя в убийстве. Но забудь же, наконец, о *деталях*, Ракель. Сосредоточься на главном. Кто помог тебе спрятать имаго? Кто наложил на него заклятие стихов?.. Сама ты не могла: ты обрела память, но ты по-прежнему Упразднена. Лидия Упразднена и мертва. Кто же в таком случае?..

– А ты что, не можешь прочесть в моей голове, что я этого не знаю?

Девушка отрицательно покачала головой:

– Единственное, что я могу услышать, так это тишину. Я не могу проникнуть в тишину стихами. Ни одна из нас не может. Все, что связано с имаго бывшей Акелос, – это молчание *воды*, абсолютно непроницаемое. Внутри может оказаться твой ответ, а также много чего другого.

Девушка говорила шепотом. Рульфо пришлось приложить усилия, чтобы расслышать ее слова.

– Может, предательство. Может, обман. Может, ловушка...

– Нет, клянусь тебе.

Девушка негромко рассмеялась:

– Ты мне клянешься?.. – Казалось, что-то в этих словах ее очень позабавило. – То есть я должна поверить тебе, потому что ты *мне* клянешься. – И с усмешкой взглянула Ракели в глаза. – Жизнь среди прозаиков сделала тебя прозаичной.

– Чему именно ты поспособствовала самым кардинальным образом.

– Куда делась когда-то могущественная Сага?

– Не важно, куда она делась. Я никогда не поменялась бы местами с тобой.

– Ты врешь, как всякая посторонняя, – нежно прошептала Сага. – Но не буду отрицать, что мне приятно слышать это: ведь если бы какой-нибудь стих смог тебя вернуть, мне пришлось бы уйти. Не может быть двух дам на одной ступени иерархии...

– ...потому что старшая имеет преимущество, знаю.

– К сожалению, даже я не в силах тебя вернуть. Стихи были прочитаны в свое время, и ты была изгнана – навсегда.

– Кто это там говорит о возвращении этой шлюхи? – подала голос толстая женщина со своего места в ряду дам.

– Petrus in cunctis^[52], – вызвав смехи, прошептала дама с длинными белокурыми волосами, стоявшая слева от толстухи.

– О, хорошо, если уж никто не может быть столь *любезен*, чтобы меня выслушать... – Толстая женщина принялась теревить свой медальон.

– Будем же благоразумны, – провозгласила девушка громким голосом. – Ситуация деликатная, но превыше всего – наша вечеринка. Что подумают наши гости?.. Сегодня мы отмечаем Ночь фортуны – нужно веселиться, танцевать, смеяться... Времени у нас еще много. Прошу сохранять спокойствие. Самое главное теперь – развлекаться.

Пространство как будто вдруг расширилось. Музыка заструилась из окон с грацией змея: одна из тех салонных мелодий, которые служат музыкальным фоном на многих приемах. Дом осветился, он словно вновь наполнился присутствием. Дамы направились к террасе. Последней уходила Сага.

Но и после всего того, чему он стал свидетелем, Рульфо все еще продолжал задаваться тем же вопросом. Хотя, возможно, это не более чем деталь, не имеющая никакого значения.

Он насчитал только двенадцать дам.

А где же тринадцатая?

А – бархатный корсет на теле насекомых!^[53]

Слова эти, распеваемые в доме дружным хором, создали новую атмосферу. Музыка стихла: фоном продолжали звучать лишь скрипки, трепетная основа, уровень громкости которой вторил шуму праздника: когда звучала музыка, долетали и взрывы хохота, а вслед за этим все стихало, чтобы через некоторое время зазвучать вновь. Общее впечатление получалось в высшей степени странное, а к нему еще добавлялись огни и ветер. Казалось, что дом – это поезд, то проезжающий мимо оживленных станций, то ныряющий в темные и пустынные туннели. Эти пульсирующие порывы погасили несколько свечей в беседке. Было похоже на бьющееся сердце: огни, взрывы смеха, вальсы и порывы ветра мерцали, как головокружительная панорама, ее сменял фрагмент немых сумерек, и снова – праздничная систола. В окнах мелькали силуэты, лица, руки с поднятыми бокалами.

И снова грянул хор:

Е – белизна холстов, палаток и тумана^[54].

И вдруг – беззвучный взрыв света. Рульфо вынужден был отвести взгляд.

– Развлекаются, – заметила Ракель.

Оба отвернулись. Ослепительный свет казался застывшим, как снимок пожара. И смех, и музыка продолжались, но как-то выцвели и стали менее заметными. Все вокруг слилось в одну нескончаемую вспышку, удлинившую тени арок беседки, персонажей в лакейских ливреях, Рульфо и Ракель, преобразив их в дорожки черного бархата. Воздух стал прохладнее, и холод этот, казалось, шел оттуда же, откуда и свет: дом словно превратился в огромную сосульку. «Гласные» Артюра Рембо, определил Рульфо.

Момент был не самый подходящий, чтобы упрекать ее в чем бы то ни было, и он это понимал, но не мог упустить возможность получить хоть какие-нибудь разъяснения до того, как все для них будет кончено. Слова его сгустились облачками пара под этим полярным сиянием.

– А почему ты подсунула мне фальшивую фигурку?

И хотя видеть лицо девушки он не мог, голос ее, проникнутый абсолютной твердостью, он слышал отчетливо:

– Потому что, если бы ты заставил меня отдать тебе настоящую, тебя уже убили бы. К тому же я чувствовала, что настоящую необходимо спрятать, хотя и не могу объяснить тебе почему...

– Тебе сказала об этом во сне Акелос?

– Нет. Я обманула тебя. Больше снов я не видела. Это предчувствие.

Он понимал ее мотивы, но ему было больно оттого, что она ему не доверяла.

– Наш единственный шанс выйти отсюда живыми – не отдать им фигурку, – прибавила Ракель. – Как только они ее получают, нас убьют.

– Я тебе верю.

Из дома слышались крики. Как будто детские, но Рульфо не сумел бы сказать, что они выражают – радость или ужас. Крики смешивались с взрывами хохота взрослых.

«Развлекаются».

– Но у них в руках мой сын, – продолжила она. – Они не решатся тронуть его, потому что было принято решение оставить его в живых, но точно используют, чтобы надавить на меня. И я, быть может, не выдержу этого давления. Я уже через все прошла, но через *это* не смогу.

Крики умолкли. Слышалось только какое-то потрескивание, словно от костра из сухих листьев. Свет еще заливал все вокруг – всеобъемлющий, абсолютный. И в этом насыщенном свете падали на землю черные хлопья, многоликие тени – рой ошалевших бабочек: помедлив вначале из осторожности, теперь они возвращались тучами и погружались в величественное сияние.

– Меня так и звали – Ракель, – вновь зазвучал из ледяного свечения ее голос, – так же как Сага – это Жаклин, а прежнюю Акелос звали Лидией, но вот внешность у меня была другой. Мой сын очень похож на меня, на меня *настоящую*: у меня, как и у него, тоже светлые волосы и синие глаза. Филактерия у меня на спине превратила меня в это.

«В это». Тон явно говорил об отвращении. Рульфо подумал, что понимает ее. И в самом деле, разве не говаривал Сесар, что под воздействием поэзии воспоминания о некоторых людях становятся неправдоподобно прекрасными?

– Жаклин была одной из моих приближенных, когда я была Сагой, – продолжила Ракель. – Она мне служила. А потом заняла мое место.

И – пурпурная кровь, сочащаяся рана!^[55]

Белый свет исчез, будучи поглощен красным – сладострастным, имперским, оглушающим; он окрасил окна, словно кто-то задернул их все гардинами алого цвета. Силуэт девушки теперь был обведен кровавой каймой.

Говорила она медленно, почти запинаясь. Она говорила и одновременно проходила по лабиринтам своей памяти.

Но всего ему она не открыла.

Она сказала, что сделала это не из-за любви. Что могла бы сделать это «принятым» группой способом, поскольку есть стихи, сказала она ему, которые способны заставить тебя чувствовать все, что захочешь; стихи, которые точно воспроизводят твои сны; однако они, в свою очередь, суть не что иное, как новые сны. Но она уже с давних пор хотела чувствовать без слов. Никогда прежде ни одна дама не желала ничего подобного, потому что чувствовать без участия слов было практически невозможно: это эквивалентно молчанию в глубине моря.

Она сказала ему, что полагала, что могла это сделать, потому что, хотя и знала, что это запрещено, она была Сагой и никто не ставил под сомнения ее решений. Жить тысячи лет, узнавать разные эпохи и земли, созерцать небесный свод с различным расположением звезд – все это только обостряет любопытство, не насыщая его. Земные пейзажи сменили кожу, подобно змеям, а планета – свое лицо, пока она все жила и жила, сменяя недолговечные тела. И пообещала себе дать начало новой жизни – единственный доступный способ замедлить эту быстротечность. Она была Сагой, и ничто из того, что она говорила, делала или желала, не могло быть запрещено. «Любви не было», – повторила она.

Однако она не сказала ему, что в то время, когда в ее животе росло то, что было жизнью, не будучи ею, потому что не знало слов (или как раз поэтому оно в полной мере и было жизнью), ей стало страшно и она испытала соблазн избавиться от этой жизни, но не сделала этого. И не захотела рассказать ему о том, что, когда новая жизнь родилась, она долго-долго смотрела на нее молча. Она всегда думала, что молчание – это плохо. Молчание было пустотой, отсутствием красоты и вечности. Но когда она увидела собственный образ, в точности повторенный в этих глазах, так похожих на ее собственные,

молчание взорвалось

в ее устах.

Она знала, что совершает серьезную, непростительную ошибку. Но в

то же время она чувствовала себя за пределами любого стиха, чувствовала себя так, что не могла бы описать это словами, чувствовала, что никогда не сможет отделить себя от этого. Она сама и эта новая жизнь, родившаяся от нее, вместе будут противостоять наказанию, каким бы оно ни было.

– Акелос какое-то время помогала мне прятать ребенка... До сих пор не понимаю, почему она на это пошла... Не из сострадания, в этом я уверена... Временами ее планы имели очень далекие перспективы. Она была той, что Прорицает», ей было хорошо знакомо будущее... Но ее помощь меня не спасла. Группе все стало известно, и они решили изгнать меня: утопили мое имаго в урне с водой, поместив в мешочек с филактерией, которая меня Устранила. Но Жаклин, которая уже стала новой Сагой, наказание показалось слишком легким, и она решила его *уточнить*. – Тут Ракель смолкла. К горлу подступила тошнота, словно воспоминания превратились в комок гнили. – Она заставила меня убить человека, с которым я делила ложе, простого постороннего... А потом захотела уничтожить и ребенка. Тогда снова вмешалась Акелос, и ее голос оказался решающим, когда определяли судьбу моего ребенка: ему позволили жить. Жаклин пришла в ярость. И постаралась, чтобы жил он в нечеловеческих условиях. А мне она сделала татуировку с филактерией и создала ту Ракель, с которой ты познакомился, – внушающее вождение тело посторонней, но такой несведущей и трусливой... Она вытравила из меня память и отдала меня сектантам... Моим же адептам.

Рульфо ощутил ее боль, вызванную этим вдруг ожившим воспоминанием.

– Они и продали меня Патрисио. Все эти годы главным наслаждением Саги было все больше и больше унижать меня – и видеть униженной...

Густой красный цвет все еще заливал окна дома, подобно жидким рулонным шторам. На высшей точке этого прилива, с мельтешением бабочек, наводнивших все вокруг, вновь зазвучал хор – мелодичный, далекий:

У – трепетная рябь зеленых волн широких!^[56]

Зеленый свет пришел на смену красному.

– Но Сага ненавидела и Акелос – за то, что та мне помогала... И не успокоилась, пока группа не обвинила ее в предательстве, и добилась того,

чтобы в ее случае приговор был еще более жестоким, чем в моем: она была приговорена к Окончательному Отторжению – уничтожению не только тела, но и ее бессмертного духа... Поэтому они и ищут ее имаго. Но, клянусь тебе, я спрятала его вовсе не потому, что хотела отдать долг Акелос, я просто знаю, что должна так поступить... Пока что я не понимаю...

Вновь зазвучал хор, прервав ее на полуслове,

О – дивных глаз ее...

и зеленый свет исчез. В темноте заблестела пара глаз.

...лиловые лучи...

Это были глаза Саги. А за ее спиной, выстроившись в ряд, – вновь беззвучные, неподвижные, внезапные – все остальные дамы.

Похоже, праздник завершился.

Теперь они были обнажены и покрыты кровью.

Нет.

Облачены в красные платья. Почти прозрачные ажурные платья, короткие, обтягивающие, насыщенного алого цвета, как окровавленная паутина. Глаза их были белыми, без зрачков. Но белков не было. Были веки – покрашенные белым и закрытые. И неправда, что их зубы выглядели зловеще: две тонкие линии цвета слоновой кости, нарисованные в уголках рта, походили на клыки, но и это тоже был макияж. Двенадцать экстравагантных женщин. Или таковыми они казались.

И вновь – молчание и темнота. Только ветер, раскачивая деревья вокруг, производил звуки, похожие на шелест зарослей тростника, сквозь которые пробирается чье-то тело.

– Есть в тебе нечто такое, что всегда меня удивляло. Этот твой дух, упрямый и в то же время высокомерный, словно взобрался на верхушку одинокого дерева, возвысившись над всеми... Эта воля, которую никто и ничто не может поколебать... Когда мы тебя изгнали, я в этом убедилась. Мужчины надругались над твоим телом, хлыст обжигал твою плоть, но ты оставалась по-прежнему величественной. Хотелось бы мне знать, как это работает... – Девушка так пристально всматривалась в глаза Ракели, что Рульфо и вправду показалось, что она силится разглядеть какой-то механизм. – Когда ты убила постороннего, это *проявилось на поверхности* на мгновение... Меня это пугает, признаюсь тебе: меня страшит то, что там у тебя *внутри*, и я подозреваю, что и *ты сама* этого страшишься. Потому что это – молчание. Я еще не нашла стихов, способных его извлечь. Быть

может, они существуют, возможно, прямо сейчас рождаются. В один прекрасный момент некая комбинация слов взорвет тебя и это выплеснется. Теперь ты Устранена, и я могла бы просто убить тебя каким-нибудь прозаическим способом, но если я сделаю это... что останется из того, что видят мои глаза?.. Если я не смогу это удержать, то что я выиграю, выплеснув его в грязь?.. – Она смолкла и почти ласково убрала со лба Ракели прядь волос.

Та отвернулась.

– Я попытаюсь еще. Буду пробовать снова и снова. Но я узнаю, из чего ты сделана. Буду дергать тебя, пока ты не сойдешь с трона. Не могу допустить, чтобы то, чем ты владеешь, не опалило и меня... Хочу обжечься этим. – Она провела ладонью по лицу девушки. – Я могу понять, что Акелос восхищалась тобой и хотела тебе помочь, потому что... Ну, за то время, которое я провела с ней в ее доме... Знаешь что?.. Она потеряла свою... скажем так, цельность, что ли? Превратилась в визжащую крысу... В конце концов, только боль отделяла ее от человечества. По отношению к боли равны и люди, и боги.

Девушка развернулась к говорившей. Голос ее звучал чуть слышно:

– Сага, умоляю тебя... Я догадываюсь, к чему ты клонишь... Пожалуйста, умоляю тебя, не... не трогай его...

Девушка отступила с обиженной миной. Ее худенькое белое тело было хорошо видно Рульфо под легкой кольчугой платья. Грудь едва проклюнувшись. Между ног виднелось пятно волос.

– Никогда. Мы уже приняли решение по этому вопросу. Или ты мне не веришь?.. Скажи мне. Ты мне не веришь?

– Верю.

– Твой сын будет вне этого. Он не участвует в нашем споре.

– Где он? Я хочу видеть его, пожалуйста!..

– Он еще спит. Скоро ты увидишь его.

– Но он обычно так много не спит! Ты лжешь мне!..

Вдруг Рульфо осознал, что почти смог заметить изменение – неуловимое, но резкое, словно посреди зимы открыли окно хорошо натопленной комнаты и с улицы ворвался ледяной воздух.

– Твой сын в полном порядке и сейчас спит, – отчеканила девушка каждое слово. – Скоро ты его увидишь. Оставь... эту... тему.

Ракель опустила глаза, ее губы дрожали.

– Могу я продолжить? – поинтересовалась Сага.

– Да.

– Больше не перебивай меня.

– Хорошо, не буду...

– Великолепно.

Выражение лица девицы вновь стало безмятежным.

– Мы столкнулись с довольно серьезной проблемой. Признаюсь тебе кое в чем. – Она понизила голос практически до шепота, Рульфо едва удавалось что-то расслышать. – Все это для меня – слишком. Превышает мои возможности... Когда *они* сделали меня Сагой, то не знали... Я неопытная глупышка, моя дорогая. Взгляни на них. – Она указала в сторону дам, на их недвижный ряд почти обнаженных тел, словно это танцовщицы кабаре, приветствующие публику со сцены. – Все они старые, все такие яркие, ждут подходящего момента... Я всего лишь пять лет во главе этой колесницы, запряженной одиннадцатью кобылами... Есть трения, есть альянсы... Некоторым из них я нравлюсь, а другим... Некоторые становятся слишком могущественными... Мага использует Лорку так, что у меня волосы встают дыбом. С губ Стрикс не сходит По...^[57] хотя на данный момент ее замыслы мне понятны. Сама я использую всего Элиота^[58], Сернуду и Борхеса, как и ты... На эти стихи можно положиться. Но ведь ты сама знаешь, что это такое – мир, расширяющийся без всякого контроля... Где-нибудь кто-то прямо сейчас сочиняет поэму, которая – о чем автор даже не подозревает – может свергнуть меня с пьедестала... Некая фраза на любом языке... Мне страшно. Меня ужасает эта безостановочно растущая раковая опухоль. Элиота, Сернуды и Борхеса *на данный момент* хватает. А завтра?.. А через пять минут?.. Мы отданы на милость *воображения*. Один стих может создать нас, а другой – уничтожить. Мы очень слабы. Мы – всего лишь то, чего достигают поэты...

Некое движение в ряду дам. Одна из самых юных покидает шеренгу и медленно и вальяжно идет вперед, словно модель по подиуму. Это номер девять, если считать от девочки: Рульфо припоминает, что ее зовут Инкантатрикс. С беспокойством он отмечает, что направляется она к нему.

– Вот поэтому молчание твоего разума меня и приводит в отчаяние, оно ввергает меня в панику, – продолжила Сага. – Акелос и ты однажды нас предали...

– Я никого не предавала.

– Ладно, ты хотела нас обмануть, если тебе больше нравится такая формулировка, а Акелос предала нас, помогая тебе. И сейчас может случиться нечто подобное. Если бы ты, по крайней мере, могла раскрыть для меня кое-что...

Она остановилась в паре шагов от Рульфо – девушка с темно-каштановыми волосами, худым лицом и пленительным телом, сквозившем сквозь легкое одеяние в мельчайших деталях. Пара массивных серег украшала ее уши. Губы набухали розовыми бутонами. Они шевельнулись, складываясь в улыбку. Меж ее девичьих грудей в такт дыханию вздымалась и опускалась маленькая золотая арфа. Не было ли сказано в «Поэтах и их дамах», что она вдохновляла Лотреамона^[59] и сюрреалистов? Рульфо не мог припомнить. В тот момент единственное, что имело для него значение, – это понять ее намерения.

Он следил за тем, как она склоняется перед ним. Движение было гармоничным, почти как в балете. На мгновение ему почудилось, что она собирается сделать реверанс, но тут же он увидел, как ее точеная правая ручка тянется к земле, ладошка раскрывается и указательный пальчик касается почвы.

– ...имя, Ракель. Всего одно. Имя одной из них. Я защищу тебя от всех возможных поползновений к мести.

– Но у меня нет ни одного имени, Жаклин... Я не знаю...

– А что же в таком случае скрывается за молчанием твоего разума?

– Я не знаю, не знаю...

– Почему ты обрела память?

– И этого я не знаю... Поверь мне!

– Да, я уже знаю, что ты в этом «клянешься»...

– Я хотела бы помочь, Сага, пожалуйста...

До Рульфо долетали обрывки допроса, но глаза его были прикованы к даме с символом-арфой. Он видел, как она распрямилась – палец испачкан землей – и поднесла этот палец к его лицу. Он попытался отклониться, но девушка стиснула другой рукой его подбородок. Так сильно, словно это была медвежья лапа. И ее указательный палец заскользил по правой щеке Рульфо. Теперь он уже не мог видеть, что происходит вокруг, только слушал.

– Так... – голос Саги, говорящей по-французски. – Проблема не решена, все остается в том же положении, сестры. Посоветуемся.

– Не делайте ничего этому мужчине... – голос девушки. – Он – посторонний. Ему снились те же сны, что и мне, но он ничего не знает...

Дама продолжала писать на его лице. Рульфо ощущал ледяное касание ее пальцев, шероховатость земли, которой она расписывала его щеки, аромат увядшего цветка ее дыхания. Лицо ее (на расстоянии ладони от его собственного) было лицом красивой девушки, но его выражение было неприятно: она казалась лунатичкой или одурманенной наркотиками. Ее

пухлые губы раскрылись, и она начала декламировать, не переставая писать:

Beaux... dés... pipés... ^[60]

Эти три слова она произнесла по-разному, почти вне всякой связи с языком, откуда они были взяты. Последнее прозвучало как свист.

– Он ничего не знает!.. – повторял голос Ракель. – Он не имеет никакого отношения к...

Дама закончила работу и выпустила подбородок Рульфо. Обтерла палец о его смокинг, развернулась и отправилась на свое место.

Рульфо был охвачен ужасом.

Это филактерия, боже мой, она написала филактерию на моем лице.

Он вспомнил о стихе Блейка на животе Сусаны. В авторстве же стиха на своем лице он не был уверен, возможно Лотреамон. Он ощущал такой страх, что не смог бы и слова вымолвить, и едва дышал. И окоченел, причем не только руки и ноги, а весь как будто превратился в дрожащую глыбу льда. Ведь он знал, что с ним произойдет что-то ужасное. Его только что приговорили – никаких сомнений в этом у него не было, – хотя он и не знал к чему. Секунду назад он мечтал, что его отпустят, но теперь убеждался в том, насколько он позволил увлечь себя глупой надежде. И хуже всего то, что приговор был вынесен с жесточайшим спокойствием. Эта полуобнаженная девушка, что сейчас удалялась от него, покачивая узкими бедрами, даже не обратилась к нему, и никто другой не сказал ему ни одного слова после того, как грузная женщина завершила свой допрос. Вне всякого сомнения, он для них ничтожнее животного. Его будут мучить и казнят в презрительном молчании, с большей невозмутимостью, чем горничная, которая давит каблуком букашку.

Краем уха различал он обсуждение на беглом свистящем французском.

– А если нам снова попробовать отхлестать ее розгами из шкуры морской коровы?.. Потихе, потихе... Ne quid nimis... ^[61] Ничего не стоит отправить кобылку в манеж... Чудовищная ошибка. Сделаем это словами... Не стоит силой ломать двери... Будем же благоразумными... Нам известно о ней все или почти все, недостает лишь одной детали – почему...

Но он вряд ли их слышал. Его била дрожь; с закрытыми глазами, весь в поту, ожидал он эффекта воздействия стиха. Воображал самое жуткое: что лицо его распадется на куски, а он еще живой; что внутри его родится целый полк тараканов, которые бросятся искать выход и задушат его; что внутренние органы станут пожирать сами себя. Ничто не казалось невозможным. Он дрожал от страха, словно маленький мальчик.

Но ничего не происходило.

Он понимал, что с ним все кончено – вопрос нескольких минут. Однако именно эта уверенность привела к тому, что он смог сдвинуть с груди могильную плиту бездонного страха. Он снова набрал в легкие воздуха, и неожиданный порыв храбрости разверз его уста:

– Заткнитесь уже, хватит!

Все взоры обратились к нему. На ум пришел образ волчьей стаи, вынюхивающей свежую кровь. Остановиться он уже не мог:

– Шайка старых ведьм, заткнитесь, наконец!.. Отпустите ее, ее вместе с сыном!.. Хватит, вы уже вдоволь над ней поизмывались!.. Она ничего не знает!.. Ее использовали!.. Кто-то использовал нас обоих!.. А сейчас вы только делаете вид!.. Стоите здесь, обсуждаете – делаете вид, что обсуждаете что-то между собой!.. Эта девушка ничего не знает, я вам уже сказал!.. И Сусана ничего не знала!.. Верните нам свободу или убейте!.. Но самое главное – замолчите! – Он был вне себя от ярости. Он дергал руками, скрепленными цветочными гирляндами, но что-то иное – не хилые гирлянды – удерживало их в полной неподвижности, делало бесполезными. – Заткнитесь, трусихи!.. Заткнитесь!..

Вдруг он осекся.

Он был совершенно уверен, что мгновением раньше дамы были одеты в прозрачные красные платья.

Теперь же все они были в черном до пят, а их лица отсвечивали алебастровой белизной, словно у трупов в саванах. Даже их прически изменились. Прежними оставались только медальоны. Трансформация произошла с той четкостью и плавностью, с которой стрелки на часах меняют свое положение.

Ракель тоже это отметила. И повернулась к Рульфо:

– Успокойся, дай мне сказать...

– Я их не боюсь, – соврал Рульфо.

И тогда Сага подошла к нему. Казалось, она впервые заметила его присутствие. Смотрела на него с любопытством, почти забавляясь. Но в глазах ее Рульфо увидел – в этом он был уверен – какую-то мутную, бессодержательную пустоту, заселенную неясными тенями, как серое небо, в котором мелькают стрижи, и ощутил, что мозг его – истыканный уколами иглоки рисунок, что глаза девицы пронзают его, получая превосходную копию, конспект всех его самых потаенных мыслей.

Он подумал, что сейчас умрет. И даже захотел, чтобы так и было.

Но тут Сага подняла руку и ласково провела по его щеке – жестом, напоминающим медленную-медленную пощечину. И отвернулась

поворот

и больше не обращала на него внимания. Она обратилась к дамам:

– Мы все там же – пришли туда, откуда вышли, сестры. Мы все ходим кругами, кругами... Как же ты над нами насмехаешься, Ракель...

– Я не насмехаюсь, уверяю...

– О, придет ли тот день, когда ты прекратишь издеваться?! – прервала ее Сага, повысив голос.

быстрый поворот

– О, когда же настанет этот день!.. Когда придет тот день, когда ты наконец *прекратишь... ИЗДЕВАТЬСЯ?!!*

Этот вопль, такой неожиданный, повис в тишине.

Она кричала, вращаясь вокруг своей оси, подобно балерине. Черное платье встало колоколом, открывая взорам миниатюрные стройные ноги.

Быстрое вращение.

И под ее юбкой оказался мальчик.

XI. Мальчик

На нем была черная туника до пят, и он моргал, как будто и впрямь только-только очнулся от глубокого сна. Увидев Ракель, он со всех ног, путаясь в длинном одеянии, бросился к ней и обвил ручонками ее ноги. И удивился тому, что она не обняла его в ответ. Он поднял глаза и увидел, что она плачет.

– Он весь вечер проспал! – весело воскликнула Сага.

– Сага, – шепнула Ракель, – прошу тебя... – Слезы не позволили ей продолжить.

Она отвернулась от сына. Ей так хотелось его обнять; все что угодно отдала бы она, только чтобы руки ее стали свободны и она могла бы обхватить ими это маленькое хрупкое тельце.

– Видишь, какая твоя мама нервная? – Сага наклонилась к мальчику. – Давай ее успокоим. Скажи ей, как мы с тобой обращались с тех пор, как ты к нам попал. Разве мы тебя обидели? Давай же, скажи... Мне очень жаль, что пришлось тебя разбудить, но ты сам видишь... Твоя мамочка в обморок упала бы, если бы не увидела тебя... Она думала, что мы... – почему я знаю? – что мы, наверное, слопали твою голову!.. Теперь, когда она убедилась, что все с тобой в порядке... Полагаю, мы сможем наконец возобновить беседу. Оставь нас на минутку, ладно?.. Я не прошу тебя уходить совсем – отойди на несколько шагов, чтобы мы с твоей мамой могли продолжить разговор...

– Сделай, как она хочет, – попросила Ракель.

Ребенок пристально глядел на нее, словно пытался прочесть ее мысли. Какая-то взрослая печаль сквозила в чертах его личика. Он развернулся и отошел к центру беседки, следом волочилось длинное черное одеяние. Шаги его распугали бабочек.

– Сага, – заторопилась Ракель. – Я готова сотрудничать... Я сама отведу тебя на то место, где спрятана фигурка, и дам ее тебе прямо в руки, и ты сможешь разрушить то, что осталось от Акелос...

Раньше она разрабатывала отчаянную стратегию. Даже и не стратегией это было, а практически убеждением. И она сказала правду: она сама понятия не имела, почему делала все то, что делала. Но теперь у нее больше не было сил следовать своим порывам. Сейчас единственное, чего она хотела, – это думать только своей головой и постараться спасти жизнь ребенку, как раз это она и собиралась сделать. Она вступит с ней в союз,

полностью покорится своей мучительнице. Это было отвратительно, но другого выхода она не видела.

– Я сделаю все, что ты захочешь, – прибавила Ракель.

– Великолепно.

– Мы можем отправиться туда прямо сейчас. Или пошли кого-нибудь проверить. Имаго спрятано под плинтусом в спальне, в моей квартире... Мне пришлось в голову оставить его там, я опасалась, что у меня его отнимут...

– Замечательно.

Вдруг Ракель остановилась, устремив взгляд на Жаклин. «Да она меня даже не слушает. Только разглядывает».

– Ты можешь убедиться в том, что я говорю правду, когда захочешь. Пожалуйста, проверь это!.. Я – твой союзник... Я подчиняюсь твоей воле, я твоя...

– Очень своевременное решение.

– Не насмехайся надо мной, пожалуйста...

– Это я насмехаюсь?.. Кто же это над кем насмехается, интересно?..

– Я же сказала тебе, что подчиняюсь твоей воле...

– А я сказала: «Очень своевременное решение». – Сага повернулась к дамам, словно ей понадобилась поддержка. – Кто-нибудь из вас считает, что я насмехаюсь?.. И как ты только могла это подумать, Ракель!.. Как же извращенно ты все понимаешь!.. Где, в какой точке моего лица, в каких словах увидела ты насмешку? – Лицо Саги выражало мягкий упрек. – Или ты хочешь обвинить меня в собственных грехах?.. Я сказала тебе, что с твоим сыном все в порядке, и вот он здесь. Я сказала тебе, что мы не причиним ему никакого вреда, и мы этого не сделаем. В отличие от тебя, я держу свое слово. Я не считаю себя настолько важной, чтобы принимать решения через головы всех остальных. Я не превращаю свои клятвы в дым, как сделала ты, когда решила произвести на свет ребенка...

Ракель вся обмякла. Только гирлянды цветов не давали ей упасть на землю. Колени ее не держали. Но она попыталась, несмотря ни на что, мыслить хладнокровно. Мальчик стоял в центре беседки, беспросветно грустный в своей черной тунике, и глядел на нее.

«Спокойно, держи себя в руках. Они не посмеют причинить ему вред».

– Кто всегда считал себя самой значительной, самой сильной? Кто презрел нас настолько, что попытался скрыть свое предательство?..

«Они его не тронут. Они так решили. Так решили».

– И теперь ты говоришь, что я насмехаюсь?..

«Его – нет. Не посмеют. Нет».

Ее била дрожь, и сами собой лились слезы. Мир перед ее глазами состоял из водоворота канделябров и прекрасных бабочек.

– Не собираюсь я попадать в расставленную тобой ловушку и обижаться... – прибавила Сага. – Нет, обижаться на это, как ты хотела, я не буду. Не дам тебе повода, которого ты добиваешься, чтобы питать свою ненависть...

В доме вновь зазвучала музыка – нежные звуки вальса. Будто ожидая этого сигнала, дамы стали удаляться. Сага подошла к девушке и улыбнулась:

– Все уже сказано, все проговорено... Теперь мы знаем, чего можно от тебя ожидать. Пора кончать. Надеюсь, ты наконец поняла, что тебе незачем нас бояться...

Мгновение они смотрели друг другу в глаза.

– Что ж, поцелуемся на прощанье...

Для Ракели этот приказ прозвучал не менее и не более жестоко, чем другие. Она склонила лицо (ростом она была гораздо выше Саги) и вытянула губы. И не почувствовала ничего особенного.

– О, поцелуй меня крепче, – с улыбкой попросила девица.

Ракель продвинула свой язык и на секунду замерла, ощущая мягкую и податливую слизистую оболочку рта Саги, лаская ее, дыша воздухом из ее легких. Затем Сага отодвинулась и заговорила другим тоном:

– Я многое дала бы, чтобы взять от твоих глаз то, что взяла из твоих губ. Но глаза твои с лихвой тебя превосходят: они не трусят, они не дадут поцелуя никогда. Вот они – непобедимые, держатся сами за себя... Я многое дала бы, чтобы сломать эту твердость. Или овладеть ею. Но что же я могу поделать?.. – Она улыбнулась, почти что приглашая ее ответить на свой вопрос. – Ты сказала: «Я твоя». Что же еще я могу сделать?..

Вдруг что-то случилось.

Тень. Уверенность
набросилась на нее,
как ястреб на добычу.

Как будто бы глаза Саги распахнулись, подобно двум ставням, позволив на долю секунды заглянуть внутрь и увидеть то, что было внутри.

И то, что Ракель увидела там, сломало ее.

«Она хочет нанести мне последний удар, и все, что бы я ни сказала или ни сделала, ни к чему не приведет. – Эта мысль погрузила ее разум во мрак. Ничто не поможет. – Хотя бы я ползла за ней на коленях, умоляя. Нет больше средства».

– Я утратила надежду, – со вздохом произнесла Сага. – Нет больше

средства. – Она грустно покачала головой.

Ракель продолжала смотреть на нее расширенными от ужаса глазами.

«Бесполезно».

– Бесполезно, – сказала Сага и развернулась.

Внезапно Ракель охватила паника. Она в отчаянии стала рваться из своих пут:

– Сага, убей меня! *Лучше убей меня прямо сейчас, пожалуйста!.. Жаклин!..*

Почти все дамы уже исчезли. Сага последовала их примеру и вошла в дом.

Осталась только грузная женщина. Она склонялась над мальчиком, и медальон в виде козлиной головы маятником качался между ее грудями.

– Стоит мне подойти, ты отходишь!.. Встань смирно хоть где-нибудь, я хочу всего лишь поговорить с тобой, сопляк ты эдакий!.. И кто только справится с этим жеребенком?.. Ай, ну и глаза у тебя, как у коровы! Ну и глазищи!.. А знаешь, на кого ты похож?.. На твою маму, когда она на нас так пристально смотрела... Ну да, совсем как твоя мать... Не на теперешнюю, конечно, не на эту глупую плаксу, а на прежнюю, на настоящую... Ты ее помнишь?

– Нет, – ответил мальчик.

– Жаль, видел бы ты ее тогда – вот это взгляд!.. А ты в нее пошел, это точно. Будешь таким красавчиком, что всех с ума сведешь, вот увидишь. Девчонки в покое тебя не оставят... Ну и, признаться, мать твоя была еще и командиршей, что было, то было... А теперь вот, только посмотри на нее, плачет, дура душой, а ведь была – палец ей в рот не клади, этой твоей маме...

– Моя мама не дура, – сказал ребенок.

– Да это я так просто говорю, такая у меня манера выражаться, ласковая... – Вдруг женщина одним резким движением выпрямилась и повернулась лицом к дому. – Не могли бы вы оказать мне любезность и приглушить музыку?.. Здесь просто невозможно разговаривать!.. – Она фыркнула, поправила очки на носу, вновь повернулась лицом к мальчику и улыбнулась, обнажив испачканные губной помадой зубы. – Они думают, что все обожают танцевать, а это не так. Некоторые предпочитают беседу, не так ли?.. Единственное, что чисто, – это слова. Только стихи чего-то стоят.

– Малефиция... – простонала Ракель.

Она так хотела, чтобы все произошло как можно быстрее, но знала,

что даже в этом ей будет отказано.

«Все произойдет очень медленно».

– Малефиция, ну пожалуйста...

– Будь любезна, помолчи и дай мне поговорить с ребенком!.. Какая же она надоедливая, эта твоя мама... И как только ты ее терпишь?.. Да ладно, давай не будем обращать на нее внимания, она и замолчит, надеюсь. А ты знаешь, что есть такая страна – Мексика? И что в этой стране живет змея с четырьмя носами?..

– Вранье это, – заявил мальчик.

– Да это вернее, чем мир вокруг нас. Пусть у меня трусы лопнут, если я вру. С четырьмя носами. Мне и самой интересно, зачем ей понадобилось четыре: может, нюхать одновременно сразу четыре вещи?.. Зовут ее науйяка, и она может сама себя слопать...

– *Ма-мале-фиция-я-я... Нет...*

– Я тебе еще один вопрос задам... – Она зажала лицо ребенка между своими лапищами с покрашенными ногтями. – Прекрати наконец таращиться на свою маму... Ненавижу, когда меня не слушают, если я говорю, мой милый... Я задам тебе один вопрос, слушай внимательно: то единственное, что не может съесть змея, которая сама себя съедает, – это что?

– Голова, – ответил мальчик.

– Точно! Какой же ты умный!..

– *По-по-жа-луй-ста-ста... По...*

– Замолчи же, наконец! – завизжала дама и зашептала в сторону девушки какие-то английские слова.

Вдруг Ракель почувствовала, что она продолжает открывать рот, шевелит языком, гортань работает, но ее слов не слышно. Ни одного звука. Плач ее тоже стал немым.

– Вот, совсем другое дело. Какое спокойствие, какая тишина... О, да не кривись ты так, малыш, ничего плохого я твоей маме не сделала!.. Всего лишь звук убрала... Знала я один сасанидский стих на языке пахлави, который помогал получить тот же эффект гораздо быстрее, но теперь я уже стара, не помню его, забыла. Что ж, лучше это, чем ничего... Но ты только взгляни на нее!.. Теперь, когда она не может кричать, она вообще знать нас не хочет, видишь? Какое неуважение – закрыть глаза!..

Дама прочла другой стих, на этот раз по-французски, и верхние веки Ракели поднялись со стремительностью распрямившейся стальной пружины и напряженно застыли, словно привязанные к карнизам бровей. И обнажились ее глаза – огромные, выражающие ужас и недвижные, как два

оникса.

Она не могла закрыть их.

Она не могла не смотреть.

Она не могла кричать.

– Так гораздо лучше, – проговорила женщина и снова повернулась к ребенку.

Рульфо только головой кивал. Все происходящее представлялось ему правильным. Состояние его нельзя было назвать счастливым, но его будто убаюкивали, это напоминало стадию, которая следует за оргазмом. Ему уже давно хотелось присесть, поскольку он провел много времени связанным и в вертикальном положении, но и эта проблема, казалось, вот-вот будет решена: любезные лакеи уже объявили ему, что скоро снимут путы с его рук.

С другой стороны, приятно было и то, что больше не слышались крики и рыдания Ракели. Настало «спокойствие», как выразилась полная женщина в очках. Везде была разлита безмятежность: бесконечное разнообразие ночных мотыльков и бабочек радовало глаз, температура воздуха была комфортная, слышались звуки вальсов, обрывки разговоров и взрывы хохота, долетавшие из дома, им вторил стрекот цикад в саду. И это еще не все: слуги начали освобождать его руки. Чего еще мог бы он пожелать?

Склонившись над ребенком, сеньора в очках то ли рисовала, то ли писала что-то на голой груди мальчика. Рульфо наблюдал эту сцену с каким-то веселым любопытством.

– Худышка какой! – Сеньора говорила и одновременно прилежно выписывала ногтем указательного пальца маленькие буквы, причем получалось неожиданно красиво. – Уверяю тебя: если бы ты жил со мной, то был бы не таким тощим... Я готовлю такой буйабес^[62] – пальчики оближешь. А уж заварные булочки с кремом вообще мой конек...

Рульфо распознал стих еще до того, как он был дописан, и одобрил выбор кивком головы. Это был фрагмент одного из самых красивых стихотворений, которые он знал.

Amada en el amado transfor^[63].

– Какая же у тебя белая кожа, как легко на тебе писать... Знаешь, что это?.. Прекраснейшая строка святого Хуана де ла Круса...^[64] Слышал ты о

нем?.. О, это был очень добрый, святой господин, сочинявший стихи в перерывах между своими мистическими обмороками... Открою тебе секрет: когда я его вдохновляла, глаза у него превращались в ромбы, в такие черные ромбы, и он начинал так волноваться, будто его терзали когти сокола... Верить?.. Он был великий святой, конечно же, но и слегка непутевый, хотя только в молодые годы...

Любезные слуги закончили развязывать ему руки. У Рульфо ничего не затекло, ни капельки, что удивляло, поскольку он точно помнил, что не двигался несколько часов подряд. Его взяли под руки, он не сопротивлялся: знал, что направляются они в дом, а ему хотелось принять участие в празднике. Помедлил, правда, думая пригласить Ракель составить ему компанию, но, повернувшись к ней лицом, застыл в изумлении: глаза девушки были неестественно распахнуты, и глядела она на сына с каким-то странным, ввергающим в панику выражением. Несмотря на свое состояние полнейшего благополучия, Рульфо почувствовал легкое беспокойство.

– Извините, – прошептал он заплетающимся языком и сделал попытку подойти к ней, но лакеи, посмеиваясь, не пустили его.

– Пойдемте с нами, а там увидим, что можно сделать, – подсказал один из них.

Ему подумалось, что просить помощи в доме – блестящая идея. И он позволил себя увести. За спиной послышался голос сеньоры, читавший стих: «Amada en el amado transformada». Хотел обернуться, чтобы сказать ей, что ударение в этих словах совсем не такое, но они уже дошли до освещенной террасы.

Праздник был в полном разгаре. Рульфо взял тонкий хрустальный бокал с шампанским и осторожно двинулся вглубь комнат. Никогда в жизни не приходилось ему принимать участие в событии такого масштаба и, что самое интересное, никогда не хотелось. Но теперь, когда ему наконец удалось попасть на подобный прием, он нашел его очень милым, даже возбуждающим. Все – от узоров на коврах до атласного блеска женских платьев – влекло к себе. Вначале он опасался, что кто-то посмеется над ним или же сам он допустит какой-нибудь промах, но ничего такого не случилось. Вскоре он понял, что они не только приняли его в свой круг, но и, что следовало из выражения их лиц и жестов, даже заботятся о том, чтобы ему было комфортно.

В одной из гостиных звучали звуки вальса, довольно ловко извлекаемые из пианино неким типом в великоватом смокинге. Гости оставляли свои бокалы, где могли, чтобы поплодировать. Другой мужчина

рассказывал по-французски анекдоты, сопровождаемые дружным благожелательным хохотом. Рульфо остановился послушать, и вдруг кто-то к нему подошел. Это была юная девушка с волосами цвета красного дерева, облаченная в расшитое блестками платье с высоким разрезом сбоку. В руке у нее был бокал вина.

– Вам весело?

Он взглянул в ее блестящие весельем глаза, заметил трепещущие ресницы, этот едва наметившийся бюст, проглядывающий в вырезе платья. И улыбнулся.

– Оччень. – Он все еще чувствовал себя слегка неуклюжим, и это вгоняло его в краску.

Но юную особу, очевидно, ничуть не волновало, запинаясь он или нет. Она подошла поближе и, к его изумлению, приложила свои пухлые губы к его губам. Поцелуй был более чем приятен – он сразу же пробудил в нем желание. В ответ он тоже коснулся ее языка, и вдруг ему показалось, что он мог бы заняться любовью прямо здесь, вот на этом ковре, на глазах у присутствующих. Он потянулся к ее талии, но девушка отстранилась и пошла прочь, позвякивая украшениями и звонко хохоча, будто слегка насмехаясь над ним. Его такое поведение ничуть не обидело. Он подумал, что, учитывая обстоятельства, такое поведение самое благоразумное. Это же прием, а не оргия. Люди веселятся, но ничего такого себе не позволяют. Тем не менее поцелуй юной особы распалил его не на шутку. И он решил пойти за ней.

Он выскользнул за дверь и попал в другую комнату, где стояли столы с закусками. Но народу здесь было так много, что он потерял ее из виду. Прошел вдоль столов. Щеки горели. А еще ощущалось раздражение. Тут ему смутно припомнилось, что кто-то нарисовал или написал на них что-то, но он не помнил, что именно. Ему это показалось забавным.

Неожиданно для себя он увидел ту девушку по другую сторону столов, за пирамидой канапе. Она улыбалась ему. Он тут же решил, что она просто красotka. Может, слегка косоглазая, но зато ее глаза сверкали подобно звездам, а губы цвели алыми пионами. Она как раз подносила к ним пирожное с цитрусовым джемом, выступавшим по краям. И, жуя его, стала отступать, не отводя взгляда от Рульфо, постукивая по столу тонкими пальчиками, словно раздумывая, какое бы лакомство еще попробовать, а потом исчезла за дальней дверью. «На этот раз далеко она не уйдет», – подумал он, усмехаясь.

Кто-то в гостиной начал читать стихи:

*Эллис крика
с горы —
на другую*^[65].

Подумал, что похоже на Лорку, но не стал вслушиваться. Дошел до двери, за ней – коридор, устланный ковровой дорожкой. В противоположном его конце закрывалась другая дверь, в сужающемся проеме сверкнули блески платья. Он улыбнулся и направился напрямик туда. Но когда открыл дверь, его встретило нечто неожиданное.

Абсолютная темнота – густая, непроницаемая.

Он пробормотал несколько слов, но ответа не последовало. Однако из угла слышалось шуршание спадающего шелка. Одного этого звука оказалось достаточно, чтобы он задохнулся. Не обращая внимания на непроглядную темноту, он вошел и затворил за собой дверь. Был почти уверен, что комната небольшая. Выключателей не обнаружилось. Шаг вперед, еще один. Нет сомнений в том, что девица ждет его там, причем обнаженная. Вдруг он почувствовал: что-то шевельнулось возле ног. Он повел носком туфли и наткнулся на что-то твердое. Наклонился, потрогал: на ощупь – ткань, твердые чешуйки блесков. Похоже, девчонка не сняла платье, потому что оно двигалось. Рульфо пришло в голову, что это может быть талия, но место было слишком тонким, длинным и холодным, к тому же скользило в его ладонях.

Все это его встревожило. Он выпрямился и стал отступать, пытаясь найти выход. За спиной внезапно послышался голос девушки, сопровождаемый смешком:

– Ты куда?..

Но он уже распахнул дверь и, чуть пошатываясь, выходил из темноты к свету. Что там с ним произошло, он не понимал, да это было и не важно. Он жаждал новых ощущений. Вечеринка эта в общем и целом оказывалась в высшей степени необычной, но очень и очень приятной.

Вернувшись в гостиную, он остановился. Женщина с совершенно седыми волосами, старая, но все еще красивая, с глазами, похожими на два топаза, одетая в старомодное, как носили в XIX веке, платье, сидела за пианино. Как только ее тонкие пальцы пробежались по клавишам, зазвучала мелодия, которую Рульфо тут же узнал – «Нежно», – раздались аплодисменты, и одновременно она запела – приглушенно, голосом, хорошо имитировавшим голос Билли Холидей^[66].

The evening breeze caressed the trees... tenderly.
The trembling trees embraced the breeze... tenderly.
Then you and I came wondering by
and lost in a sigh... were we^[67].

Ее манера исполнения очаровала Рульфо. Он застыл на месте, желая только одного – слушать ее. Старуха, похоже, обратила внимание на его реакцию, потому что в паузе между куплетами она подмигнула ему одним из своих глубоких и блестящих топазов.

The shore was kissed by sea and mist... tenderly...^[68]

Музыка эта погрузила его в волны блаженства, в грезы – тонкие и ажурные, как серебряная филигрань. Тем не менее, хотя он и ловил каждое движение певицы, краем глаза заметил что-то еще. Он обернулся и увидел, что по чистой случайности стоит возле окна. И внимание его привлекло какое-то движение в садовой беседке.

Сцена, которая предстала его взору, приковала к себе его внимание на гораздо большее время, чем можно было предположить.

В беседке разворачивалась своя «вечеринка» – гораздо более интересная, если судить по столпившимся под цветочными гирляндами обнаженным женским телам с лунообразными и белыми, словно сырые круассаны, ягодницами. По какой-то неведомой причине ему показалось важным их пересчитать: двенадцать. Они стояли так близко друг к другу, что было сложно понять, что же они там делают. В промежутке между телами он разглядел девушку в красном платье и с черными волосами. Подумал, что вроде бы знает ее, но не мог припомнить ее имя.

А перед всеми ними увидел

Your arms open wide^[69]

что-то еще.

and close me inside...^[70]

Он силился понять, что же это такое. Похоже на кол, воткнут в газон. А на нем вроде бы насажено сверху... Он вгляделся.

Что же там?

You took my lips, you took my love^[71],

Что же *это*, ради всего святого? *Сломанная кукла?*

so tenderly...^[72]

Песня завершилась хрустальной россыпью арпеджио, и обрушился шквал аплодисментов, которые вынудили Рульфо перевести взгляд. Старуха поклонилась и послала ему воздушный поцелуй, который он с удовольствием ей вернул. Когда он вновь повернулся к окну, кто-то уже задернул гардины.

Тем не менее его неотступно преследовал один вопрос. Какое-то давно отложенное сомнение. И оно было тесно связано с тем, что он только что видел.

Желая получить ответ, он огляделся вокруг и заметил толстого мужчину с седыми волосами, прихлебывающего шампанское. Рульфо приблизился к нему, открыл рот и издал несколько бессвязных звуков. Человек обвел его презрительным взглядом и отошел. Рульфо послал к чертям себя самого – как он мог забыть, что потерял дар речи? Кто-то в гостиной начал декламировать «Червя-победителя» Эдгара По. В этот миг он почувствовал, что все вокруг поплыло. Свет угасал в его глазах. Сделал на подгибающихся ногах несколько шагов, пока не наткнулся на другого человека, но одетого не в смокинг, а во что-то похожее на длинный кафтан. Этот человек что-то сказал ему, и Рульфо попытался извиниться, но тут же убедился в том, что понятия не имеет, как это делается. И упал на колени под ливнем английских слов.

И уже закрывая глаза, вновь подумал о том вопросе, который так и не смог задать.

С каждым разом ему казалось, что необходимость ответа на него становится все более и более насущной, словно это что-то жизненно важное, словно от этого зависит его счастье и его будущее, а также будущее многих других, таких же, как он.

Их всегда было двенадцать.

Двенадцать.

Одной не хватало.

Он очень хотел, чтобы кто-нибудь сказал ему, где та, которой всегда не хватало.

XII. Пробуждение

Прослушав грудь старика, Бальестерос поднял голову:

– С вами все совсем не так плохо, как кажется, дедуля, так что глядите веселей.

Пациент улыбнулся, и его супруга, миниатюрная старушка в очках на худеньком личике, подняла взор к потолку и что-то прошептала, поминая Бога. И Бальестерос подумал, что Господу, конечно, правда известна: легочная недостаточность у этого человека немного усугубилась, хотя и не в той степени, которая внушала бы беспокойство. Мало того, нечто подобное произошло и с погодой. Ноябрь хмурился с первых же чисел: тяжелые серые тучи, без устали сеющие дождь, проносились за окном, подгоняемые ледяным ветром. Все это не могло не сказаться на стариковских бронхах самым неблагоприятным образом. И доктор подумал, что небольшое изменение схемы лечения пойдет пациенту на пользу. А вот с ним самим этот фокус не пройдет. «Мне требуется кое-что посерьезнее, чем небольшое изменение схемы лечения», – пронеслось у него в голове.

Он улыбнулся в ответ на прощальные улыбки супружеской пары. И заметил на себе взгляд прекрасных оливковых глаз Аны.

– Что-то вы сегодня выглядите не очень, – сказала ему медсестра, как только закрылась дверь за стариками. – Интересно, чем это таким занимались вы в выходные, признавайтесь... – И ослепила его своей улыбкой – жемчужным полумесяцем в обрамлении смуглого лица.

Он попробовал отшутиться, как поступал каждый раз, когда они оставались наедине:

– Я всю жизнь тяжело переносил понедельник. И это говорит как раз о том, что я не старею.

– Но ведь вы не больны, правда?

Он подтвердил. И сделал это просто и изящно: легкий жест и доверительная улыбка. И вдруг понял, что обманывать, оказывается, вовсе не так трудно. Все ему верили. Чтобы не выдать правду, чтобы не дать шанса распознать охвативший его мрак, всего-то и требовалось, что улыбаться и кивать головой. Привилегии одиночества и профессии. И доктор порадовался телефонному звонку, прервавшему разговор и задержавшему появление в кабинете следующего пациента. Медсестра сняла трубку, и у него появилась минутка, чтобы закрыть глаза. Хотя он

знал, что, если их закроет,

лес

все повторится, опять с начала.

– Доктор!

– Что?

Он снова увидит ее, как все последние дни. И все будет ужасно.

– Это доктор Техера из областной клиники. Хочет с вами поговорить об одном из своих пациентов.

лес был сном

Он кивнул и взял трубку. Ему довольно часто звонили из клиники, чтобы обсудить состояние то одного, то другого его пациента, если по какой-то причине человек оказывался на больничной койке. Как бы то ни было, он был благодарен Техере за эту передышку: она даст возможность не думать о той тьме, что его окружает.

Но через пару секунд Бальестерос понял, что кардинально ошибся.

Это и был голос той самой тьмы.

Лес был сном.

Море – бодрствованием.

Эта странная двойная уверенность преследовала его уже в течение какого-то времени. Когда он спал, когда погружался в бессознательное состояние, все оказывалось спокойным и полным теней. словно он стоит посреди непроходимого леса. Но, проснувшись, он чувствовал себя словно на поверхности моря – сходство было бы совсем полным, если бы не отсутствие воды: дыхание волн, свет, покачивание, невесомость тела. И настал миг, когда свет стал памятью.

И пронзил его.

По иронии судьбы этот миг пришелся как раз на то мгновение, когда Капаррós (имя, которое значилось на одном из многих прямоугольных бейджиков, мелькавших над ним) сказал Техере (еще одно такое имя) что-то вроде «Ему лучше». И, услышав эту реплику, он чуть не рассмеялся, потому что сегодняшний день был первым, когда он действительно почувствовал себя *плохо*.

– Расскажите нам о своем последнем воспоминании.

– Вот эта больница.

- А до того, как попали сюда?
- Мой дом.
- Где вы проживаете?
- Улица Ломонтано, дом номер четыре, четвертый этаж, левая дверь.
- Хорошо, – сказали ему, – очень хорошо.

А потом он обнаружил, что все идет тем же абсурдным путем: на следующий день он чувствовал себя гораздо хуже, а Капаррós и Техера сообщили ему, что завтра его выпишут; еще через день его состояние «полностью пришло в норму», он же ощущал себя с головой погруженным в жуткий кошмар воспоминаний. И он осознал, что Капаррós и Техера – которые были для него уже не Бейджиками, а Лицами, вернее, Врачами – видели перед собой пламя, и это пламя говорило и отвечало на вопросы, что и заставляло их думать, что не происходит ничего страшного. Но они не замечали человека, который *пылает изнутри*.

Он отбивался от вопросов, формулируя свои. Ему ответили, что он помещен в одну из мадридских государственных клиник. Сообщили, что сегодня четвертое ноября и что почти трое суток он провел в коме. Рассказали и о том, кто его нашел – водитель грузовика, по пути домой после развоза товаров, – и что парень, заметив тело, валявшееся в придорожной канаве одного из второстепенных шоссе возле того самого заброшенного склада, позвонил в полицию, а полицейские вызвали скорую. Предварительный диагноз – алкогольная кома.

Ему выдали почти всю информацию, но не то, что было для него важнее всего. Пришлось об этом спросить самому.

Техера, дежуривший в то воскресенье, согласно кивнул. Это был совсем молодой доктор – смуглая кожа, густые курчавые волосы. Была у него такая склонность – складывать розовые губы трубочкой, когда он что-то подтверждал.

– Да, был рядом с вами еще один человек, тоже без сознания. Женщина. Кто она – мы не знаем. Документов при ней не было, и она до сих пор в коме.

взглянул на нее

- Можете мне ее описать?
- К сожалению, нет, я ее не видел. Она в реанимации, ею занимаются другие специалисты. Мы полагали, что вы сможете сказать нам, кто она такая...
- Мне нужно ее увидеть, – произнес он, сглатывая слюну.

– Увидите.

Он подумал, что вариантов два. Его заверили, что она не ранена, но это ни о чем не говорило. Может статься, что все то, что, по его мнению, произошло с Сусаной, было неправдой (и он молился, чтобы так и было). Второе виделось ему менее вероятным. Зачем бы им оставлять в живых Ракель, если было совершенно ясно, что они сгорали от желания растерзать ее на куски?

Нет, эта женщина не может быть Ракелью. Это абсурдно. И жестоко. Лучше бы она была мертва.

Взглянул на нее.

Она лежала неподвижно, прикованная к постели зондами, капельницами и проводами. Глаза были закрыты. Он сразу же узнал ее.

– Вы ее знаете? – спросил Техера.

– Нет.

И ему подумалось, что после всего пережитого это было правдой.

В понедельник утром Мерче, сестричка с длиннющими ресницами (всех медсестер он знал по именам, а врачей – только по фамилии), сообщила ему, что его переводят в другое место – более спокойное, чем палата интенсивной терапии. Мускулистый санитар с плоским и круглым, как лунный диск, лицом катил его кресло с осторожностью шофера лимузина. Новая его палата, расположенная на другом этаже, была очень уютной – настолько, насколько вообще может быть уютной больничная палата: узкая кровать, тумбочка и окно с откидной фрамугой, небо в которой напоминало живописное полотно в раме, изображающее грозу. Наступившая тишина способствовала тому, что он сразу же провалился в пучину тяжелого сна, пробуждался от которого почти что крича, потому что снилась ему змея: своим языком она выводила на его лице стих Хуана де ла Круса и разворачивала свои маслянистые кольца, стремясь проскользнуть в пустую глазницу

«Хватит. Пердеж мозгов».

Это внезапное воспоминание заставило всплыть в его памяти имя. Он поговорил с доктором Техерой и попросил его позвонить этому человеку.

Посетитель явился неожиданно, в тот же вечер. Он уже стал думать, что снова видит сон, потому что вдруг в золотистом полумраке своей палаты (только тусклая лампа на тумбочке) разглядел седые волосы, аккуратно подстриженную бородку, широкое лицо и мощное тело доктора, глядевшего на него с необъяснимым спокойствием.

– Вошли наконец?

Он сразу же понял, на что тот намекает, но отвечать не захотел. Бальестерос подвинул стул и с усталым вздохом опустил на него свое большое тело.

– Почему вы так быстро приехали? – поинтересовался Рульфо. – Я-то думал, что вы обо мне и не вспомните...

– Делать мне сегодня вечером нечего, к тому же я не имею обыкновения откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Как себя чувствуете?

– Бывали времена и получше. Но в данный момент не слишком плохо, – соврал он. – Единственное – очень уж курить хочется.

Бальестерос поднял брови и тряхнул своей покрытой инеем головой.

– Узнаю: вы и ваши пороки, – проворчал он. – Вы же знаете, что здесь – больница. К тому же, даже если бы и не больница, как вы осмеливаетесь говорить такие слова врачу?..

– Очень рад, что пришли навестить, – улыбнулся Рульфо. – Правда. Спасибо, что пришли, доктор.

– Не тяните время и расскажите, что случилось.

Рульфо задумался, прокручивая в голове эту просьбу. А потом рассмеялся. Но этот его хриплый смех не заразил Бальестероса.

– Честно говоря, вряд ли у меня получится.

Бальестерос пожал плечами:

– Ну, если думаете, что легче отвечать на вопросы, я буду их задавать. Доктор Техера поведал мне, что вас, без сознания, нашел в кювете второстепенной дороги вблизи закрытого после пожара склада один добрый самаритянин. Как вы туда попали?

Повисла пауза. Рульфо опустил голову на подушку и впериł взгляд в потолок.

И вдруг понял, какую серьезную ошибку он совершил.

«Они не оставят свидетелей».

Сегодня вечером он испытал потребность излить кому-то душу и вспомнил имя врача, который лечил его в начале всей этой истории. Но теперь понимал, что дал маху, и не только по той причине, которую уже привел (невозможность объяснить), но и по другой, гораздо более важной, более роковой.

Он посмотрел в серые глаза Бальестероса – усталые и честные глаза на огромном лице Санта-Клауса инкогнито – и разозлился сам на себя. Он не может выдать ему даже фрагмент истории, потому что если он это сделает, то добряк-доктор ощутит на себе всю тяжесть последствий, как это было с

Маркано, с Раушеном... возможно, с Сесаром, который не отвечает на телефонные звонки...

«Они не оставят свидетелей».

Его удивляло то, что сам он все еще жив и сохранил память, но причина этого исключения, подозревал он, заключалась, по-видимому, в том, что в нем все еще *нуждались*, может, чтобы продолжить его допрашивать. Недаром Сага сказала: *«У нас впереди еще много времени»*.

Нет, не может он говорить. И так уже втянул в это дело слишком много невинных.

– Ну так что? – продолжал настаивать Бальестерос.

– Скажу, что помню... Боюсь, что той ночью я сильно перебрал. Потом сел в машину, выехал из Мадрида и наудачу остановился, чтобы проспаться. А проснулся уже здесь, в больнице.

Бальестерос внимательно его разглядывал, как будто именно глаза Рульфо могли ему о чем-то поведать.

– Это не так просто рассказать, – произнес он. – Я прекрасно это понимаю. У вас в крови и вправду было высокое содержание алкоголя, когда вас доставили. Я ознакомился с историей болезни, прежде чем прийти сюда.

– Ну, вот все и прояснилось. Не более чем глупейшая попойка.

– А женщина?

Рульфо взглянул на него:

– Вижу, вы хорошо подготовились.

– Всегда готовлюсь, – ответил Бальестерос, под глазами которого красовались темные круги. – А теперь скажите: кто та женщина, которую нашли рядом с вами и тоже без сознания?.. Еще одна пьяница?..

– Я с ней не знаком. В жизни ее не видел.

– Что ж, тогда вам повезло, она ведь очень плоха. Практически в состоянии гибели мозга. Доктор Техера заверил меня, что она, скорей всего, до утра не дотянет.

Кровь отхлынула от лица Рульфо.

– Что?

Бальестерос спокойно взглянул на него.

– То, что эта незнакомка сегодня ночью отдаст концы, – спокойно произнес он. – Но почему вы так на меня смотрите?.. Разве вы не сказали мне, что не знаете ее?.. Она, может, и выживет. Может, с ней не так все плохо. Все зависит от того, знаете вы ее или нет.

– Сукин сын! – процедил сквозь зубы Рульфо.

Бальестерос от души улыбнулся – это была первая искренняя улыбка,

которая появилась на его губах за эти долгие последние дни.

– По всей видимости, вас очень тревожат судьбы незнакомых людей. Я всегда знал, что вы очень добрый человек.

– А я всегда знал, что вы...

– Козел, конечно. Не стесняйтесь, скажите это. Я это заслужил. Нехорошо шутить на тему здоровья людей. Правда в том, что состояние этой сеньориты за последние часы не изменилось... Возможно, даже имело место небольшое улучшение: она, кажется, начала реагировать на стимулы. А теперь, с вашего позволения, этот козел снова задаст вам вопрос: кто эта женщина и откуда вы ее знаете?

– Я уже сказал вам, что...

– Понятно. Вижу, что я напрасно трачу время.

Бальестерос резко поднялся, неожиданно ловко для такого грузного тела, и вышел из палаты, ни слова не говоря. Рульфо с облегчением вздохнул. Ему было неприятно, что он рассердил доктора, но так, по крайней мере, он сможет избежать вопросов. В миллион раз лучше вытерпеть его негодование, чем нести груз ответственности за все то, что может с ним случиться, если он проговорится.

– Прощайте, доктор, – сказал он. – Приятно было повидаться.

В горле стоял твердый ком. Снова он один, но теперь уж не возьмет на душу грех – вовлекать в эту историю других людей. Опустил голову на подушку, хорошо понимая, что уснуть этой ночью ему не удастся. Но тут, всего минуту спустя после того, как ушел, Бальестерос опять появился в палате, закрыл за собой дверь и подошел к постели. Судя по всему, он нервничал.

– Решил удостовериться, что нас никто не побеспокоит. А теперь наконец скажите мне правду... Эта женщина – Сага?

Рульфо уставился на него в полной растерянности.

Смерти не было. Была могила.

Все те, кто за ней ухаживал, кто сновал туда и обратно, снимая показания приборов, записывая цифры, исследуя ее тело с помощью чувствительных приборов или просто поднимая ей веки, чтобы осветить зрачки, полагали, что она не слышит и ничего не чувствует. Они говорили о коме и сотрясении мозга; ее подвергали этим бесконечным пыткам, которые, во имя человеколюбия, применимы в медицине: вводили в ее горло зонды, касались ее роговых оболочек марлей, стучали по ее суставам резиновыми молотками.

Вины на них не было. Откуда они могли знать, что она жива, в

сознании и настороже под этой могильной плитой брэнного тела? Они всего лишь люди – врачи, медсестры, ассистенты... Люди, верящие во все то, во что верят обычные люди: что если ад и существует, то, чтобы туда попасть, нужно сперва умереть.

Нет, она не могла их винить, даже несмотря на то что порой (и гораздо чаще, чем ей того хотелось бы) чувствовала себя способной удушить их собственными руками. Ее бессильная и далекая ярость обращалась на них, и на прибор, который считал удары ее сердца, и на беспощадный свет, проникавший сквозь веки, и на воздух, и на саму жизнь вокруг нее, как на некую жестокою издевку.

Она даже не сходила с ума – находилась в здравом рассудке под покровом безумия: с широко открытыми глазами при опущенных веках, крича в полной тишине, извиваясь всем телом при неподвижных мускулах, абсурдно живая внутри тупа.

– Вижу больницу. Вижу самого себя – я иду по коридорам. Но больница кажется пустой. Тогда появляется звук: какое-то эхо, какой-то шепот вдали. Я оборачиваюсь и вижу со спины медсестру...

Здесь он останавливается. Не хочет говорить (потому что не думает, что это имеет значение в данном контексте), что медсестра голая, и что ему кажется, что он узнал изящную смуглую фигурку Аны, и что это его жутко заводит, но она внезапно поворачивается к нему, и он видит, что это не Ана: он самым жестоким образом ошибся, потому что,

в действительности,

– Я понимаю, что это моя жена. Она на меня смотрит.

Взгляд ее напоминает ему тот, которым жена глядела на него в те ужасные секунды, сидя в искореженной машине. Но во сне она не искалечена. У нее распущенные волосы красновато-каштанового оттенка, такие как были при жизни. Но есть что-то еще, кроме ее взгляда или волос, – это почти физическое ощущение того, что Хулия здесь, стоит прямо перед ним, и что с ней не произошло ничего плохого. Она не умерла, и он может коснуться ее, поцеловать, прижать к груди. И Хулия начинает говорить.

«Осторожнее с Сагой», – говорит она мне...

Я спрашиваю ее, что или кто зовется Сагой, но она не отвечает. Я вижу, как она поднимает руку и на что-то показывает.

А когда я оборачиваюсь, там всегда вы.

– Вы?

– Да. Вы и... эта девушка.

Он видит их обоих в темноте. Девушка очень красива, гораздо красивее, чем Хулия или Ана; Бальестерос полагает, что он в жизни не видел такого гармоничного и желанного тела. Но все исчезает, как только он заглядывает ей в глаза. В этих глазах нет юности, нет ни красоты, ни нежности – только скопление тысяч лет, некий свет – такой же древний, как свет звезд. Глаза ее печальны и ужасны.

«Помоги им», – говорит мне Хулия. И вновь повторяет: «Помоги им. Помоги». – «Почему?» – спрашиваю я ее. «Сделай это ради меня», – говорит она. И она исчезает, вы оба тоже. Я остаюсь один. Коридоры темны, но где-то вдали я вижу очень странные огни. И снова слышится это эхо или этот шорох, но гораздо ближе: как будто свора собак, и я понимаю, что они гонятся за мной. Я бросаюсь бежать, но лай слышится все ближе и ближе. И тогда кое-что мне становится ясно. Это не собаки, а женщины. И они выкрикивают слова. Они зовут меня. Гавкают, произнося мое имя, а сами бегут ко мне. И я знаю, чего они хотят: разорвать меня на куски... Тут я просыпаюсь – от крика. И это мне снится каждую ночь, начиная с тридцать первого октября. Я пытался тебя найти. Звонил тебе несколько раз, но никто не отвечал. Старался забыть об этом, решил, что это просто воспоминание о Хулии... Теперь ты, верно, понимаешь, почему я тотчас же приехал, как только мне сказали, что ты лежишь в этой клинике и хочешь меня видеть... Но что меня окончательно убедило, так это когда я узнал, что рядом с тобой была найдена женщина. Я только что ее видел. Зашел к ней до того, как войти в эту палату. Клянусь тебе, что никогда в жизни, даже в свои студенческие годы, я так не нервничал, собираясь повидать пациента... – Он пристально посмотрел Рульфо в глаза. – Это она. Та девушка, которую я вижу во сне. Но я не знал, та ли она, которую моя жена назвала Сагой. Поэтому я тебя и спросил об этом, вот так, в упор. С самого начала я точно знал, что ты мне врешь...

Рульфо заморгал. Отвел взгляд от мрачного лица Бальестероса и долго хранил молчание. Бальестерос ждал. Наконец Рульфо произнес:

– Послушайте, оставим это как есть. Уходите отсюда и закройте дверь. Разве вы не помните, что сами мне сказали?.. Странные дела, в которые не нужно входить, не нужно соваться... Вот и не входите. Оставьте все это, пока еще не поздно.

– Не хочу, – ответил Бальестерос, тронутый словами Рульфо, но абсолютно твердо. – Я замешан в это так же, как и ты... Они... они *лают* моим именем. Ты что, забыл?..

Мгновенье они мерились взглядом, высматривая страх в глазах собеседника.

– Да вы не поверите и малой части того, что я расскажу, – сказал Рульфо.

– И почему ты так в этом уверен? – Бальестерос пошарил в кармане пиджака и вынул пачку сигарет. И бросил в руки Рульфо, а вслед полетела зажигалка. – Может, тебя ждет сюрприз. Ты даже не представляешь, как изменился за последнее время доктор Бальестерос...

Когда его выписали, она уже была в сознании. Бальестерос подтвердил, что оба пациента ему давно знакомы, поскольку приходили к нему на прием, что оба злоупотребляют алкоголем и наркотиками, и представил соответствующие справки. Она – иммигрантка из Венгрии, сказал он, но ее документы должным образом оформляются. Теперь остается только ждать, когда она тоже поправится.

Доктор пристально следил за ее состоянием и дал знать Рульфо, когда ее перевели из реанимации в обычную палату под наблюдение. Рульфо застал ее в постели, абсолютно неподвижной, как и в прошлый раз. Единственное отличие заключалось в том, что глаза ее теперь были открыты. Молчание окружало ее тело, как нимб голову святого. Он подошел, заглянул ей в глаза и понял, что и они тоже молчат: черные и немые, словно трупы самих себя, они глядели в потолок. Жидкость из подвешенной капельницы медленно капала в ее кровь. Медицина поддерживала ее жизнь под домашним арестом.

– Ракель, – прошептал он.

Это имя отозвалось болью во рту, как холодная вода, попавшая в дупло зуба. Она ничем не показала, что слышит его.

– Она не хочет ни есть, ни пить, ни говорить, – сообщила медсестра.

Он попросил разрешения остаться подле девушки. Посетители не допускались в эту палату, но снова вмешался Бальестерос, и Рульфо позволили проводить в кресле рядом с ней день и ночь. Больше всего ему хотелось ухаживать за ней: он помогал ее мыть, раз за разом настаивал на том, чтобы она попробовала еду, не спал, пока не убеждался в том, что она уснула. Через два дня он впервые увидел ее улыбку. Ухаживающие за ней медсестры обрадовались и сказали, что это, возможно, благодаря «неусыпной заботе этого сеньора». Когда их оставили наедине, она повернулась к Рульфо, не переставая улыбаться.

– Убей меня, – сказала она.

В ответ Рульфо наклонился и легким поцелуем коснулся ее пересохших губ. Она взглянула на него. Во взгляде ее была лишь пустошь ненависти, причем такой бездонной, что он почувствовал себя

беззащитным. И понял, что прежняя Ракель исчезла навсегда, ее больше нет.

Бальестерос навещал их почти каждый день. Он лично следил за медицинскими показателями состояния девушки и всегда находил несколько минут, чтобы поговорить. Они знали, что могут совершенно свободно говорить в такие минуты, но Рульфо уже объяснил ей, что Бальестеросу «все известно» и что единственное, чего он хочет, – это «помочь им». Она это обстоятельство важным не считала. Она все еще отказывалась от еды, двигалась, как кукла, отвечала односложно.

Через четыре дня после выписки Рульфо Бальестерос вызвал его на приватный разговор:

– Психиатры говорят, что, если к следующей неделе ситуация не изменится в лучшую сторону, они собираются применить более радикальный метод.

Рульфо не понимал.

– Электрошок, – пояснил доктор.

– Ни за что не позволю.

– В таких случаях это прекрасно показано, – успокоил его Бальестерос. – Посмотри на это под другим углом: худшее, что с ней может случиться, – она останется в том состоянии, что и сейчас.

– Ну так пусть ее выпишут. Мы увезем ее отсюда.

– Это просто глупо. Если ей не становится лучше, куда мы ее денем? Где за ней будет лучший уход, чем в клинике?.. Что нужно сделать – так это приложить все силы к тому, чтобы ей стало лучше. Так дальше продолжаться не может. Смотрю на нее, и меня просто в дрожь бросает: бедняжка... Она как будто не может выносить даже воздуха, что ее окружает. Впечатление такое, что если бы она могла, то и дышать перестала бы. Живет в каком-то аду.

– У нее есть на то причины, – произнес Рульфо, пристально глядя доктору в глаза.

– Мне не интересны эти причины, – ответил, побледнев, Бальестерос. – Кем бы она ни была и что бы ей ни сделали, но это человек, погруженный в колодец, из которого он сам не хочет выбираться. Наш долг – вытащить ее оттуда. А потом мы сможем сесть и спокойно поговорить о причинах и мотивах кого угодно...

В конце концов Рульфо согласился. Голос Бальестероса был единственным голосом разума, который ему довелось услышать в эти дни полного хаоса. Той же ночью, пока он засыпал, глядя на нее в полумраке палаты среди свиста кислорода, звуков дыхания и кашля пациентов, ему

приснился сон. Он увидел девушку и мальчика, стоящих под сложенной из кирпича аркой в некоем незнакомом городе. Они держатся за руки, обоих скрывают тени. Слышится ее голос: *«Подойди ближе, посмотри, что они с ним сделали»*.

*«Посмотри,
что они сделали с моим сыном»*.

Это было ровно то, чего ему хотелось бы в последнюю очередь, но он понимал, что должен это сделать, потому что несправедливо, чтобы она одна несла бремя этой жуткой правды. Он подошел, содрогаясь. Было так страшно, что ему казалось, что он теряет рассудок. Девушку он видел очень хорошо, но вот ребенок продолжал выглядеть каким-то бесформенным тюком среди теней. Но нет, не совсем так: Рульфо начинал различать воткнутый в землю кол, а на нем... *«Подойди и посмотри. Посмотри на то, что они сделали»*. Он проснулся весь в поту, трясаясь от ужаса, через несколько секунд после того, как разглядел то, что скрывали эти тени, и думая, что Ракель встала с постели.

Но девушка по-прежнему неподвижно лежала в темноте.

В то утро он позволил себе немного отдохнуть. Спустился в кафетерий и заказал более плотный, чем обычно, завтрак. Обычным был тот, что ей приносили каждое утро, но, поскольку она отказывалась от любой еды, а персоналу, который за ней ухаживал, не было до этого никакого дела, Рульфо все съедал за нее. Однако он начинал чувствовать, что выдыхается. Нужно было как-то подвигаться, выйти из этой изматывающей палаты. Кроме всего прочего, он хотел позвонить Сесару. У него не было сведений о том, что произошло с ним и Сусаной. Он просматривал все газеты, попадавшие ему в руки, но ничего не находил, хотя и вынужден был признать, что вовсе не знал, что именно надеется найти. И он позвонил. Сесар по-прежнему не подходил к телефону. *«Я должен поехать к нему домой»*, – подумал он в тревоге.

Но когда он вернулся в палату, его ожидал сюрприз.

– Как вам это понравится? – с довольным видом заявила санитарка. – Даже крошки не оставила!

И показала ему поднос с завтраком: пустой стакан из-под кофе с молоком и чистая тарелка, на которой раньше лежал тост.

– И я могу поручиться, что она ничего не выкинула и не спрятала! – сообщила женщина, показывая пальцем на глаз. – Мы все время смотрели!

Сидя в постели, улыбаясь, окруженная медсестрами и санитарками, Ракель выглядела как хорошая девочка, которой удалось, не без сложностей правда, сдать все экзамены.

– Добрый день, – сказала она. В ее глазах все еще плавала печаль, но перемены были разительны.

Как будто специально по случаю ее выписки, утро выдалось солнечным, голубым и спокойным – полная противоположность грозной серости последних дней. Но все же голые ветки деревьев и пальто на плечах прохожих предупреждали о том, что осень прощается с Мадридом. Бальестерос взял отгул и забирал их из больницы на своей машине. Он настоял на том, чтобы оба поселились у него. «Там у меня и для троих места с избытком», – заявил он, а теперь, когда он знал всю правду, он к тому же полагал, что им нужно держаться вместе. Ни Рульфо, ни Ракель не стали возражать против его предложения. Тем не менее, пока они ехали (Ракель спала на заднем сиденье), Рульфо считал себя обязанным кое-что прояснить:

– То, что мы будем жить в твоей квартире, влечет за собой нешуточные риски для тебя, Эухенио. Надеюсь, ты это понимаешь.

– Я готов принять на себя эти риски. – Бальестерос притормозил перед желтым сигналом светофора с осторожностью в высшей степени предусмотрительного водителя. – Я уже тебе как-то говорил, что в дело это мы замешаны все втроем, нравится нам это или нет. С другой стороны, – прибавил он, вонзая в Рульфо взгляд своих серых глаз, – вы меня все еще до конца не убедили. Мне приснилось что-то странное, это да, но сам я еще по этой причине не сделался ни колдуном, ни изгоняющим дьявола... Не могу я принять за чистую монету все то, что вы мне говорите о стихах, которые становятся вещами при декламации, и все такое прочее... Допускаю, что произошло нечто необычное... Склоняюсь также к тому, чтобы поверить, что существует некая... некая группа... Ладно, пусть секта. Но не более того. Не то чтобы я ставил под сомнение твои слова, я верю тебе, верю, что ты пережил все эти ужасы, но я более чем уверен, что, если спрошу сейчас, какие из этих штук ты считаешь реальными, такими же реальными, как эти деревья, улица Серрано или тротуары, ты еще подумаешь, прежде чем ответить...

Рульфо согласился с ним, отчасти. Даже спустя две недели после своего предполагаемого «визита» в провансальскую усадьбу, у него все еще были сомнения по поводу кое-каких собственных воспоминаний.

– Секты подобного рода обладают очень мощным оружием, – продолжал Бальестерос, – внушением. Случались истории и похуже в разного рода «промывочных мозгов» и рассадниках стокгольмского синдрома. Так что и не пытайтесь убедить меня в том, что, читая Хуана

Рамона Хименеса^[73], я могу превратиться в невидимку или же у меня вырастут рога и хвост: я этого не приму. Я врач – человек рациональный. И всегда полагал, что первым врачом в истории был святой Фома, который ставил диагноз исключительно после того, как исследовал язвы. Так, приехали.

Машина оказалась в потемках гаража. Здесь было ее обычное место.

Квартира Бальестероса, расположенная на седьмом этаже одного из домов в квартале Саламанка, была в точности такой, какой представлял ее себе Рульфо: уютной, классической, увешанной фотографиями и дипломами. Ему пришло в голову, как по-разному они с доктором реагировали на смерть любимого человека: сам он убрал все портреты Беатрис, а у Бальестероса из каждого угла смотрела Хулия. Жена доктора была при жизни очень красивой, жизнерадостной. Она глядела с фотокарточек, изливая на зрителя бесконечное счастье моментальных снимков, запечатлевших лучшие моменты ее жизни. Были там фотографии и всех троих детей: дочь была похожа на мать, а старший сын представлял собой вытянутую и худую копию отца.

– Вот эта комната будет твоей, если она тебе понравится, – сказал доктор Ракели. – Она довольно большая и светлая, окно здесь широкое, к тому же есть отдельная ванная.

– Она просто чудесная.

– Но есть и плохая новость: зануда Саломон будет спать на кресле-кровати рядом с тобой, по крайней мере первые ночи. Он не желает оставлять тебя одну.

На самом деле не кто иной, как Бальестерос, настоял на этом пункте. Психиатры, с которыми он обсуждал случай Ракели, все как один высказывали особое беспокойство по поводу возможного рецидива, но у него и самого было достаточно опыта, чтобы не забывать об элементарных мерах предосторожности.

Девушка взглянула на Рульфо, потом на Бальестероса и снова улыбнулась. Казалось, ее вовсе не встревожила эта осмотрительность. Доктор вызвался приготовить обед и направился на кухню, однако Ракель его остановила.

– Нет-нет, давайте лучше я что-нибудь приготовлю, – предложила она.

– Не стоит. Я могу...

– Нет-нет, правда. К тому же мне хочется чем-нибудь заняться.

– Ты правда хорошо себя чувствуешь?

– Лучше и быть не может. – Она смущенно улыбнулась. – Благодаря вам.

Для Рульфо эта улыбка была равноценна свету рампы.

Бальестерос, который почти никогда не обедал дома (с тех пор как погибла его жена, просторное одиночество этой квартиры сделалось невыносимым), настоял на том, чтобы проверить наличие продуктов, и удалился. Ракель вошла в свою комнату. Рульфо собирался последовать за ней, но увидел сгущавшуюся впереди тень: дверь затворялась.

– Ракель?

Он схватился за дверную ручку. И в этот момент послышался какой-то звук. Тихий и вполне обыденный, но от него кровь застыла в жилах Рульфо.

Задвижка.

– Ракель! – Он попытался открыть дверь – не получилось.

Тут он подумал о широком окне в этой комнате – светлой, просторной, на седьмом этаже. У него пересохло во рту.

Бальестерос прибежал немедленно. Он проклинал себя за то, что вовремя не вспомнил об этой задвижке (комната принадлежала раньше его дочери, которая была весьма озабочена вопросами личного пространства). Он навалился своим огромным телом на дверь, но это не помогло. Тогда они объединили усилия и одновременно ударили в дверь. Со второй попытки петля задвижки отскочила, и оба ввалились внутрь. «Она притворялась, – думал Бальестерос. – Бог мой, она притворялась как раз для того, чтобы

внизу

*получить возможность хоть на секунду остаться одной...
Невероятно...*

внизу, на расстоянии семи этажей

«Что же это за... человек, что обладает таким... хладнокровием?.. Как же можно так притвориться?..»

– Ракель!..

Окно было распахнуто, белые занавески колыхались, словно платочки, посылая последнее «прости».

Внизу, на расстоянии семи этажей, сломанной куклой лежала на тротуаре девушка.

– Мне нужно спуститься, – пробормотал наконец Бальестерос, отходя от окна. Он хотел добавить: «Может, смогу чем-то помочь», но не сказал – показалось слишком нелепым.

На улице вокруг тела собиралась толпа. Сбегались со всех сторон. Смотрели вверх, показывали пальцами. Синела сквозь толпу и форма полицейского.

Гораздо позже, вспоминая те минуты, Рульфо едва ли мог припомнить что-нибудь, кроме потока бессвязных ощущений (холодный утренний воздух, небо цвета индиго, твердость подоконника, на который он опирался, прямоугольник тротуара, словно длинная могильная плита из гранита, какой-то прохожий в красном), и посреди всего этого – четкий образ Беатрис: она, разбившись, лежит на улице, но это каждый раз она, всегда она – женщина, которую он любил, единственная, которую он по-настоящему любил.

В это мгновение он и понял, что только пытался воскресить Беатрис: ее заменяла то Ракель, то Сусана. Вот в чем причина его «хороших» поступков. Все эти последние дни в больнице, такие изматывающие, были частью этого желания отдать долг. Он не был влюблен в Ракель, и это стало ясно в одно мгновение, это знание сверкнуло перед глазами яркой вспышкой. Он получал с ней такое наслаждение, какого не испытал ни с одной другой женщиной, и он до глубины души ей сочувствовал, но ни то ни другое не было любовью.

Черт его знает, что это такое было, но вовсе не любовь. С Сусаной повторилось то же самое. А любил он только раз – Беатрис Даггер. Беатрис тоже умерла, но вдалеке от него, невидимая, недостижимая, и он неосознанно пытался избыть свою вину за эту удаленность, оберегая этих двух женщин. И первой его неудачей стала Сусана.

Теперь он созерцал тротуар, на котором лежало его второе и последнее поражение.

Для Бальестероса это путешествие на лифте с седьмого этажа до первого было сошествием в ад.

Внутренний голос повторял, что ему не в чем себя винить, но этот голос сам прекрасно понимал, что слова его – не более чем жалкое утешение. Виноват? Нет, конечно нет, он ее не убивал. Тем не менее в каком-то смысле он виновен – так же, как виновен в гибели Хулии. И теперь он вновь видел себя внутри пропахшей кровью дымящейся искореженной машины, глядящим на свою жертву. И думал о том, что вся его жизнь – это череда тайных преступлений. Он предавал своих

пациентов, внушая им ложные надежды. Предавал память Хулии каждый раз, когда заглядывался на Ану. А теперь вот он предал доверие этого человека (который, несмотря ни на что, решился разделить с ним свои страдания), не говоря уже об этой незнакомой девушке.

«Виновен. Конечно виновен. Неужели ты ждал чего-то другого?»

Тем не менее поездка в лифте позволила ему немного успокоиться и вновь надеть маску самоотверженного врача. Когда он вышел из лифта в вестибюль, а оттуда в лучезарный и холодный осенний день, следов жутких воспоминаний на его лице уже не оставалось. Он снова стал инструментом, всегда готовым оказать помощь.

На тротуаре толпа уже образовала небольшой тесный круг; пришедшие последними поднимались на цыпочки. Бальестерос с особой силой презирал индивидуумов с нездоровыми наклонностями, весьма далекими от сочувствия или резонов гуманитарной помощи: они вели себя как коллекционеры образов вывалившихся внутренностей, размазанных мозгов и продырявленных выстрелами или разбитых человеческих лиц. С подобными людьми он обычно не церемонился. И полагал, что такая позиция соответствует его профессии, поскольку в разрушениях смерти он лично не видел ничего, кроме страшного прижизненного страдания.

– Разойдитесь, пожалуйста, я врач.

И тут он обратил внимание на царившую вокруг тишину.

Это было ненормально. При такого рода происшествиях – ему это было хорошо известно – ни один из свидетелей не мог удержаться от комментария, обращенного хотя бы к стоявшим рядом, не мог не произнести хотя бы нескольких слов, способных слегка разрядить общую напряженность. Но эта толпа зевак больше всего походила на группу каменных изваяний.

С чего бы это? Что там происходит? И почему полицейский, которого он заметил еще из окна, не разгоняет толпу? Доктор уже собрался силой проложить себе дорогу, когда увидел, что стоявший прямо перед ним мужчина, вместо того чтобы продвинуться вперед и обеспечить себе еще лучшую зрительскую позицию ближе к центру, наоборот, выбирается наружу.

И тут, по чудесным геометрическим законам раскрывающегося цветка, кружок любопытных раздался, открыв взору середину.

она

После секундного замешательства, вызванного этим сюрпризом,

доктор двинулся вперед, помогая себе локтями, и наконец увидел полицейского: молодой парень, маленькая, почти налысо выбритая голова под синей фуражкой. Вытаращенными глазами, не отрываясь, глядел он в какую-то точку у своих ног, которая Бальестеросу пока не была видна. Чувствуя, что его начинает трясти, доктор сумел пробраться в первый ряд.

она смотрела

В этот момент он заметил, что полицейский не отгородил место происшествия от зевак.

Желудок его превратился в кусок льда.

Девушка была там: она сидела на тротуаре, тяжело дыша. Ни одной раны, ни одной капли крови. Ничего. Просто девушка, сидящая на тротуаре.

Но и это еще не было самым ужасным.

она смотрела в пол

Самым ужасным была та рана на левом запястье, которую она только что сама себе нанесла зубами. Тот след от укуса, который теперь, на глазах Бальестероса, затягивался с плавностью анемона и гладкостью листа бумаги, не оставляя отметины, словно обратно прокрутили пленку на каком-то безумном органическом монтажном аппарате, который возвращает ее коже и мускулам утерянную целостность...

Она смотрела в пол.

– Я не могу себя убить. И никогда не могла, но до сегодняшнего дня я этого не знала. Филактерия моей татуировки не позволяет. – Она снова взглянула на обоих мужчин, бесстрастно, беспощадно. – Я должна была догадаться, что *она* и об этом позаботится. Самоубийство – это облегчение, которого она не захотела мне оставить... – Она умолкла и провела кончиком языка по губам.

Рульфо подумал о возможном сходстве: дикий зверь во время краткой передышки посреди страшной битвы не на жизнь, а на смерть, которую он ведет с другим зверем.

Они сидели в гостиной в квартире Бальестероса. Уже стемнело, и на лицах проступили следы этого утомительного дня. Тем не менее доктор чувствовал себя необыкновенно счастливым. Он казался намного счастливее остальных. И в установившейся тишине он поднял свою

огромную руку:

– Пока у меня не вылетело из головы, хочу сообщить вам, что перед вами – новый святой Фома. Не знаю, канонизируют меня или нет, но я самый убежденный святой Фома всей христианской религии... Это вам не хухры-мухры: библейский Фома вкладывал пальцы в язвы, я же своими глазами видел, как они затягиваются... Черт возьми, клянусь чем угодно, но сегодня я собираюсь напиться. Кому еще налить чего-нибудь?

В ответ никто не улыбнулся, но доктор на это и не рассчитывал. Рульфо выбрал виски, и Бальестерос решил поддержать этот выбор. Вообще-то, он практически не пил (бутылка шотландского виски «Чивас Ригал», подарок одного из пациентов, стояла нетронутой), а уж тем более после смерти Хулии, но этот вечер был особенным. Какое значение могут иметь теперь несколько граммов алкоголя, прилипших к твоей печени, когда ты только что убедился в том, что раны могут исчезать, не оставляя следа, колдовство действует, ведьмы существуют, а поэзия, в конце концов, оказывается гораздо более эффективной, чем медицина?

И пока он ходил на кухню за бутылкой и стаканами, он не мог сдержать улыбки, припоминая события этого поистине незабываемого дня.

После того как доктор успокоил свидетелей происшествия, включая полицейского, и сообщил новости Рульфо, он отвез Ракель (ко всему безразличную, вялую) в центр «Скорой помощи», где документально подтвердили то, в чем он и сам уже успел убедиться, поверхностно осмотрев ее: повреждений нет. Коллеги его отказывались верить, что девушка упала с высоты седьмого этажа, поскольку на ее коже не было даже синяка. Бальестерос предпочел не упоминать об укусе на запястье, от которого также не оставалось и следа. К счастью, не многие видели, как после падения она впилась зубами себе в руку, и никто не обратил внимания на великолепие вгоняющей в дрожь стремительной регенерации ее тканей.

Но по возвращении домой его ожидало самое худшее.

Представители по меньшей мере двух телеканалов и трех газет поджидали у дверей, чтобы взять интервью у него и, если это возможно, поговорить также с героиней события. Он среагировал быстро. Завидев журналистов на тротуаре, проехал вперед, в гараж и, воспользовавшись внутренним лифтом, доставил девушку до двери квартиры, где и передал с рук на руки Рульфо. Затем спустился вниз и поговорил с журналистами. И вышел сухим из воды с помощью своего обычного и достойного всяческих похвал красноречия. Ему всегда довольно просто удавалось обманывать

других людей, причем даже в тех случаях, когда он не ставил перед собой такой цели; ну а сейчас, когда цель имелась, он тоже не подкачал. Он пояснил, что это его пациентка и что она все еще в шоковом состоянии от случившегося. Припомнил и упомянул несколько знаменитых случаев подобных «кошачьих» падений, включая и тот, когда одна девочка выпала из двери пассажирского лайнера посреди перелета и осталась жива. Ясное дело, он не стал распространяться на тему о том, что во всех этих случаях чудом было уже то, что люди выжили, а отсутствие повреждений – еще одно чудо, добавленное к первому. Этим вечером были намечены еще два выхода в эфир ночных радиопередач по телефону, но можно было сказать, что худшее уже миновало и пик любопытства средств массовой информации пройден. Бальестерос вновь не без удовольствия отметил, что трагедии с чудесным счастливым концом интересуют прессу гораздо меньше, чем чудеса с трагической развязкой.

Немного подумав, лед он решил не класть. Поставил на стол бутылку «Чиваса» и пару стаканов и щедро плеснул в каждый – Рульфо и себе. Девушка повторила еще раз, что ничего пить не будет. Конечно, он мог понять ее страшное разочарование, но, к несчастью, все еще продолжал чувствовать малую толику радости. Он подумал, что завтра все вернется в свое обычное русло, но в этот момент ему больше, чем когда бы то ни было, требуется погрузиться в пучину собственных эмоций: выпал как раз тот случай, когда его Разум, верой и правдой служивший ему последние пятьдесят лет, уехал в отпуск («Лучше так сказать, Эухенио: попросил творческий отпуск на неопределенный срок»). Неужто нет повода, чтобы это отпраздновать?

Рульфо не сводил глаз с Ракели:

– Нам бы подумать, что делать дальше.
– У меня есть идея. – Она тоже посмотрела на него. – Сама я *не могу* убить себя, но я уверена, что я *не бессмертна*...

– Это не выход. Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, но это не выход...

– Тогда я убью вас. Заставлю вас меня уничтожить: вам придется это сделать, чтобы спасти свои жизни.

– Послушай, – вмешался Бальестерос, не слишком впечатленный услышанным после двух порций жидкости, которые успел принять, – по мне, так можешь выбрасываться из этого окна хоть пятьдесят раз подряд, отскакивать от земли и начинать сначала. Но нам угрожать не надо. Мы знаем, что ты настрадалась, но мы с Саломоном – единственные оставшиеся у тебя союзники. Заруби это себе на носу...

– Мы тебя не обидим, Ракель, – вставил свое слово Рульфо. – Ни за что и никогда. А что касается тебя, так ты вольна делать все что захочешь. Но я вот что тебе скажу: жизнь уже давно потеряла для меня всякий смысл.

– Хороша компания счастливицков! – проворчал Бальестерос. – Что вы скажете, если мы, вместо того чтобы продолжать изо всех сил радоваться, поговорим о чем-нибудь более практичном?..

Рульфо был согласен:

– И правда, есть один очень важный вопрос, который стоит обсудить. Мы, все трое, видели сны, которые и свели нас вместе. Кто нам их послал и зачем? – Он оглядел обоих, надеясь получить ответ.

Девушка, развалившись в кресле, разглядывала потолок и выражала полное равнодушие, как будто не слышала. Бальестерос, застигнутый словами Рульфо посреди очередного глотка – это была уже третья порция, – несколько раз кивнул огромной головой:

– Верно, это важный вопрос.

– Допустим, это была Лидия... Точнее, Акелос. Это самое вероятное. Она была дамой номер одиннадцать, той, что Прорицает, не так ли?.. Она знала, что будет приговорена за помощь тебе, и устроила все так, чтобы заручиться нашей поддержкой уже после того, как ее казнят... А это значит, что мы тоже кое-что можем *сделать*. Она не стала бы брать на себя труд уведомить нас о стольких вещах, если бы не знала с самого начала, что мы сможем оказаться полезными...

– Но, судя по твоим рассказам, – вмешался Бальестерос, – вы *были* по-настоящему полезны. Вам выпало достать эту фигурку из аквариума и спрятать ее...

Рульфо задумался. Он снова взглянул на Ракель, но было совершенно очевидно, что они не могут рассчитывать на ее мнение. Придется самому делать выводы.

Сны. Дом. Фигурка. Все ли было сделано, как полагал Бальестерос? Нет. В этой последовательности было что-то такое, что от него ускользало, какая-то часть, которая никак не вставала на свое место, – что-то, что осталось незавершенным. Рульфо мотнул головой, раздражаясь на собственную неспособность справиться с мыслями. Событий этого дня было с избытком, и он чувствовал, что вот-вот отключится. Он поднял руки к глазам и потер веки. И вот тогда, в кратковременной тьме, услышал ее голос:

– Знаешь, что они с ним сделали?

Вопрос.

Тот, которого он так страшился. По ночам ему снилось, что она задает

его, раз за разом. Он открыл глаза: девушка смотрела на него с гнетущей холодностью.

– Знаешь, что сотворил с ним этот стих?

«Подойди и смотри».

Он не ответил. Только отвел глаза.

Он помнил разрозненные фрагменты той жуткой ночи, что – думал он – было одним из способов, не хуже других, чтобы сохранить рассудок. Но порой его память пронзали разноцветные молнии и он вновь видел беседку на полянке, бабочек, Ракель, связанную цветочной гирляндой... Уроборос... *Девушка в платье с блестками...*

...Кол на газоне...

...и другие образы, возможно фантастические, как во время «путешествий» под воздействием галлюциногенов.

О да. Худшее из путешествий.

– Я знаю, что на твоём лице написали филактерию, чтоб задурить тебе голову, Саломон... Сага предпочла оставить тебя в живых, как и меня, и я уверена, что её цель – вывести то, чего она пока что не знает: помогает ли нам ещё кто-нибудь... Но мы – *единственное исключение*. – Губы её не дрожали, когда она произносила эти слова. Её лицо исказилось и блестело от пота, но тон её был серьёзен. – Хочешь, я расскажу тебе все, а потом ты будешь решать, убираешь ты меня с дороги или нет?.. Знаешь, *сколько времени* вынудила она меня смотреть?.. Ты можешь хотя бы понять *все то, что она ему сделала?*..

Тишина почти что превратилась в темноту. Это было очень долгое и очень глубокое молчание, словно мир прекратил своё существование.

предмет

Слезы сбегали одна за другой, непослушные, пока она говорила.

один предмет, другой

– Ты знаешь это?

один предмет, другой, все

– Знаешь ли ты обо всем, что они сделали моему малышу?..

Один предмет, другой – все, которые он видит.

Он почувствовал непреодолимое и неотложное желание крушить вещи. Вслед за своим стаканом с виски он грохнул и второй. Затем швырнул на пол металлическую салфетницу. Боль его не стихала.

Он едва заметил, что в кухню кометой ворвался Бальестерос и схватил его за локти:

– Ты что, с ума сошел?

За окнами стемнело. И дом, и все вокруг было погружено в тишину, поэтому грохот казался оглушающим. Он и сам понимал, что его попытки выпустить пар бесполезны, но должен был сделать нечто подобное: сдержать себя он не мог. Да, он дождался, пока она заснет, но больше не было сил подавлять эту ярость.

– Не беспокойся, – выдохнул Рульфо, – я все учел: я тебе должен два стакана и металлическую салфетницу. – Выхватил из сушилки тарелку и грохнул ее об пол. – А теперь прибавим еще...

– Да ты пьян!..

Рульфо хотел как-то ответить, но вдруг согнулся пополам, сраженный рыданиями, которые он ощущал как кровотечение, только лилась не кровь, а соленая вода.

– Ты разбудишь ее, кретин! – вскрикнул Бальестерос, стараясь «кричать» как можно тише, не повышая голоса. – Она наконец уснула, а ты ее будишь... Успокойся, в конце концов!.. Ты пьян, напился как скотина!..

Нельзя было отрицать, что сам он выпил ничуть не меньше и также чувствовал, что все вокруг совершает плавные круги. Невозможно было отрицать и того, что после всех разоблачений поведение Рульфо казалось ему вполне объяснимым. Однако он полагал, что нужно приложить все усилия к тому, чтобы свести ситуацию к нескольким простым тезисам, в противном случае все они сойдут с ума.

– Послушай же меня, наконец, черт побери! – Доктор схватил Рульфо за руки, заставляя его смотреть себе в глаза. – Ну чего ты можешь этим добиться?.. Этим мы ей не поможем... А я хочу помочь... Хочу вам помочь!.. Я не знаю, кто там являлся мне во сне – жена моя или кто другой – и требовал, чтобы я вам помог... На данный момент разницы нет: это могла быть Хулия, а могла – ведьма из сказки про Гензеля и Гретель... И есть кое-что, в чем я уверен: я не собираюсь послушаться этого приказа. И я помогу вам, черт меня дери!.. Так что постарайся успокоиться и дай мне подумать, что мы можем предпринять...

Снизойти.

И он послушался. Успокоился, причем как-то сразу. Не мог припомнить, чтобы после смерти Беатрис еще когда-нибудь так плакал, но

не стыдился того, что Бальестерос видел это. На самом деле он был даже благодарен этим слезам: они что-то очистили внутри, какое-то очень глубокое пространство.

Снизойти. Сойдем же еще ниже.

Он заглянул в эту пропасть внутри себя, и голова пошла кругом.

– Прежде всего, нам нужно думать о ней, – сказал Бальестерос. – Это... эта... несчастная женщина, которая подверглась пыткам через своего сына... Посмотри на это таким образом... Так будет понятнее... Проблема в том, что мы не можем...

Снизойдем туда.

В конце концов, разве он не сказал им это? Разумеется, да. Теперь он припоминает. Он сказал им, что` их ждет, что` он с ними сделает, если они причинят вред его друзьям. А они ограничились тем, что положили ему руку на головку и почесали за ушком, печально и снисходительно улыбаясь, будто говоря: «Ты всего лишь жалкий щенок, так что можешь даже и не напрягаться по поводу собственной судьбы».

– ...мы не можем обратиться в полицию, потому что понятия не имеем, кем или чем являются виновные... Но по мне, это не так важно...

Пока Бальестерос говорил, Рульфо кое-что понял: есть вещи, о которых не нужно раздумывать, им не нужны объяснения, нет у них ни цели, ни смысла, но именно они – важнее всего остального. Циклон. Поэма. Вдруг вспыхнувшая любовь. Месть.

Снизойдем до конца.

– Мне до лампочки, колдовство это, поэзия или психопатия!.. Самое важное, первоочередное на данный момент – это сделать так, чтобы Ракель...

– Покончим с ними.

– ...могла... Что ты сказал?

– Покончим с ними, Эухенио, – повторил Рульфо. Он повернулся к крану, открыл воду и умылся. Затем от рулона, прикрепленного к стене, оторвал бумажное полотенце и вытер лицо.

Бальестерос не сводил с него взгляда:

– С... ними?

– С этими ведьмами. В первую очередь с их главной. Устроим им то, что они заслужили.

Бальестерос сначала открыл рот, затем закрыл. А потом снова открыл:

– Это... Это самая большая глупость, которую мне когда-либо приходилось слышать... Даже еще глупее, чем твое недавнее поведение. Как ты посмотришь, если я помогу тебе бить тарелки? Я предпочел бы это,

а не...

– Я знал этого мальчика, – перебил его Рульфо. – Он не был ни поэмой, ни выдумкой. Это был шестилетний малыш. Со светлыми волосами и огромными синими глазами. И он никогда не улыбался.

У Бальестероса вдруг как будто ослабли все мускулы, которые отвечали за живое выражение его лица. Он слушал Рульфо с прикрытыми глазами.

– Сусана была очень хорошая девушка. Какое-то время она была моей невестой и моей лучшей подругой. Потом только подругой. Ее заставили съесть саму себя потому только, что она поехала вслед за мной на этот заброшенный склад, беспокоясь за меня... Странные вещи, не так ли, доктор?.. Вещи, которые нужно оставлять снаружи, – так ты говорил... Но знаешь, иногда эти вещи *входят* в тебя, и ты уже не можешь оставить их в стороне. Они такие же необъяснимые, как поэзия, но они здесь. Случаются каждый день вокруг нас, везде, в любой точке этого мира. Может, все это вызывают они, а может, и нет... кто знает, возможно, они тоже жертвы, а единственные виновники – слова, их цепочки, стихи... Но я был свидетелем двух из этих вещей, вернее, даже трех, считая Герберта Раушена. – Он поднял три пальца левой руки перед лицом Бальестероса. – И я собираюсь поделиться с ними полученным опытом, вернуть им мяч.

Как только Рульфо умолк, Бальестерос, казалось, вышел из глубокого транса:

– Все больше тебя узнаю... Саломон Рульфо, порывистый. Страстный Рульфо. Рыцарь отмищения... Послушай меня, дубина стоеросовая! – И Бальестерос встал прямо перед ним. – Все это нам не по зубам, тебе и мне, а может, и этой бедной девушке тоже!.. Ладно, может, относительно нее я ошибаюсь. Возможно, она привыкла к зрелищу неразрушаемых органических тканей, но я-то нет, и ты тоже... Назови это поэзией, колдовством или квантовой физикой, но все это превышает возможности моего скромного понимания врача общей практики... Так что даже если я соглашусь, что ты прав... И не подумай, что я ставлю тебе в упрек это чувство... Если бы с кем-то из моих детей... – Он остановился, не слишком хорошо зная, как продолжить. «Кажется, я сегодня перебрал», – подумал он. – В общем, я понимаю и в некоторой степени разделяю твое... Но ведь даже если бы ты мог хоть что-то этим поправить, что ты собираешься делать?.. Купишь пистолет и отправишься с ним в Прованс, в эту усадьбу?.. Что мы будем делать?..

– Есть одна возможность. Я только что о ней вспомнил.

Бальестерос посмотрел ему в глаза:

– Что ты имеешь в виду?

Рульфо собирался что-то сказать, когда раздался крик.

Она знала, что нужно поспать. Но, как и в смерти, в сне ей, видно, тоже было отказано.

В комнате было темно, едва можно было разглядеть очертания мебели. И эта темнота напомнила ей о другом, невыносимом: она вновь увидела своего мальчика запертым в темной комнате, живущим не как человек – как зверек, но тогда он, по крайней мере, был жив, был, по крайней мере, рядом с ней, по крайней мере...

«Не думай больше о нем. Постарайся забыть. Он умер».

На мгновение она задалась вопросом: откуда идет эта жесточайшая, безмерная ненависть, которую испытывала по отношению к ней Сага? Попыталась углубиться во тьму ее прошлого, но ощущала только пустоту. Конечно же, ей не было дано собрать воедино ее прошлые жизни. Дама номер двенадцать на данный момент занимала тело ничтожной женщины с короткими волосами по имени Жаклин, но раньше она воплощалась во многих других телах – так же как и остальные дамы. Она не думала, что хоть раз дала повод для такой страшной ярости. Жаклин вспоминалась ей с улыбкой на лице, смиренно склонявшейся перед ней во время церемоний...

Шум. Очень близко. В комнате.

Встревожившись, она подняла голову, но не увидела ничего, кроме смутных силуэтов вещей, проступавших благодаря слабому свечению из-за занавески: дверь, шкаф, стул.

«Успокойся. И постарайся отдохнуть».

Ей вспоминалось, что Акелос и вправду знала, что скрывает новая Сага.

Они с Акелос беседовали часто, и та, что Прорицает, не раз предостерегала ее, указывая на эту подчиненную. На самом деле она ни разу так ясно и не выразилась относительно того, что произойдет, и вот теперь Ракель спрашивала себя: неужели Акелос об этом знала и предпочла промолчать? Если это так, то почему она *промолчала*?

Она беспокойно заворочалась. Словно из другого мира, донеслись до нее звуки бьющегося стекла и отголоски спора двух мужчин. Они боролись. Она подозревала, что из-за нее, и ей это не понравилось. Она знала, что оба от чистого сердца хотели ей помочь, но ей представлялось, что они находятся на дне колодца глубиной до центра Земли, а эти двое, полные энтузиазма, показывали бы ей куски веревки, уверяя, что всего одно усилие – и все окажутся на поверхности. Они очень тревожились,

постоянно думали о том, что ей может понадобится; ей пришлось притвориться уснувшей, чтобы мужчина с седыми волосами, врач, решился оставить ее одну, после того как помог ей добраться до постели.

Это были хорошие люди, сильные, умные.

Жаль только, что это были всего лишь люди.

Еще один странный звук. Она вновь оглянулась. Нет, ошиблась: кажется, в комнате ничего не изменилось. Тем не менее она была уверена, что слышала шлепанье маленьких босых ножек по полу.

«Не думай. Не вспоминай. Сопrotивляться. Ты должна сопротивляться».

Одна мысль из того, что наговорил Рульфо за этот вечер, врезалась в ее сознание: те сны, которые посылала им Акелос. Чего она с их помощью хотела добиться?..

– Ракель.

На этот раз ошибки не было. Голос прозвучал совсем рядом с ней.

Открыла глаза и сразу ее увидела – стоит рядом, в темноте. Белокурая девочка. Бакулария. Занавеска разрисовала ее тело легкими узорами, в слабом свете отблескивал на ее груди символ – лавровая ветвь.

– Имаго уже у нас. Было там, где ты и сказала. Мы благодарим тебя за него. Теперь осталось самое важное. Кто тебе помогал?.. Почему ты обрела память?.. Кто еще из дам помогает тебе?..

– Не знаю! Оставь меня!..

Она заткнула уши, повернулась спиной и стиснула зубы. Негромкий и певучий голос тем не менее преодолел все препятствия, словно посылал слова напрямую в ее мозг:

– Ракель, чтобы открыть нам это, времени у тебя остается до следующего собрания. После того как мы уничтожим имаго Акелос, ты тоже будешь уничтожена, если не нарушишь свое молчание... А вместе с тобой будут уничтожены все, кто тебе помогает, будь они посторонние или нет.

Тишина.

Она все еще лежит лицом к стене, зажав уши руками. Через некоторое время глубоко вздыхает, набирается мужества, поворачивается и смотрит в темноту. Девочка как будто испарилась. На мгновение Ракель закрывает глаза, пытаясь успокоиться, и в эту секунду снова слышит голос – другой:

– Мама.

Уже не Бакулария стоит перед ней.

Он выглядит точно так, каким она видела его в последний раз: еще живой, извивающийся под воздействием стиха святого Хуана де ла Круса,

насаженный на этот кол, подобно только что добытому на охоте зверю. Но теперь он смотрит на нее и улыбается. Улыбка эта – как если бы безумие обрело лицо ребенка.

– Они хотят, чтобы я сказал тебе, что с вами поступят гораздо хуже, чем со мной, мама...

Она знает, что это всего лишь галлюцинация (он мертв), но не может не чувствовать ужаса.

– Гораздо хуже, мама. Увидишь...

И тогда все взорвалось.

алого оттенка

Бальестерос прибежал раньше Рульфо. Хотя он и думал, что это не более чем кошмар, но готовился к любым сюрпризам.

И все-таки оказался не готов увидеть то, что увидел, когда зажег свет. Рядом с кроватью стояла Хулия, одетая в тот самый костюм, который был на ней в последней, все определившей поездке в автомобиле. Голова ее, вплоть до самых бровей, представляла собой наполненный до краев сосуд.

– Эухенио. – Голос, высокий, ровный, оглушил его, словно это был крик. – Знаешь, сколько времени я умирала?.. Знаешь, сколько может умирать человек, у которого взорвался мозг?.. Они заверяют тебя, что очень скоро ты это узнаешь. На себе. Ты и представить себе не можешь, но это очень странное ощущение... Не можешь видеть... Не можешь слышать. У тебя уже ничего не работает. Ты не способен пошевелиться. Но ты *полон* боли. Ты *весь* боль. – Улыбаясь, она подошла к Бальестеросу и, приблизившись, пролила кровь из своего открытого черепа, словно через край бокала. – Чтобы чувствовать боль, мозг не нужен, ты знаешь это?.. Опыт будет очень полезным для тебя, ведь ты врач. Что угодно могу поставить на то, что ты протянешь дольше, чем я. И дольше, чем наши дети...

И тогда все взорвалось.

алого оттенка, свет

Рульфо окаменел. Крик девушки заставил его подумать, что перед ее глазами возникло нечто ужасное, но он никак не ожидал увидеть в этой комнате Сусану – на ногах, прямо перед собой, обе руки объединены до плеч.

– Есть кое-что, чего ты не знаешь, Саломон, – произнесла она тихим голосом, как будто говорить по-другому у нее уже не было сил. – Мы с

Сесаром уже знаем это: жизнь не кончается со смертью. Единственное, что заканчивается, когда приходит смерть, так это счастье и разум. Мертвые – тоже живые существа, которые обезумели под землей. Это и есть самый большой секрет. Они обезумели от боли. Скоро ты станешь одним из них и узнаешь почему.

– Уходи, – еле слышно проговорил Рульфо.

– Ты узнаешь это, Саломон, – повторили губы девушки. – Раньше, чем ты рассчитываешь. А мы с Сесаром вместе порадуемся, когда ты это узнаешь. Когда узнаешь правду о мертвых...

И тогда все взорвалось.

алого оттенка, свет зари

Как будто бы тело взорвалось там, внутри: стены, пол и потолок покрылись огромными пятнами свежей крови. Девушка, сидя в кровати, кричала: ее лицо и волосы превратились в сгустки ярко-красного цвета. Фонтан крови достиг и Бальестероса с Рульфо, обрызгав их лица и одежду. Доктор больше не видел Хулию: вместо нее стояло другое существо – белокурая девочка, красивей которой он в своей жизни не видел. Она была обнаженной, на груди виднелся золотой медальон, она стояла посередине комнаты, совершенно прямо, как солдат, довольный выполненной работой. Ее ноги от щиколоток и до бедер отливали свежей кровью. Она глядела на Бальестероса такими синими и огромными глазами, словно небо над океаном.

И улыбалась.

– Не подходи! – воскликнул Рульфо, удерживая его. – Не подходи к ней!..

Но Бальестерос не подчинился. Сам не зная, что собирается сделать – возможно, и ничего, потому что не хотел причинять девочке вреда, – он принялся отчаянно размахивать руками, как будто перед ним оказалось мерзкое насекомое.

И тогда он услышал, что она произносит нечто – какую-то плавную и короткую фразу, похожую на «Beber muerte cora rubí»^[74], – и тут же обнаружил, что он молотит руками воздух. И взглянул себе под ноги – как раз вовремя, чтобы заметить, как скользнули под кровать, словно красноватые ползучие твари, две тонкие ноги.

Алого оттенка, свет зари проникал сквозь стекла террасы.

Ни одному из троих отдохнуть той ночью не удалось. Устали они

безмерно, но в то же время ощущали и ту нервозность, которая обычно выдает немалый кредит сил даже самым измученным телам.

– Послание совершенно ясное: нас оставили в живых, потому что продолжают думать, что среди них есть еще одна предательница. Как только они уничтожат имаго Акелос, тут же примутся за нас. А до тех пор у нас есть время.

Бальестерос прилагал все усилия, чтобы слушать Рульфо, но время от времени глаза его сами собой закрывались и он неожиданно проваливался в сон. Тело его требовало дать ему отдохнуть, но пока что он не был готов убажить его. К тому же когда он уступит этим требованиям, то не будет никакой кровати. Он уляжется на диване, а кровать свою отдаст Рульфо.

После того как он своими глазами видел, как эта *вещь* исчезает под одной из кроватей в его квартире, каждая из них вызывала в нем рвотный рефлекс.

Он припомнил, как однажды, когда он был еще ребенком, его отец гонял по углам их старого дома крысу, пока не загнал ее под кровать, и как он набрал в грудь воздуха, прежде чем встать на колени с зажатой в руке каминной кочергой. И сейчас сам Бальестерос проделал то же самое: набрал полную грудь воздуха, прежде чем встать на четвереньки и заглянуть под кровать.

Было только одно отличие: его отец крысу убил, а он – нет. Но прежде, чем она исчезла, ему удалось увидеть тонкий позвоночник, упругие маленькие ягодицы и пару ступней, сверкнувших ударами хлыста.

Это была не крыса, а голая *девочка*. И исчезла она, оставив за собой комнату, полную крови.

Рульфо пояснил, что не нужно придавать слишком большого значения всему, что они видели или же думали, что видели: это всего лишь образы, вызываемые дамами при помощи стихов, – кино, созданное с одной целью – запугать их. Тем не менее не *все* было галлюцинацией – кровь оказалась вполне реальной, хотя, к счастью, и не принадлежала Ракели: девушка была не ранена, а всего лишь с ног до головы покрыта этой субстанцией и пережила нервный срыв. Теплый душ отчасти решил обе проблемы. Бальестерос и Рульфо также помылись и переоделись. Теперь на девушке был надет халат доктора (который выглядел на ней как огромная шуба), и она с ногами устроилась на диване. Она была бледна и, конечно же, смертельно устала, но, как никогда раньше, внимательно слушала Рульфо.

– Я вспомнил об этом только что. Дам в усадьбе было только двенадцать. Я все время об этом думал. Дама номер тринадцать вечно где-то прячется, но не потому, что она самая могущественная, совсем наоборот.

Тот, кто найдет ее, сможет уничтожить их всех. Предлагаю именно за это и взяться. Это единственный наш шанс побороться.

– Согласен, – немедленно заявил Бальестерос. – Не знаю, чем все это было, но точно знаю, что они использовали... образ моей жены, чтобы угрожать моим детям... – Он умолк. При одном лишь воспоминании об этом его бросало в дрожь. – Я хочу их достать.

Рульфо перевел взгляд на Ракель. Ее участие представлялось ему совершенно необходимым. Без ее помощи, он уверен, ничего у них не выйдет.

– Это абсурд, – наконец произнесла она. Говорила медленно, казалось, каждое слово давалось ей с трудом. – Вы говорите такие вещи... Но вы не знаете... – Она покачала головой, словно ей уже порядком надоело констатировать факт глубочайшего невежества. – Ведь это *шабаш*... У нас нет ни малейшего шанса в противостоянии *шабашу*. У нас нет его, даже если бы мы имели в качестве противника одну из них... Вы... Мы всего лишь обычные люди, а они – нет.

– А кто они? – поинтересовался Бальестерос. – Кто, черт подери, эта девочка? Кто они все?

– Ведьмы, – ответила девушка.

Доктор после краткой паузы улыбнулся, но в глазах его не было и намека на юмор.

– Женщины верхом на метле, которые устраивают пляски на своих сборищах?.. Этого нет в природе.

– Ты прав. *Этого* нет. А ведьмы есть. Они не летают на метле и не отплясывают на своих сборищах – они декламируют стихи. Они – дамы. Их власть и сила – поэзия, самое великое, что есть на свете. Никто и ничто не может причинить им вред. Ничто и никто не может встать у них на пути.

Рульфо содрогнулся, отметив эту глубоко погребенную, но очевидную гордость, проскальзывающую в ее голосе.

– Как бы то ни было, – заговорил он с еще большим пафосом, – ничего этого с нами не случилось бы, если бы не сны. Мы спокойно жили бы, как раньше, и, наверное, умерли бы, так ничего и не узнав о существовании дам, как и большинство людей... Они никогда не вмешиваются в события *напрямую*. Они вдохновляют поэтов, а потом используют их стихи, но у них вековая привычка делать это из-за кулис. То, что с нами произошло, – ровно потому, что мы перешли им дорогу. А сделали мы это только потому, что одна из них, Акелос, *нас призвала*, обратилась к нам за помощью. И я теперь абсолютно уверен, что планы Акелос были далеко идущими и непростыми: Летиция Милано, дед Сесара, портрет и листок со списком

дам, которые я нашел в доме Лидии Гаретти... Думаю, что Акелос оставила для нас ключи в прошлом, чтобы мы смогли прийти как раз туда, где сейчас находимся. И это значит, что мы еще можем что-то сделать. Можем нанести им удар, если найдем даму номер тринадцать...

– Ее невозможно найти, Саломон. – Девушка покачала головой. – Невозможно.

– И почему ты так в этом уверена?

– Я уверена.

– В таком случае, – произнес Рульфо с холодной яростью, – все гораздо проще. Мы просто будем сидеть, скрестив на груди руки, и ждать, пока Сага не пришлет Бакуларию, чтобы та принялась терзать нас по новой, используя образы наших любимых. Может, сегодня вечером, или ночью, или завтра, или на следующей неделе, или через месяц... А когда она вдоволь насладится этим развлечением, мы подождем, пока она не разделается с нами, как с твоим сыном...

– Не надо о нем.

Это предупреждение, произнесенное тем же мягким тоном, что и все остальное, сказанное ею раньше, отдавало чем-то похожим на угрозу и заставило Рульфо окаменеть. Секунду он глядел в ее холодные глаза за завесой густых влажных волос. «Надави на нее. Заставь отреагировать». Он набрал воздуха в легкие и продолжил, повысив голос:

– Знаешь, чего мне хотелось бы, Ракель?.. Мне хотелось бы, чтобы ты именно такими глазами взглянула на настоящую виновницу. Но кто ж спорит, Сага слишком могущественна, верно?.. Во что она тебя превратила, избивая хлыстом?.. – Он заметил, как задрожали ее полные губы. Но только губы. Глаза глядели все с той же жуткой и черной твердостью. – Во что превратила она ту могущественную Сагу, какой ты была?.. После всех унижений, после того как она вытерла о тебя ноги, втоптала тебя в грязь, заставила жить в страшном унижении... Что еще она тебе сделала?.. Я скажу тебе это. Она лишила тебя того единственного, кого ты любила, того единственного, кого ты *любила по-настоящему*...

– Заткнись.

– ...она его пытала и убила на твоих глазах, а теперь насмехается над твоим страданием, пока ты встаешь на колени и стонешь: «Мы ничего не можем сделать, это невозможно, невозможно!...»

Вдруг что-то произошло. Оба – и Рульфо, и Бальестерос – почувствовали это одновременно. Как будто температура воздуха в комнате понизилась на несколько градусов. Рульфо, собиравшийся снова что-то сказать, осекся.

– Да будет так! – произнесла она. Голос ее не изменился: это был все тот же молодой женский голос, голос Ракели. Но оба они содрогнулись, услышав его. – Да будет так! – повторила она чуть потише.

– Ты поможешь нам? – спросил Рульфо, почти умоляя.

И она кивнула головой – всего раз. Ни у Рульфо, ни у Бальестероса не осталось ни тени сомнений относительно ее намерений.

– Последняя дама – та, что объединяет весь *шабаш*, и именно поэтому она самая слабая... Она никогда не показывается вместе с другими: она всегда где-то прячется и из своего укрытия способствует единству всей группы. Кто она и где скрывается – это те сведения, которые стирают из твоей памяти в первую очередь, когда вышвыривают тебя вон.

– У нее тоже есть имаго?

– Ее имаго – это как раз то место, в котором она скрывается. Оно называется вместилищем. Это вовсе не обязательно восковая фигурка, как у других дам: это может быть что угодно, даже живое существо. Найти ее практически невозможно.

– Но если мы найдем это место и уничтожим его...

– Вместилище не может быть уничтожено... Тем не менее сам факт его обнаружения, а также если удастся заставить ее оттуда выйти, представляет угрозу для *шабаша*. Но это было бы только первым очком в нашу пользу, затем нам пришлось бы предстать перед всем *шабашем*.

Девушка умолкла, ожидая нового вопроса. И пока Рульфо переваривал полученную информацию, он вспомнил свои последние сны: стеклянные двери с елками по обеим сторонам, комната с номером тринадцать на двери и таинственная фраза, произнесенная Акелос: «Это знает пациент из комнаты номер тринадцать». Но что это может значить? Неужто это ключ, который поможет найти вместилище?.. И если это так, то как его понять? Может, речь идет о каком-то конкретном месте? Бальестерос не смог по его описанию опознать ни одну из известных ему клиник.

И тогда ему вспомнилось нечто другое.

– Погодите-ка: расследование Герберта Раушена... Сесар полагал, что все его справки о студентах и преподавателях имели своей целью поиски именно этой дамы. Я вот о чем: искал ли он именно вместилище и удалось ли ему его обнаружить?..

– Но они устранили Раушена, – возразил Бальестерос. – Ты сам мне сказал.

– Верно, но Сесар скопировал и унес с собой его файлы, которые потом изучал... Он не отвечает на телефонные звонки, но я попытаюсь-

таки проникнуть к нему в дом и найти эти файлы. Это наш единственный шанс.

– Отличная мысль, – признал Бальестерос. – А нам что делать?

– Лучше бы вам побыть до моего возвращения вдвоем.

Оба повернулись к ней. Девушка казалась задумчивой и сидела, укрыв длинные ноги полой халата Бальестероса, на торчащих коленках – свет занимающейся зари. Ее черные волосы отбрасывают тени на лицо. Невероятно прекрасна. Так прекрасна, что кажется запретной. Бальестерос смотрит на нее с интересом, не лишенным некоторых оттенков, о которых думать ему не хочется и за которые придется заплатить угрызениями совести.

– Согласна, – сказала она наконец. И повторила: – Согласна.

Приехал он в тот же день, под вечер. «Это наш единственный шанс, – крутилось в голове, пока старенький лифт вез его наверх. – А если файлов больше нет и Сесара они уже убрали...» Но пока он не хотел думать об этом всерьез. Пока нет.

Дверь в мансарду была закрыта, из-за нее не доносилось ни звука. Рульфо вспомнился тот его визит, несколько недель назад, когда он явился, чтобы втянуть их обоих в этот кошмар. Теперь он знал, что существует только один способ загладить свою вину. Позвонил и принялся ждать. Потом позвонил еще раз. И еще. Он уже собирался попытаться взломать замок, когда изнутри послышались негромкие звуки. «Будь же благословен, Сесар, ты жив!»

Дверь открылась, но Рульфо прирос к тому месту, где стоял, увидев смотревшее на него из-за приоткрытой двери лицо – лицо призрака с седыми всклокоченными волосами и запавшими щеками. Вслед за этим его нос ощутил зловоние, словно еще один маленький фантом, неразлучный с первым.

– Саломон?.. Проходи...

Внутреннее пространство мансарды было заполнено сумраком и запахами: причиной первого были задернутые занавески, причем одна из них, рваная, висела криво; что касается запахов, то их авторство делили между собой гниение, табак, марихуана, пот и едкий запах гари. Стул перевернут, портьера на полу, разбитые бутылки из-под спиртного, разбросанные повсюду книги и журналы и огромные пятна на прекрасных коврах. Ничего не осталось от того изысканного интерьера, где когда-то Сесар и Сусана играли в счастье.

– Что случилось, Сесар?

Его старый профессор посмотрел на него так, словно этот вопрос был самым неожиданным из всех. Одет он был не в один из своих роскошных атласных халатов, а в какую-то длинную рубаху, когда-то давно бывшую темно-синей, и вельветовые брюки. На ногах только носки. Вдруг он поднял к губам дрожащий палец:

– Тсс!.. Давай потише... Не хочу ее разбудить...

Рульфо окаменел:

– Кого?

– Кого же еще?.. – Сесар отодвинулся и зашагал, ссутулившись, через разгромленную гостиную. – Сусану.

– Сусана здесь? – Рульфо почувствовал, как горло его свело судорогой страха.

– Естественно, как и всегда. В комнате.

Словно два призрака, двигались они вперед, пока не дошли до тайной комнаты, в которой спорили во время его последнего визита. Сесар взялся за круглую дверную ручку и повернул ее. Дверь слегка, на несколько миллиметров, отворилась, позволив увидеть полоску света, пушистый ковер на полу, телевизор...

Рульфо оглядел все это, напрягшись, как струна, сжав кулаки, каждую секунду ожидая появления бог знает чего. Сердце его превратилось в молот в руках безумца.

– Сусана! – позвал Сесар. – Сусана!.. Смотри, кто к нам пришел...

Дверь распахнулась во всю ширь.

В маленькой комнате никого не было.

Сесар выглядел обескураженным.

– Должна быть дома... Ну да, в спальне... – И вдруг повернулся к Рульфо, ослабившись. – А что это ты так ею интересуешься, Саломон?.. Что, все еще ее трахаешь?

В нем всегда уживались два Рульфо, и первый настороженно наблюдал за иррациональными порывами второго. И сейчас случилось то же самое: он люто ненавидел себя самого, когда схватил Сесара за грудки и швырнул на софу, этот великолепный предмет обстановки, которым так гордился его бывший преподаватель. Сесар не сопротивлялся, позволяя обращаться с собой как с говорящей куклой, и, оказавшись на софе, не предпринял ни малейшей попытки подняться. Он всего лишь ухмыльнулся, обнажив гнилые зубы.

– Да ты не волнуйся... Я уже давно привык к вашим шашням... Кроме всего прочего, она предпочитает тебя... Любимого ученика... Ко мне она даже не подходит...

Рульфо решил не обращать на него внимания. «Он сошел с ума. Они, конечно, к нему уже наведывались. У него, должно быть, стих на теле». Он чувствовал страшную усталость и начинал понимать, что это состояние сказалось на его нервах. Покачиваясь, он отступил на несколько шагов и рухнул на ковер. Оба некоторое время тяжело дышали.

– Сесар, помоги мне! – воззвал Рульфо. – Если сможешь понять меня, помоги. Хочу их уничтожить. За то, что они сделали с Сусаной... За то, что они сделали с тобой...

– Ты не сможешь. – Он поднял дрожащую руку. – И думать забудь. Они не могут быть уничтожены. Они – сама поэзия. «Morir non puote alcuna fata mai...» – «Волшебницы не могут умереть», как сказал Ариосто^[75].

– Позволь мне попытаться.

– Нет, и думать не смей. Нет, нет, нет! Закончишь так же, как мой дед. Он славно пожил, этот гребаный старик, но под конец полностью слетел с катушек... Тебе нужно быть осторожнее... Поэзия не прощает. У нее когти коршуна. Помнишь Летицию Милано?..^[76] Поэзия вцепляется в тебя и тащит под облака, пока ты не начнешь задыхаться... Пока кислород не обожжет твои легкие и мозги. Нужно относиться... с уважением.

– Где те документы, которые ты вынес из дома Раушена?

– Я их прочел. Все.

– Я пришел как раз для того, чтобы ты мне об этом рассказал. Где они?

– Здесь. – Он указал на свою голову.

– Но этот CD, где он?

– Разломан. И компьютер тоже...

– Как это?..

– Тсс!.. Не кричи. Не кричи, пожалуйста. У меня голова болит. К тому же ее разбудишь. Сусана наверху. Это невероятно, то, что она рассказывает мне каждую ночь.

Рульфо прикрыл глаза, но на этот раз удержал себя в руках.

Он пытался рассуждать логически:

– Сусана тебе о чем-то говорит... по ночам?

– Видно, она тебе еще не надоела. Что ж, если ты думаешь, что все сведется к «трахаться, как мальчишки», как говорил Рембо... Кожа ее так холодна, что тебе не придется класть в виски лед, если ты поддержишь стакан между ее сисек. Но быть с ней – все еще истинное наслаждение... Эта девушка леденит кровь... Леденящая кровь – да, вот правильное слово!

Содрогнувшись, он подумал, что Сесар, может быть, имеет в виду Бакуларию, а может быть – Ламию. А может статься, что это лишь некая

проекция их образов в его больной мозг. Теперь Рульфо было очень стыдно, что он ударил Сесара.

– И что она тебе рассказывает?

– О, много разных историй... У меня встает, когда я ее слушаю, что бы она ни говорила. Но вот от поэзии она меня отвадила. Это самое худшее. Она ее просто стерла – вжик, и все. Я сжег свои книги. Вернее, как раз этим и занимаюсь... выбираю одну, а потом кидаю в огонь... Я и Дон Кихот, и священник сразу. Но это ни к чему не приводит, потому что я сам *превращаюсь в поэзию*. Знаешь, как это бывает?.. Очень странное ощущение... Словно окна в твоей голове раскрыты, и птицы могут *пролететь* сквозь тебя – отсюда сюда. – И он показал на оба виска. – Как выстрел, понимаешь?.. Так что... это очень трудно... уничтожить их... потому что они сами превращают тебя в то, чем являются. Хуже всего то, что отрицание поэзии – это тоже поэзия. Bricht das matte Herz noch immer...

[77] Как и с любовью. Поэзия – это болезнь мира, Саломон, горячка реальности. Подстерегает человека за углом. Идешь себе спокойненько прекрасным деньком – и вот, когда ты меньше всего ждешь этого, поэзия выскакивает и... сжирает тебя.

– Сесар...

– Их тринадцать. Как тринадцать строк сонета... В сонетах четырнадцать строк, но в их символике первый стих не имеет номера: это мы, люди-человеки, а последний не имеет имени – это номер тринадцать.

– Скажи мне, где дама номер тринадцать.

– В вакууме...

Теперь Сесар, казалось, задремал. Испустив вопль разочарования, Рульфо поднялся и вышел из комнаты, не озаботившись закрыть за собой дверь.

«СД. Может, он все еще существует».

Он обошел гостиную и заметил ноутбук Сесара на полу. Монитор был разбит, жесткий диск отсутствовал. Рульфо сдвинул носком ботинка стопки книг. В камине увидел гору черного бумажного пепла, сажа и пепел были вокруг и на ковре. Резко пахло гарью, ковер в некоторых местах был прожжен. Рульфо подумалось, но как-то смутно, что это очень опасно, но в тот момент озаботиться этой проблемой он не мог. Пошарил в куче пепла, но ничего не нашел. Отправился на кухню и напрасно заглянул в мусорное ведро. Удивительно, но оно было чистым и почти совсем пустым: несколько смятых бумажных салфеток, и все.

– А тебе известно, что мой дедушка был долбаным педиком? – Сесар продолжал говорить с ним из комнаты.

– Да, – сказал Рульфо, даже не слушая, и вышел из кухни.

«Спальня».

– Серьезно, Летиция Милано свела его в Париже с ума, поставляя ему мальчиков... Признаюсь тебе, что... Эй! Ты куда?.. Разбудишь Сусану!..

Рульфо поднимался по лестнице, направляясь к спальне, которая располагалась на чердаке.

Это было последнее помещение, которое он еще не обследовал. По дороге в нос шибануло жуткой вонью. Куда сильнее, чем этажом ниже.

– Не шуми... Если она проснется, то рассердится... Ты же ее знаешь...

Зажав нос пальцами, он толкнул дверь. То, что открылось его глазам, было похоже на комнату в квартире Бальестероса вчерашней ночью. Спальня напоминала бойню. Кровь уже давно высохла на стенах. Но на полу, возле кровати, посреди неподвижного и густого моря темно-красного цвета, было что-то еще. Сначала он не понял, чем это может быть. Мокрый шар, скорчившееся животное. Но потом он разглядел линию согнутого позвоночника, подогнутые и сгрызенные до колен ноги, обрубки рук, грязные светлые волосы, прилипшие к черепу, и (когда он обошел это вокруг)

Уроборос

открытый рот, разорванный, приникший к одной из ног,

Это Уроборос

наконец остановившийся.

Он хотел было перед уходом убить Сесара, но ему не хватило духу. Никакого стиха на животе у него он не нашел, но подозревал, что с его старым другом и учителем дамы блеснули изобретательностью. Они свели его с ума, просто *сделав так, что Сусана вернулась к нему*.

«Правда? Возвращение домой. Какая изысканность, Сага. Мои поздравления».

Он вел машину в окружении подмигивающих и влажных огней, со всей яростью и скоростью, которую мог выжать из движка. Теперь оставался единственный шанс: вдруг Ракель вспомнит что-нибудь важное.

Какой-то автомобиль встал перед ним на перекрестке, и Рульфо принялся изо всех сил жать на клаксон, словно дуя в ломаную трубу. Услышал проклятия, но поехал дальше.

Ракель была последней надеждой, что у них оставалась. Но что же еще она может вспомнить, кроме того, что уже вспомнила?

Или Лидия. Если Лидия снова установит с ними связь. Но он был уверен, что сны уже закончились. Неужто верно, что еще одна дама из

шабаша пытается им помочь?..

На светофоре загорелся желтый. Рульфо подумал, что сможет проехать, но машина перед ним затормозила, и, чертыхаясь, он вынужден был сделать то же самое.

Что он скажет Бальестеросу и Ракели, с нетерпением ждущих его возвращения? «Мне жаль. След оказался ложным. Мы не можем рассчитывать на документы Раушена».

Светофор будто сломался: зеленый свет все не загорался. Сгорая от нетерпения, Рульфо взглянул в сторону тротуара.

И увидел автоматическую стеклянную дверь с двумя маленькими елочками по сторонам.

Юная Жаклин любовалась пейзажем, сидя на диванчике на террасе своей виллы, построенной на скале, на Лазурном Берегу. В нескольких десятках метров от ее ног шумел неутомимый прибой. Уже стемнело, и где-то вдаль, прорезая темное небо, полыхали молнии. Холодный, но еще терпимый в этих широтах бриз шевелил полы ее полосатого халата.

Она была окружена всем самым приятным, но чувствовала бы себя так же хорошо в гробу под землей или объятая пламенем костра. Ее удовольствия, тайные и изощренные, не имели ничего общего с окружающей действительностью. Это были моменты счастья совсем иной природы – те удовольствия, которые погружали ее в райские кущи ощущений, длительностью которых она к тому же могла управлять по своему усмотрению.

Жаклин было всего двадцать два года. Живая, тоненькая, миниатюрная девушка с короткой стрижкой и карими глазами. Родилась в Париже, богата, живет одна, семьи и друзей нет, выглядит счастливой. И очень любезна. Так воспринимала ее целая толпа иммигрантов, обслуживающих ее роскошную резиденцию. Всегда с улыбкой на лице, всегда веселая эта мадемуазель. Очень любезная.

Но *то*, что гнездилось внутри, – *та другая*, что жила в ее взгляде и никогда не мигала, – было древнее многих вещей, на которые устремлялся ее взгляд. Порой Жаклин тешила себя мыслью: а что сказали бы о *другой* ее горничные, ее слуги – все те посторонние, что день за днем из кожи вон лезли, ухаживая за ее домом и за ней самой? Что они сказали бы, если смогли бы увидеть ее и сохранить после этого способность

мыслить

или дышать.

Губы ее сложились в сладкую улыбку. И в полном согласии с этим

нежным жестом горизонт озарила новая молния.

Удовольствия Жаклин оказывались и вправду очень странными, потому что это были удовольствия *другой*. Например, декламировать стихи вместе с Маду. Или, к примеру, татуировать филактерии на телах посторонних, чтобы понаблюдать за результатом. Или же развлекаться, унижая свою бывшую королеву. Но, конечно же, все это было не особенно важно. Действительно важно – стать способной одолеть реальность.

Реальность была такой хрупкой. Как зародыш внутри матки – такой она была. Ни одна из сестер не понимала до конца, какие выводы делает Сага из этой реальности. Как незащищена, как слаба эта спящая реальность; насколько похожа на пелену – неосязаемую и трепетную.

У нее во рту уже ждет своего часа строка Рембо, способная содрать пелену и порвать ее в клочья. Там же свил себе гнездышко стих из Горация, которого еще не слышал мир, и строчка Шекспира, которую ни одна из сестер никогда не читала так, как могла ее прочесть *она*. И однажды она их продекламирует – только для того, чтобы показать им, как тонка эта завеса, как просто ее можно сорвать. Однажды раскроются эти Рембо, Гораций и Шекспир и мир изменит свое лицо. Она сделает это. Она – Сага. Теперь ей доступно все.

Знала она и стих Элиота. И теперь была готова декламировать этого Элиота на его же языке. Стих был крохотный, и не из «Бесплодной земли», а из «Квартетов». Но он был *решающим*. Его назначение – добывать информацию. А расследование было как раз ее специальностью, ее коньком и ее силой. Удачное превращение в Сагу было долгим, очень долгим процессом, но результаты с лихвой окупали потраченное время.

Теперь наступала ее эра.

Еще одна вспышка осветила горизонт. Глаза девушки моргнули, но глаза, которые смотрели через нее, – нет.

В подвешенном состоянии оставался всего один вопрос, но и он решится. Причем решение будет таким же эффектным и быстрым, как этот проблеск молнии. Пустяковый вопрос в обширном пространстве вещей, наполнявших ее мир. Тем не менее она хотела его решить.

Окончательное Отторжение. Имаго Акелос уже в их руках. Теперь нужно созвать группу, чтобы уничтожить его. И – готово. Так же просто, как это сказать. Сестры, наверное, успели уже забыть об этом деле. Она – нет, не забыла.

Дело было пустяковое, но необходимое. Ей не терпелось навсегда избавиться от прежней Акелос. Ее беспокоило, что она все еще *существует*, хотя тело ее мертво, а сама она Устранена. Акелос была ее

главной противницей, гораздо более серьезной, чем поверженная Ракель. Ведь Акелос было досконально известно то единственное, относительно чего сама Сага оставалась в полном неведении, – судьба. Пути ее были невидимы, но реальны, и когда Жаклин выбирала один из них, то тут же обнаруживала, что прежняя Акелос уже давно по нему прошла – до конца. Новой же Акелос было еще очень и очень далеко до познаний прежней дамы: она и сравниться-то не могла с ней – ни по могуществу и власти, ни по накопленному опыту. Но было и кое-что похуже: Акелос владела обширной зоной тьмы, часть которой Саге была недоступна. И это внушало ей нешуточный страх, потому что она должна была располагать *всей* возможной тьмой.

Тем не менее дни прежней Акелос были сочтены.

Оставалось только выяснить, содействовал ли ей кто-нибудь. Оставалось проникнуть в странное молчание, царившее в мозгу Ракели. Но это еще проще: как только старая паучиха будет окончательно раздавлена, она начнет *работать* с девушкой. Ей уже однажды удалось превратить ее в покорную и дрожащую постороннюю, а пытка и смерть ее ребенка только усилили эти черты, как она совершенно верно в свое время и предположила.

Когда наступит час, падут последние оборонительные рубежи, она тараном проникнет в потаенные мысли Ракели и взорвет это *молчание*. И если есть среди дам еще одна предательница, то в конце концов Сага это обнаружит. А сейчас она продолжит давить на нее, на нее и на этих посторонних, которых Акелос удалось вовлечь в это дело своими филактериями. И они в конце концов скажут, кто им помогает.

Жаклин вспомнила, что следующее собрание состоится через три недели, в день зимнего солнцестояния.

И взглянула вдаль. Несколько молний полыхнуло в разных углах ее поля зрения, словно вызванных ее собственными глазами.

– Это что-то вроде психологической консультации. Когда я там оказался, было уже закрыто, но, быть может, у них есть и госпитализированные пациенты. Называется «Центр Мондрагон».

– Не знаю такого, – сказал Бальестерос. – Но ничего странного в этом нет. В Мадриде огромное количество частных медицинских центров самого разного профиля, которые обещают тебе золотые горы. Вернее, горы здоровья за твое золото.

– Не понимаю, что ты хочешь сказать, – вступила в разговор Ракель.

– Это просто игра слов, впрочем неудачная, – извинился

Бальестерос. – Но если учесть, что сейчас почти полночь, вы и не ждите от меня ничего другого, пожалуйста. За исключением кофе. Кто-нибудь хочет еще кофе?.. Нет?.. Ладно, а я буду.

И вылил остатки кофе в свою чашку. Кофе уже остыл, но Бальестерос подумал, что и такой напиток лучше, чем алкоголь, поглощаемый Рульо. У него еще не прошло похмелье после вчерашнего виски.

Рульо вернулся от Сесара, прекрасно понимая, что не годится на роль вестника лучших новостей. Он постарался скрыть, насколько это было возможно, самые неприятные подробности, но понял (выражение лиц обоих – и Бальестероса, и Ракели – говорило о том, что они все отлично понимают), что нет необходимости давать исчерпывающее описание, чтобы дойти до сути: у них едва ли остались шансы.

– Вот что у нас есть. Не много, но я хочу попасть в эту клинику, центр, или чем там он является, и поискать комнату номер тринадцать.

– Считаешь, что это может оказаться важным?

– Единственное, что я знаю, так это то, что видел во сне именно это место и что Лидия имела в виду именно его, когда сказала мне: «Это знает пациент из комнаты номер тринадцать». Кем бы ни был человек из этой комнаты, я должен с ним поговорить. Нам надо что-нибудь придумать, чтобы попасть в «Центр Мондрагон» завтра утром.

– А что ты там собираешься делать?

– Прежде всего попробовать действовать легально. Но если нам не ответят на вопросы, то все равно попасть внутрь. Они закрывают ровно в восемь; думаю, мне удастся спрятаться где-нибудь и досидеть до восьми, а когда здание опустеет, спокойно там все осмотреть.

– Тебе нужно как-то удостовериться в том, что потом ты сможешь оттуда выйти, – сказал Бальестерос, сам удивляясь тому, с какой естественностью принимает участие в разработке плана по вторжению на частную территорию.

– Придем заранее и осмотрим здание снаружи.

– Прошу прощения...

Оба обернулись к девушке. Она глядела на них, хлопая ресницами, словно сомневаясь в том, что собиралась сказать.

– Мне не хотелось бы менять тему, но... Я очень хотела бы посмотреть поэтические сборники.

Повисло молчание.

– Понимаю, – сказал Рульо, согласно кивая головой.

– Не думаю, что из этого что-то получится, – поторопилась прибавить она. – Я обрела память, а не способность декламировать. Но мне пришлось в

голову, что, быть может... я найду что-нибудь полезное.

– Это прекрасная идея, Ракель. – Рульфо кивнул еще раз. – Если и существует хоть что-нибудь, что может нас защитить или нанести им удар, так это поэзия.

Бальестерос поражался тому, что вот он слушает всю эту галиматью, а рацию его не кричит криком, протестуя. Но как раз в эту секунду его рацию страдало от боли в спине. Доктор потер поясницу и едва сдержал гримасу. Он битый час отскребал кровь от стен и пола в бывшей комнате своей дочери, в которой спала Ракель, – крови, возникшей ниоткуда, как и та зловещая девочка или жуткий образ Хулии, словно в результате взрыва невидимых тел. И он подумал, что лицом к лицу с этой болезненной реальностью вся разумная недоверчивость в мире рассыпается, подобно карточному домику. «Нет лучшего средства, ведущего к оккультизму, чем провести часок на карачках, отмывая кровь, – подумал он. – Хватает боли в пояснице, чтобы поверить в потусторонний мир».

Рульфо о чем-то его спрашивал.

– Сборники стихов?.. – Бальестерос в задумчивости подергал бороду. – Нет, у меня нет. Среди моих книг точно нет... Может, у Хулии... Да, думаю, у нее есть что-то Пемана^[78]. Он ей нравился. Пеман вам подойдет?

– Нет, – сказала она.

– Я так и думал. И что такое творится сегодня с Пеманом, если он даже на это не годится?

– Ничего, что было бы связано лично с Пеманом, – пояснил Рульфо. – Как мне говорил Сесар, только очень немногие поэты за всю историю человечества сочинили стихи власти, вдохновленные дамами. В своем подавляющем большинстве поэты писали просто прекрасные, но совершенно безобидные стихи.

– Что ж, в таком случае я не могу вам помочь.

– Не беспокойся. У меня дома неплохая коллекция. Поедем завтра утром, Ракель. И у тебя будет целый день, чтобы отобрать книги. А ты, Эухенио, как только поможешь мне проникнуть в эту клинику, присоединишься к Ракели, и вы оба меня там подождете. Пойдет?

Оба были согласны, и на мгновение повисла тишина. Рульфо посмотрел на обоих: они выглядели такими же усталыми, как и он, или даже больше, но он ничего не хотел упустить, особенно то, что представлялось ему жизненно важным. Он обратился к девушке:

– Как думаешь, сколько у нас есть времени?

Она немного помолчала.

– Сначала они должны собраться, чтобы провести ритуал под

названием «Окончательное Отторжение» и уничтожить имаго, и это произойдет в конкретный день... Если они собираются оставить нас в живых до того дня... Так что если нам очень повезет, то в нашем распоряжении три недели, до зимнего солнцестояния.

Рульфо и Бальестерос беспокойно заерзали.

– Три недели, – произнес врач. – Не слишком-то много времени, чтобы отыскать эту... эту даму номер тринадцать. Если мы ее найдем, конечно...

– Мы ее найдем, – заявил Рульфо. – А сейчас нужно постараться заснуть. Очень важно восстановить силы.

Совещание тут же закончилось.

Вестибюль «Центра Мондрагон» показался им тесным и холодным, как могила. Современная живопись на стенах, декоративные растения и кожаные диваны. Рульфо был совершенно уверен, что никогда в жизни здесь не был, но это только подкрепило его гипотезу, что сны дают важную зацепку.

За стойкой приема перед компьютером сидела женщина. Поскольку они заранее распределили роли, говорил только Бальестерос. Он предъявил свое медицинское удостоверение и свою наилучшую улыбку и назвал имя предполагаемого пациента, получавшего психологическую помощь в центре. Бальестерос облокотился на стойку, для пущего удобства общения, и не произносил и двух слов кряду, не сопроводив их улыбкой. Женщина с вьющимися волосами цвета красного дерева улыбалась ему в ответ, одновременно выдавая запрошенную информацию. Нет, в центре нет ни одного госпитализированного пациента, и врачей тоже нет, только психологи. Также нет комнаты с номером тринадцать. Очень жаль, но сейчас она не может позволить Бальестеросу пройти по центру: в нем проводятся сеансы психотерапии. Возможно, если он придет завтра перед закрытием... Но она и сама берется рассказать ему все, что его интересует, вне всякого сомнения. Время от времени он задавал ей вопрос, который требовал обращения к монитору. И вот она в очередной раз подняла взгляд от экрана, и у нее не возникло впечатления, что что-то изменилось.

Она даже не заметила, что молодой бородач, сопровождавший доктора, куда-то исчез.

Рульфо юркнул в коридор. За поворотом обнаружился холл, где ожидали пять-шесть человек, и каждый был погружен в свое индивидуальное одиночество. По какой-то непонятной причине они оглядели его со странной придирчивостью. Он отправился дальше, не

останавливаясь, и обнаружил туалетную комнату, дверь которой не выходила в холл. Рульфо открыл ее и вошел.

Дизайн был рассчитан явно на очень современных больных. Резкие прямоугольные тени прорезали стены, чередуясь с полосами света от минималистских светильников. В воздухе витал запах дорогого освежителя. Никого не было. Рульфо выбрал последнюю кабинку, вошел и закрыл дверь на задвижку, но, убедившись, что при этом автоматически включаются свет и вентиляция, решил задвижку открыть и сидеть в темноте. Если кто-нибудь попытается войти в его кабинку, он всегда сможет сказать, что здесь занято.

Теперь оставалось только ждать.

В вестибюле произошло наконец ровно то, на что и надеялся Бальестерос: другой посетитель потребовал внимания женщины за стойкой. Он с удовольствием уступил ему свое место. Ему вовсе не улыбалось довести до логического конца эту их увлекательнейшую болтовню и дать женщине время припомнить, что он был не один; теперь же, когда она должна была переключить внимание на другой объект, риск, по его мнению, был сведен к минимуму. Он мысленно пожелал Рульфо всяческой удачи и вышел на улицу.

Гёльдерлин. Из головы не выходил Гёльдерлин. К счастью, у Рульфо было оригинальное издание его «Безумных поэм». Ни один перевод ее не устроил бы.

Она сняла с полки книгу, спустилась со стула, держа книгу обеими руками, и аккуратно положила ее на стол, рядом с другими. Затем остановилась, обдумывая следующий выбор.

Прошлой ночью Рульфо пояснил Бальестеросу, что поэтов, сочинивших стихи власти, относительно немного. По большому счету, он был прав. Но были в этом деле и очень тонкие оттенки, и она начала их вспоминать. У Омара Хайяма^[79] во всех его «Рубаи» был только один стих власти, но эффект его был таков, что с лихвой компенсировал эту скудость. Стихи Педро Салинаса^[80] и Хорхе Гильена^[81], которые не были вдохновляемы дамами, содержали в себе страшной силы бомбы в две-три строки. Байрон написал целую строфу невообразимой разрушительной силы, но, чтобы получить нужный эффект, ее следует читать задом наперед.

Тем не менее она решила, что не может терять время на самые слабые стихи. Нужно браться сразу за самые опасные.

Вот, к примеру, молодой и болезненный Изидор Дюкасс, известный

под псевдонимом граф Лотреамон, и его «Песни Мальдорора». В этих стихотворениях в прозе было столько силы, что, насколько она помнила, человеческой жизни не хватило бы, чтобы все это использовать. Она отыскала его оригинальное издание в мягкой обложке и положила книгу на стол. Рядом на полке она увидела сборник «„Башня“ и другие стихотворения» Йейтса^[82]. Вспомнила, что Йейтса вдохновляла Инкантатрикс, которую он впервые увидел во сне еще ребенком, в Слайго, а позже, юношей, созерцал стоящей на омываемом волнами утесе – призрачную, туманную, подобную пене морской. Нужно взять с собой и Лорку. Она полагала, что у Рульфо наверняка есть какое-нибудь хорошее издание «Цыганского романсеро».

Горло стиснул спазм, она едва не плакала. Все эти имена появлялись не одни, а в сопровождении потаенных воспоминаний.

Она видела саму себя, наблюдающую глазами кота за тем, как Т. С. Элиот пишет свою «Бесплодную землю». Вспоминала, как беседовала со слепым Борхесом и слепым Гомером. Вставали перед глазами какие-то смутные образы туник и факелов на церемонии с участием Горация. Как-то раз ее пытался поцеловать Джон Донн^[83]. В другой раз она разглядывала спящего Висенте Алейсандре^[84], а однажды, уже совсем в другое время и в другом месте, встретила глазами с Вордсвортом^[85] посреди стайки мальчишек, игравших на улице.

Когда-то все это было совсем по-другому. Но теперь не имело никакого значения. Разве не оставила она это все сама, взяв взамен всего лишь одно, одно-единственное?

«Не думай о нем».

Нечто непере译имое, плоть, неспособная быть записанной, продекламированной, рассказанной. Жизнь, которая вдруг, совсем неожиданно, тоже дала ей возможность ощутить себя могущественной, но таким способом, которого ни одна стихотворная строка дать бы ей не смогла...

Да, Рульфо был прав: месть необходима. Даже будучи всего лишь посторонней, она смогла отомстить Патрисию за его тиранию. Теперь, когда память ее восстановилась, она точно знает, кто ее истинный враг. «Ты ведь уже растерзала меня на кусочки, Сага, ты уже покончила со мной... Но твоей большой ошибкой стало то, что ты растоптала эти кусочки. Теперь – довольно. Я заставлю тебя платить. Я приду за тобой».

Послышался звук открываемой двери, и она провела руками по щекам, отирая слезы.

– Дело сделано, – сказал Бальестерос, входя в столовую. – Саломон остался в этой клинике... Было бы здорово, если бы ему повезло. А что с тобой?

– Ничего.

Доктор глядел на нее с порога своими добрыми и усталыми серыми глазами:

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да... Дело в том... что все это очень непросто.

Он понимающе кивнул. На девушке была ее обычная одежда. Уже трижды побывав в стиральной машине, вещи эти превратились в выцветшие, севшие тряпки с неустранимыми пятнами крови, но в глазах Бальестероса она – вот такая, стоявшая на цыпочках на стуле, – была самой красивой девушкой на свете. Он, чуть пристыженный, обвел глазами комнату и увидел стопки книг на столе.

– Потихонечку вспоминаешь?

– Кое-что.

– А мне все это по-прежнему видится совершенно безумным... – Он взял наудачу один из томов и полистал его. – В конце концов, это же всего лишь поэ...

– *Оставь это!*

Он застыл на месте с книгой в руке. Возглас девушки его напугал. Она заморгала:

– Извини, я не должна была на тебя кричать. Но Шекспир очень опасен...

– Понимаю. – Бальестерос кивнул и осторожно положил обратно на стол английское издание сонетов Шекспира.

Время как будто остановилось. Он по-прежнему сидел в темноте и ждал. Пока что его никто не обнаружил. Но что он должен делать потом? И он спрашивал себя: верно ли, что здесь, как сказала женщина за стойкой, нет ни одной комнаты с таким номером? А если это так, что ему делать?

Но кое в чем он был твердо уверен: нужно внимательно проверить все здание. Он не уйдет отсюда, пока не убедится, что здесь нет ни одного пациента. Он молился про себя, чтобы слова женщины оказались неправдой. Молился, чтобы смог найти хотя бы комнату с номером тринадцать на двери: он знал, что за этой дверью его ждет ключ к разгадке того, где же прячется последняя дама, – другими словами, ее вместилища.

Он в очередной раз взглянул на светящийся циферблат своих часов. Центр только что закрылся. Беспокоясь, что в здании остались какие-

нибудь припозднившиеся сотрудники или охранники, он решил подождать еще пару часов.

«Три недели, – подумал Рульфо. – Так мало времени».

Как сказал Бальестерос: все зависит от того, насколько трудно будет найти даму номер тринадцать, если, конечно, они вообще смогут ее найти.

«Три недели, – подумала Жаклин. – Слишком много времени».

Беззвучная гроза разворачивалась вдали. Молнии взрезали небосвод.

Не то чтобы она беспокоилась. Чего ей, собственно, бояться? Ракель и ее друзья – не более чем простые посторонние, они не умеют декламировать, а ничто из того, что они сделать могут, не представляет никакой угрозы для тех, кто, как дамы, в совершенстве знает все могущество поэзии и превосходно им пользуется. Естественно, она в курсе их отчаянного плана – найти даму номер тринадцать...

И улыбнулась, подумав об этом. Даже в том случае, если им это удастся, даже если они расшифруют последние сны, которые хитрюга Акелос поместила в их сознание, и обнаружат-таки, где она прячется, как они заставят ее оттуда выйти?.. Это была абсолютно безумная затея, и скоро они в этом убедятся. Нет, она совсем не беспокоится, но...

«Но всегда лучше чуть пораньше, правда, Жаклин?» Уничтожить имаго, узнать, есть ли еще одна предательница, расправиться с Ракелью и этими посторонними.

Теоретически существовала возможность *приблизить* собрание, но этой привилегией обладала только Сага, то есть она. Подобное решение носило бы исключительный характер и было бы чревато рисками, потому что вне Дней Церемонии группа была слаба. Тем не менее, как подсказывала ей интуиция, именно в этом случае такое решение будет *правильным*. Да, они соберутся не через три недели, а гораздо раньше – не пройдет и одной.

Лениво потягиваясь, Жаклин улеглась на диван и закрыла глаза.

Но то, что обитало внутри ее, не мигая, продолжало глядеть на дальнюю грозу.

XIII. Дама номер 13

Секунду он не мог сообразить, где находится. Понял, что заснул и даже видел сон. Ему снилась Беатрис. Они вдвоем на пляже, над головами стоя облаков самых замысловатых форм. И вот она медленно идет от него к морю, а он – за ней, но, когда он входит в море, перед его глазами уже только посиневшее тело утопленницы, похожее на поднятую со дна водоросль, тихо покачиваемую прозрачными волнами.

Грусть, охватившая его после пробуждения, была гораздо более глубокой и черной, чем окружавшая темнота. Вдруг вспомнилось, где он находится и что ему предстоит. Он спал, сидя на крышке унитаза, и у него болела спина. Карманы куртки при каждом движении позванивали от множества принесенных с собой инструментов. Поглядел на часы: 23:42, встал, потянулся и стал прислушиваться, пытаясь уловить какой-нибудь странный звук. Но было тихо. Он осторожно открыл дверь.

В туалетной комнате было темно. Прежде чем двинуться в путь, он пошарил в кармане и нащупал маленький фонарик, которым снабдил его Бальестерос, но пока решил его не включать.

Выглянул за дверь – все черно и спокойно. Оказывается, он успел забыть, куда нужно повернуть, чтобы попасть в холл. Все вокруг такое тихое и пустынное, что он не мог определить направление. И он решил рискнуть и зажечь фонарик.

И эта бархатная золотая дорожка дала ему возможность определиться.

Библиотека казалась бесконечной. Разобрав стопки книг, громоздившиеся возле компьютера, девушка увидела антресоль, встала на стул и стала проверять, что там лежит.

Бальестерос взглянул на часы: 23:40. Он тревожился о том, что там с Рульфо, что там может происходить. Он полагал, что Рульфо ничего еще не нашел, поскольку обещал позвонить, если обнаружит что-то важное. Но можно было ожидать, что найдут-то как раз его. И доктор улыбнулся: забавно будет, если расправятся с ними не ведьмы, а полиция – арестует за вторжение в частную собственность. И чтобы отвлечься от этих мыслей, он решил поговорить с Ракелью:

– Ты вот сказала недавно, что поэты опасны. Но Шекспира, например, частенько декламируют в театрах по всему миру, и ничего не происходит...

Девушка, только что доставшая сверху несколько книг и

пролистывавшая их, обернулась к Бальестеросу. Доктор едва удержался, чтобы не задрожать. «Бог ты мой, как же красива!»

Утром ему довелось увидеть ее обнаженной. Доктор уступил ей свою постель, поскольку комната его дочери была еще не полностью отмыта от крови, а сам улегся на диване, но, поднявшись уже около полудня, он вынужден был заглянуть в свою спальню, чтобы взять кое-что из одежды. Он открыл дверь, и полоска света пробежала по кремового цвета простыне, голым ногам, округлостям ягодиц, согнутой руке и рассыпанным по подушке черным волосам. Девушка спала, подложив левую руку под щеку, правая откинулась на бедро. Грудь мягко вздымалась в такт мерному дыханию, подобно облакам. Бальестероса бросило в жар. Ему и в голову не приходило, что она может спать без одежды. Смотреть на нее он считал предосудительным, но глаз отвести не мог. Он никогда не видел такой прекрасной женщины и даже не подозревал, что такие бывают. Она не была похожа ни на одну реальную женщину, которую ему приходилось где-либо видеть, даже в кино. Это было какое-то странное, сверхъестественное создание. «Ведьма, быть может». Он еще какое-то время не отрывал от нее взгляда, а потом вдруг испугался, что случайно разбудит ее и она узнает, что он ее разглядывает. Он поспешно схватил свои вещи и быстро вышел.

И это непрошеное воспоминание заставило доктора сглотнуть, пока она отвечала на его вопрос, все еще стоя на стуле:

– Актеры не умеют правильно декламировать стихи власти. И тем не менее всегда *происходит что-то*, даже если и малозначительное. Иногда, по чистой случайности, стихи читаются *почти* правильно. Но поскольку это выходит случайно, эффект обнаруживается в другом месте и в другое время...

Доктор, как ему показалось, понял. Это как взяться разбирать детонатор, не зная толком, как он устроен и для чего предназначен: может, у тебя никогда не получится произвести взрыв, может, ты его дезактивируешь, но может выйти и так, что бомба взорвется прямо у тебя в руках.

– Какого рода эффекты?

– Почти всегда что-то ужасное: эпидемия, землетрясение, убийство...

Тут Бальестеросу пришла в голову одна мысль.

– И... дорожная авария, она тоже может?

– Да, много аварий.

Он замолчал, потрясенный. И спросил себя: что за стих и какого автора навсегда растоптал жизнь его жены на той автостраде? Что за строка, прочтенная наудачу, заставила взорваться мозг Хулии в их машине?

Никогда до этого самого момента он не подозревал, что поэзия – такая волнующая вещь.

Слева от него располагался холл, справа – лестничная площадка, за ней – лестница. Коридор шел дальше, куда-то в глубину, с обеих сторон в него выходили двери, словно закрытые возможности. Он направил луч света на дверные таблички. Перед идущим вниз пролетом лестницы висела табличка со стрелкой и словом: «Архив». Стрелка наверх сопровождалась другой надписью: «Терапевтические кабинеты Е и О». Он пренебрег обеими стрелками, прошел немного дальше по коридору и осветил первую дверь: «А1». Попробовал открыть. Закрыто.

На секунду остановился подумать.

«А теперь что, Лидия? Спуститься в „Архив“? Подняться в „Терапевтические кабинеты“?»

Вдруг он застыл с открытым ртом.

лидия

«Боже мой!»

Почти невероятно, что он не вспоминал об этом до этого мгновения. До этого самого мгновения.

лидия гаретти

Он пошел назад и вернулся к лестнице, ведущей в «Архив». Лестница делала поворот под прямым углом и заканчивалась коротким коридором с тремя дверями. Все они были закрыты. Но когда он направил на них луч фонарика, первая дверь начала открываться – медленно и беззвучно, словно проблеск идеи.

Почти *дежавю*: повторился тот миг, когда железная дверь ограды сада молодой итальянки сделала то же самое. Чувствуя, как сильно бьется сердце, он направил в растущую щель свет и вошел. Комната оказалась узкой, без единого окна, заставленной стеллажами с каталожными ящиками. Рульфо выдвинул ящик с буквой «г» и через несколько секунд уже держал в руках то, что искал.

В луче света – та самая карточка.

Лидия Гаретти.

Ее карточка. Ее фотография.

Он хорошо помнил, как Сусана пересказывала ему слова журналистки. Лидия Гаретти проходила «психологическое лечение». Но Сусана не сказала ему, где именно, а он ее и не спросил. «Естественно, в „Центре Мондрагон“, ведь так, Лидия? Вот и еще одна зацепка для меня».

На карточке была рукописная пометка, наверняка лечащего врача: «Проведено всего два сеанса. Курс лечения прервала». «Ты бросила терапию, потому что пришла сюда вовсе не за этим, так? На самом деле ты пришла сюда оставить филактерию. Ты появилась здесь несколько лет назад, чтобы оставить мне еще один ключ, как и те, другие, как с дедом Сесара или Раушеном. Еще один ключ. Но какой?»

Он стал читать дальше. Оба сеанса с ней проходили в одном и том же кабинете: E1.

«E1».

Он поставил карточку на место, задвинул ящик, вышел из комнаты и закрыл дверь. Поднялся опять на первый этаж и пошел по лестнице выше – туда, где находились терапевтические кабинеты.

С площадки второго этажа он увидел еще один холл для посетителей, ожидающих приема, и коридор. Двинулся прямо по коридору. Но, дойдя до поворота, резко остановился. Кто-то шел прямо на него, освещая его лучом фонарика. На несколько секунд Рульфо задержал дыхание, испугавшись и лихорадочно пытаясь придумать правдоподобное объяснение своего присутствия в центре. Но тут же понял, что это зеркало. Пространство коридора увеличивалось благодаря зеркалу, отражающему двери напротив. И в зеркальном отражении первой же двери он прочел:

13

Обернулся к самой двери с табличкой «E1». Значит, именно это и есть комната *номер тринадцать*.

Как раз в этот миг дверь начала открываться с тем же таинственным беззвучием, как и дверь архива в подвале.

Рульфо легонько толкнул ее и заглянул в темноту. Луч фонарика высветил диван, стену с висящими на ней дипломами, общую фотографию университетского выпуска, письменный стол, два стоящих друг против друга стула. На секунду он замер на пороге. Что-то говорило ему, что нужно остановиться, что лучше не входить. (*Оставь надежду.*) Он понятия не имел, что это было, возможно тот же самый страх, который заставил его медлить перед аквариумом в доме Лидии или перед воротами заброшенного склада. (*Оставь надежду.*)

Но это чувство прошло. Он медленно набрал в грудь воздуха, вошел и повернулся к тому углу, который до тех пор находился вне поля его зрения,

оставаясь за дверью. Он направил туда луч света, и то, что он увидел, заставило его вскрикнуть.

Сидя на стуле, спиной к нему, ждал человек.

Пациент из комнаты номер тринадцать.

Бальестерос вновь взглянул на часы. Почти половина первого. «Центр Мондрагон» закрылся более четырех часов назад. Сколько времени могло понадобиться Рульфо, чтобы осмотреть его?

«С ним что-то случилось».

Он ощутил тревогу. Взглянул на комод в спальне, на котором выросли новые стопки тщательно отобранных книг. Девушка продолжала рыться на антресолях.

«С ним что-то случилось, точно. Его застукали. Может, лучше мне туда подъехать, хотя бы только для того...»

— А кто это такая? — внезапно спросила она. — Тут у него целая коллекция.

Она показывала доктору вставленную в рамку фотографию, на которой Рульфо стоит в обнимку с темноволосой девушкой, очень привлекательной, с загадочными зелеными глазами.

Бальестерос никогда ее не видел, но сразу же догадался, о ком идет речь:

— Должно быть, это его девушка... Вернее, та, что умерла, Беатрис Даггер. Саломон ничего тебе о ней не говорил?..

Девушка отрицательно покачала головой. Она доставала одну фотографию за другой.

— Мне он рассказал. Очень печальная история. Насколько я помню, они были вместе всего два года и, кажется, очень любили друг друга. А потом с ней случился несчастный случай, очень нелепый, и все закончилось.

Ракель положила обратно бо`льшую часть фотографий, но оставила у себя одну — ту, на которой было только лицо девушки. Она держала фото обеими руками и внимательно, с нескрываемым интересом его разглядывала.

Фонарь дрожащим лучом освещал затылок человека. Это был молодой и крепкий мужчина, с широкими плечами и довольно длинными черными волосами. Что-то в его облике, даже со спины, казалось Рульфо знакомым, как будто он встречал его раньше. Но единственное, в чем он был твердо уверен, так это в том, что человек этот — именно тот тип, разговор с которым и есть цель его прихода.

Самым странным было то, что человек, по всей видимости, не догадывался о его приходе. Он продолжал все так же неподвижно сидеть в темноте. Рульфо шагнул вперед и обтер рукавом пересохшие губы:

– Послушайте, вам нечего бояться... Я только хочу поговорить с...

И тогда человек повернулся к нему.

Бальестерос осекся, заметив выражение ее лица.

– Что случилось?.. Что с тобой?..

Она глядела на портрет, хмуря брови, словно что-то в том, что она видела, сбивало ее с толку; затем на ее лицо вернулось обычное выражение безразличия, она отрицательно покачала головой, но мгновением позже вновь проявился тот же внезапный интерес.

– Ты знаешь ее? – спросил Бальестерос.

Завыла тревожная сигнализация – обезумев, поглотив звук бьющегося стекла. Кто-то только что взломал двери психологического центра, но не для того, чтобы туда проникнуть, а чтобы оттуда выйти. Взломщик со всех ног бросился прочь в рассветной тишине, но, если б нашелся свидетель этого происшествия, он выразил бы сомнение в том, что бегущий человек – грабитель. Дело в том, что при нем не было никакой сумки с вынесенными ценностями или деньгами. И еще: на его лице читалось не страстное желание грабителя не быть пойманным, а абсолютный ужас того, кто знает, что уже пойман, куда бы он ни направился и как бы быстро ни бежал.

Пойман.

Навсегда.

– Нет, я не знаю ее... Мне всего лишь показалось, что... – Она потрянула головой. – Нет, это ерун...

В эту секунду распахнулась дверь спальни.

Они не слышали, как он пришел, и оба вздрогнули. Фото в рамочке, которое было у нее в руках, выскользнуло и, на долю секунды отразив свет лампы, ударилось об пол,

и стекло

треснуло

по диагонали.

Безобразная трещина пробежала по улыбающемуся прекрасному лицу Беатрис Даггер.

Довольно долго никто не произносил ни слова. Рульфо закрыл лицо обеими руками, и его не тревожили. Но молчание сделалось еще более глубоким, когда он поднял глаза и они смогли взглянуть ему в лицо.

– Лидия Гаретти посещала эту клинику и оставила для меня филактерию... Она была под рамкой университетской выпускной фотографии... Стих Вергилия: «*Hic locus est partes ubi se via findit in ambas*» – «В этом месте дорога расходится на две...» Стих навел на меня сон, в котором я видел клинику, открыл мне ее двери и вызвал галлюцинацию: я увидел мужчину, сидящего в той самой комнате. Это был я. И тогда я понял все.

Бальестеросу подумалось, что в тот день, когда умерла его жена, у него самого был точно такой же взгляд, который сейчас он заметил у Рульфо.

– Но зачем нужно было давать понять тебе это именно так, таким сложным и запутанным способом? – поинтересовался он.

Ракель впервые вступила в разговор:

– Он и есть вместилище. Необходимо было поставить его перед самим собой, чтобы он сам все понял.

– А зачем надо было выбирать именно это место? Почему психологический центр? Почему не какое-нибудь другое место?

– Беатрис была психологом. – Голос Рульфо звучал монотонно, как будто говорил мертвец. – Она родилась в Германии, а училась в Мадриде... И ее фотография тоже была там, на фото университетского выпуска.

Он предполагал, что Раушен как-то об этом догадывался, поэтому и следил за ней из Германии. Возможно, кто она, он в точности не знал, но ему было известно, что учится она где-то в Испании. Он почти улыбнулся этой дьявольской иронии: дама, которую искали Раушен, Сесар и он, оказалась Беатрис, а ее вместилищем – он сам.

– Ты не должен себя винить, – сказала девушка. – Безымянная дама выбрала тебя и проникла при помощи стихов в тело этой девушки. Она была в ее глазах: это то, что и привлекло мое внимание в ее портретах... Она манипулировала ею, сделала так, что ты с ней встретился, влюбился в нее, а потом убрала ее с дороги и проникла внутрь твоего мозга, воспользовавшись вашей с ней любовью... Превосходное убежище: ты носишь ее в себе, даже не подозревая об этом. Любовь – это как раз то чувство, которое они используют, чтобы вдохновлять поэтов, но дама номер тринадцать пользовалась им, чтобы залезть в того, кого она выбрала. Через какое-то время она покинула бы тебя, чтобы найти себе другое вместилище.

Рульфо покачал головой, как будто не слыша ее слов:

– Она выбрала меня, потому что знала, что я никогда ее не забуду. И жила во мне все это время в свое удовольствие...

И Рульфо с удивлением отметил, что боль уходит из его груди, уступая дорогу явному отвращению: он как будто чувствовал движение огромного червя, солитера, ползущего через его мозг. Он вновь взглянул на разбитый портрет на полу и понял, что у него уже нет будущего. Но в то же время созерцание прекрасных черт Беатрис за стеклом приносило и облегчение, словно после целой вечности страстного ожидания он смог поднять якоря и покинуть наконец то болото, в котором столько времени простаивал.

Он повернулся к Ракели. Девушка, казалось, сочувствует ему, но он знал, что это не так. «Она – дама. Или была ею какое-то время назад. А они никому не сочувствуют. У них нет чувств».

– Нужно следовать намеченному плану. Как нам заставить ее выйти из меня?..

– Это самое трудное. Есть стихи, которые могут заставить ее выйти, но мне понадобится немало времени, чтобы найти их и добиться правильной интонации.

– Сколько?

– Для простой посторонней, как я теперь, правильно прочитать стих – это вопрос счастливой случайности. Возможно, у меня получится завтра, но может быть и так, что спустя недели или месяцы...

– Мы не можем рисковать. Какой еще существует способ, чтобы вытащить ее из моей головы?..

Она не отвечала, только пристально на него смотрела. И Рульфо, по-видимому, ее понял.

– Однажды я слышал от тебя, что вместилище не может быть уничтожено... Значит ли это, что я не могу умереть?

– Нет. Это значит, что, пока она в тебе, она будет заботиться о том, чтобы с тобой ничего страшного не случилось. Поэтому ты и вышел живым из усадьбы.

– Но если, несмотря на это, кто-то его разрушит...

Девушка не отводила от него глаз:

– Она выйдет. Улизнет. Но ты умрешь, а она найдет себе другое место.

– Это как поджечь логово, да? – Выражение лица Рульфо было странным. – Словно подпалить его, чтобы заставить гадину показаться?

– Да. Только ты умрешь, а она убежит, – ответила девушка.

– И ничто не может задержать ее, когда она выйдет?

– Вода может. В воде они бессильны. Это помогло бы ее задержать, но

всего на несколько секунд.

– А потом?

– Потом сгодится нарисованный на полу круг. Вне вместилища она как рак-отшельник без раковины. Если нам удастся дотащить ее до круга, задержать ее там будет не очень трудно...

– А после того как она окажется в круге?

– Мы потребуем от нее, чтобы она назвала нам день, выбранный для уничтожения имаго, а еще мы заставим ее дать нам доступ внутрь. Таким образом, *шабаш* окажется перед нами практически беззащитным, и нам только нужно будет продумать свою атаку.

– Нужно попробовать. – Рульфо снял пиджак. – И надеюсь, что вы сможете сделать это без меня, – прибавил он.

Еще несколько секунд они с девушкой молча смотрели друг другу в глаза, обмениваясь прощальными взглядами. Его почти пугала та решимость, которую увидел он в этих двух глубоких черных колодцах. «Она хочет, чтобы я это сделал. Хочет, чтобы я попытался сделать то, о чем я думаю».

– Нарисуйте на полу в столовой этот круг, – произнес он наконец.

– Минуточку, одну минуту... – Бальестерос, который до сих пор смущенно и в полном молчании слушал этот разговор, внезапно встал на ноги. – Если я правильно понял, ты собираешься «поджечь логово»... Погоди-ка одну минуточку!.. Сеньор Импульсивный, я догадываюсь, каково тебе, но вот что я скажу тебе: с помощью колдовства или без него, но ты не первый и не последний, кого обманывают – так или иначе, тем или другим способом. Прекрати жалеть себя, наконец, черт побери! Ты же слышал Ракель: тебе, может, и удастся заставить ее выйти, но сам-то ты окочуришься. Так что давай садись обратно на стул, и мы подумаем, как...

– Эухенио, – перебил его Рульфо. Он понял, что теперь не время ходить вокруг да около. Он знал, что Бальестерос хочет помешать ему сделать этот шаг, но спорить, собственно, не о чем. – У тебя ведь трое детей, так? Они уже взрослые, у них свои семьи, и, как я слышал, старший ждет рождения ребенка, твоего первого внука... Прошлой ночью дамы вызвали образ твоей жены, чтобы через нее угрожать вашим детям... И это не пустые угрозы. Саге я нужен живым, так же как и Ракели: она ей нужна, чтобы заговорила, я – потому что во мне прячется дама без имени. Она в конце концов нас прикончит, но, скорее всего, не сейчас. А вот ты и твоя семья для нее совершенно *несущественны*. Как только она уничтожит имаго, она сотрет вас с лица земли. И уверяю тебя, ты не станешь первым. Им станет твой старший сын. Или твоя дочь. А может, она подождет, пока

родится твой внук... – Рульфо говорил ровно, без интонаций, словно перечислял самоочевидные и в то же время не имеющие никакого значения вещи. – Так что дай мне сделать то, что я должен сделать. Что бы ни случилось, я уже мертвец. Моя жизнь подошла к концу, а вот твои дети живы и счастливы. Думай о них.

Бальестерос по-прежнему не двигался, словно окаменел. Рульфо обошел его и направился в ванную.

– На кухне есть банка белой краски. Скажите мне, когда круг будет готов.

И закрыл дверь.

Много времени это не заняло. Они сдвинули в сторону стол и стулья, освободили середину комнаты и отнесли в спальню все поэтические сборники, которые достала с полок Ракель. («Они не должны быть рядом с ней», – сказала Ракель.) И девушка принялась рисовать на паркете требуемую фигуру, вооружившись старой заскорузлой кистью.

Бальестерос молча смотрел на нее, стараясь не думать о том, кто заперся в ванной и ждет. Он слышал монотонное журчание воды – для него этот звук превращался в барабанную дробь. Он знал, что ведет себя как трус, допуская эту дикость. Все его существо восставало при одной мысли, что он даст Рульфо выполнить свое намерение, но сам он ничего не мог поделать, чтобы помочь решить проблему.

Его дети. Этот идиот прав. *Их дети.*

И вновь перед глазами встал жуткий образ Хулии, насмехающейся над всем тем, что он полагал священным, – его болью, его воспоминаниями... И в самом деле, ведьмы они или нет, но было необходимо что-то предпринять, ответить им ударом, покончить с ними. Ярость, клокотавшая в душе, не позволяла ему остановить Рульфо, но никогда в жизни не принимал он такого трудного решения.

Девушка еще раз обвела окружность, положив новый слой краски. Важно, сказала она, не оставить ни одной щелочки. После этого она выпрямилась и взглянула на Бальестероса. В глазах ее, как показалось доктору, проглядывало все то же слепое отчаяние, которое он уже заметил в глазах Рульфо. И вдруг для него стала очевидной разделявшая их пропасть: эти двое боролись, чтобы погибнуть, а он – чтобы жить. «Они потеряли то, что больше всего любили. И им уже не важно, что ждет впереди. Но они не хотят уйти, не дав последнего сражения».

– Он просил, чтобы мы сказали, когда закончим, – пробормотала она, и Бальестерос увидел, что она направляется в ванную.

Он задавался вопросом: как это будет, похоже ли это на путешествие? Может, смерть всего лишь что-то вроде переезда или миграции, как у аистов? Он посмотрел вокруг, и ему показалось, что все стало каким-то священным: мыльница, белая плитка на стенах, пластиковая шторка, картинка с арлекинами на стене, игра света на поверхности воды... Вещи обретали некое бессмертие, в то время как он свое терял.

Это было довольно нелепое место для такой же нелепой смерти, но он решил, что Бальестерос был абсолютно прав, сказав как-то, что смерть не бывает романтической. Кроме того, Рульфо считал, что именно место действия – ванна – будет отличной формой для взаимного сведения счетов: если она обманула его, убив свое тело в ванне, то и он заставит ее вернуться к жизни там же.

Левое запястье было обнажено, к нему он прижал острое лезвие, вынутое из бритвенного станка. Ванна наполнилась водой почти до краев, и он залез в нее прямо в одежде, поджав ноги, чтобы поместиться в короткой посудине. Он прикурил сигарету, глаза подернулись пеленой, словно его сознание поплыло.

Уверен он был только в одном: *он получит удовольствие, убив ее, убивая себя.*

Остальные дамы, включая Сагу, разбили его настоящее и будущее, но то существо, которое вселилось в тело Беатрис Даггер и проникло в его дом, когда он праздновал новоселье (*«Во всем виноват Купидон, я – подруга одной подруги одного из твоих...»*), разнесло в клочки его прошлое (*«Ты совсем раскис, я скоро вернусь, я – подруга одной подруги одного из...»*). И Рульфо пришел к парадоксальному выводу: он не более чем прошлое. Внутри у него нет ничего, впереди – тоже ничего, только то, что у него уже *было*. Возможно, все люди одинаковы. Есть только то, что *было*: если это у человека отнять, он перестает существовать. «И это как раз то, за что ты заплатишь. Именно за это я заставлю тебя заплатить, если смогу».

Он стиснул зубы и коснулся лезвием голубой пульсирующей вены.

И в этот самый миг, как будто речь шла о некоем разоблачении, он вспомнил сегодняшнее число. В этот ноябрьский день исполнялось ровно четыре года с того дня, как он впервые увидел Беатрис, и ровно два года со дня ее смерти.

«Пора тебе поискать себе новое логово».

И закрыл глаза.

Глаза Ракель сверкали в темноте столовой, подобно двум самоцветам.

– А теперь что? – спросил Бальестерос.

– Подождем немного и пойдем за ней. Если нам удастся затащить ее в круг, убежать она не сможет.

«Пойти за ней» оказалось выражением, которое Бальестерос не мог переварить. Пойти за кем? Что или кто, предполагается, должен «появиться» в этой ванной комнате?

– Она может устроить нам неприятный сюрприз, – предупредила его девушка. – Она становится очень опасной, когда оказывается без защиты... Постарается улизнуть, а когда убедится, что это невозможно, придет в ярость... Мне понадобится твоя помощь.

Бальестерос согласно кивнул, но его тревога только усилилась. Не нравилось ему то гробовое молчание, в которое погрузилась квартира. Вдруг ему в голову пришла страшная мысль: «А что, если они ошиблись и все это полная ерунда? Что, если Рульфо и Ракель просто сошли с ума и теперь на него ляжет ответственность за самоубийство душевнобольного? Что ожидают они увидеть, когда войдут в ванную?» Он почти потерял самообладание, думая об этом. И взглянул на девушку, словно умоляя о помощи.

В это самое мгновение послышались сильные удары и плеск воды. Ракель одним прыжком вскочила на ноги.

– Пора, – сказала она.

выходи

Рульфо знал, что умирает.

Ванна превратилась во что-то огромное и шарообразное, словно каучуковый ком, подсоединенный к подаваемому под давлением воздуху. Сидя внутри, со щедрыми красными руками, из которых изливалась жизнь, он глядел на собственную тень, поднявшуюся над кровью: мутный кусок медузы, полупрозрачная пачка лежащей балерины. Неожиданно эта тень оторвалась от алой поверхности воды с молчаливой инерцией палтуса в глубинах моря и проникла в его глаза. И он узнал, что это и есть смерть: когда твоя собственная тень входит в твои глаза.

Он подумал о своих родителях и о сестрах. Веры в то, что он встретит их в другом мире, не было.

выходи отсюда

Бальестерос едва верил собственным глазам.

Рульфо, умерший от потери крови, лежал в ванне. Но вода бурлила, вскипала, обдавая брызгами все вокруг, словно внутри билось приличных размеров животное.

– Она здесь, – прошептала девушка.

– Выходи отсюда.

Услышав этот приказ, *нечто* притихло. Тело Рульфо безжизненно покачивалось, словно находясь бок о бок с охотящейся акулой. Ракель подошла к ванне, и как раз в этот миг под водой снова что-то забилося, разбрызгивая воду. Одежда и волосы девушки намокли, но она не отодвинулась: повторила приказ еще раз, одновременно подзывая жестами Бальестероса.

Бальестерос заставил себя пошевелиться. Его ужасала сама идея заглянуть внутрь ванны. Но прежде, чем он смог сделать хотя бы шаг, он увидел нечто такое, что чуть не лишило его рассудка. Что-то похожее на гибкую трубку, черную и блестящую, толщиной с мужскую ногу, показалось над краем ванны и выпрыгнуло на пол, разливая по плиткам воду при каждом судорожном толчке. Вначале он, страшно испугавшись, подумал, что это какая-то змея – самая большая и омерзительная из всех, что ему пришлось повидать. Но он не был в этом уверен: все происходило слишком быстро.

– Помогай! – закричала Ракель и набросилась на это чудище, схватив его за один конец.

Сдерживая рвотные позывы, Бальестерос ухватился за другой конец скользкой и трепещущей гадины. Она билась в их руках, как пневматический отбойный молоток. Бальестеросу пришлось приложить все силы, чтобы не выпустить ее. Но это была не змея. Она, скорее, походила на рыбу, что-то вроде мурены, здорового черного угря. Или нет, кошка. Кожа была бархатистая и плотная, имелись и конечности – мускулистые, с костяным валиком по краю.

Они вышли из ванной с этим бьющимся грузом в руках.

– Внутри круга! – крикнула Ракель.

Они бросили ее на пол, и Бальестерос подумал, что ошибся: то, что он счел толстым хвостом анаконды, было ногами. У чудища были руки и ноги, а не лапы четвероногого, лицо, а не морда хищника, черные растрепанные волосы, а не кошачья шерсть...

Когда он очнулся, доктор измерял ему пульс.

– Как ты себя чувствуешь?

Рульфо, ничего не понимая, молча поднял голову и узнал свою спальню, открытую дверь ванной и на стуле портрет Беатрис с треснувшим стеклом. И тогда он вспомнил все. С одежды течет, она прилипла к коже. Он поднял руки. Они были мокрыми от воды и крови, но он не увидел ни следа порезов на запястьях.

Ракель стояла с другой стороны кровати.

– Она не позволила тебе умереть, – сказала она. – Прежде чем выйти, закрыла раны и сохранила тебе жизнь. Пока что не хочет терять свое вместилище, – прибавила она с иронией.

Тут он задал наконец тот вопрос, который был для него важнее всего. Вместо ответа друзья его взглянули по направлению столовой.

С сильно бьющимся сердцем он приподнялся и, пошатываясь, вылез из кровати. Проигнорировал совет Бальестероса полежать спокойно еще хоть немного. Ничто и никто не помешает ему сделать то, что он хочет. Ничто и никто не остановит его в этот момент.

Он хочет *увидеть ее*.

Он открыл дверь спальни и заглянул в столовую.

– Привет, Саломон.

Она сидела на полу в луже воды, в центре нарисованного белого круга, обхватив колени, такая же мокрая, как и он, волосы пристали ко лбу, облепили скулы. Совершенно голая, кожа голубоватого оттенка, словно она провела уйму времени в морозильной камере. На ее улыбающемся лице читалось презрение, которого Рульфо никогда раньше не замечал.

Но, вне всякого сомнения, это была

она

и впервые в жизни он, глядя на нее, ощутил себя в аду.

И тут он понял, что и внешность ее была иллюзией, хрупким образом. Дамы могли быть волчицами, гепардами, змеями или совами. На самом деле у них не было какого-то одного облика, это все были образы, которые создала поэзия, вещи, которые живут в закоулках языка, неких глубоких логогрифах. Дама номер тринадцать познакомилась с ним и выбрала его – кто знает почему, – чтобы в нем поселиться. Как сказала Ракель, в этом не было ничего личного – чистой воды случайность.

Бальестерос и Ракель вошли в столовую и заняли два стоящих по обе стороны от круга стула. Рульфо остался на ногах. Заключение в круг существо с улыбкой глядело на него.

Ракель, не повышая голоса, начала говорить:

– Мы заставили тебя выйти. Ты должна сказать нам, когда состоится следующее собрание. И должна дать нам туда доступ.

Дама, казалось, ее не слышала. Она продолжала смотреть на Рульфо.

– Разочарован? – произнесла она хриплым голосом.

– Нет. Теперь уже нет. Беатрис была красивым обманом. А ты – всего-навсего отвратительная правда. Нет, не разочарован.

– Немыслимо. – Она широко распахнула свои большие зеленые глаза. – Ты все еще меня любишь.

– Скажи, когда вы снова собираетесь, – настойчиво повторила свой вопрос Ракель.

Беатрис резко повернула голову, как будто ее разговор с интересным для нее человеком оказался прерван нежелательным собеседником:

– Привет, Ракель. Эта внешность посторонней очень тебе идет.

– Когда вы снова собираетесь?

– Где твой малыш, Ракель?

– Когда вы снова собираетесь?

– Твой сын шлет тебе привет. Хочешь его увидеть?

Повисла тишина, но не полная: женщина, или чем там было это нечто, скорчившееся в середине круга, время от времени издавала едва слышное мурлыканье больной кошки, как будто воздух резонировал, проходя по ее горлу. Внезапно Ракель обратилась к Рульфо:

– Ты когда-нибудь писал стихи, вдохновленные Беатрис?

– Только одно. Когда она умерла.

– И ты можешь его быстро найти?

– Я знаю его наизусть.

– Сколько в нем строк?

– Четырнадцать.

– Прочитай первые четыре, пожалуйста.

Вначале казалось, что он не слышал просьбы Ракели. Он внимательно смотрел в лицо Беатрис. Дама все еще улыбалась, но явно насторожилась, как будто не слишком хорошо понимала, чего от них можно ожидать.

– Саломон?

– Да.

– Прочитай первые четыре стиха, пожалуйста.

Он глубоко вздохнул и порылся в памяти. Делать особых усилий не пришлось. Повторяемые еще и еще раз, выученные наизусть стихи рождались в его устах легко, как и его слезы. Сначала голос его дрожал, но вскоре зазвучал твердо:

Отринь же сумерки
Забудь о снах
И взгляни на себя
Озаренная собственным светом.

В конце третьего стиха улыбка Беатрис угасла. Когда зазвучал четвертый, она отшатнулась и прерывисто задышала. Из ее губ показалось нечто похожее на раздвоенный язык, лилового цвета головку гадюки, фиолетовую ленту с кончиком хлыста. Но на какой-то быстротечный миг выражение ее лица напомнило Рульфо то, которое он замечал у нее во время занятий любовью. Он отвел глаза, испугавшись, исполнившись отворачиванием, и смахнул с глаз слезу.

– Действует, – объявила Ракель. – Она прикреплена к тебе твоими стихами. Когда вы снова собираетесь? – повторила она свой вопрос.

Дама номер тринадцать обвела их взглядом. Края ее век окрасились кровью.

– Твои дни сочтены, Ракель. – Голос ее звучал шелестом палой листвы.
– Отвечай.

– Тебе это ничем не поможет, даже если ты узнаешь. Будь у тебя допуск, что ты сделаешь?..

– Прочитай следующие четыре стиха, Саломон.
Его голос зазвучал с новой силой:

Твои черные волосы
И нежный зеленый взор —
Все укрыл
Туман воспоминаний.

На лице, которое раньше было лицом Беатрис Даггер, читались теперь замешательство и страх. Она раскачивалась взад-вперед, обхватив себя руками. По-видимому, ей было больно. Кроме всего прочего, она вдруг резко исхудала: на спине, как при отливе, проступил рельеф позвонков и ребер.

– Боже мой! – прошептал Бальестерос.

– Скажи мне, когда и где вы вновь собираетесь.

– Через четыре ночи... – Даму била дрожь, но она снова улыбнулась. – Слишком скоро для тебя, не так ли, Ракель?..

Девушка взглянула на мужчин, придя в отчаяние от этого известия, но они вряд ли слышали ответ: словно под гипнозом, смотрели они на этот призрак с мокрыми волосами, худущий, синеватого оттенка, заключенный в круг на полу.

– Где вы собираетесь?

– Ты и сама догадаешься где, даже если я не скажу.

– Мы получим доступ?

– Он у вас есть. Но ты еще пожалеешь об этом. – И обратила изможденное лицо к Рульфо. – Она ведет вас на смерть.

– Ты ошибаешься, – произнес Рульфо. – Мы *уже там*.

Они вышли на кухню поговорить. Ракель уверяла, что они ничем не рискуют – убежать из этого круга не в ее силах. Некоторое время все трое молчали. Смотрели в потолок, на стены или друг на друга. Все были на пределе сил – и физических, и душевных; только девушка, казалось, была еще бодра, хотя и утратила бо́льшую часть свойственного ей присутствия духа.

– Через четыре ночи, – тихонько проговорила она. – Только четыре ночи. Сага, скорее всего, что-то подозревает и перенесла собрание на более ранний срок. Она имеет на это право в исключительных случаях.

Слова ее не произвели сильного впечатления на мужчин.

– А что теперь? – спросил Бальестерос.

– Мы должны изгнать ее.

Послышался сильный глухой стук. Ракель их успокоила:

– Это она нервничает, но удрать не сможет.

Бальестерос набрал в грудь воздуха и взглянул на Рульфо. Тот выглядел наиболее измотанным. Доктор хорошо знал это выражение: он видел его на лицах бесчисленных жертв трагических происшествий и пациентов с неизлечимыми заболеваниями. Это было лицо того, кто утратил нечто важное, невозполнимое. Пальцы его были сцеплены, а взгляд устремлен в пол. И тут он поднял глаза:

– Как мы ее изгоним?

– Это зависит от тебя. Она может вернуться в тебя или уйти навсегда. Если она уйдет, то подыщет другое вместилище. Мы уже получили от нее то, чего добивались: она дала нам доступ. Это как если бы нам дали в руки дубликат ключа, который есть у них. Теперь она нам больше не нужна.

Рульфо кивнул:

– Каким образом я могу изгнать ее?

– Скажи ей, чтобы уходила. Если будет отказываться, прочти

последние стихи, которые ты посвятил Беатрис.

– Я уже не помню те, что прочел раньше...

– А когда прочитаешь остальные, забудешь и их. Извергнув их из себя, ты тем самым извергнешь и ее.

Рульфо вновь кивнул. Какое-то время он только это и делал: кивал головой, не говоря ни слова, не поднимая глаз. Потом он поднялся, взял бутылку виски и плеснул себе приличную порцию. Бальестерос тоже попросил немного. В этот момент он не отказался бы и от наркотика.

– Хорошо. – Рульфо покинул кухню.

В столовой, едва освещенная стоящим в углу торшером, в центре круга понуро сидела дама. Исхудала она катастрофически: живот ее представлял собой впадину, над которой вздымался каркас из ребер, груди свисали, как высохшее вымя, вульва походила на рану без крови – старый бледный надрез под лобком. Тем не менее туго натянутая на череп кожа все еще прорисовывала юные и точные черты лица Беатрис Даггер.

Рульфо она показалась карикатурой на Беатрис, созданной умалишенным.

Она взглянула на него:

– Я давала тебе стимулы жить, Саломон.

– Но ты же их и отняла – все.

– Тогда покончи с собой – и проблема решена.

– Я так и сделаю, но начать хочу с тебя.

– Похоже, эта пройдоха, эта предательница тебе ничего об этом не говорила, так?.. Если я вернусь в тебя, все будет как раньше. Я сделаю так, что ты забудешь об этих минутах, и я снова стану воспоминанием о Беатрис. Ты сможешь меня оплакивать, я буду приходить к тебе во сне. Тебе не кажется, что это гораздо лучше, чем если ты останешься один? Если ты снова меня примешь, ты вновь будешь *верить в Беатрис*. А если прогонишь меня, то потеряешь ее навсегда. Решение за тобой. Ты сам это сказал. Если я вернусь к тебе, то вновь стану прекрасным обманом. В противном случае я стану отвратительной правдой. И я скажу тебе, что ты предпочитаешь, Саломон. Ты – поэт, а поэты всегда выбирали обман, когда он красивее правды... Прими меня, и ты снова будешь влюблен. Прими меня, и Беатрис станет твоим ангелом – будет улыбаться тебе во сне, говорить с тобой, когда ты будешь ее вспоминать, она придаст смысл твоей боли и надежду твоей жизни. Люди жаждут жить обманутыми. Прими меня, Саломон Рульфо, ведь ты – поэт.

Внезапно, слушая даму номер тринадцать, Рульфо кое-что понял.

Это и было настоящей целью его *сошествия*.

Он прошел сквозь весь ад ужаса и тьмы только для того, чтобы оказаться ровно в этой точке, в этом глубоком и ледяном подвале; дальше – либо пустота, либо возвращение в прежнюю жизнь. Это почти как пытаться выбрать между ярмом будущего и бесплодной пустыней прошлого. И он подумал, что над этим решением, как маятник, раскачивается из стороны в сторону все его существование.

Несколько секунд Рульфо и дама номер тринадцать смотрели друг на друга.

И он осознал, что она права. Невозможно жить без мечты. Если он потеряет Беатрис, он утратит нечто большее, чем та жизнь, что еще остается: он утратит также и ту часть жизни, что уже прожил. Нет человека, способного пойти на это. Никто не может перенести разрушение *прошлого* счастья, особенно если есть возможность его сохранить.

Она и в самом деле была права, и именно поэтому он знал, что решение принято. Потому что существуют такие вещи, о которых невозможно рассуждать, но они-то и есть самые важные в жизни. Циклон. Поэма. Мечь.

Он выдержал взгляд дамы, прекрасный взгляд Беатрис, оправленный в раму жутких костей черепа.

– Я уже выбрал.

Она по-прежнему улыбалась, но это была уже не настоящая улыбка, вызванная мышцами в уголках рта, а фальшивый оскал голого мрамора, желтой кости, оправленной в десну.

– После меня – только молчание, Рульфо, – пригрозила она. – Я – последний стих. За последним стихом наступает молчание.

– Я знаю. Но я хочу этого молчания. Убирайся.

– Ты совершаешь ошибку. Позволь мне показать тебе, что ты совершаешь ошибку...

Рульфо не дал ей продолжить. Он прочел следующую строфу, глядя в глаза, которые принадлежали Беатрис Даггер:

Возможно, я любил тебя чрезмерно
И впредь лишь отражение твое
Утешит меня темными ночами.

И, словно ее плоть была тающим льдом, дама истончилась. Скелет потерял объемность, сморщился, как листок бумаги. Шея вытянулась и стала тонкой, как черенок, плечи уподобились перекладинам креста, руки и

ноги – лапкам насекомого, челюстные суставы развалились, и рот раскрылся, словно пустая могила. И только глаза, сами по себе, как капли воды в глубине орбит, оставались теми же. Зеленые глаза Беатрис Даггер, не мигая, глядели на Рульфо, медленно погружаясь в пропасть распадающегося тела.

– Саломон, ты еще не знаешь, что такое молчание... Что угодно лучше этого...

– Ты – нет.

– Саломон...

– Убирайся из моей жизни.

– Саломон, нет...

Рульфо забыл почти все стихотворение, но еще помнил последнюю строфу, последние три стиха. Он прочел два:

Ты – моя расколотая память,
Сон, что померкнет и растает.

Дама онемела. Тело ее было уже не чем иным, как бесформенными клочками, но ее глаза по-прежнему сверкали изумрудами посреди шелестящего тающего тумана.

Рульфо глубоко вдохнул и произнес последний стих:

Жизнь есть забвение.

Порыв ветра за его спиной распахнул окна и надул занавески. Взгляд Беатрис тоже закачался в волнах воздуха.

И вот тогда Рульфо показалось, что сквозь зеленые зрачки он может разглядеть свои книги – поэзию, выстроившуюся в ряд на полках противоположной стены.

Мгновение спустя

он видел уже

только книги.

Три дня. Осталось три дня. Если дама не соврала (а она просто не могла этого сделать, заверила Ракель), дамы соберутся в субботу, в полночь. Семьдесят два часа, чтобы спланировать все их действия. Семьдесят два часа, чтобы продолжать жить и подготовиться к тому, что их ждет.

Бальестерос не думал, что он готов, но понятия не имел, ни что ему следует делать, ни даже что это значит – «быть готовым».

Вскоре выяснилось, что хуже всех из них троих ожидание переносит доктор. Рульфо выказывал упрямое и абсолютное безразличие, которое никто – тем более Бальестерос – не мог поставить ему в упрек: он либо лежал, либо сидел, говорил мало, слушал еще меньше. Что касается девушки, то она заперлась в его кабинете, чтобы рыться в стихах. Бальестерос думал, что она, по крайней мере, смогла найти себе полезное занятие. А он? Что должен делать он?

Истомившись, он поднялся на чердак, достал ключ от принадлежавшей ему кладовки и открыл ее. Ружье и патроны к нему сразу попались на глаза: упакованные по всем правилам и покрытые слоем пыли, они лежали на своем обычном месте. Его отец был заядлым охотником, и, когда Хулия была жива, Бальестерос, стараясь подражать отцу, не упускал случая в сезон охоты на куропаток пострелять мелкую птицу – бесполезные, ностальгические, маленькие смерти, навевавшие воспоминания о семье. А потом все закончилось. Но вот вновь рядом с ним эта длинная холодная металлическая штука, и даже простое прикосновение к ней (он распаковал ружье, открыл его, заглянул в пустые глаза патронника) позволило ему почувствовать себя хорошо, даже ощутить некоторое возбуждение. Он и представить себе не мог, что испытает подобные эмоции, думая о возможности в кого-нибудь выстрелить, хотя и сомневался в том, что твари, подобные той, что вышла из ванны Рульфо позапрошлой ночью, могли бы быть обозначены словом «кто-нибудь».

Доктор спустился обратно с распакованным ружьем и коробкой патронов в руке, но в коридоре столкнулся с Рульфо. Он проследил за молчаливым взглядом Рульфо, направленным на оружие, и едва сдержался, чтобы не извиниться.

– Может, это глупо и бесполезно, – сказал он, – но мне нужно чем-нибудь заняться, иначе я сойду с ума.

– Можно с тобой поговорить? – задал вопрос Рульфо.

– Конечно.

Они направились в столовую и закрыли за собой дверь. И когда сели друг против друга, Бальестеросу вдруг показалось смешным, что он продолжает держать в руках ружье. И он осторожно положил его на стол. Рульфо закурил сигарету.

– Эухенио, – произнес он спокойно, после непродолжительного молчания, – ты уже дошел до этой черты. Ты нам очень-очень помог. Без тебя у нас ничего не получилось бы. Но я думаю, что начиная с этой точки

дальше мы должны пойти одни. Это дело касается только нас, Ракели и меня. Несколько дней назад я думал по-другому. Думал, что я тоже попал на праздник, на который не был зван. Думал, что Акелос искала моей помощи в точности так же, как и твоей, по чистой случайности... Но позже я выяснил, что все не так. Я оказался вместилищем, и я втянут во всю эту историю в той же мере, что и Ракель. Кроме того, они убили двоих моих самых лучших друзей, предварительно истерзав их самым жестоким образом.

– Двоих?.. – удивился Бальестерос, помнивший только о Сусане.

Рульфо молча кивнул:

– Только что услышал в новостях: мансарда Сесара сгорела. Всех жильцов эвакуировали. Есть несколько потерпевших, но погибли только Сусана и он. Мне все равно, что это было – искра из камина или они сами приложили руку, но правда в том, что их убили. Они не оставляют свидетелей. – Он помолчал немного. Глубоко затянулся и выпустил дым кольцами. – Ты в это дело не замешан. У тебя есть кого защищать. Выйди из игры, уезжай. Кажется, твоя дочь живет в Лондоне, так?.. Ну так собери чемодан и поезжай ее проводить. Знаю, ты скажешь, что это ничего не изменит, но попытайся, по крайней мере. Если ты останешься, будет гораздо хуже. Однажды я уже советовал то же самое Сесару и Сусане, но они меня не послушались. Не хочу, чтобы это повторилось.

Доктор взглянул в его напряженное бледное лицо. «Он опустошен, ничего нет внутри. Ему все равно – умрет он или нет. Единственное, что ему остается, так это беспокоиться о других».

– Мы проиграем? – спросил он.

– Можно назвать это и так. У нас один шанс на миллион. И даже если нам удастся вывести из игры одну из них – Сагу, например, – останутся все остальные. Нам очень повезет, если в субботу ночью нам удастся спастись. Но подумай только, какой станет наша жизнь после этой ночи.

– Что происходит? – Бальестероса бросило в дрожь, но он решил улыбнуться. – Саломон Рульфо с горячим сердцем снова исчез, а вместо него появился пораженец?.. Хочу напомнить тебе, что нам удалось заставить выйти главного персонажа, слабое место всей группы, разве это не твои слова?.. И на нашей стороне – внезапность. Может, мы и струхнем в субботу, но уж они – дважды. – И показал на ружье. – По разу из каждого ствола.

– Неделью назад ты говорил мне, что я безумец, раз решил сражаться. А теперь что?

– Неделью назад я еще не видел того, что пришлось повидать с тех пор.

Когда я вспоминаю Хулию, которая мне угрожает, я прихожу в ярость. Комната моей дочери все еще в крови. И до сих пор в моих пальцах живо отвращение к этой твари, которое я испытал, когда мы тащили ее из ванны, к этой твари, ставшей потом женщиной и заговорившей. Мне страшно, Саломон, очень страшно, так страшно мне не было никогда в жизни, даже тогда, когда я сидел в машине рядом с Хулией, с этим ее взглядом... Но я открыл одну вещь: страх делает меня опасным.

– Опасным для кого?

Мгновенье Бальестерос смотрел на него, не говоря ни слова.

– Не знаю, возможно, для меня самого, но я точно знаю, что теперь я вас не брошу. Ты полагаешь, что меня это не касается, но ты ошибаешься. Мой отец говорил, что есть такие вещи, которые случаются с некоторыми людьми, но касаются они всех, и все люди должны отвечать за них.

Рульфо коротко хохотнул:

– Страх не сделал тебя опасным, он сделал тебя поэтом.

– Точно так. Поэтому и как раз поэтому – *опасным*.

Они взглянули друг на друга. Рульфо улыбнулся в ответ:

– Ты – самый лучший человек на свете... Или самый большой идиот.

– В таком случае нас уже двое. Давай выпьем, чтобы это отметить. – Бальестерос разлил по стаканам виски.

– Делай как знаешь, – сказал Рульфо, – только не надейся на свое ружье. Та единственная, которая действительно может нам помочь, единственная, кто может что-то сделать, сидит сейчас в твоём кабинете, читая стихи, и пытается вспомнить, как их следует читать. Если ей это не удастся, ни одно ружье в мире не поможет... Что бы мы ни сделали, это ничем не поможет.

– Меня просто восхищают такие люди, как ты, – настолько оптимистичные, исполненные надежды, – сказал в ответ Бальестерос и поднял свой стакан. – Выпьем за Ракель. Я верю в то, что у нее получится. У нее должно получиться.

Стихотворение – это лес, изобилующий ловушками.

Пробегаешь по строфам, даже не подозревая, что в нем есть стих – всего лишь один, но его достаточно, – стих, который точит когти, поджидая тебя. И все равно, красив он или нет, обладает литературной ценностью или полностью ее лишен: он ждет тебя там, заряженный ядом, искрящийся и смертельный, с берилловыми переливами.

В эти последние дни девушка час за часом проводила в попытках выловить хотя бы один такой стих. Она знала, что шансов почти нет: за

такой короткий срок она вряд ли сможет найти и разучить нечто по-настоящему смертоносное, но их успех с дамой номер тринадцать вселил в нее новые надежды.

И сейчас она водила пальцем по строчкам, листала книги, ища проблеск света в чернильной тьме. Стих власти сокрыт среди других, подобно жале в скале. Требовалась скрупулезная работа геолога, чтобы извлечь его на поверхность и показать отдельно во всем его блеске. Любая ошибка (не заметить какое-то слово, добавить другое) приведет стих в негодность.

Она быстро определила приоритеты. Греческие и латинские классики были очень мощными, но она решила, что не сильна в произношении на этих языках. Шекспир показался ей чрезмерным: если использовать его, не имея специальных навыков, есть риск самой взлететь на воздух. Некоторые терцины Данте, несомненно, обладали достаточной силой, чтобы смести весь *шабаш*, но она опасалась, что не сумеет продекламировать Данте с требуемым мастерством. Что касается Мильтона, то дамы, в частности Херберия, использовали его для достижения разрушительных эффектов, но только в филактериях. Вступать в бой с Мильтоном было тяжеловато.

Ей нужно было стихотворение, которое обеспечило бы быстрый результат, но при этом относительно легкое для прочтения. Она уже поняла, что не должна искать свой стих среди самых трудных.

Была среда, ночь, но часы в кабинете Бальестероса показывали, что на самом деле уже наступил четверг. У нее оставалось семьдесят два часа. Усталая, она потеряла глаза, буквы запрыгали перед ней.

«Шанс... дайте мне только один шанс, и, быть может, мне удастся тебя удивить, Сага».

Она закрыла сборник стихов Эзры Паунда^[86] и взяла избранное Дамасо Алонсо^[87].

И стала осторожно перелистывать страницы, склонившись над книгой, ярко освещенной направленным прямо на текст светом настольной лампы. Ее не останавливали ни изысканность слов, ни отточенность строф, ни значимость того или иного стихотворения, ни их возможная интерпретация. Ничего из этого она не пыталась уловить. Ей нужен был стих, который *ранил бы ее*. Она хотела найти в стихах отблеск ножа, острие бритвенного лезвия, твердость алмаза. Хотела обнаружить кинжал слогов, чтобы вонзить его в грудь Саги. Пробегала страницы в поисках серебряной пули, строки, которую можно вложить в патронник рта, чтобы выстрелить ею Саге промеж глаз. Стихотворения были короткими. Она прочла «Новую

победу» и перешла к «Ветру сиесты» и «Изначальному». Остановилась на этом последнем:

Viento y agua muelen pan,
viento y agua^[88].

Захватило дыхание. Она смяла страницу рукой. Потянула лист, едва не вырвав его.

Слова были в высшей степени простыми. Прочла их еще раз:

Viento y agua muelen pan,
viento y agua.

Она так и знала. Вот оно! Это и станет ее оружием.

Эти два стиха – словно стальной клинок, с которым легко справится даже не натренированная глотка. Всего лишь клинок, но и клинок способен убивать. Секрет заключался в аллитерации тех трех слов, что включали в себя букву «п»: Viento, muelen, pan. Не походившее на них слово *agua* должно вынырнуть коротким выкриком. Она не знала, каким может быть общий эффект обеих строк, но полагала, что даже она за небольшое оставшееся у нее время сможет превратить их в острую стрелу.

Она вышла из комнаты – бледная, глазищи вполлица.

– Хочешь кофе? – предложил Рульфо.

Она отрицательно покачала головой.

– Тебе нужно чего-нибудь поесть.

– И отдохнуть, – вставил слово Бальестерос.

– Со мной все в порядке. – И подняла на них свои огромные черные глаза. – Есть один шанс.

Мужчины, оба, внимательно на нее смотрели.

– Я нашла один простой стих. Думаю, что даже я с ним справлюсь. Когда против тебя *шабаш* — это, конечно, не более чем выйти на бой с одной булавкой, я знаю. Но дама номер тринадцать дала нам доступ: они будут без защиты. Если у меня получится, то и такая булавка сможет нанести им урон...

– Понятно, – принялся размышлять вслух Бальестерос. – Это как будто у тебя в руках только рогатка, но ты заранее знаешь, что если попадешь в центр мишени, то наверняка их достанешь.

Она кивнула.

– А каковы шансы, что они этого не допустят? – принялся выяснять Рульфо.

Девушка глубоко вздохнула, как будто ждала этого вопроса:

– Только один: в том случае, если они обнаружат, что у нас есть доступ. Но это вряд ли, потому что мы действовали сами, без чьей-либо помощи. Заставили выйти последнюю даму. Насколько я помню, нет таких стихов, которые могли бы их предупредить и насторожить. Но это было *раньше*, понимаешь?.. Ведь не проходит ни дня без того, чтобы не появились... на многих языках... миллионы новых стихов... Или чтобы хотя бы одна из них не научилась по-новому декламировать какой-нибудь уже известный...

– А что, если они обнаружат его – наш доступ? – спросил Бальестерос.

– Тогда они опередят нас... и булавка останется всего лишь булавкой. Но это маловероятно. Обнаружить доступ практически невозможно.

Мужчины переглянулись. После короткой паузы ее последние слова как будто повторились эхом.

– В любом случае, – сказал Рульфо, – больше нам ничего не остается.

Юная Жаклин находилась внутри комнаты без окон, звуконепроницаемой, задрапированной гардинами и устланной коврами, все это алого цвета: это был ее рапсодом – комната для декламации. У каждой дамы был по крайней мере один рапсодом. Прислуга не имела права туда входить и даже не подозревала о его наличии. Рапсодом располагался в самой удаленной и изолированной части дома, к тому же несколько филактерий, написанных на косяках двери, препятствовали попаданию туда не только прислуги, но и других дам.

Жаклин, голая, стояла на коленях в центре этого небольшого помещения, руки разведены, как при молитве, символ Саги на груди – маленькое золотое зеркальце, свисающее с тонкой шеи. На ней и вокруг нее – на белых бедрах и на ковре – виднелась кровь. Ее кровь. Два длинных и толстых гвоздя вонзались в ее коленные чашечки, и она опиралась на маленькие головки гвоздей, едва сохраняя чудовищное равновесие. Еще пара гвоздей насквозь пронзали ей запястья, торча на несколько сантиметров с другой стороны.

Никакого удовольствия она не испытывала. Как раз наоборот – леденящая, всепожирающая боль терзала ее, и чем дольше она опиралась всем своим весом на торчащие гвозди, тем сильнее становились ее страдания. Губы ее дрожали, лицо покрылось потом; ее сердце и мозг,

затуманенные страданием, готовы были сдаться. Конечно же, за пределами рапсодома она на это не решилась бы. Но здесь, внутри, Жаклин была не Жаклин, а *другой*. Тем, что жило в ее глазах.

И *это* заставляло ее время от времени заниматься очень неприятными вещами.

«Но совершенно необходимыми, и ты это знаешь».

В некоторых случаях, чтобы декламировать стихи власти, следовало использовать нечто более серьезное, чем вуаль вместо кляпа, танцы до полного изнеможения или какой-нибудь наркотик. Она открыла, что стихи, произнесенные в момент невыносимого страдания, могут порождать самые неожиданные эффекты. Голос, оказывается, чудесный инструмент – он способен передать оттенки самых разных настроений и состояний духа. Он звучит неодинаково при усталости, радости, экзальтации или печали. И звучит совсем иначе при самой изысканной боли. Сконцентрировать в словах это ощущение было равнозначно тысячекратному, нет, в миллион раз усиленному результату. А то, что она наносит себе увечья, Жаклин нисколько не беспокоило, поскольку по окончании сессии ей стоит лишь произнести соответствующую филактерию – и от этих ран не останется и следа.

В данный момент она готовила декламацию своего секретного Элиота.

Ее Элиот должен был прозвучать как никогда раньше – и в рапсодоме, и в мире.

С ума сойдешь, как только подумаешь, что природа услышит слова, которые не произносились так никогда. Она пребывала в таком нервном и взвинченном ожидании этого события, что только жесточайшая боль в коленях и запястьях не позволяла ей растерять свою сосредоточенность. Ее в дрожь бросало от разведывания новых путей, знакомства с новыми вещами, от роли первой в создании или разрушении. Этот новый Элиот был тем последним шагом, который она решила сделать, прежде чем окончательно успокоиться.

Потому что правда заключалась в том, что она беспокоилась.

Ритуал Окончательного Отторжения был назначен на следующую ночь. После него Акелос, эта предательница, будет наконец-то повержена. Никто не сможет лишить Жаклин этого наслаждения. Она уже растерзала ее физическое тело, эту хрупкую анатомию Лидии Гаретти, потратив на это занятие часы – часы неистощимого удовольствия. А следующей ночью она проделает то же самое с ее духом. Никто больше не будет знать об Акелос, и никто ее не вспомнит. Никто теперь не решится налагать вето на решения Саги, и никто больше не предаст ее.

Однако паутина судьбы – сложная конструкция. Тянешь за одну ниточку, а шевелится что-то в противоположном конце.

– После Окончательного Отторжения вы сможете успокоиться, – сказала ей на днях Маду.

Возможно. Всего лишь возможно.

В это утро, незадолго до того, как уединиться в рапсодоме, она собрала совещание с доверенными дамами, сестрами, и первым делом позвала Маду, которой доверяла как самой себе. Маду не была дамой, но скоро, как только появится вакантное место, ею станет. Внешне это была рыжеволосая девушка, но то было всего лишь вместилище, ее обличие. Обличий и разных форм у нее было немало, в том числе и гораздо менее приятных для глаз.

Это она была той девицей, за которой гонялся Рульфо в последний день октября на балу. Маду была не только глазами и ушами Саги, не только ее волей, исполнительницей ее экстравагантных желаний, она была чем-то бóльшим – ее служанкой, ее подругой, ее близняшкой по духу.

Маду была слабостью Саги. И в то же время – ее силой.

Потом появилась новая Акелос. И сказала Саге, что ее стихи не смогли развеять туман будущего. Все пребывает в неопределенности. Костяшки еще не легли на стол, они еще в воздухе. Что же касается остального, то все идет своим чередом. Номер два очень хорошо за всем наблюдает, ничто не может пройти мимо ее взора незамеченным. Номер десять, повинаясь ее приказу, шпионит за *шабашем*, делая записи о поведении сестер, и она не выявила никакого предательства. Все готово для Окончательного Отторжения, опасаться нечего. Ракель и ее друзья – обычные посторонние без какой-либо защиты. Дамы смотрят на них точно так же, как смотрит ребенок на самую хрупкую из всех игрушек.

После Отторжения они будут уничтожены.

Путь свободен.

Возможно, Маду права. Когда все закончится, она снова почувствует твердую почву под ногами. Но она все же решила обезопасить себя при помощи дополнительной предосторожности – прочтения своего секретного Элиота. Она даже Маду ничего не сказала об этом своем намерении, потому что, несмотря на доверие и дружбу, объединявшие их, она знала, что и Маду способна на предательство.

Уже.

Со сведенными судорогой руками, дрожа от боли, на грани смерти из-за потери крови, Жаклин начала декламировать. Губы ее приоткрылись, и родился резкий, усиливающийся крещендо звук. Она запрокинула голову, и

мышцы на ее шее напряглись, словно обрета самостоятельную жизнь. Вонзенные в кости коленей и запястий гвозди до этого момента исторгали крик и слезы, а теперь заставили пробиться стих, и он вышел на поверхность из глубины ее глотки. Она выплюнула его в воздух рапсодома, к самому потолку,

Old timber

в одной-единственной словесной строчке – сломленной

to new fires^[89]

и агонизирующей.

Как только она произнесла последнее слово, ее глаза закатились. И она некоторое время оставалась неподвижной, с открытым ртом, созерцая нечто, что никто более не мог бы увидеть.

Она не ошиблась. Эффект наступил сразу же. Это были соты. Соты из льда. Со всеми ячейками, геометрически точно разделенными перегородками. Лед был черным: свет в него не проникал.

Пристальным взглядом обозревала она структуру *шабаша*. Связность группы, пути доступа в нее. Можно было кое-где подровнять борта, лучше укрепить границы, но ничто не колебало эту четкую симметрию, в которой сама она была Маткой.

Она внимательно просматривала соты из конца в конец, как ученый специалист, выискивающий неполадки внутри модели атома из пластика или на суперсложной голограмме. Все было надежно. Никакая угроза не проскочила внутрь этой конструкции, и никто не употребил стихов, чтобы поставить под сомнение ее положение абсолютной, верховной дамы.

Повод для ее беспокойства наконец исчез.

Улыбка той, что никогда не мигала, расцвела на лице агонизирующей Жаклин.

Управиться с простым стихом власти оказалось гораздо более тяжелым делом, чем она предполагала. Прежняя Сага, конечно же, сумела бы это сделать, но девушка была всего лишь человеком, обладавшим воспоминаниями дамы, но не ее способностями. Многого ожидать было нельзя. Но, несмотря на все это, она постарается.

Она попросила мужчин уйти из дому на несколько часов: не хотела, чтобы стих причинил им какой-нибудь вред, если она вдруг потеряет над ним контроль. Рульфо и Бальестерос после некоторых колебаний подчинились.

Оставшись одна, она закрыла двери в столовую и выход на террасу и задернула занавески. Рапсодом, конечно, из комнаты не получился, но и так сойдет. Потом девушка сняла одежду и встала на ковер, твердо опершись на пятки. Ничто не должно мешать декламации: тело должно настроиться на точную волну звуков.

Для начала она поставила перед собой весьма скромную цель. Прочла стих несколько раз, чтобы привыкнуть к словам, почувствовать их своими. И очень скоро обнаружила свою неловкость. Попробовала снова и тренировалась до тех пор, пока не появилась некоторая свобода. Она повторяла слова еще и еще раз, модулируя голос, прикладывая к губам руку, чтобы приглушить звук. Ощутила, что слова обретали некую форму у нее во рту, что они были *чем-то*, что она может использовать. Но они вырывались, ускользали, пропадали впустую.

Когда Рульфо с Бальестеросом вернулись, они нашли ее лежащей на полу столовой в полной темноте. Она не была без сознания – всего лишь измотана.

– Мне нужно больше времени и другое место.

– Тебе нужно отдохнуть, – сказал в ответ Рульфо.

Но по ее взгляду он понял, что передышка не входит в ее планы.

– Отвези меня в твою квартиру.

Часом позже они оставили ее в квартире на улице Ломонтано, где она сможет тренироваться весь день и никто ей не помешает. Она повторяла и повторяла свои упражнения, пока рот ее не начал эти слова видеть. Затем она попробовала *взять их*, произносить таким образом, как будто *держишь их за ручку* и направляешь их острие туда, куда сама пожелаешь.

И осторожно выстрелила ими, прежде всего заботясь об аллитерации.

Наконец решила, что готова произвести некое воздействие. Отправилась на кухню и принесла оттуда стеклянный стакан. Опустила его на стол и встала на колени. После нескольких проб метнула слова. Не произошло ничего, но она не была разочарована. В цель она не попала, но точно знала, что слова *прошли путь*. Она предприняла еще одну попытку, но на этот раз ей не удалось придать строке силу. Еще одна попытка и еще, без остановки, число их перевалило за сотню, и все с тем же результатом, пока усталость, боль в горле и отчаяние не заставили ее отступить.

Она согнулась, царапнула пол. Ведь знает, что может это сделать,

знает, что *в конце концов* этого добьется, но охватившее ее отчаяние было безграничным, как у спортсмена с олимпийскими медалями в прошлом, который внезапно понимает, что максимум, на что он способен, – это ходить.

Рульфо пришел под утро. Обнаружил ее бледной, в поту, блуждающий взгляд за спадающими на лицо волосами, без единой нитки на теле. Она была похожа на опасного хищника.

– Тебе нужно все бросить и немного отдохнуть. Уже очень поздно.

– Нет... – Она едва могла говорить: боль в горле гасила голос. – Нет...

Она уже приняла решение сконцентрироваться на чем-то одном.

«Думай о нем. Думай о том, что она с ним сделала».

– Ракель...

– Уходи.

Вновь оставшись одна, она устремила взгляд на стоявший на столе стакан.

«Думай о том, что она тебе сделала. Как она заставила тебя на это смотреть».

И собралась с силами, чтобы метнуть стихи. С двенадцатой попытки стакан сдвинулся на несколько сантиметров. Только после этого она оделась и решила отдохнуть.

В субботу на рассвете она вернулась на улицу Ломонтано. И часами декламировала свой маленький кинжал, пока не почувствовала его своим. А потом (думай о...) рассчитала дистанцию (том, что она сделала), набрала в грудь воздуха и запустила стих с небывалой силой.

Стекло брызнуло осколками.

«Путь свободен», – подумала она, успокоившись.

И уже собиралась отключиться от этого видения, когда увидела это. Малюсенькая пустота, едва заметная червоточинка, некий изъян, похожий на результат работы крохотной гусеницы или след челюстей термита. И шло это от одной из сестер. Это был доступ *снаружи*. От кого?

Взгляд немигающих глаз просочился в эту червоточинку, в этот едва заметный туннель, и все увидел.

Она едва могла в это поверить! Ракель и вместилище смогли найти возможность выгнать даму номер тринадцать и заставить ее дать им доступ. Но как? Неужели только с помощью посланных Акелос снов? Нет, это доказательство того, что Ракель восстановила что-то еще, не только память, что практически невозможно. Уже нет сомнений в том, что кто-то ее предал.

К счастью, она вовремя это обнаружила.

Она быстро продекламировала другой стих и, прежде чем тело Жаклин испустило дух, корчась от нестерпимой боли, заставила гвозди исчезнуть, а раны закрыться. Затем активировала филактерию из Овидия, которая была нанесена на ее левое предплечье, и ни на коже, ни внутри организма не осталось следа от только что перенесенных мучений.

Жаклин вышла из рапсодома как была – из одежды только символ Саги, без улыбки на губах, с широко открытыми глазами. С помощью короткого стиха Неруды стерла в пыль всех посторонних, что в тот момент работали в доме, и всех окружавших ее живых существ. Ни пламени, ни воплей, ни боли. Просто-напросто весь обслуживающий ее персонал, все домашние животные и те мелкие создания, которые летали, бегали или ползали в саду или в доме, превратились в аморфное, мягкое на ощупь вещество серого цвета. После этого она призвала Маду.

– Кто-то меня предает, – сказала она. – Время доверия закончилось.

Продекламировала Шекспира – и Маду лопнула на ее глазах, как спелый фрукт.

Немного успокоившись, принялась думать, что теперь предпринять.

Ракель и посторонние уже не были чем-то банальным. Они становились угрозой, пока что небольшой, но внушающей беспокойство. Необходимо покончить с ними до начала ритуала.

И она созвала сестер.

Субботним вечером Рульфо с девушкой сидели в столовой и ждали, пока Бальестерос сходит в гараж, чтобы отнести в машину то, что было решено взять с собой. На ее лице трудно было увидеть что-либо, кроме красоты, но в глубине глаз Рульфо смог увидеть нечто определенное. И понял, в чем дело. «Теперь она при оружии».

– Ты знаешь, куда нам нужно отправиться?

– Она сказала мне, что я и так это знаю. И я уверена, что смогу показать дорогу, когда мы уже сядем в машину. Собрание созвано вне обычных дней проведения церемоний, так что это не будет усадьба. Думаю, что они не слишком удалятся от того места, где была найдена фигурка: это должно быть в окрестностях Мадрида.

Пауза.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовался Рульфо.

– Я попробую сделать это, – прозвучало в ответ.

Не было нужды добавлять что-то еще, они оба это знали. Все слова, кроме тех, что таились у нее во рту, были излишни. Но все же девушка

добавила:

– Я знаю, как ты страдаешь. Но ты забудешь в конце концов, как и я....
Забвение – это судьба.

«С точки зрения дамы, возможно, это очень просто», – подумал Рульфо.

Вдруг ему стало ясно, что чрезвычайно трудно находиться поблизости от экватора этого лица и не приблизиться к нему. Он потянулся губами к ее губам. И они целовались, пока не услышали тишину.

Тогда он отодвинулся, взглянул на нее – и не увидел в выражении ее лица никакого чувства, кроме того *единственного*, постоянного, которое пламенело в глазах их обоих. И понял: то, что их объединяет, – это желание отомстить; как только оно будет удовлетворено, если так будет, они пойдут разными дорогами и никогда больше не увидятся.

– Спасибо, – неожиданно сказала она.

– За что?

– Это ты заставил меня окончательно проснуться. Я была слабой, а теперь я сильная. И этим я обязана тебе.

– Как ты думаешь, нам удастся чего-нибудь добиться?

– Да. – Она попыталась улыбнуться. – Для них это станет неожиданностью. Я постараюсь вывести из игры Сагу. Если мне удастся ее ранить, все остальные ослабеют. И тогда либо они сбегут, либо мы сможем поразить их самыми обычными средствами...

Рульфо показалось, что девушка хочет внушить им несколько бóльшую уверенность в благоприятном исходе, чем та, которую чувствовала она сама. Вернувшийся Бальестерос вмешался в разговор:

– Я готов.

Они переглянулись. Немного помолчали.

– Что ж, попробуем сделать это, – сказал Рульфо.

XIV. Окончательное отторжение

Ночь выдалась светлой и неожиданно холодной. Сидевший за рулем включил отопление. Два его пассажира благодарностью на это не отреагировали: они были погружены в глубокие раздумья. Только изредка девушка негромко давала какие-то указания, связанные с направлением их движения. Заранее описать маршрут она не могла: дорогу она узнавала по мере того, как автомобиль продвигался по городу.

Выехали на шоссе, ведущее в Бургос. Свернули сначала с него, потом на какую-то еще менее заметную дорогу. Добрались до развилки и выбрали одну из двух проселочных дорог. Проехали через пустое поле. Еще через полчаса одинокой езды, едва разбавляемой встречными машинами, девушка показала рукой на какие-то темные силуэты и группы деревьев слева от них, приблизительно на полпути между двумя соседними городками. Они остановились на обочине, неподалеку от знака «Въезд запрещен», вышли из машины, и мужчина с седой головой достал из багажника какие-то вещи.

Вступили в молодой лес – их окружали тонкие стволы деревьев. Ветки чертили морщины по ледяному диску луны, слышно было, как режут воздух остроконечные крылья летучих мышей. Спустя несколько минут им открылась поляна, а вокруг расстилались возделанные поля. Вдалеке, на плоской вершине холма, поблескивали огоньки, возможно хутор.

– Они появятся вон там, – без тени сомнения в голосе объявила девушка. И указала на поляну.

Бальестерос в очередной раз – третий или четвертый – удостоверился в том, что ружье заряжено, а запасные патроны под рукой. Металл ствола, холодный, почти ледяной, заставил его пожалеть, что он не озаботился взять с собой перчатки. Эта мысль вызвала улыбку: «Еще немного – и холод перестанет тебя беспокоить».

Он сознавал, что ему страшно и что он все еще изо всех сил держится за это свое существование – такое горькое, но вместе с тем такое необходимое. Он сидел на земле, опершись спиной о ствол дерева. Во время напряженного ожидания он словно видел себя со стороны – с ружьем на коленях, и невозможно понять, что именно он здесь делает, как же оказался посреди чиста поля и чего он, собственно, здесь ждет.

Девушка, притаившаяся в кустах справа от него, тихонько беседовала с Рульфо. О чем? Об имаго и ритуалах. Из всей их беседы он понял пару

слов, не больше. «Это дело касается только нас, а тебя – нет», – сказал ему несколько дней назад Рульфо. Вдруг его охватила паника. Появилось искушение сбежать. «Оставайтесь вдвоем! – захотелось ему закричать. – Ты сам это сказал, это не мое дело».

«Да нет же, это твое дело. Вне всякого сомнения – твое».

Он разглядел цифры на своих часах. Пять минут двенадцатого. Где-то настойчиво ухала сова, о чем-то спрашивая. Бальестерос старался во всем разобраться.

«Конечно, это твое дело».

Подумал о своих пациентах. Подумал о детях. Вспомнил Хулию. Каждую ночь он вспоминает о ней, и эта не станет исключением. На ум пришло, что, возможно, он вот-вот воссоединится с ней, и весьма вероятно, что именно за этим он сюда и явился. «Но все же, – задавался он вопросом, – где же помещается небо или рай в том мире, в котором правит случай с помощью стихов? *Где место Бога, Хулия? Тебе-то это уже известно?*»

Вера его давно уже превратилась в некую далекую и светлую точку, как звезды, рассыпавшиеся перед глазами. Он прижал к груди ружье, веря только в то, что он сможет хорошо исполнить задуманное, что сделает то, что должен сделать. А если что-то пойдет не так... Что ж, он уверен, что вновь окажется рядом с Хулией, где бы она ни находилась.

В своем одиноком ожидании Бальестерос сказал жене, что по-прежнему любит ее.

– А в чем заключается ритуал Отторжения?

– Он достаточно сложен. Прежде всего читается филактерия Устранения, но наоборот – чтобы Активировать имаго, другими словами, чтобы вернуть ему первоначальные права...

– Вернуть права? Но в таком случае Акелос...

– Физически Акелос мертва, и поэтому возврат ей прав не будет иметь никакого значения. Если имаго не Активировать, ритуал не сработает, потому что Отторжение не может производиться над Аннулированными имаго. И только потом начинается сам ритуал. Читаются специальные стихи, еще их изменяют. Иногда их читают с конца. Это может длиться больше часа.

Мужчина посмотрел на нее и кивнул:

– А когда вступишь ты?

– Чем раньше, тем лучше. Нужно не дать *шабашу* объединить свои силы. С течением времени он становится все сильнее.

Он снова кивнул и сжал ее руку. Она адресовала ему быстро угасшую улыбку, решив, что он хотел ее подбодрить. Но она в этом не нуждалась: внутри дрожала каждая жилка – чистое напряжение, чистая жажда мести. Она была уверена, что для нее настал момент или полностью пробудиться, или навсегда уснуть. Она сделает это не для того, чтобы отомстить за Акелос, хотя ее подруга была унижена и оплевана так же, как и она сама. И даже не для того, чтобы отплатить Саге за тот ад, в который она превратила ее жизнь, за каждый крик боли, которыми измерялось для нее время с тех пор, как та взяла власть, за надругательства и оскорбления, которым ее подвергла Сага, за филактерию у нее на спине, превратившую ее в красивую глиняную куклу.

Нет. Превыше всего остального, она сделает это за *него* и за то, что Сага сотворила с ним.

В этом заключалась ее ошибка. Самая серьезная ошибка.

И пока Ракель ждала в кустах, всматриваясь в темноту, она думала о том, что именно это по-настоящему дало ей силы, чтобы овладеть стихом-кинжалом и захотеть воспользоваться им.

«Твоя ошибка. Твоя огромная ошибка».

Она попыталась расслабиться. Знала, что у нее лишь один шанс. Разработанный ею план был рискованным: серьезно ранить Сагу. Убить ее телесную оболочку. Она понимала, что уже ничего не может сделать для спасения своего сына, но если дама номер двенадцать падет, месть ее достигнет своей цели. Она ничего не потеряет, предприняв эту попытку, по крайней мере ничего, что имело бы для нее значение, а если повезет, то добьется успеха. Ей нужен шанс. То, что произойдет потом, было ей глубоко безразлично.

При том условии, что клинок, который она держит во рту, достигнет своей цели, остальное не имеет для нее значения.

Что может ей помешать? Что?..

Она предчувствовала некую угрозу – столь же безмерную, как ночь, сомкнувшаяся вокруг них.

И все же, если этот стих выполнит свое предназначение, она сможет умереть спокойно.

Некая мысль пыталась оформиться у него в голове. Как раз та часть головоломки, которой не хватало. Но сформулировать ее никак не получалось.

Сидя на темной траве и глядя в небо, он вдруг обратил внимание на облако, похожее очертаниями на льва с разинутой на луну пастью, словно

лев собрался ее проглотить. Рульфо фантазировал: что, если звезды – это остатки проглоченной львом и потом вышедшей у него из-под хвоста луны? Млечный Путь был отчетливо виден в морозной черноте. Какое-то время он на него глядел. Мирная сыпь далекого-далекого света. Вокруг было тихо, ни звука. Насекомые от такого холода померзли или заснули. Девушка, казалось, даже не дышала, словно и она впала в зимнюю спячку: сидела на корточках, ни на что не опираясь, не отрывая взгляда от лужайки. Луна зашла за облако, и ее прекрасное лицо словно укрыла вуаль. Густые черные волосы развеивал ветер.

А Бальестерос? Кажется, он погружен в собственный страх; ружье у него на коленях. Пар от его дыхания такой же белый, как и его волосы и лицо. Рульфо молча пожелал ему удачи. И снова погладил рукоятку и серебристую поверхность охотничьего ножа, которым снабдил его доктор. На мгновение улыбнулся, подумав о том, какое необычное снаряжение принесли они с собой – стих, ружье и нож. С другой стороны, противник у них тоже необычный. И если ни одна из этих вещей не окажет нужного воздействия, то им не поможет и динамит.

«Что же все-таки не складывается?» – спросил он себя в очередной раз.

Акелос... Ее тщательно разработанный план, растянутый во времени: то, как она использовала Алехандро Герина, чтобы передать Сесару тайну дам, позже дополненную деталями, которые удалось собрать Раушену; то, как она оставила портрет и листок бумаги, чтобы он их нашел, а Сесар вспомнил легенду о поэтах и дамах; сны и филактерии в доме Лидии Гаретти и в психологическом центре; имаго. Все части этой головоломки крутились в его голове, побуждая составить из них фигуру, которая имела бы смысл.

Образ.

Они здесь для... для чего? Чтобы предотвратить уничтожение Акелос. Нет. Какого дьявола их должно это заботить?.. Какого дьявола это когда-нибудь должно было их волновать?.. На самом деле они здесь для того, чтобы уничтожить Сагу.

Чтобы отомстить.

Акелос была очень хитра. Она выбрала их некоторое время назад, сделав невольными героями неизвестной им драмы: он оказался местилищем, Ракель – бывшей Сагой, а Бальестерос помогал им попасть туда, где они сейчас оказались. Очень хитроумный план. Но в чем его цель?

Наверху горели звезды. В детстве отец пытался научить его узнавать самые главные созвездия. У каждого из них было имя, которое отличало его

от остальных. А ему тогда подумалось, что созвездия очень похожи друг на друга и только их имена придавали им нечто совершенно особенное...

«Что же это? Бога ради, что?»

Он попытался собрать воедино все, что знал, отойти назад, найти ключ, слово. Был уверен, что есть нечто, на что они не обратили внимания, что упустили.

Созвездия... Имена...

Внезапно он почувствовал, что девушка пошевелинулась. Слегка. Как будто ей захотелось сменить позу, но так, чтобы никто не заметил. Теперь ее рука коснулась его.

– Они там.

Он повернул голову по направлению к лужайке. Не увидел ничего странного. Стояла непроницаемая тишина.

– Что такое? – прошептал Бальестерос.

– Они там, – повторила девушка, напрягшись, как струна.

Но там были только лес и темень. Подул ветер. Облака, закрывавшие луну, разошлись. Серебряный свет высветил очертания деревьев и отбросил на землю тени. Тени стволов.

– Где? – спросил Рульфо.

– Там.

Тонкие тени стволов. Тени

с очертаниями

женщины. Тени неподвижных женщин. Женщин, стоявших перед ними в ряд, закосневших в холодности, с глазами, словно фосфоресцирующий халцедон, с вьющимися или прямыми волосами, подсвеченными луной, гладкой и такой нежной кожей, отливающей жемчужным блеском. Двенадцать обнаженных тел. Двенадцать женских фигур. Воздух наполнился характерным запахом крови, словно рты их были разверстыми ранами. Тишина была безграничной. Ничто не шевелилось на лужайке, казалось, что листья, трава и воздух являются частью декорации. Посреди этого безжизненного пространства стена из обнаженных, отливающих радугой тел выделялась, словно белесые потеки на черном фоне ночи.

– Они не могут видеть нас, – слышались слова Ракель. – У нас есть доступ. Не может быть, чтобы они нас видели.

Голос ее звучал убедительно, но ни Рульфо, ни Бальестероса он не успокоил.

У них всё – ритуал, понял он, придя в замешательство. Даже ярость,

даже распутство. Он представлял себе некий разнузданный и дикий шабаш ведьм, а видел перед собой безупречный церемониал, где каждый жест, казалось, выверялся веками.

Первые четыре дамы отошли на расстояние четырнадцати шагов, встали на колени в четырех углах воображаемого прямоугольника, в котором остались все остальные, и склонили голову. Следующая четверка отошла на одиннадцать шагов, и они сделали то же самое. Две следующие отмерили восемь шагов. Дама номер одиннадцать сделала четыре шага и опустилась на колени. Сага осталась в центре и подняла правую руку ладонью кверху. На ладони лежал небольшой предмет, поблескивавший в лунном свете. Рульфо узнал этот предмет. Это было имаго Акелос.

– Они разошлись, чтобы начать ритуал Активации, – шепнула Ракель.

Было заметно, как напряжено ее тело. Казалось, она высчитывает точный момент для нападения. Бальестерос, выглянув из-за ствола дерева, судорожно сжимал в руках ружье, но полностью утратил представление о том, что ему следует делать, и с недоверием разглядывал группу неподвижных фигур.

Почти музыкой зазвучал хор из двенадцати голосов, поднявшись дуновением ветра:

L'aura nera sì gastiga^[90].

Сага поместила фигурку в воздухе перед глазами, где та и осталась висеть, словно на невидимом гвозде. Пока дамы поднимались и вновь собирались, на этот раз вокруг фигурки, образуя широкий круг и взявшись за руки, тянулась пауза.

– Сейчас они будут читать филактерию задом наперед, чтобы ее Активировать, – прошептала Ракель.

Круг тоже строился не как попало: соблюдалась строгая иерархия группы, начиная с девочки Бакуларии и заканчивая Сагой. Каждая дама в свою очередь присоединялась к этому хороводу, берясь за руку уже вставшей в круг и протягивая свою для следующей. Все происходило с мерным совершенством, – так поэт последними штрихами доводит до уровня шедевра уже законченное произведение. При движении они не производили никаких звуков, – это были тела женщин, но казались они ангелами. И даже их нагота не вызывала в Рульфо никаких чувств, лишь слова.

– Когда вступаешь ты? – шепнул Рульфо Ракели, пока выстраивался

этот круг.

– Сейчас. Как только все встанут в круг, но до того, как начнут читать стихи. Это как раз тот момент, когда им можно будет причинить наибольший урон...

Она вдыхала и выдыхала, открывая и закрывая рот, поводила плечами, облизывала губы. Пот блестел на ее лбу и щеках, но не было похоже, что ею владеет страх. «Она сделает это. Она попытается. И если ее ждет провал, то мы уже ничем не сможем помочь».

И он вновь обвел взглядом поляну. Стрикс и Акелос, номер десять и номер одиннадцать, уже встали в круг. Не хватало только Саги. Он видел, как она, улыбаясь, сделала пару шагов с другой стороны от этой цепочки тел, протянула тонкие руки и сплела свои пальцы с пальцами Акелос и Бакуларии.

«Готово. Полный круг».

И в этот момент поднялась Ракель.

Она хорошо понимала, что нельзя тянуть время. Доступ открыл ей туннель, а в конце его – яблочко, в которое нужно целиться. Она сосредоточилась на хрупком теле Саги и произнесла свое оружие – Viento у agua – аллитерация завибрировала в воздухе – Muelen ran – смертельная точка в конце – Viento у agua – прибавила она еще силы. Дротик строфы слетел с ее губ и, пылающий, стремительный, понесся, словно исполненный любовной страсти взор.

Но за миг до того, как она метнула это оружие, Ракель поняла, что что-то пошло не так, что все плохо.

Дамы не шевельнулись, они не отреагировали.

«Они этого ждали. Это ловушка».

И тогда она почувствовала, как спина ее покрывается корочкой льда. Она почти что увидела, как строка Дамасо Алонсо, которую она так долго, с таким трудом оттачивала и шлифовала, теряет силу и беспомощно, даже не достигнув поляны, взрывается, оставив после себя в воздухе только певучее эхо, напоминавшее детскую песенку в школьном дворе на перемене.

Дамы разомкнули круг, и их лица обратились к ней. Наводящие ужас подсолнухи. Ни одно не выражало удивления. Все улыбались.

Проворнее, чем пикирующая за рыбешкой чайка, голос Саги заставил содрогнуться ночь:

El viento es un can sin dueño

Que lame la noche inmensa^[91].

Небывалый удар поразил девушку. Парализовал ее дыхание, волю, чувства. Из рта ее вырвался странный, похожий на крик глухаря, стон, а тело поднялось в воздух и было отброшено на несколько метров. Рульфо поразился тому, как сам он с абсолютной холодностью подумал, что даже ружье Бальестероса не могло бы произвести большего эффекта, чем это двустийшие Дамасо. В том числе оценил и иронию: Сага контратаковала стихами того же поэта.

Все произошло очень быстро. Тело девушки сломало несколько веток, прежде чем рухнуть в кусты, поднимая клубы пыли. И тут же, словно кто-то тащил ее за ноги, она подползла, пока не оказалась рядом с обоими мужчинами, где и осталась лежать на спине, с задранной на грудь свитером, обнажившим живот. Но она была жива. Тяжело дышала и мотала головой. Взгляд ее на долю секунды встретился с взглядом Рульфо, и он успел заметить, что в глазах девушки был не страх, а какая-то тоска, неизбывная печаль, словно она просила прощения за неудачу. Вдруг, с той же молниеносной быстротой, с которой совершалось теперь все, и с неприятным треском, из ее лодыжек и запястий показались тонкие гиалиновые нити, такие тонкие, что их едва можно было разглядеть. Появление их почти не сопровождалось кровотечением. Нити эти ловко изогнулись в воздухе и начали опутывать ее руки и ноги, в то же время обхватывая ближайшие стволы, привязывая и растягивая ее тело в виде креста. Девушка выгнулась дугой и испустила внезапный, непереносимый вопль. Низкое мычание чистой боли. Бальестерос не мог выбросить из головы свое понимание происходившего. «Ее нервы. Это нервы ее рук и ног. Боже мой, она ее связывает ее собственными нервами».

– Ты посмела использовать против нас поэзию... – произнесла с лужайки Сага, и несколько дам эхом присоединились к ней: «Ты посмела... поэзию...» Дама номер двенадцать продолжила – серьезно, невозмутимо: – В усадьбе мы оставили тебе жизнь в кредит. Сейчас же ты нам заплатишь и проценты. Ты нам скажешь, как получила доступ. Заговоришь, даже и без языка...

Девушка корчилась с открытым ртом, охваченная болью, которая лишила ее дара речи и сил, растерзала ее волю. Нервы прорастали сквозь ее плоть, подобно сорнякам. Они показались из живота, выталкивали глаза из орбит, прогрызали зубы, ползли червяками по позвонкам. Бесконечные удары хлыстом, продырявленные гвоздями и осколками ходы, вонзенные

шипцы, когти и зубы больных от ярости вомбатов.

Бальестерос отреагировал первым. Он не знал, ни что он делает, ни что он видит. Он был врач, но никогда не видел, не подозревал, что это возможно, даже не мог себе вообразить того, что происходило сейчас с девушкой. Он поднялся с такой стремительностью, какой трудно было ожидать от мужчины его комплекции. Его лицо казалось высеченным в мраморе.

Руки его дрожали, когда он поднимал ружье и прицеливался.

– Нет! – кто-то старался удержать его (голос Рульфо, наверное). – Прочь отсюда!.. Беги!..

Но он, естественно, уже давно убежал. Он был уже не здесь, а в своем кабинете или дома перед телевизором, в скромном одиночестве. Тот, кто держал ружье и целился в эту цепь из двенадцати фигур, был не он, а его обезумевший двойник. Ничто из того, что он делал или видел, не имело ничего общего с реальностью.

Свет исчез раньше, чем оглушительный звук, но когда затих и он, Бальестерос смог убедиться в двух вещах: что ему удалось выстрелить сразу из двух стволов одновременно и что дамы продолжали стоять, совершенно невредимые, внимательно разглядывая его.

«Дайте мне время, – подумал он, понимая, что желание его абсурдно и бесполезно. – Только дайте мне время».

Он переломил ружье и достал запасные патроны. «Дайте мне время». Вставил первый патрон. Услышал женский голос и увидел, как та, что занимала четвертое место, – молодая девушка с темными волосами и невинным лицом, чьим символом была змея, укрывшаяся в ложбинке между грудями, – начала с улыбкой на губах что-то говорить.

И в этой улыбке он увидел смерть.

Скормлю твое сердце^[92].

Он не понял, было ли это стихом, не узнал, кто мог быть автором и каков эффект этой строки, но с абсолютной уверенностью ощутил, что все для него закончилось. «Это конец», – успел подумать он за те доли секунды, пока дама декламировала строку. Хотел вспомнить Хулию. Хотел сделать это сознательно, пока еще мог распоряжаться своими мыслями, желаниями, пока при нем была его воля. «Люблю тебя», – успел подумать он. Внезапно жуткая, нестерпимая боль, глубокая и жесткая, как укусы ротвейлера, вонзилась в его голову. Он выпустил из рук ружье, пошатнулся,

ударился о ствол дерева.

И больше он не смог подумать ни о чем.

Упругие струи крови хлынули из носа, глаз и ушей доктора, как будто его череп взорвался изнутри. Крик его превратился в неразборчивое бульканье, а тело еще раз, потом другой ударилось о ствол. И все затихло. Бальестерос, все еще стоя на ногах, стиснул руками виски, будто хотел проверить, что же в точности произошло с этой тыквой. И тогда еще один, седьмой по счету глоток воздуха свалил его на землю.

Рульфо почувствовал не страх, а глубочайшее сожаление, которое сдавило ему горло и выжало из глаз слезы. Он больше всего на свете желал, чтобы друзья его избежали подобного финала. Это он потерпел неудачу, не они.

И он решил, что не может их предать.

Он схватил нож, встал, пошел к лужайке. Но не торопился: шагал размеренно, с нехарактерным для себя спокойствием, словно собирался пожать руку или поцеловать в губы одну из этих неподвижных фигур. Высмотрел рыхлое и бледное тело толстой женщины и свернул, направившись прямо к ней.

Дама, чуть кося глазами, глядела на него: фиолетовые губы на лице – длинные, как ящери. Она начала декламировать:

– *Comme le fu...* – Остановилась, встряхнула головой, поправилась: – *Comme le fruit foi...* Нет, что-то не так... *Comme le fufu...*

Дамы отреагировали язвительным смехом. Толстая дама покраснела.

– Не заставляйте меня нервничать, сестры...

Рульфо все приближался. Его взгляд внушал ужас, но толстая дама несколько не испугалась.

– Ах да!.. – Брызги слюны вылетали из ее рта, пока она декламировала, указывая на Рульфо пальцем:

Comme le fruit se fond en jouissance^[93].

И как раз в тот момент, когда он поднял свой кинжал, необоримая слабость заставила его упасть на колени, как пустой мешок, а потом растянуться на земле. Он не то чтобы потерял способность двигаться – он весь обмяк, чувствуя, что вес охотничьего ножа ломает ему пальцы, а откуда-то с высоты доносится голос дамы:

– Ну и чего вы смеетесь? Я уже стара, память подводит...

Ярость овладела всем его существом, и он сделал невозможное, чтобы

подняться. Но стих Поля Валери погрузил его в некую бесчувственную пустоту, кладбище разбитой параличом плоти, некую трясины, со дна которой он безо всякой надежды мог лишь любоваться ногами своих мучительниц. И тогда прозвучал голос Саги:

– Какие жалкие и пафосные существа! Несмотря ни на что, вы всего лишь тела, с которыми мы можем делать все что угодно... Но сначала мы уничтожим имаго. А потом займемся вами. Жизнь рождается из слов и вращается вокруг них: пока не будут произнесены последние, вы будете живы и сохраните сознание, достигнете дна и увидите то, что сокрыто в корнях мира, в самом центре реальности, посреди льда и молчания. И это сокровенное посмотрит на вас. И время это не будет для вас самым приятным, но могу вас уверить, что оно будет очень *долгим*.

Круг восстановился. Позиции, сплетенные руки. Рульфо смотрел на все это, лежа на траве. В нескольких сантиметрах от его головы ступали пятки, голые белые ноги, чьи – неведомо.

Круг. Позиции и иерархия. Имена и созвездия. Ни одна дама не могла отклониться от своей позиции, своего порядка, своего секретного имени, своего символа...

имаго

«Имена. Имена звезд и созвездий. Но созвездия так похожи друг на друга... и только имена различают их».

имаго. план

Вдруг ему все стало совершенно ясно.

имаго. план и есть имаго

Gastiga sí nera l'aura. Филактерия была прочитана в обратном порядке. Тишина. И вот ноги отодвинулись от него. Круг снова распался. Он подумал, что Сага, скорее всего, только что сделала то же открытие, что и он.

Но она опоздала – ровно на одну секунду.

Имаго. План и был имаго.

«Вы только что его Активировали. Но это имаго не Акелос, идиотки».

Он не знал, что происходит, хотя хаос, возникший вокруг, был налицо.

Улыбаться он не мог, но его мысли внезапно сами заулыбались в нем.

«Нечто столь элементарное, но такое непостижимое для вас... Имена, слова, создающие вашу уникальную идентичность... Слова имен...»

В поле его зрения попала еще одна пара босых ног. Он увидел незнакомку, которая шла навстречу дамам. На мгновение ему показалось, что это Ракель. Но это была не она. Он никогда ее не встречал, по крайней мере в этом виде. Татуировка на спине исчезла. Он почти расхохотался внутри своего обездвиженного тела.

«Вы Активировали имаго Ракели, глупые. Без сомнения, Акелос обменяла их задолго до своей смерти. Как она это сделала?.. Стерла имена, подменила имаго, погрузила свою собственную фигурку в воду, Устранила сама себя и спрятала имаго Ракели, которая и была той фигуркой, которую вы засунули в аквариум и которую теперь Активировали... Но Ракель-то не была мертва: она находилась здесь, в теле девушки. В этом и заключался весь план: привести нас сюда и заставить ждать этого момента...»

Настоящая Ракель оказалась ниже ростом, чем девушка, хотя сложена была превосходно. У нее были короткие, соломенного цвета волосы. Рульфо мог видеть ее только со спины.

«А одна из ваших легенд утверждает, что не может быть двух дам на одной ступени иерархии в шабаше... потому что прежняя имеет преимущество».

Дамы расступались перед вновь прибывшей, почтительно опуская глаза и молча дрожа. Рульфо не мог видеть выражение лица Саги, но он молился про себя, чтобы оно было точно таким, как он его себе представил.

В темной глубине тела Жаклин никогда не мигающие глаза увидели приближающуюся Ракель и простились со светом.

К тому же она была уже не только Ракелью. Она снова стала Сагой. И Жаклин не могла отвести глаз от ее царственной фигуры, ее благородных движений и угрюмой серьезности лица, на котором переливами опала сверкали глаза. Жаклин ощутила собственную слабость, свою *ничтожность* и поняла, что снова становится ее вечной служанкой. И эта Сага приближалась к ней с величавой грацией королевы. Или тигрицы.

Несмотря на охвативший ее бездонный ужас, Жаклин не могла не удивляться грандиозному и такому простому плану Акелос – той канве, которую сумела соткать Дама Судьбы. Все стало для нее очевидным, таким очевидным, что, кроме ужаса, ее охватило и некое радостное чувство. Она всегда очень ценила знание, и теперь она знала все.

Она узнала, почему ни одна из них не могла *увидеть* имаго: их усилия

были направлены на имаго Акелос, но ведь это *было имаго не Акелос*. Она узнала, почему Ракель обрела память: имаго, которое она вынула из воды, было ее *собственным*, и как только оно оказалось вне воды, появились и воспоминания. Узнала она также, почему Акелос привлекла своими филактериями человека-вместилище, почему подстроила его встречу с Ракелью и изъятие фигурки: было необходимо, чтобы они открыли себе доступ на *шабаш* и оказались здесь этой ночью. Поняла она и то, зачем Ракель должна была пройти этот долгий и тягостный путь к себе: если бы она его не прошла, возвращение власти и возможностей Саги в сознание обычной девушки вызвало бы ее смерть. Теперь наконец Жаклин знала все.

Акелос просто-напросто поменяла слова на восковых фигурках и написала филактерию, чтобы никто не смог об этом узнать. Гениально: когда слова меняются местами, нет слов, которые об этом сообщили бы.

Все это время она беспокоилась из-за не той фигурки.

И еще бо́льшая уверенность потрясла ее: Акелос предвидела, что *шабаш* изгонит Ракель и что она, Жаклин, возьмет власть в свои руки, и она все приготовила для того, чтобы остановить этот процесс. Не было, никогда не было другой предательницы, кроме Акелос. Даже из-за порога смерти, даже будучи Устраненной, она дергала за нити, чтобы добиться... чего? Вернуть изгнанную Сагу и уничтожить ее. Восхитительно.

И если все это верно, в таком случае сын Ракели...

Тронутая этим последним открытием, она упала на колени, одновременно снимая со своей груди символ – маленькое золотое зеркало – и протягивая его своей бывшей королеве. Она прекрасно знала, что ее ждет. Знала, что Ракель по отношению к ней будет испытывать еще меньше жалости, чем она сама по отношению к девушке: она превратит ее в нечто худшее, чем тело посторонней. Это будет намного страшнее, чем пороть ее хлыстом, отдать ее посторонним, унижать или пытаться ее и убить того, кого она больше всего любит. Ужасная месть, которую она уже предвидела, наказание, которому, без сомнения, ее подвергнут, заставляли ее трепетать, стучать зубами... Ей трудно было дышать. Но то, что она наконец все это поняла, добавило к этим мыслям нечто, чего она и сама не ожидала.

Она улыбнулась.

Дама номер двенадцать, только что возведенная на трон, взяла свой символ, надела на шею и взглянула на бывшую служанку, стоявшую на коленях у ее ног: она выглядела как замерзающая девчонка – отбившаяся от школьной группы туристка, потерявшая всю одежду где-то в лесу.

Ничем другим она уже не была.

Ракель не хотелось с ней говорить. И даже смотреть на нее. У нее было много, очень много планов мести, причем хорошо продуманных, но у нее еще будет время, чтобы выполнить задуманное. Тем не менее она решила задать один вопрос. Единственный, который вообще хоть когда-нибудь ей задаст. Последние слова, обращенные к той, на которую она вскоре обрушит лавину всех возможных видов боли, обрушит на то, что теперь было лишь хрупким голым телом. Она произнесла эти слова холодно, сквозь зубы, едва слышно:

– Почему ты убила моего сына?

Она была поражена, услышав немедленный ответ:

– По той же самой причине, по которой ты его зачала, хотя и сама этого не знаешь. – Жаклин не решалась поднять глаза, хотя продолжала улыбаться. – Чтобы Акелос смогла со мной расправиться.

Рульфо уже был далеко от них. Глаза его закрывались. Ему было приятно, что последняя картина, которую он увидел, была такой: толстая женщина, отделенная от всех остальных, бледная, дрожащая, тщетно взывающая о помощи, понимающая, что ее судьба уже решена, так же как и судьба Саги...

Но в то время как тела дам и трава, на которой он лежал, начинали сливаться для него в сплошное чернильное пятно и тьма, как последняя часть картины, вползала в его зрачки, на него обрушилось новое чувство – странное, необъяснимое: ему показалось, что это галлюцинация. Будто он сошел с ума после гибели Беатрис и все это – «ведьмы», «стихи силы», «сверхъестественная месть» – не более чем результат его состояния,

последнее звено

его

безумия.

И, обретя эту уверенность, он погрузился во мрак.

Эмма приехала навестить его на рождественские каникулы и нашла, что брату стало хуже. Он потерял аппетит и казался погруженным в ледяную апатию. Тем не менее пить он перестал. Как будто в какой-то момент уходящего года он разом избавился и от пороков, и от добродетелей и теперь ждал, пока вновь наполнится хоть чем-нибудь.

– И с каких пор ты так себя чувствуешь?

Он только молча пожал плечами.

Она думала, что хорошо его знает: брат ее был человеком эмоциональным, возможно чрезмерно эмоциональным, но после гибели

любимой девушки, случившейся чуть больше двух лет назад, вся его энергия как будто устремлялась в глубокий-преглубокий колодец, из которого он уже и не пытался выбраться. Она поняла, что ему нужна помощь, связалась с кое-какими мадридскими друзьями и вскоре объявила ему, что готова оплатить курс психологической помощи в одном из специализированных учреждений. К ее удивлению, он согласился.

Во вторник на следующей неделе, закончив работу (он устроился в школе уборщиком; сестра подняла страшный шум, но он заверил ее, что его это устраивает и он вполне счастлив; работать преподавателем он и не думал: не хотел преподавать литературу; он теперь мыл полы, и ему нравилось, что это требует определенных физических усилий), он вспомнил, что сегодня у него первый сеанс в психологической консультации.

Ему не хотелось расстраивать Эмму тем, что пропустит первый же сеанс, так что он сел в машину и отправился туда.

Пройдя через стеклянные раздвижные двери, обрамленные двумя елочками, он замер на месте, разглядывая вестибюль. Секундой позже подошел к стойке регистрации, охваченный сильнейшим беспокойством. «Центр Мондрагор» – значилось на бедже, приколотом к блузке девушки. Он назвал свое имя, и та ввела его в компьютер.

– У вас консультация с доктором Хименес Расо на втором этаже. Комната Е1.

Он собрался уже поблагодарить, но вдруг его снова как будто парализовало.

– Какую вы назвали комнату?

Она повторила. Если выражение лица этого мужчины ее и удивило, она не подала виду. Скорей всего, она полагала, что в такого рода учреждения приходят как раз странные люди.

Он шел по коридору, как во сне. Не понимая, что происходит, он встревожился, ладони вспотели. Немного успокоился, когда вошел в лифт, но, выйдя из него на втором этаже, вновь застыл как вкопанный перед рядом зеркал, украшавших коридор. Дверь Е1 отражалась в первом зеркале. Он тихонько постучал костяшками пальцев, и из-за двери послышался голос, приглашая его войти.

Доктор София Хименес Расо сидела за письменным столом. У этой молодой женщины было веселое лицо и блестящие глаза. Но когда Рульфо сел напротив, то устремил он свой взгляд вовсе не на нее: глаза его оказались прикованы к стене за ее спиной, они словно чего-то искали.

– Извините... а что, сняли... рамочку с этой стены?

Психолог выгнула бровь дугой. Из всех самых неожиданных способов начинать разговор, которые она отмечала у своих пациентов, манера этого парня, несомненно, была достойна диплома первой степени.

– Рамочку?

– Да... Что-то в этом роде... диплом или...

– Вы бывали здесь раньше?

Рульфо молчал. Потом сказал:

– Нет. Я, наверное, с чем-то спутал.

– Могла бы висеть, прекрасно могла бы, – подхватила она, улыбаясь. – Я здесь недавно. Месяц назад этот кабинет занимал другой доктор. И конечно же, у него висели на стене дипломы. Поэтому я и спросила.

Рульфо кивнул. Сеанс начался.

Вскоре он подумал, что ему нравится эта женщина. Красивой она не была, взгляд ее не был ни глубок, ни как-то особенно выразителен, но она оказалась прекрасной собеседницей, улыбка освещала ее лицо, а ответы попадали в точку и были разумны. Но больше всего ему нравилась ее улыбка. Иногда ему даже казалось, что он острит только для того, чтобы еще раз увидеть улыбку на этом лице.

– А вы довольно-таки молчаливый человек, – услышал он ее приговор на втором сеансе.

– Все мы такие внутри, – ответил он.

– Но снаружи таких, как вы, совсем немного.

Отвечать на это Рульфо не захотел. Ему подумалось, что внутри тела нет света и почти отсутствуют звуки – только стук сердца. Слова же идут не из тела. Они приходят издалека и в головы людей забредают погостить.

И в этот самый момент его посетили новые слова и образы.

Но говорить об этом он не хотел.

Другой его привычкой стали прогулки до поликлиники в Чамбери, где он поджидал, пока доктор Бальестерос окончит прием. Вначале он делал это пару раз в неделю, позже сократил количество визитов – раз в месяц или через месяц. Но всегда бывал принят тепло. Они с доктором вместе выходили из поликлиники, устраивались в каком-нибудь кафе выпить чего-нибудь безалкогольного и разговаривали. Бальестеросу нравился этот скромный и хорошо образованный молодой человек с сумеречным взглядом. Они стали друзьями с тех пор, как Рульфо в первый раз появился в его кабинете в середине октября прошлого года с жалобами на странные кошмары, которые больше не повторялись, с чем Бальестерос себя и поздравил.

Тем вечером Бальестерос показывал ему фотографии первой внучки. На лице его цвела горделивая улыбка деда-дебютанта: это был человек, которого переполняло счастье, и он решил поделиться им с Рульфо. Отдав должное прелестям малышки, Рульфо сказал:

– Сестра оплачивает мне сеансы психотерапии в одном частном центре. Она считает, что у меня депрессия.

– Это она хорошо придумала. И как, помогает?

– Чувствую я себя намного лучше. То, что случилось с Беатрис, я уже принял.

Доктор выгнул седые брови, выражая восхищение. Его другу довольно редко удавалось упомянуть имя этой девушки, не прослезившись. Потому он расценил это как явное улучшение.

– Это просто замечательно! – сказал он.

– Но есть и кое-что еще. – Рульфо пристально посмотрел на него. – Посещение этого центра кое о чем мне напомнило... О позабытом. Не смотри на меня так, я не сошел с ума. Наткнулся на что-то вроде торчащего конца нити, дернул за него, и теперь вспомнилось все... – Вдруг он облокотился на столик и заговорил другим тоном: – Эухенио, ты помнишь о кошмарах, которые мучили тебя в прошлом ноябре? Те, о которых ты мне рассказывал?..

Бальестерос нахмурился:

– Единственное, что со мной было в прошлом ноябре, – это сильные головные боли. Но теперь все в порядке, ты же знаешь.

– Но кошмары тоже были... Тебе снился лес, полный крови, пара блестящих глаз, белокурая девочка, которая живет под твоей кроватью...

– Ах это... – Бальестерос рассмеялся. – Эти сны были связаны с Хулией. Но они прекратились. И я тоже начал принимать свое горе.

По-видимому, не этого ответа ждал от него друг. И он придвинулся к доктору поближе:

– А ты не припоминаешь девушку с длинными черными волосами, очень красивую?.. Ну ладно, вижу, что нет. – И он махнул рукой, как бы отменяя ответную реплику Бальестероса. – Я тоже ничего не помнил до недавнего времени. Знаешь, что я думаю?.. – Он колебался, словно не решаясь продолжать. Но все же сказал: – Думаю, что она стерла нашу память. Начисто. И сделала это, чтобы спасти нас.

– Кого ты имеешь в виду?

– Это логично. Нас нельзя было оставить в живых, если бы мы знали все то, что узнали, но она не захотела нас убивать. Тебя она оживила, вылечила все наши раны, стерла все следы произошедшего, включая и

наши воспоминания...

Серые глаза доктора стали огромными, словно тарелки.

– Саломон, а ты уверен, что эта терапия, которую ты проходишь, идет тебе на пользу?

Рульфо не ответил. Ее образ, когда она склонялась над Бальестеросом и потом над ним, а затем удалялась по направлению к группе, был последним, что сохранил его мозг, перед тем как он проснулся в собственной спальне в то ноябрьское воскресенье прошлого года. Он всегда думал, что это лишь сон, но теперь был практически уверен, что все было самой настоящей реальностью: дамы, трагедия Сесара и Сусаны, правда о Беатрис Даггер... Почти уверен. «Хотя, чтобы оставаться в живых, мне следовало бы считать, что все это мне приснилось», – подумал он.

И с той же долей уверенности он осознал, глядя на удивленное лицо своего друга, что их двоих дамы уже никогда не побеспокоят, потому что они перестали быть им интересны. Они с Бальестеросом были важны, пока служили составной частью плана, слов, стихов. А сейчас они всего лишь обычные люди. И они живы.

Рульфо спросил себя, счастлива ли она, и пожелал, чтобы было так. Теперь, когда она снова встала во главе группы, она, возможно, нашла свое место. Вполне могло быть, что прежняя Акелос тоже вернулась. Что же касается ее сына... Что она сказала ему той ночью, прежде чем они сели в машину и отправились в лес? «Забвение – это судьба». Она была права, и сейчас он это понимает. Жизнь, настоящая жизнь, существует в настоящем, она схвачена «полярOIDом» и лежит на столе – с огромными глазами, распахнутыми в мир. Первая внучка Эухенио Бальестероса.

– Не волнуйся, – улыбнулся Рульфо. – Со мной все хорошо, Эухенио. И все уже кончено.

Друг взглянул на него после небольшой паузы – короткой и полной чувств, как объятие.

– Что ж, я рад, как бы там ни было, – сказал он наконец.

Общество Софии Хименес с каждым сеансом нравилось ему все больше. И становилось очевидно, что чувство это взаимное. Однажды она заговорила с ним откровенно: она в разводе и не собирается заводить новых отношений, связанных с любовью и взаимными разочарованиями. Единственное, чего она хочет, – это крепкой дружбы и полного взаимопонимания. Но как раз того же хотелось и Рульфо, о чем он ей так прямо и сказал. Они продолжили встречаться, однако особенно счастливой сделала ее одна деталь.

– Ты еще не посвятил мне ни одного стихотворения. Поэт называется! Но ты не думай, я не упрекаю: мне это как раз нравится. В противном случае я сочла бы это признаком незрелости.

Начиная с той минуты он стал задумываться об этом. И вот однажды, едва запахло весной, солнечным вечером он открыл тетрадь и оказался перед вызовом чистой страницы. Его охватило знакомое чувство. Он взял карандаш. В полной уверенности, что, без сомнения, это будет его последнее стихотворение. К нему уже подступало молчание – молчание с плотью облака и красками мечты. Он подумал, что, возможно, проживет еще немало лет. Даже может случиться, что он познает такое же счастье, какое выпало Бальестеросу с его детьми, но уже никто не отнимет у него этого глубокого молчания тела.

Блаженное молчание.

И он начал писать:

За окном еще блещет солнце
Уже нет слов
Чтобы чувствовать

Вдруг он остановился. Его осенило.

Он понял, что полностью лишен вдохновения. «Музы оставили меня. Совсем». И осознание этого отсутствия чуть не насмешило его.

Тем не менее он продолжил писать:

Снисхожу,
Всего лишь вниз схожу
И что я вижу
Что я вижу?
Там
Внизу
Что
?

Примечания

Перевод М. Лозинского. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

Сернуда Бидоу Луис (1902–1963) – выдающийся испанский поэт и литературный критик, представитель так называемого поколения 1927 г.

Тортилья – испанский омлет с картошкой.

«Даю, чтобы ты дал» (*лат.*) – формулировка одного из принципов римского права.

Оссобуко – традиционное блюдо итальянской кухни – тушеная телячья голяшка.

Блейк Уильям (1757–1827) – английский поэт и художник.

Браунинг Роберт (1812–1889) – английский поэт.

Бёрнс Роберт (1759–1796) – шотландский поэт.

Мильтон Джон (1608–1674) – английский поэт, политический деятель.

Неруда Пабло (1904–1973) – чилийский поэт и дипломат, лауреат Нобелевской премии по литературе (1971).

Гарсия Лорка Федерико (1898–1936) – испанский поэт, драматург, музыкант, график, центральная фигура «поколения 1927 г.».

Тициан (Тициано Вечеллио) (ок. 1476/77 или 1489/90–1576) – итальянский живописец, глава венецианской школы Высокого Возрождения.

Ватто Антуан (1684–1721) – французский живописец и рисовальщик.

Мане Эдуар (1832–1883) – французский живописец, один из основоположников импрессионизма.

Под защитой луны молчаливой (*лат.*; песнь 2, стих 255); пер. С. Ошерова.

Слово «ретиро», служащее названием парка, имеет в испанском языке несколько значений, среди них – «уединение, скромное убежище, выход в отставку, удаление на покой». На этой многозначности основана игра слов в следующем предложении.

«Дьяволята Ундервуд» (Diablitos Underwood) – марка консервированного ветчинного паштета.

Кроули Алистер (1875–1947) – английский поэт, оккультист, каббалист и таролог, известен как черный маг и сатанист.

Кейтеринг – система доставки готовых блюд.

Гонгора-и-Арготе Луис де (1561–1627) – испанский поэт, основатель барочного направления в испанской поэзии.

Гёльдерлин Фридрих (1770–1843) – немецкий поэт-романтик.

Целан Пауль (1920–1970) – немецкоязычный поэт и переводчик, один из лучших послевоенных поэтов.

Мериме Проспер (1803–1870) – французский писатель, мастер новеллы, драматург, переводчик.

Китс Джон (1795–1821) – английский поэт-романтик.

Шелли Перси Биши (1792–1822) – английский поэт-романтик.

Грейвс Роберт (1895–1985) – английский писатель и переводчик.

Борхес Хорхе Луис (1899–1986) – аргентинский прозаик, поэт и публицист; один из основателей авангардизма в испаноязычной латиноамериканской поэзии.

Упомянутый поэт – У. Шекспир. Цитируется часть реплики Полония на монолог Гамлета: «Хоть это и безумие, но в нем есть последовательность (метод)».

Марвелл Эндрю (1621–1678) – английский поэт, один из последних представителей школы метафизиков.

Ла-Вей Антон Шандор (1930–1997) – основатель и верховный жрец организации «Церкви Сатаны», автор «Сатанинской библии», известный как создатель авторского варианта сатанизма.

Три строки (303–305) из первой поэмы «Одиночеств» (другое название – «Уединение в поле») Луиса Гонгоры-и-Арготе (пер. А. Горбовой).

Стихотворение звучит так, пер. Л. Ситника: «Росток, листок и лепесток, / и солнца утренний поток – / Роса в траве – пчела иль две – / Едва заметный ветерок / И я – цветок» (англ.).

Дикинсон Эмили (1830–1886) – американская поэтесса; лирика опубликована посмертно (в 1890 г.).

Строки из поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай» (кн. 2), пер. Арк. Штейнберга: «И черный пламень с той же силой; Божий / Престол зальем чудовищным огнем / И серой Пекла – тем, что Он для нас / Назначил» (*англ.*).

Валери Поль (1871–1945) – французский поэт, эссеист, философ.

Малларме Стефан (1842–1898) – французский поэт, один из вождей символизма.

Альберти Рафаэль (1902–1999) – испанский поэт и драматург.

Проперций Секст (ок. 50 до н. э. – ок. 15 до н. э.) – древнеримский элегический поэт.

Мачадо Антонио (1875–1939) – испанский поэт «поколения 1898 г.».

От начала, с самого начала (*лат.*).

Аллюзия на один из главных детских праздников в Испании – Ночь королей-волхвов (6 января). Этот праздник в определенном смысле является аналогом Рождества, потому что именно в эту ночь дети получают подарки.

Рапсодом – здесь: комната для декламации стихов; по-видимому, авторский неологизм, образованный от *ит.* rapsodo, восходящего к *греч.* rhapsoidós – бродячий поэт, певец рапсодий.

Строки из стихотворения английского поэта Уильяма Блейка «Больная роза», пер. В. Потаповой: «О роза, ты больна! / Во мраке ночи бурной / Разведал червь тайник / Любви твоей пурпурной».

Беккер Густаво Адольфо (1836–1870) – испанский поэт-романтик.

Здесь: «в качестве почетного гостя» (лат.).

Буквально, здесь: «прямо, откровенно» (лат.).

По желанию, по собственному усмотрению (*лат.*).

Кавафис Константинос (1863–1933) – греческий поэт из Александрии, один из наиболее известных, писавших на новогреческом языке.

Сафо (Сафо) (ок. 630 до н. э. – ок. 570 до н. э.) – древнегреческая поэтесса.

Бодлер Шарль (1821–1867) – французский поэт, предшественник французского символизма.

Верлен Поль (1844–1896) – французский поэт-символист.

«Петр во всем» (*лат.*) – выражение используется для того, чтобы поддеть наиболее заинтересованного в ситуации собеседника.

Строка из сонета «Гласные» французского поэта Артюра Рембо (1854–1891), пер. Е. Бекетовой: «А – бархатный корсет на теле насекомых, которые жужжат над смрадом нечистот».

Еще одна строка из того же произведения: «Е – белизна холстов, палаток и тумана. / Блеск горных родников и хрупких опахал!»

Из сонета «Гласные» А. Рембо, пер. Е. Бекетовой: «И – пурпурная кровь, сочащаяся рана, / иль алые уста среди гнева и похвал».

Из сонета «Гласные» А. Рембо, пер. Е. Бекетовой: «У – трепетная рябь
зеленых волн широких, / спокойные луга, покой морщин глубоких / на
трудовом челе алхимиков седых».

По Эдгар Аллан (1809–1849) – американский писатель, поэт, эссеист, представитель американского романтизма.

Элиот Томас Стернз (1888–1965) – американо-английский поэт, драматург и литературный критик, представитель модернизма в поэзии.

Граф Лотреамон (наст. имя Изидор Люсьен Дюкасс; 1846–1870) – французский прозаик и поэт, поздний романтик, предтеча символизма и сюрреализма.

Ряд французских слов: «Прекрасное... игральные кости... схвачены...» Выражение «les dés sont pipés» (*фр.*) имеет значение «это дело нечистое».

Ничего сверх меры (*лат.*).

Буйабес – рыбная похлебка с чесноком и пряностями, уха по-марсельски.

Строка из стихотворения Хуана де ла Круса «В ночи благословенной...», пер. Вл. Васильева: «О ночь, как утро мая! / О ночь, моя благая проводница! / О ночь, когда смогла я / С любимым обручиться, / В любимого смогла преобразиться!» Более близок к оригиналу перевод – «Любимая в любимом преображенная» (*исп.*).

Де ла Крус Хуан (св. Иоанн Креста; 1542–1591) – христианский мистик, католический святой, писатель и поэт.

Строка из стихотворения испанского поэта Федерико Гарсии Лорки
«Крик», пер. М. Цветаевой.

Билли Холидей (наст. имя и фам. Элеанора Фейган; 1915–1959) – американская джазовая певица.

Песня «Tenderly» («Нежно») входила в репертуар Эллы Фицджеральд:
«Вечерний ветер ласкал деревья... нежно. / Трепещущие деревья
принимали ветер... нежно. / Тогда ты и я странствовали, / Мы были
потеряны во вздохе...» (англ.)

Берег поцеловали море и туман... нежно... (англ.)

Твои руки распахнуты широко... *(англ.)*

И заключили меня в объятия... (англ.)

Ты получил мои губы, мою любовь... *(англ.)*

Так нежно... (англ.)

Хименес Хуан Рамон (1881–1958) – испанский поэт, один из лучших лириков в испаноязычной поэзии, лауреат Нобелевской премии по литературе (1956).

Строка (с пропусками) из индийской легенды «Предводитель с красными руками» Адольфо Густаво Беккера (1836–1870), крупнейшего испанского писателя-романтика, из его сборника «Рифмы и легенды»; в полном виде этот фрагмент выглядит так: «quiero beber en ellos la muerte en una copa de rubí» – «хочу испить в них смерть из рубинового кубка» (исп.).

Ариосто Лудовико (1474–1533) – итальянский поэт.

Испанское слово *milano* означает «коршун».

Строка из «Генриха фон Офтердингена» Новалиса (псевдоним барона Фридриха фон Гарденберга; 1772–1801, немецкого философа, писателя и поэта); соответствующие два стиха в переводе Вяч. Иванова звучат так: «Под чужими небесами / Я нашла немилый рай» (нем.).

Пеман-и-Пемартин Хосе Мария (1897–1981) – испанский писатель, журналист, поэт, романист, драматург и эссеист.

Омар Хайям (ок. 1048 – после 1122) – персидский поэт, математик и философ.

Салинас Педро (1891–1951) – испанский поэт, филолог, переводчик, один из виднейших лириков «поколения 1927 г.».

Гильен Хорхе (1893–1984) – испанский поэт, один из представителей «поколения 1927 г.».

Йейтс Уильям Батлер (1865–1939) – ирландский поэт и драматург.

Донн Джон (1573–1631) – английский поэт и проповедник, крупнейший представитель литературы английского барокко, так называемой метафизической школы.

Алейсандре-и-Мерло Висенте (1898–1984) – испанский поэт, представитель «поколения 1927 г.»; лауреат Нобелевской премии по литературе 1977 г.

Вордсворт Уильям (Уордсуорт; 1770–1850) – английский поэт-романтик, условно относимый к так называемой озерной школе.

Паунд Эзра Уэстон Лумис (1885–1972) – американский поэт, переводчик и литературный критик.

Алонсо Дамасо (1898–1990) – испанский поэт и филолог, представитель «поколения 1927 г.».

Ветер и вода мелют хлеб, / Ветер и вода (*исп.*).

Строка из стихотворения «Ист Коукер» Томаса Элиота, пер. С. Сухарева: «Старый камень – в новый дом, старая доска – / в новый костер, / Старый костер – в золу, зола – в землю, / Которая вот уже мясо, шкура, помет, / Кости скотины и человека, стебель злака и лист» (*англ.*).

Фрагмент из «Божественной комедии» Данте Алигьери («Ад», песнь 5-я, строка 51-я); часть предложения, которое в переводе М. Лозинского выглядит следующим образом: «И я сказал: „Учитель, кто они, / Которых так терзает воздух черный?“» (*ит.*).

Первые две строки из стихотворения Дамасо Алонсо «Ночной ветер»:
«Ветер – пес без хозяина, / Что лижет бескрайнюю ночь» (*исп.*).

Строка из стихотворения Мигеля Эрнандеса (1910–1942) «Элегия» (1936), написанного на смерть друга поэта, Рамона Сийе, и вошедшего в сборник «Неугасимый луч», в оригинале (*исп.*) звучит так: *Daré tu corazón por alimento.*

Строка из стихотворения Поля Валери «Морское кладбище», пер. Е. Витковского: «Как для плода нет радости безбрежней, / Чем в сладость обратить свой облик прежний – / Вот он вошел в уста, и вот исчез, – / Так я вдыхаю дым, которым буду; / Душе сгоревшей внятн отовсюду / Прибой, представший пением Небес» (фр.).